с(с)27
К 63

Комсомол в боях за Родину

9(с)27
К63
2-57
Смерть немецким оккупантам!
ОРОБ-59

Комсомол в боях за родину

Вступительная статья
М. И. КАЛИНИНА

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1942

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
И. М. ВИДЮКОВ, Н. Н. ДАНИЛОВ,
Н. А. МИХАЙЛОВ, С. П. МИШАКОВА, В. А. САФОНОВ,
А. А. ФАДЕЕВ, Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ФРОНТ, КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН, ВЫБОРА БЫТЬ НЕ МОЖЕТ. ИХ ЛОЗУНГ ДОЛЖЕН БЫТЬ — СМЕРТЬ ИЛИ ПОБЕДА.

ЛЕНИН

У КРАСНОЙ АРМИИ ЕСТЬ СВОЯ БЛАГОРОДНАЯ И ВОЗВЫШЕННАЯ ЦЕЛЬ ВОЙНЫ, ВДОХНОВЛЯЮЩАЯ ЕЕ НА ПОДВИГИ. ЭТИМ СОБСТВЕННО И ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ЧТО ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА РОЖДАЕТ У НАС ТЫСЯЧИ ГЕРОЕВ И ГЕРОИНЬ, ГОТОВЫХ ИТТИ НА СМЕРТЬ РАДИ СВОБОДЫ СВОЕЙ РОДИНЫ.

СТАЛИН

Люди нашей страны, да и не только нашей, по воле фашизма переживают тяжелое время. Немецкие мракобесы вообразили себя творцами мировой истории, могущими по своему произволу заставить ее итти вспять. На нашу страну, на наш народ легла обязанность защиты прогрессивного развития человечества от варваров XX века.

Третьего июля 1941 года Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, обращаясь по радио к советскому народу, армии и флоту, говорил: «В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ».

Вполне естественно, что защищать родину в первую очередь пришлось молодежи, так как кадровая армия состоит в основном из молодежи. Молодежь, комсомол, как наиболее активная часть населения, заполняет ряды армии и участвует в партизанских дружинах.

Партизанская форма борьбы вполне закономерно вытекает из сущности отечественной войны советского народа против германского фашизма, навязавшего нам так называемую тотальную войну, со всеми ее разрушениями, неописуемой жестокостью и разгулом насилий и издевательств над мирным населением нашей страны.

«Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение» (Сталин).

Энгельс в одной из своих статей по поводу франко-германской войны 1870 года писал: «всюду, где народ энергично вел партизанскую борьбу, там противник очень быстро убеждался в том, что руководствоваться старинным кодексом крови и огня невозможно» [1].

Энгельс великолепно понимал разбойную сущность капитализма, но такого варварства, какое проявили немецкие фашисты, не предвидел. К железу и огню они прибавили еще горы грязи. И что характерно: чем больше их бьют, тем омерзительнее становятся их действия.

Историческое развитие человечества идет противоречиво. Периоды эволюционного накапливания молекулярных изменений сменяются международными кризисами.

Современная война является узловым пунктом нашей истории. Ее будут внимательно изучать, она будет иметь большое влияние на культурное и патриотическое развитие нашей молодежи. Народ создаст о ней легенды, геройство борцов переложит на песни. Драматурги будут черпать из этого периода, как из богатой сокровищницы, сюжеты своих произведений. Но все это в будущем, все это — дело наших потомков. Сейчас же наш народ, в первую очередь молодежь, комсомол, — участники великой жизненной драмы, которая по своей жестокости, людским усилиям в кровавой борьбе не имеет прецедентов в прошлом.

Перед советской молодежью и комсомолом в целом и перед совестью каждого комсомольца в отдельности встал вопрос:

Родина в опасности, варвары топчут нашу землю, издеваются, забрасывают зловонной грязью все, что мы любили, все, перед чем преклонялись. Враг хочет из нас вырвать человеческую душу и превратить в рабочий скот, в невольников.

Итти на жертвы и бороться за свою свободу или безропотно подчиниться? Так стал вопрос. И наш народ, наша молодежь, комсомол, с негодованием, полные ненависти к фашистскому врагу, бесповоротно решили драться: драться не на живот, а на смерть, драться до полного разгрома врага. И действительно, нет того вида оружия, нет той формы борьбы в отечественной войне, где бы не участвовал комсомол, где бы он не был в первых рядах.

Наш комсомол — сравнительно молодая организация, но его первые кадры ковались в гражданской войне в защиту советской власти. Под

---

[1] Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, часть II, стр. 174.

руководством ленинско-сталинской партии они выковались в годы борьбы за индустриализацию нашей страны, во время коллективизации крестьянских хозяйств, в борьбе с оппортунистическими, предательскими элементами в нашей партии и комсомоле. Все это дало возможность комсомолу накопить положительные традиции принципиальной выдержанности и стойкости в защите пролетарского государства.

Сейчас опасность пришла со стороны внешнего врага. Война с фашизмом принимает все более ожесточенный характер; комсомол в ней принимает участие массово. И геройство, проявляемое комсомольцами в боях, носит массовый характер. Вряд ли можно найти боевую часть, где бы не было зафиксировано проявление мужества и доблести комсомольцев, что, в свою очередь, укрепляет славные боевые традиции комсомольской среды, делает мужество и беззаветность в бою как бы традиционными, обязательными и для рядового комсомольца. В этом суть выращивания, укрепления славных боевых традиций.

Предлагаемый сборник есть скромный труд, в котором собраны далеко и далеко не полные факты о героических боевых действиях, о беззаветной преданности родине тех, кто перенес с полным сознанием правоты своих действий все муки, какие только можно вообразить, и погиб, твердо уверенный, что фашизм будет разбит, с гордым возгласом: «Умираем за родину, за счастье своего народа!»

Мне бы хотелось, чтобы читатель принял эту книгу не как законченное художественное литературное произведение, а как простую товарищескую фиксацию чудесных боевых дел наших комсомольцев на фронтах отечественной войны. Когда наши люди гибнут смертью храбрых, бойцы собственными руками сооружают на могиле героев скромные памятники. Просты эти памятники, проста и надпись на них. Но вряд ли хоть один художник вкладывает столько любви в свое произведение, сколько вкладывается бойцами в создаваемые ими усыпальницы павшим священной смертью храбрых. Народ сбережет эти памятники; они будут овеяны его любовью, как память о своих богатырях. Сюда будет приходить молодежь, здесь будут раздаваться победные песни свободного советского народа и его молодежи, комсомола.

Авторы сборника в это горячее время и ставят пока простые, еще не вполне художественно оформленные памятники нашим героям. Большего пока они сделать и не могут: как бойцы, они должны итти вперед с нашими частями, освобождающими родину. Вместе с нашими воинами они справедливо считают, что сейчас лучшим памятником нашим героям и героиням будут пирамиды вражеских трупов.

Для нас Шура Чекалин, Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, среди

партизан носившая имя Таня, не только герои: они – дети живых матерей, братья и сестры живых братьев и сестер. Их знает комсомольская среда, они нам близкие, родные; их героическая смерть в разгаре жестокой борьбы вызывает у нас жажду мщения врагу.

Желаю широкого распространения сборника среди широких масс населения и в особенности среди молодежи, комсомольцев и комсомолок. В чертах живых героев в рассказах сборника читатели увидят черты нового, советского человека: они увидят, как богат наш комсомол людьми, ставящими счастье советского народа, идеалы нашей партии выше всего.

За это народное счастье, за партию Ленина — Сталина наша молодежь, комсомол каплю за каплей отдает свою кровь. Кто же после этого может сомневаться, что враг будет наказан по заслугам, что победу мы вырвем с боем?

Таков смысл сборника «Комсомол в боях за родину».

М. Калинин

Н. МИХАЙЛОВ

ЛИЗА ЧАЙКИНА

1

В густых лесах Пеновского района Калининской области затерялась маленькая деревушка Руна. Здесь и родилась Лиза Чайкина.

Семья была большая, а рабочих рук мало. Отец вернулся с империалистической войны контуженным. Жили впроголодь.

— Хлопотали от зари до зари, а земля нас плохо благодарствовала, словно серчала на нас,—вспоминает мать Лизы, Аксинья Прокофьевна.— Все видели — и по миру ходили, и кору глодали... Да кабы только мы так жили,— все в деревне один одного бедней были. Куда ни глянешь— голь перекатная. Потом уж, с колхозами, новое время пришло.

Женщина с типичным лицом русской крестьянки изредка подносит к лицу платок. На ней — старенькая фуфайка, выгоревшая рыжая шаль, мужские башмаки.

— В том и остались,— говорит мать.— Все бандит забрал. Курей было тридцать две, гусей семь штук, овечки, свиньи — сейчас ничего не осталось. Коров-то отнял еще в лесу: мы из деревни ушли, а он нас поймал. Собрал в кучу. Стали прощаться, думаем — конец пришел. А тут разом наши его потревожили сильно. Мы-то, старики, словно партизаны, кустами да балочками в свои шалашики, в лес обратно. Так и хоронились, пока его не выгнали. Всего лишились. Все, что горбом наживали, порушил, окаянный. Ну, да ладно, наживем. Товарищ Сталин около нас, мы около товарища Сталина — снова колхоз организуем. У меня сейчас только одно удовольствие — побить немца скорей, выгнать его за границу, а уж там все будет! Народ у нас в колхозе воспитался, организовался, знает, как работать надо.

Снова и снова мать вспоминает о Лизе. Когда слезы подступают к горлу и останавливается дыхание, замирает сердце, она теребит край платка, подавляет материнское волнение, и опять течет ее неторопливая речь:

— У меня еще дочка есть, Маня. Она в школу бегать стала, а Лизанька-то махонькая еще была. В книжку ткнется: «Мама, что здесь написано? Мама, пошли меня учиться». Я—к учительнице. «Примите,— прошу,— уж очень грамоту хочет узнать».

Собрала я Лизаньку, платье новое сшила. Такая она вострая была— Маня-то старше, а Лиза ее грамотой забивала. Прибежит, скажет: «Опять у меня отлично». Вот ведь какое дитё удалось — из всех! Мне бы сына Шурика такого вырастить,— ему двенадцать лет,— как бы было хорошо!

Маленькой она песни любила, рассказы про деревенскую жизнь. Бывало заиграют наши старые деревенские песни про темноту, про горе, про судьбу-злодейку, а Лиза слушает да все спрашивает: «Так ли было, как в песне?» — «Было, дочка, еще темней было — солнышко-то светило, да не нам».

Она забьется в угол, плакать начнет. «Что ты, Лизанька?» Лепечет сквозь слезы: «Песня неправильная».

Такой была Лиза в детстве. Такой сохранилась она в памяти всех, кто ее знал,— с пытливым умом, с открытым сердцем.

Окончив четыре класса сельской школы, Лиза начала работать: сеяла, полола, мяла лен, убирала скот, помогала в доме.

Все свободное время отдавала книгам. За несколько верст ходила в соседнюю деревню Залесскую, в избу-читальню.

Так прошло два года. Мать вспоминает:

— Стужа была свирепая, мороз, снегом избы занесло. Ночь была темная-темная. Ко сну уж клонит, а Лизы нет. Соседей окликала. «Не видали,— говорят,— сегодня, не забегала». Отец тревожится, а я — в слезы. И куда же она может пропасть в такую непогодь? Вышла в сени, кричу в темь ночную, как в чащу лесную: «Лиза, где же ты, родненькая? Где же ты, дочка милая, девочка наша быстрокрылая?»

Вышел отец, накрыл полушубком, взял за плечи, в горницу отвел. Лампаду зажег, ставню откинул и уговаривает: «Красный огонек,— говорит,— далеко в темноте приметен, может, где заблудилась».

К ночи вернулась она домой, прямо с лыжами в горницу вошла, из-за пазухи книги вынула. «В Залесье,—говорит,—была, книги ездила брать, а там собрание комсомольское, на нем и осталась. Ох, маменька, как там интересно было!»

Это было первое комсомольское собрание в жизни Лизы. На другой день со всеми подробностями она рассказала о нем подруге Нюре Барсуковой.

Лиза стала постоянным гостем в комсомольской ячейке и однажды вернулась домой с комсомольским билетом. В Руне она была первой комсомолкой.

О комсомольцах в семье слыхали много, но речь шла о ребятах.

Однажды отец спросил Лизу:

— Что это такое за комсомол, скажи на милость? Окромя билета, что он тебе еще даст?

Лиза объяснила, как могла, но отец просил прочесть про комсомол «по писанному» — печатное слово вернее.

Тогда Лиза привезла домой тоненькую потрепанную книжку. Это была брошюра Ленина — речь на Третьем съезде комсомола. Читали ее несколько вечеров. Обычно отец слушал, опершись руками о стол, все

время заглядывая в книгу. Нюра садилась у окна. Мать иногда отрывалась — то к Шуре, то к самовару.

Лиза читала медленно, усиливая слова, которые казались ей самыми значительными.

— «И вот, поколение, которому теперь 15 лет, — читала Лиза в последний вечер, — и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

Лиза закрыла книжку. Отец встал.

— Ну-ка,—обратился он к Нюре,—прочти: книжку-то кто писал?

— Ленин,— прочитала Нюра.

— Ленин, говоришь?

— Ленин,— повторила Нюра.

— Ты скажи на милость!

Отец повернулся к девушкам.

— Я человек темный и про ваши комсомолы мало знаю. Ну, только уж раз записалась — делай так, как товарищ Ленин требует. Он зря не скажет.

— Ну, а ты, Нюра, пойдешь в комсомол?— спросила Лиза подругу, когда старшие улеглись спать.

— Пойду. Вот только что дома скажут?..

В следующий воскресный день подруги ушли на собрание вместе. А четыре месяца спустя, в июле 1933 года, и Нюра уходила из Залесья, бережно завернув в чистый, нарочно для этого припасенный платок серенькую книжечку с силуэтом, знакомым во всех странах мира.

С этого лета жизнь в Руне стала значительней. Что-то новое, на первый взгляд неуловимое, проникало в избы колхозников. Выбирая свободные минуты, Лиза доставала газету.

— Послушай, мама, как люди живут, что и где делается.

Девушка выбирала для чтения самое доходчивое. Газета сообщала о новых стройках, о больших доходах украинских, белорусских, саратовских колхозников. Лиза читала об этом так, словно эти стройки развертывались в родном Пеновском районе, словно к успехам всех колхозов она приложила свою руку.

— Смотри, мама,— возбужденно говорила она,— какая жизнь становится. Давайте скорей поставки выполнять, продналог платить. Мы внесем, а ты ступай к мужикам да скажи: «Видите, как для нас власть старается, давайте и мы ее отблагодарим. Я, баба старая, уж и заем выплатила и налог, а вы за мной тянитесь, помогать власти надо».

И старая Аксинья Прокофьевна накидывала платок и шла к соседкам, присаживалась на завалинки и, как она говорит, «организовывала и воспитывала народ». Самой ей эти беседы словно прибавляли сил. Она и не заметила, как выросло в ней твердое, непреклонное убеждение: для нее, семьи, для всех односельчан путь к настоящей жизни — только через колхоз. И не только она, но и соседки, которые помнили, как

вместе играли у церковной ограды, со слезами выходили замуж, как мучительно было жить впроголодь, не зная, что будет завтра, стали по-другому относиться к работе. Чувствовалось, что труд нужен не только для семьи, но и для народа, что где-то там ждут выращенный руновцами лен, хлеб, картофель. Так русская крестьянка, не выезжавшая дальше Смоленска, вдруг увидела жизнь далеко за пределами Руны, почувствовала себя нужным и важным человеком.

А у Лизы появлялись новые и новые помощники. Бывшие пионеры (сейчас они уже выросли и стали комсомольцами) вспоминают, как девушка создала первый в деревне пионерский отряд. Заботливо кроила она веселые красные галстуки. Разве можно забыть минуту, когда крупные смуглые руки девушки повязывали тебе галстук, и красный от напряжения барабанщик оглушительно выбивал салют, и выцветшее знамя с золотой оборкой трепетало и мягко шелестело по ветру, и солнце светило так, словно оно раньше никогда таким не было!

Неутомимая Лиза находила время на все: поговорить запросто о колхозных делах, пожурить тех, кто плохо относится к колхозному добру, сказать теплое слово тому, кто идет первым в выработке трудодней.

— Так, понемногу народ и понимать стал, что такое колхозная жизнь,— говорит Аксинья Прокофьевна:— кто работает — от амбара на возу везет, а кто баклуши бьет — на горбу несет.

Шло время, и менялся характер Лизы. Реже она ходила на гулянки, все чаще видели ее с книгой, с газетой. Односельчане звали ее книжницей, вкладывая в это слово уважение и гордость за девушку из их колхоза.

2

Книги, дружная, жадная на колхозную работу семья, жизнь колхоза — вот кто были учителями Лизы. Вступив в комсомол, она прочитала о жизни Ленина и Сталина все, что было в Залесье и Пено. Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Горький, Островский, встречи с людьми, работа с двенадцати лет, комсомольская организация развернули в простой девушке те могучие силы, которые показала она в минуты тяжелых испытаний.

В пятнадцать лет Лизу выдвинули заведывать избой-читальней. Читальня давно стала для Лизы вторым домом. Она относилась к ней с уважением и восхищением. И вот теперь она будет здесь работать.

— Боязно,— говорила Лиза подругам.

— Вот выдумала!— убеждала ее Катя Цветкова из колхоза имени Молотова.— Мы-то ведь никуда не денемся.

Вместе они организовали агрономический кружок. В деревне появились новые слова: агроминимум, культиватор, протравка, передовые методы...

Готовясь к весне, девчата решили создать молодежное звено.

— Вот увидите: самый хороший лен будет в нашем звене,— говорила Лиза.

Колхоз в Залесском, где решили создать звено, она называла своим.

Задолго до выезда в поле девушки пришли в правление.

— Поддержим,— сказал председатель колхоза.— А ты, Лиза, тоже будешь работать?

— Буду.

— А кого же звеньевой?

— Катю Цветкову,— ответили девчата.

Весной на колхозные поля вышло работать молодежное звено Кати Цветковой.

— С нами всегда была Лиза,— вспоминает звеньевая.— Она и сеять помогала и лен мять,— без дела не увидишь. Днем не придет — вечером дома встречаемся: газеты прочтет, о политике расскажет.

Настала осень. Управились с уборкой. Из района в Смоленск отправлялась на совещание группа передовиков-льноводов. В их числе была мать Лизы.

— Смотрите, не загуляйте, дорогу не забудьте обратно,— шутили колхозники.— Ты, Аксинья Прокофьевна, в Пенах сроду не была, а тут разом в Смоленск махнула. Гляди, старика вспоминай почаще.

— Отвяжитесь!— сердилась мать.— И все это от твоих рук канитель!— обращалась она к дочери.

Аксинья Прокофьевна и гордилась и боялась поездки: шутка сказать — дом бросить, за сто верст путь держать.

А Лиза затевала новые дела.

В избе-читальне всегда было полно. Вслед за агрономическим появились кружки драматический, музыкальный, текущей политики. В читальне можно было встретить врачей, агрономов, животноводов, учителей — каждому находилось дело.

Колхоз, комсомольская ячейка были первыми заботами Лизы, и этим определялась жизнь.

— Лизанька,— со всей лаской, на которую только способно сердце матери, говорила Аксинья Прокофьевна,— все ты в делах, ни выходных, ни воскресенья не признаешь. Неужто у тебя и семьи не будет?

— Не знаю, мама,— пряча улыбку, отвечала дочь.

Веселая, крепкая девушка страстно любила жизнь. Всюду она успевала, всегда умела заставить себя делать то, что нужно в первую очередь. И всегда, в малом и большом деле, она помнила, что, как вожак, должна служить примером для всей молодежи. В поле, в читальне, на соревнованиях всегда стремилась быть первой, делать лучше других.

— Она для нас была словно старшая сестра,— говорит Катя Цветкова. А Катя на год старше Лизы.

В 1939 году Лизу избрали секретарем райкома комсомола. Комсомольцы приняли это, как должное. Все считали, что иначе и быть не могло. Чайкина для них была идеалом комсомольца, поступкам ее подражали, у нее учились жить и работать.

Новый секретарь работал ровно, спокойно. Застать ее в райкоме

было не легко. Целыми днями ходила Лиза из колхоза в колхоз: там проведет собрание, здесь организует кружок, одного поругает за плохие дела, другого поддержит ласковым словом, подскажет что-нибудь новое. Ее можно было видеть всюду: в колхозе, на станции, в учреждении, в школе.

Раз она зашла в сапожную артель. Старик-мастер, шутник и балагур, изысканно поклонился:

— Пожалуйста, студенточка! Набоечки, косячки — все для вас вне очереди.

— Да нет, у меня туфли крепкие,— улыбаясь, ответила Лиза.

— Может, по сапожной части хотите? У верстачка место найдем.

— Да нет, другое: слыхала, у вас молодежь есть.

Условились вечером собраться и побеседовать.

— С нашим почтением!— шутил балагур.— Может, и меня в комсомол запишете?

Вечером Лиза вела задушевную беседу.

— Хорошо говорила, по-своему,—вспоминает Николай Афанасьев, которому Лиза выдавала билет.— Комсомол она крепко уважала и любила. Кончила беседу и говорит: «Дня через два зайду, почитаем устав комсомола».

Беседы продолжались несколько дней и кончились тем, что в артели появилась комсомольская организация.

Два года работала Лиза секретарем Пеновского райкома. За это время комсомольцев стало вдвое больше. Только в Залесском сельсовете появилось восемь новых комсомольских организаций. Больше пятидесяти комсомольцев вступило в партию.

— И все бывало спешит, дома никогда ее не увидишь,— рассказывает Аксинья Прокофьевна.— По мне соскучится — бряк-бряк по телефону. Прибегут из правления: «Иди, Аксинья, дочка звонит». Иной раз в гости позовет. В Пено приедешь, а с тобой все за ручку — дочь уважали.

Не раз просила Лиза в обкоме послать ее учиться.

— Трудно мне: все ребята семилетку кончили, а у меня четыре класса. Поучусь — легче работать будет.

Летом Лизу послали в Калинин на партийные курсы. Здесь ее и застала война. Едва прослушав сообщение по радио, она отправилась в райси.

Вновь закипела работа. Лиза мобилизовывала комсомольцев на уборку урожая, на транспорт, организовала военную учебу.

«Учусь стрелять из винтовки, бросаю гранату не хуже ребят, скоро доберусь и до пулемета. Посмотришь, воином стану, да еще каким!» писала она в те дни подруге детства, Нюре Барсуковой.

Райком комсомола превратился в военный штаб. Днем и ночью туда приходили ребята и девчата. Новым, полным еще большей страсти и веры голосом говорила Лиза с молодежью.

— Мы любим свою родину, — звучал ее голос на собраниях, митингах, в беседах,— и будем ее отстаивать. Нас воспитала, нам дорогу в

Враг ворвался в село. Вчерашние колхозницы взяли в руки оружие и ушли в партизаны. Председатель сельского совета комсомолка Н. объясняет своим подругам боевую задачу.

жизнь открыла партия большевиков, страна наша, советская власть. Отстоим мы нашу власть, нашу землю. Узнает враг, что такое советский народ.

Фронт приближался. Однажды вечером Лиза услышала шум. По улице в облаке пыли шло стадо. Тревожное чувство охватило девушку. Она присела на перила крыльца. Августовский день вновь и вновь напомнил Лизе о грозящей опасности.

По утомленным, серым и пыльным лицам, по движущимся со скотом повозкам с домашними вещами и дремлющими ребятами Лиза догадалась, что фронт приближается.

Лиза спустилась с крыльца.

— Откуда?— спросила она подростка, шлепающего босыми ногами по мягкой пыли.

— От немцев уходим,— бросил он на ходу.

Уже солнце скрылось за вершинами деревьев, и пыльное облако, которое подняло стадо, растаяло вдалеке, замерцала первая ранняя звезда, туман закурился над рекой, а девушка стояла, не в силах оторвать взгляда от любимых просторов. Потом не спеша, в раздумье пошла по серой придорожной траве.

Вихрем понеслись мысли. Любимые книги, которые она с трепетом брала в книжном киоске и собирала дома; первое комсомольское собра-

ние; ласковые летние рассветы; пушистые снежные поляны, неожиданно открывающиеся в пеновских лесах, когда ты с ватагой друзей идешь на лыжах; радость успехов и горечь неудач; веселые праздники в честь колхозного урожая; шумные, жаркие споры на районных конференциях— как все это близко сердцу, потому что всем этим ты жила, без этого могла считать свое существование бесцельным. Все это можно было высказать одним словом — родина.

Поздно ночью она добралась до деревни. Мать бросилась за молоком. Обыкновенно разговорчивая, Лиза молчала.

— Людей сгоняют с места. Казнят детей, над всеми издеваются, грабят, — сказала мать и взглянула в лицо дочери. Это было другое лицо, другие глаза.

На следующий день в Пено собрался комсомольский актив; не слышно ни шуток, ни песен — все озабочены.

— Мы не будем рабами Гитлера, он нас не сломит. Мы постоим за родину все, как один. Великая честь для нас, комсомольцев, быть на поле сражения. Все, в ком бьется сердце, на борьбу с оккупантами! — призывала Лиза.

— Все ли вам понятно, товарищи? Может быть, кому не ясно?— спросила она по своему обыкновению.

И из сотен грудей вырвалось единое:

— Понятно, Лиза: действовать надо!

Немцы подходили все ближе. Лиза собирала партизанский отряд. Григорьева, Зуева, Блаздинская, Тихомиров — всего шестьдесят восемь человек — решили уходить в лес.

Еще до войны в Пено приехал Николай Григорьев. Он учился в Ленинграде, в Горном институте, но каникулы всегда проводил в родных местах. Война задержала его, и когда немцы подходили к району, он тоже решил уйти в партизаны. Вместе с ним вступили в отряд брат-школьник Владимир, сестра Нина — педагог и старик-отец, Леонид Григорьев.

— Семьей жили,— сказал отец,— семьей и воевать будем.

Накануне прихода немцев Лиза зашла в родную деревню. Побыла она в доме лишь несколько минут и попросила мать вместе дойти до пристани.

— Вот, мама, может быть, в последний раз и идем вместе.

— Что ты, Лизанька?— испуганно прошептала мать.— Разве можно такие слова говорить!

— В партизаны я ухожу. Может, погибну, да ведь не одна я такая. Но народ наш выстоит, все перенесет, а на фашистов работать не будет. Ты не беспокойся: плохое со мной случится — тебя ни власть, ни народ не забудут. Только знай: если услышишь — убили твою дочь или поймали, не говори ничего, не признавайся, а то весь колхоз спалят.

Мать ни о чем не расспрашивала: знала, что это лишнее.

Заалел край неба — наступал рассвет. Капли росы блестели, словно слезы. Лиза остановилась, встряхнула за плечами вещевой мешок и прижала мать к своей груди. По старому обычаю, широким крестом осенила

Оружие только что получено. Мирные граждане сделались бойцами-партизанами. И каждый внимательно осматривает свою боевую подругу — винтовку.

старуха свое детище, смахнула рукой набежавшие слезы, и Лиза ушла, унося с собой материнское благословение.

Началась новая жизнь, новые заботы.

Хотя отряд и готовился, но всего не предусмотрели. Оказалось, что недостает продуктов, мало вооружения. У многих не было никакого боевого опыта. Но никто не падал духом.

— Поживем — всего накопим,— говорил командир отряда Филимонов.— Самое главное — держаться крепко, уметь завтрашний день видеть — перспективу не терять. Трудностей будет очень много. Кто слабоват — признавайся: держать не будем.

Слабоватых не оказалось.

В глубоком лесу Филимонов остановил отряд. Вырыли несколько землянок, в одной из них устроили радио. Радистами были комсомольцы Ласточкин, Яковлев и беспартийная колхозница Беляева. Им помогала Лена Волхонская. Перед войной они обучились радиоделу и могли не только принимать и передавать, но и в случае нужды заняться ремонтом.

3

Самому молодому партизану, Васе Тихомирову, было пятнадцать лет, но лучшего разведчика отряд не желал.

В светлую, звездную ночь Лиза и Вася отправились в разведку. Вышли из лесу и увидели горизонт, охваченный пламенем.

— Головково горит,— сказал Вася.— А там Замятино, а там, дальше, Торопец.

Повсюду виднелись следы войны: обломки сгоревших грузовиков, подбитых танков, развороченная снарядами земля, выжженные поля, разрушенные дома.

— Подходят, — услышала вдруг девушка шопот Васи.

Послышался шум моторов: шли немецкие танки. Разведчики шмыгнули в лощину и оттуда обратно в лесную чащу.

Шум приближался. Трясясь, проскочил и скрылся в облаке пыли мотоциклист. Показались танки — один, другой, третий. Снова вернулся мотоциклист, что-то доложил, и колонна свернула с дороги в нескошенную траву. Солдаты вылезли из люков, заглушили моторы.

Лиза в первый раз увидела близко немцев и сама удивилась: у нее не было чувства волнения. Жадно разглядывала она нашивки, стараясь определить командиров; проверяя себя, несколько раз пересчитывала солдат. А они, как видно, располагались на отдых. Из танков вытаскивали бутылки, свертки, одеяла, подушки. Для офицера постелили прямо на траве салфетку. Он — длинный, с косыми плечами — сбросил с себя мундир, рубашку, повязал на шею полотенце и отправился к песчаной отмели, на реку.

Оставив Васю наблюдать, Лиза поползла дальше в лес и, когда, оглянувшись, решила, что ее не видно, поднялась. Сбросила башмаки и, ровно взмахивая руками, побежала так же, как бегала когда-то на кроссе. Несколько минут — и она уже снова ползла к ивняку, буйно разросшемуся на высоком берегу реки. Прямо напротив нее сидел и неторопливо курил долговязый офицер в полосатых трусиках.

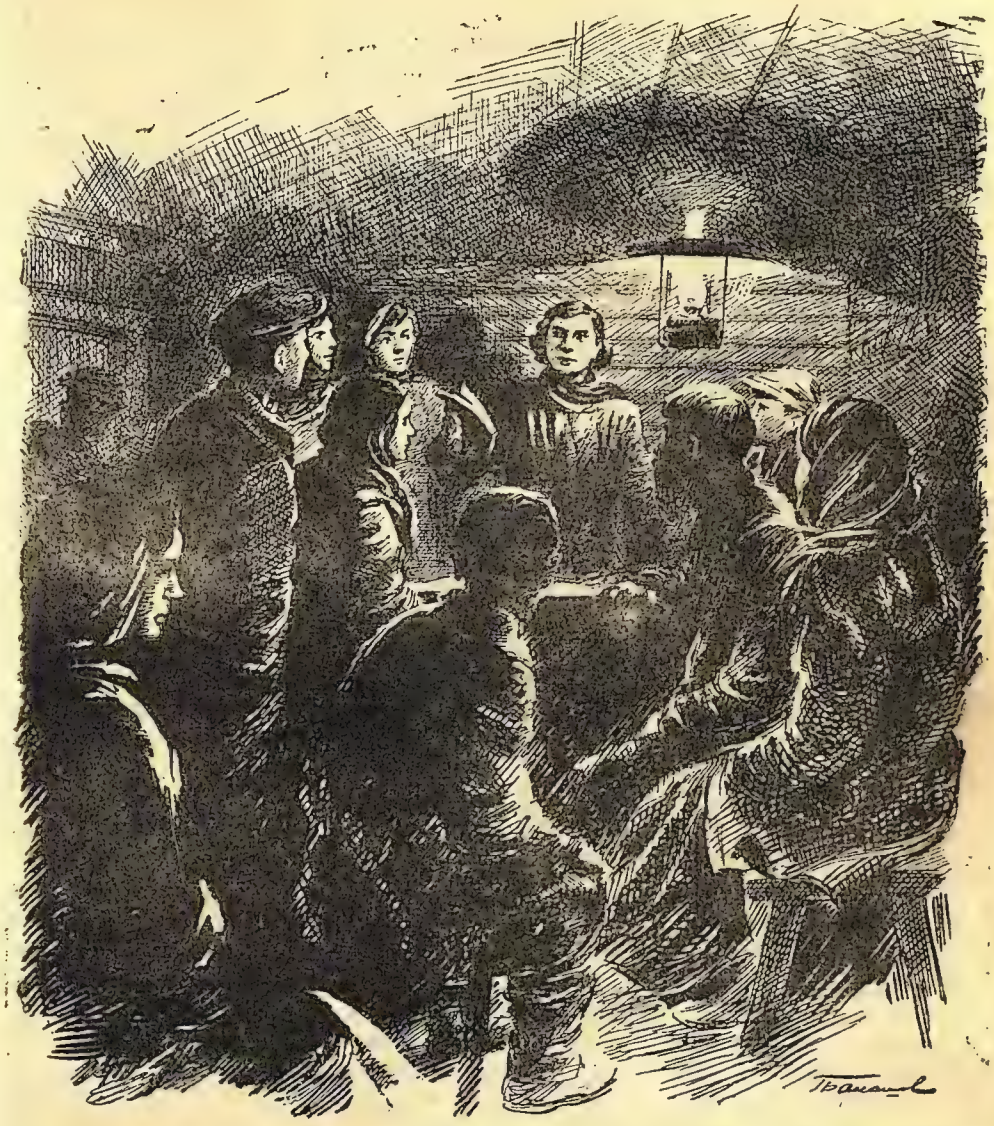
И вдруг в мертвой утренней тишине раздались взрывы, выстрелы, загудели снова моторы, затрещал мотоцикл,— партизаны дали первый бой врагу. Отшвырнув папироску, офицер вскочил. Почти не целясь, Лиза выстрелила раз, другой. Немец подпрыгнул на месте, словно от ожога, сделал несколько шагов и упал навзничь.

Через несколько часов партизаны распределяли захваченное оружие. Долго спорили, кто сделал почин в истреблении захватчиков, а потом единодушно решили — Лиза. Так, раньше, чем ожидал отряд, началась его боевая жизнь.

Во всех деревнях партизаны встречали поддержку, всюду у них были свои люди. Расположение отряда тщательно скрывали, но народ знал, чья рука пускает под откос поезда, устраивает засады, подрывает минами автотранспорт. Неведомыми путями шли к партизанам донесения, отовсюду им помогали продуктами. Колхозники соседних деревень сушили сухари, из Занепреченского сельсовета прислали одиннадцать мешков муки, из райцентра — крупу, масло, сахар.

Однажды комсомольцы отправились за мясом. Зашли в деревню. В ней на окраине остановились немцы. Ребята начали расспрашивать встретившегося им колхозника.

— Да чего вы меня, темного, пытаете? — отмахивался бородач. — Откуда я знаю, где немцы, а где партизаны. Мы народ темный, нам



На этих собраниях не выбирали председателя. Люди слушали, затаив дыхание, боясь проронить хоть слово. Страстным звучным голосом Лиза Чайкина читала колхозникам доклад вождя.

лишь бы хлеба да землицы, а остальное сами решайте. Вам виднее: вы газеты читаете.

Но когда старик убедился, что ребята — свой народ, комсомольцы, он спустился в погреб и начал вытаскивать оттуда крупные куски мяса.

— Да вы уж берите, — ворчал он с напускной суровостью, — для вас готовил. Для немцев дохлого цыпленка, и того не дадим.

Вскоре даже спокойная Лиза пережила много тяжелых волнений. Это было в последних числах октября. Комсомольцы Фокин, Зуева и Блаздинская ночью пошли в разведку. Пошли — и пропали. Три дня от них не было никаких известий. Комсомольцы ходили сумрачные. И уже когда было решено послать вторую группу, Зуева и Блаздинская вернулись. Все объяснялось просто: немцы их захватили, девушкам удалось уйти, а Фокин остался. Что с ним — не знали.

Лиза опечалилась: Фокин был прямодушный человек, храбрый комсомолец.

Через месяц после начала лесной жизни решили созвать собрание. Командир коротко доложил о боевой работе. Не было оружия, пришлось вооружаться трофеями. Сейчас есть автоматы, пулеметы, минометы и даже два орудия. Что делали — об этом знают сами партизаны: били врага, отрезали ему пути, налетали на немецкие колонны, уничтожили около ста автомашин с военными грузами, в том числе одну штабную, отбили обоз с продовольствием.

После собрания молодежь собралась вокруг Лизы. Слабый огонь освещал обветренные, грубые лица. Это были уже другие люди — возмужавшие, отвыкшие от домашней обстановки. Для себя Лиза отметила любопытный штрих: когда она подходила к комсомольцам, все вставали, и старший отдавал рапорт, хотя Лиза была в отряде рядовым бойцом и никто не говорил, что секретарю надо докладывать.

— Споем, — сказал в тишине чей-то голос.

Затянули вполголоса «Ермака». Пели медленно, словно стараясь подольше растянуть любимую старую песню.

А на другой день снова продолжалась партизанская жизнь. Люди уходили в разведку. Отправлялись на операции. Кропотливо, домовито готовились к зиме. Все делалось по-хозяйски, основательно, словно люди всю жизнь не знали ничего другого, как партизанские действия.

В середине ноября Лизу позвал начальник отряда. Он протянул ей маленькую брошюру. Это был доклад товарища Сталина о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Лиза прислонилась к сосне и прочитала брошюру раз, другой, третий. Ей не надо было напрягать память — слова запоминались сами, окрыляли новой надеждой. Она оглянулась. Кругом стояли партизаны, у каждого в руках была маленькая книжечка. Заговорил один, другой, и стихийно вырос митинг. В холодном осеннем воздухе прозвучало, как клятва: «Смерть немецким оккупантам!»

Партизаны решили рассказать о докладе вождя народу, оставшемуся в деревнях, донести сталинские слова до каждого.

— Ступай докладчиком,— сказал Филимонов Лизе.— Зря не рискуй. Если будет опасность, уходи.

В тот же день, оставив в отряде оружие, девушка отправилась в район.

Она приходила в колхозы. Тихо, словно все вымерло. Куда ни зайдешь — молчаливые женщины, истощенные дети. Все те же следы войны: огромные воронки от снарядов, разбитые в щепы деревни, сожженные дома. И всюду суровое дыхание смертельной борьбы советских людей против немецких захватчиков.

День за днем шагала Лиза по мокрым колеям проселков. В каждой деревне, где она появлялась, в течение одного-двух часов собирались люди. Ни председателя, ни секретаря не выбирали. Лиза брала слово и рассказывала о докладе товарища Сталина.

— Немцы,—говорила Лиза,—это как ранний снег,—скоро растают.

Девушка подробно рассказывала о том, что видела в районе, в соседних деревнях, о бесчинствах германских мародеров, об их зверствах.

— Верьте, — звучал ее страстный, убежденный голос, — не сегодня — завтра придет к нам Красная Армия, прогонит и перебьет всех немецких солдат, освободит наши колхозы от фашистского гнета. Бейте, жгите немцев, не давайте им никаких продуктов, помогайте нашим партизанам! Становитесь под знамя Ленина — Сталина! Все боритесь с врагом, не щадя жизни. Не хозяйничать фрицам на советской земле!

Со слезами радости провожали колхозники отважную девушку. Они верили ее словам, они видели в ней посланца партии, советской власти, потому что знали всю ее жизнь, знали ее родных, ее детство, юность. Они верили Лизе.

Через несколько дней девушка добралась до Великолукского сельсовета.

Как и везде, в сельсовете нашлись друзья.

В деревне она подошла к доске объявлений. На большом листе бумаги был напечатан приказ. В нем указывалась фамилия командира партизанского отряда. Всякий, говорилось далее, указавший место нахождения командира, получает пять тысяч марок, дом с усадьбой и корову.

— Немцы сюда не показываются, — рассказывали ребята. — Только иной раз заявятся с танками, нагадят — и обратно.

— Почему?

— Партизаны шагу не дают ступить — так их молотят, что и маму забывают.

— А кто у партизан командир?

— Да не знаем. Видала — немцы за него награду уже обещали.

Через самых надежных Лиза решила установить связь с новым партизанским отрядом. И здесь ее ждала неожиданная радость: нашелся Фокин. Попав к немцам, он много перетерпел: его пытали, избивали. По дороге в немецкий штаб Фокин сумел убежать и организовал новый отряд. Его-то и боялись немцы.

Лиза простилась с ребятами и пошла дальше. Так побывала она в пятнадцати селениях. Всюду она передавала народу слова товарища Сталина. И всюду эти слова поднимали новый дух борьбы: чаще взрывались фашистские транспорты, неизвестно куда исчезали целые километры проводов; после ночевок, несмотря на усиленную охрану, вдруг отказывались работать карбюраторы.

22 ноября Лиза провела собрание в селении Жуковка и отправилась отсюда на хутор Красное Покатище к своей старой подруге Марусе Купоровой.

На хутор Лиза пришла к вечеру. И в тот момент, когда она входила в дом, Тимофей Колосов, бывший кулак, не одеваясь, побежал в немецкий штаб.

— Пришла, — воровато шепнул он.

Машина с эсэсовцами понеслась к Красному Покатищу. Без стука ворвались в дом.

— Где дочь? — с порога крикнул офицер старушке Купоровой.

Мать развела руками, удивленно оглядывая солдат. Грянул выстрел. Женщина упала, обливаясь кровью.

Вскрикнул и бросился на палача двенадцатилетний Коля. Снова выстрел — и мальчик упал возле матери.

— Собаки проклятые, что делаете?! — не выдержав, вскрикнула Маруся и плюнула в лицо офицеру. Он кивнул. Девушку схватили, вывели во двор.

4

Лизу оставили в одной рубашке и босую погнали в Пено. Когда тронулись, запылал дом Купоровых.

Тяжело, вся кровь кипит. Но что сделает безоружная против вооруженной банды?

Темно, дороги не видно. Когда нога ступает на острые камни, по всему телу бежит нестерпимая боль. Коченеют руки, во рту все пересохло. Лиза шла молча. Пришли в штаб.

— Ты партизанка?

Молчание.

— Сталинская молодежь?

Молчание.

Солдаты бьют прутьями по ногам, рукам, спине...

Молчание.

— Где твои товарищи? Кто тебя послал?

— Смерть вам, проклятым! — сказала Лиза и плюнула в лицо офицеру.

Лизу повели к водокачке на расстрел.

Снова пытки, истязания, и в ответ на все — молчание.

— Эй, кто знает эту девчонку? Не она ли командир? — обратился немецкий офицер к женщинам.

Партизанка-комсомолка Мария Быкова.

Перед рейдом в глубокий тыл врага. Авиадесантницы комсомолки (слева направо): М. Бульбина, А. Николаенко, Ш. Амчиславская, И. Трушко

Комсомолки-казачки Аня Нездойминова и Лида Гусакова — отличные кавалеристы. Когда началась отечественная война, молодые патриотки добровольцами вступили в казачий отряд.

Все молчали.

— Скажи, где находится партизанский отряд,— останешься жить,— снова предложил офицер.

Лиза ответила полным страстной ненависти взглядом.

— Может быть, ты не партизанка?

Из толпы вышла женщина. Это была Аришка Круглова, как всегда, пьяная. Немцы притащили ее сюда.

Аришка подошла к Лизе.

— Это и есть партизанка, первая комсомолка.

Офицер подал команду.

— Я готова. Стреляйте, палачи! — крикнула Лиза.

Прогремели выстрелы. Солдаты стреляли над головой девушки.

— Смерть немецким оккупантам!— воскликнула девушка.

Выстрелы. Лиза взмахнула рукой.

— Я погибаю за победу, за нашу партию, за Сталина!

Снова выстрелы. Лиза упала на свежий снег, обагряя его своей кровью. Потом приподнялась.

— За родину, за народ!— воскликнула она слабеющим голосом.

★

О гибели Лизы отряд узнал в этот же день. В лесной землянке был подписан приговор кулаку Колосову, его сыну, Аришке Кругловой.

Ночью весь отряд вышел в путь.

Под утро в разных местах района запылали одиннадцать деревень, в которых расположились фашисты. Молодые партизаны, которых возглавляли товарищ К. и Саша Б., направились к дому Колосовых. Предателей захватили живьем, привели в лес и расстреляли.

Прошло несколько дней. Однажды в безлунную зимнюю ночь к дому Кругловой подошли несколько человек. Один из них тихо постучал в окошко.

— Кто там?

— Свои.

Круглова впустила пришедших, но, взглянув на них, побледнела, обмерла.

— Голубчики мои, родные, не казните! По глупости, по дурости своей проболталась. Век буду руки, ноги целовать, все вам расскажу про немцев, только жизни не лишайте, — лепетала предательница, ползая у ног партизан.

— Выходи!

Предательница пыталась закричать. Ей заткнули глотку, вывели на соседнюю физкультурную площадку. Утром здесь увидели труп шпионки.

Семнадцать дней партизаны безуспешно пытались унести труп Лизы. Немцы, напуганные пожарами, расстрелом Колосовых и Кругловой, усилили охрану, увеличили карательные отряды, беспощадно рас-

правлялись с населением. И все-таки на восемнадцатый день труп Лизы исчез.

Партизаны унесли тело народной героини в лес и похоронили ее с воинскими почестями. Молва о Лизе летела из дома в дом. Из сел, деревень к месту расправы с Лизой шли женщины, которые никогда ее даже не видели,— шли, чтобы отдать последний долг народной героине, поклониться ее праху, поцеловать землю, которую она обагрила своей кровью.

Красная Армия выбила врагов из Пеновского района. Бойцы Красной Армии гонят их на запад.

Идут бойцы, снимают шапки у могилы народной героини, останавливаются и клянутся бороться и победить.

Пройдут многие и многие годы, зарастут чертополохом и бурьяном могилы предателей, развеет ветер кости солдат немецкой грабьармии. Снова зацветет наша советская земля, снова вернутся в дома советские люди, снова придет счастливая жизнь, мир и покой. И всюду, по всей нашей земле с глубокой любовью и великим уважением будут вспоминать жизнь и смерть героической комсомолки Елизаветы Ивановны Чайкиной. Как не меркнет солнце, так никогда не померкнет слава верной дочери советского народа.

И. КУЗИН

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА

1. ПОСЛЕДНЯЯ ВАХТА

Пароход давно миновал Каменный мост, а я, стиснув рукой перила, все еще гляжу на зубчатые стены Кремля, стараясь запечатлеть в памяти каждую башню, бойницу, звезды над башнями.

Сегодня, 1 августа 1941 года, — моя последняя вахта. Знаменательное совпадение — сегодня мне исполнилось двадцать два года. Несмотря на то, что медицинская комиссия освободила меня от службы в Красной Армии, я по первому призыву ЦК комсомола пошел добровольцем — чувствую себя способным носить оружие и защищать родину. И вот, облокотясь на поручни мостика, я гляжу на Москву, где жил и учился.

Подходим к Бородинскому мосту. Ползут трамваи, движутся пешеходы. Увидев пароход, люди останавливаются, машут руками, а какая-то девушка бросила цветок, который был у нее на груди. Я поймал его в фуражку. Размахивая фуражкой, я говорил про себя: «Москвичи, я еще вернусь! Вернусь, чтобы строить счастливую жизнь!»

Но вот и порт. Привычно нажимаю на ручку свистка, и знакомый грубоватый голос сирены тревожит людей на причалах. Последний раз подхожу к телефону. Четкая команда: «Средний—малый—стоп—назад — стоп», — и пароход, шипя и свистя, стоит у причала. Вся команда вышла на палубу. Вот капитан, вместе с которым я плавал старшим штурманом. Он принял от меня вахту. Ему теперь придется работать за двоих. Крепко обняв меня, он проговорил:

— Ну, смотри, Илья, живым не сдавайся и без победы не возвращайся.

2. В ОТРЯДЕ

Нас было шестнадцать.

Самому старшему, командиру отряда, — под пятьдесят. Это крепкий старик. Густая черная с проседью борода, веселые под лохматыми бровями глаза. Два месяца назад он был директором МТС. Но война

перевернула жизнь, и пошел старый Гуцкей в партизанский отряд. Отряд состоял исключительно из молодежи. Здесь были два брата — Василий и Женя. Оба — комсомольцы. Вместе учились, вместе пошли в отряд. Из машиностроительного техникума добровольцами пришли пятеро комсомольцев. Пришел украинец Петро, родом с верховьев Днепра. Он был у нас пулеметчиком. Пришел Мишка-повар, как мы звали его в отряде. И последними в отряд прибыли две девушки-санитарки — Зоя и Аня. Они окончили краткосрочные курсы медсестер и заявили о желании добровольно пойти в партизанский отряд.

Один за другим, хорошо вооруженные, с большими вещевыми мешками за спиной, мы проходили линию фронта. Справа, на Минском шоссе, шел жестокий бой, слева горела деревня. Откуда-то бил минометы, и мины с воем пролетали над нашими головами. Гуцкей, старый член партии, уверенно вел свой необстрелянный отряд. Изредка мы останавливались, вставали в круг и при свете небольшого фонарика сверяли по карте наш путь.

Я шел за Гуцкеем, крепко сжимая в руках винтовку; за поясом у меня были четыре гранаты. Не верилось, что где-то рядом немцы. Ведь я шел по своей, родной земле! Но, вглядываясь в лица командира и товарищей, я читал в них настороженность. Кашлять нельзя. Говорили шопотом: по рассказам знали, что на деревьях часто прячутся «кукушки» с автоматами, — малейшая неосторожность могла погубить отряд.

Спустя четверть часа мы вышли на опушку. Совсем недалеко от нас послышалась немецкая команда, и тут же сверкнули вспышки огня и раздались выстрелы минометной батареи. Отряд инстинктивно подался назад и по команде Гуцкея залег. Я лежал за толстой сосной; враги были совсем рядом!

— Выход один, — проговорил Гуцкей: — уничтожить батарею и в темноте пробежать открытую местность, пока она не освещена ракетами.

Батарея, расположенная на поляне метрах в ста от леса, состояла из трех минометов. Справа слышались крики, брань, — немцы окапывались на новой позиции. Слева протекала речка, на берегу которой стояли тяжелые орудия. Мы знали о них еще с вечера.

— Кто вызовется уничтожить минометы? — послышался шопот Гуцкея.

Я вызвался первым. Вслед за мной — Мишка-повар и политрук. Гуцкей не стал возражать, и мы, пригнувшись, с противотанковыми гранатами в руках скользнули в темноту.

Отряд должен был следовать за нами, держась на расстоянии пятидесяти метров.

Лес кончался. Мы распределили цели. Мне досталась средняя. То на коленях, то на животе я бесшумно подползал к врагу. Редкие сосенки помогали маскироваться во время вспышек от выстрелов. Все яснее я различал силуэты немцев. Я подполз совсем близко. Отсюда легко добросить гранату.

Раздался резкий свист: условный сигнал к действию. Я рванул предохранитель и, стоя во весь рост, бросил гранату. Тут же я упал. Сильный взрыв, столб пламени. В следующее мгновение я был уже на ногах и со второй гранатой бросился вперед. Сзади бежали товарищи. Миномет лежал вверх колесами, похоронив под собой двух фашистов, а третий, отброшенный взрывом, валялся рядом.

Почти того же добились на флангах Мишка с политруком. Я первым подбежал к лесу, и в тот же момент все кругом залилось ярким синеватым светом: немцы пустили ракету.

— Ложись! — раздалась команда Гуцкея.

Мы ничком бросились на землю. По месту, где только что стояла батарея, и по лесу били из автоматов. Пули, срезая ветки, со свистом пролетали над нашими головами.

Ползком, прячась за деревья, мы уходили в глубь леса.

А через четверть часа двинулись дальше — в тыл врага.

К рассвету мы отошли на пятнадцать километров от фронта. Выстрелы доносились глухо, в лесу стояла тишина. Мы сделали привал, нарубили густых елок, соорудили большой шалаш, разложили костер. Многие растянулись на земле. А Мишка-повар, напевая, вместе с Аней стали готовить наш первый завтрак. Неподалеку расположился Петрусь с пулеметом. А я, растянувшись под густой елкой, вынул томик стихов Маяковского.

Ну и вкусной же показалась нам гречневая каша! Завтрак прошел оживленно. Вспоминали, как переходили фронт. Ведь каждый из нас впервые слышал выстрелы и свист пуль.

Весь день отдыхали на временной стоянке, а вечером Гуцкей повел нас к шоссе. Все так же цепочкой, один за другим и немного согнувшись, шли мы едва приметной тропинкой. Под утро донесся шум. Работали моторы фашистских машин. Когда до шоссе осталось полкилометра, Гуцкей выслал разведку—узнать, что за движение и что за машины.

Через полтора часа разведка вернулась и доложила, что по дороге беспрерывным потоком идут машины на фронт.

Днем минировать дорогу нельзя. Мы решили дожидаться ночи.

Около десяти часов вечера стемнело. Наш отряд двинулся к шоссе.

Изредка проходят машины с маленькими фарами или, тарахтя, пролетит мотоцикл. Чем ближе к ночи, тем реже движение машин. Около двух часов оно совсем прекратилось.

Гуцкей разбил наш отряд на четыре группы. Мы должны минировать дорогу на протяжении трех километров.

Мне досталась правая сторона, и я со своей тройкой бойцов выступил на выполнение задания.

Асфальт туго подавался под ударами кинжалов. После тридцатиминутных трудов ямы были готовы. Я заложил мины, хорошо их замаскировал: теперь и днем трудно найти минированные места.

На место сбора мы вернулись первыми. Вслед за нами пришла четверка Гуцкея, а через полчаса явились и остальные. Уходить решили после первых взрывов.

В пять часов утра послышался шум машины. Она медленно ползла с тяжелым грузом. Сильный взрыв. Столб огня, дыма — и машина, развалившись на три части, заканчивает свой поход на Москву.

На другом конце раздается такой же резкий взрыв: вторая машина взлетела на воздух.

Мы не стали ждать дальнейших результатов. Знали и без того, что на четыре-пять часов движение по шоссе прервано.

3. В ЛЕСАХ

День за днем, прошел сентябрь. Наш отряд не раз участвовал в боях. Десятки фашистов поплатились жизнью за то, что вступили на нашу землю. Шесть мостов были взорваны и сожжены на лесной магистрали, около двух десятков машин уничтожено нашими минами.

Еще дружнее сплотился отряд Гуцкея. Мы были одной семьей, крепко спаянной общими радостями, общими невзгодами. Однажды в можайском лесу мы расположились лагерем.

Два дня вели разведку на железной дороге. Было выяснено, что ежедневно на семикилометровом участке проходит состав с грузом на фронт. Отряд принял решение: ночью уничтожить состав и прервать движение.

До вечера оставалось часа два. Большинство партизан спит. Мишка-повар набрал в лесу грибов, что-то варит в котелках. Третий день мы питаемся тем, что дает нам лес. Гуцкей и политрук смотрят на карту. Я, наломав еловых веток, лег на спину и вспоминаю свой пароход. Незаметно задремал. Проснулся к ужину. Грибная похлебка была горькая, но мы с удовольствием ее хлебали, похваливая Мишку.

После ужина раздалась команда Гуцкея: «В ружье!», и через три минуты отряд в боевой готовности выступил на операцию.

Была темная осенняя ночь. Кругом тихо, только мягко шуршат под ногами листья и трещат сучья. Отряд шел уверенно. Мы знали: ни один немец не осмелится остаться в лесу ночью.

Около полуночи подошли к опушке леса. В трехстах метрах пролегала железная дорога. Время от времени, ярко вспыхивая, взлетали осветительные ракеты.

Отряд, выставив дозорных, собрался в кружок.

— Товарищи, — тихо обратился к нам Гуцкей, — сегодняшняя операция сложная, требуется исключительное спокойствие, а главное — смелость. Возможно, придется погибнуть, но поезд должен быть взорван. Он пройдет в два часа ночи. Местность открытая и, как видите, освещается. Впереди поезда немцы пускают дрезину; на ней три прожектора и три пулемета. Из пулеметов они простреливают местность и впереди и по насыпи. Поезд без огня идет в трехстах-четырехстах метрах позади дрезины. У нас нет шнура, чтобы взорвать поезд отсю-

да, из леса. Мину закладывать не можем, — взорвется только дрезина. Следовательно, выход один — итти на риск. Но мы не можем действовать всем отрядом. Это лишняя трата людей. Нужны два человека. Задача такая: выбрать удачное место для взрывчатки, заложить заряд (шнура у нас семь-восемь метров), соединить шнур и самим залечь с батарейкой. Нужно пропустить дрезину, а поезд взорвать,— твердо закончил Гуцкей. — Ясна задача, товарищи?

— Ясна! — был дружный ответ.

— Кто желает выполнить эту задачу?

Каждый из нас, даже Зоя с Аней, сказал твердо:

— Я.

Гуцкей улыбнулся. Потом сказал:

— Молодцы, ребята! Иного я от вас и не ждал. Ну, видно, придется мне самому назначить. Илья, ты пойдешь.

Я сделал шаг в сторону.

— Петренко, ты пойдешь.

И политрук стал рядом со мной.

Через пять минут мы, нагруженные взрывчаткой, простившись с товарищами, исчезли в темноте. Отряд в боевой готовности залег цепью за передними деревьями.

Вот и насыпь. Взлетела ракета, осветив открытое пространство. Мы легли и подождали, пока ракета догорит. Я успел выбрать место для закладки заряда. Это был поворот железной дороги. Не доходя до него семи метров со стороны, откуда ожидался поезд, мы заложили заряд под шпалу, хорошо замаскировали, протянули шнур. Там, где был поворот, вырыли в насыпи узкие траншейки и окопались.

Пока работали, было жарко, но когда легли да еще засыпали себя землей, почувствовали озноб. Ко второму часу я совсем закоченел. Ноги стало ломить, руки отнялись. Чувствовал, что замерзаю. То же и с Петренко. Слышал, как он дует на руки. Но разве этим согреешься? Уйти же, не выполнив задания, и мысли не было.

Наконец издали донесся едва слышный рокот мотора. Вглядевшись в темноту, я заметил свет. Шла дрезина, а за нею поезд.

Как медленно тянулось время! Я считал секунды, выбивая зубами дробь. Все ближе и ближе дрезина. Яснее стал слышаться звук мотора, смешанный с трескотней пулеметов. Темнота рассеивалась, яркие прожекторы освещали пространство. Вот дрезина в ста метрах от нас, визжат пули над головой. Я боялся, что при таком ярком свете мы будем замечены. Дрезина — рядом. Прожекторы, осветив насыпь, скользнули дальше. Поворот спас нас: мы оказались в тени. Я слышал, как у наших ног впивались в землю пули, но я был спокоен. В одной руке у меня шнур, в другой — батарейка от карманного фонаря.

Дрезина прошла, и вот из темноты, без огней, шипя и свистя, стал выползать паровоз... Секунды казались днями, годами. Я уже не чувствовал холода. Глаза мои были устремлены вперед. Я ждал. Паровоз уже близко — пар долетает до нас. Я соединил провод. Раздался оглушительный взрыв. Все кругом осветилось. Взлетел большой столб

огня, приподняв паровоз; черная махина как бы нехотя повалилась на насыпь.

За первым взрывом ударил второй. Я чувствовал, как на меня валятся доски, песок. Прогремело еще несколько взрывов. И больше я уже ничего не видел и не слышал...

4. НА БОЛОТЕ

Очнулся, когда Петро с двумя товарищами несли меня к опушке леса. Земля озарялась вспышками. На месте насыпи образовался котлован. Вагоны были разбиты в щепки. Плавал удушающий дым. Еще раздавались частые взрывы: это рвались патроны.

Через час, как ни в чем не бывало, я шел впереди отряда. Только в ушах стоял звон, — я плохо слышал. У Петренко из ушей текла кровь, но он шел бодро. Ведь мы выполнили наше задание!

Всю ночь шел отряд. Все громче раздавались выстрелы. Уже виднелось зарево горящих деревень. Мы подходили к линии фронта.

Отряд принял решение перейти к своим. Большинство партизан было раздето, разуто, да и здоровье людей расшаталось. Выбрав хорошее место в густом ельнике, мы расположились на отдых, чтобы следующей ночью перейти фронт.

Не успели мы сложить из елок шалаш, как прибежал дозорный Петро.

— Товарищ командир, в нашу сторону немцы идут, — доложил он Гуцкею.

— В ружье! — раздалась четкая команда.

Отряд, готовый к бою, цепью залег за деревьями.

Через минуту показалась разведка врага. Шли два немца с автоматами в руках. Впереди бежала большая черная овчарка. В нескольких десятках метров от них продвигался большой отряд, очевидно карательный.

— Огонь по гадам! — скомандовал Гуцкей.

Раздались частые винтовочные выстрелы, и, заглушая их, затрещал пулемет Петро. Немцы что-то громко закричали и залегли за деревьями. Стали палить оттуда из автоматов. Я лежал за поваленной сосной, стрелял редко, лишь по видимой мишени. Обычно при встречах с нами в лесу немцы отступали. Сейчас этого не случилось: видимо, они знали, что нас всего шестнадцать человек. Перебежками они приближались к нам.

— Приготовить гранаты! — услышали мы голос командира.

Я выбрал место, куда бросить гранату, и стал ждать команды.

— Огонь! — крикнул Гуцкей и первым бросил гранату.

Шестнадцать взрывов слились в один. Немцы, крича, побежали назад. Все пространство окуталось дымом. И сразу стало тихо. Только стоны раненых фашистов слышались невдалеке от нас.

И опять спокойная команда Гуцкея:

Во вражеский тыл!

— С левого фланга по одному отступать по намеченному маршруту. Илья, веди отряд!

Я быстро вскочил и пошел впереди с компасом в одной руке и с гранатой в другой. Позади шли командир и Петро с пулеметом. Долго мы шли, все время слыша стрельбу автоматчиков. Они продвигались за нами на расстоянии примерно полкилометра, потом отстали, а к вечеру совсем прекратили погоню.

В шесть часов вечера, едва передвигая ноги, мы подошли к деревне Брыкино. Больше суток ничего не брали в рот. Мокрая, рваная одежда прилипала к телу. Начал моросить дождь. Сели на опушке леса.

Какова же была наша радость, когда мы увидели неподалеку картофельное поле!

Аня, Мишка и Николай, пригибаясь к земле, с вещевыми мешками поползли за картофелем. Только успели они притащить полные мешки, как совсем недалеко залаяла собака. Мы, не теряя времени, ушли с этого места, взяв направление на деревню Яшино. Сзади громыхали выстрелы, но мы не останавливались; шли, зная, что в темноте нас нелегко поймать.

Через час показалась деревня, которую нужно было обходить по открытому полю.

Мы снова присели на опушке. Гуцкей, наклонившись над картой и освещая ее фосфором компаса, изучал местность. Но что за проклятая собака гналась за нами! Снова послышался лай, выстрелы, и, видно, из

деревни взвилась ракета. Мы поспешно отступили в лес. Ракеты взлетали одна за другой. В деревне поднялся шум, выстрелы всё приближались. Мы оказались в ловушке и не знали, как из нее выбраться.

Но Гуцкей никогда не терялся. Он поднял отряд и повел в болото, лежавшее по правую руку от нас.

Другого выхода не было. Мы едва передвигали ноги. В голове шумело. Мешки с картошкой пришлось бросить — не было сил нести их. Преследователи приближались. Пули свистели над нашими головами. Вот немцы дошли до болота. Слышны брань, крики.

Но дальше они не рискнули итти.

Мы прошли около километра, когда из деревни ударил миномет. Мина пролетела над нашими головами и разорвалась далеко впереди. За первым выстрелом раздался второй. Мы присели на сухих кочках. Выстрелы с правильными промежутками следовали один за другим. Но мы перестали обращать на них внимание: почему-то уверены были, что такой смертью не погибнем. На кочках оказался целый ковер клюквы. С каким наслаждением я ее уничтожал! Товарищи последовали моему примеру.

Под утро миномет перестал бить, и мы по-двое, по-трое, стоя на коленях или сидя на корточках, задремали.

Бледные лучи рассвета осветили наше убежище: редкие чахлые деревья, кочки, покрытые мхом и клюквой, и кругом вода, вода...

День тянулся медленно. Мокрые ноги озябли и стали затекать. Язык от клюквы распух. Лица пожелтели. Еще сутки — и ни один из нас не выберется из этого болота.

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Командир и Мишка ушли в разведку. День клонился к вечеру, а они не возвращались. Где-то за деревней шел жаркий бой. Часто разрывались бомбы, — наверное, бомбили с самолетов. Орудийные выстрелы сливались в один страшный гул. Пахло гарью: верно, горела деревня.

Стало совсем темно. И вдруг неожиданно раздались выстрелы из пистолета. Послышался голос Гуцкея. А через несколько минут он с Мишкой и еще какими-то людьми подошел к нам.

— Товарищи, мы спасены! — крикнул Гуцкей. — Красная Армия отогнала немцев. Вот — пришли за нами.

Гуцкей указал на пятерых красноармейцев. Я попытался встать, но ноги отказались служить мне. Правая распухла и почернела. Тогда я почти не обратил внимания на это. Мне было радостно видеть бойцов, самых близких наших братьев.

Два месяца я бил врага у него в тылу. И вот теперь снова со своими! Я не замечал своих слез, ибо радость моя была радостью всего отряда. И плохо помню, что происходило после, когда меня несли красноармейцы. Я часто терял сознание. Но помню: когда меня вынесли

из болота, нас обступили бойцы. Они дружески жали нам руки, набрасывали на наши плечи свои шинели, отдавали варежки, протягивали нам газеты и сахар, покрытый пылью.

Молодой капитан подошел ко мне, поцеловал и громко произнес:

— Вас не забудет родина, вы — настоящие народные мстители!

...Медленно текло время. Военный лазарет за семь дней так надоел, что лучше еще раз сидеть в болоте, только не в лазарете.

И вот 1 ноября. Я вхожу в штаб армии. Как дружески меня приняли! Расспрашивали о наших действиях в тылу у немцев. Но когда я спросил об отряде, полковник, глядя в сторону, сказал мне, что отряд отправлен на отдых. Разве мог я поверить этому? Разве Гуцкей пойдет отдыхать? Я понял: отряд ушел без меня.

6. СНОВА В МОСКВЕ

Ноябрьская Москва... На всю жизнь сохранится в душе ее мужественный облик! Это были дни, когда фашисты с бешеной яростью рвались к нашей столице, когда линия фронта все ближе и ближе подходила к городу. По улицам Москвы двигались обозы воинских частей. Маршировали отряды рабочих, уходивших на фронт. Грохотали танки. В небе реяли самолеты, прикрывавшие Москву от ударов немецкой авиации.

В эти жаркие дни особенно тяжело было сознавать себя вне рядов бойцов, непосредственно защищающих родину. Частые встречи с товарищами, уходившими на фронт, только обостряли это чувство. Я все время жил воспоминаниями о горячих днях партизанской борьбы.

Однажды встретился с фотографом Федотовым, который в свое время сумел проникнуть в расположение нашего отряда и сделать несколько снимков в довольно рискованной обстановке. «Это требуется для истории», говорил он тогда. Признаться, мы не очень-то верили, что у него что-нибудь выйдет: уж больно неподходящие условия были для съемки. Но теперь, в Москве, товарищ Федотов показал мне альбомчик аккуратно сделанных снимков.

Перелистывая его страницы, я вспоминал горячие боевые эпизоды. Вот взрыв немецкого склада... Вот мы минируем шоссейную дорогу... А вот сидим на корточках вокруг костра и терпеливо ждем, пока наш Миша-повар приготовит кашу из концентратов...

Увидел на фотографии Мишу-повара и вспомнил, как мы вместе с ним приняли участие в одной интереснейшей экспедиции. Нам нужно было заглянуть в деревню, разузнать о немцах и раздобыть продовольствия.

Еще не совсем стемнело, когда мы подошли к крайнему дому. Молодая женщина вышла из дома с ведром и направилась к колодцу. От нее узнали, что немцев в деревне нет, а женщина эта, оказавшаяся женой председателя колхоза, радушно пригласила нас в избу. Колхоз-

ники рассказали о том, что деревню часто навещают немцы; три дня назад они согнали все население к дому старосты и приказали немедленно собрать двести пудов ржи и пятьдесят шуб; сейчас староста, бывший кулак, собирает для немцев и рожь, и шубы, и масло, и кур.

Гуцкей вместе с политруком отряда, Мишей-поваром и Петро отправились к старосте, а мы остались нести боевое охранение. Позже Гуцкей рассказал нам об этом посещении.

Староста и по внешности оказался типичнейшим кулаком — здоровенный, краснорожий, в жилетке, с рубахой навыпуск, с золотой цепью на брюхе. Как выяснилось позже, он был осужден советской властью, потом бежал, скрывался. Когда пришли немцы, он предложил им свои услуги. Немцы вернули ему дом, принадлежавший колхозу, наделили двумя колхозными коровами и семью овцами. Он служил им, как собака.

Предатель встретил партизан надменно, приняв их за колхозников. Но, увидев оружие, сразу обмяк. Гуцкей начал допрос. Староста отвечал тихо, словно нехотя, низко опустив свою напомаженную голову. Когда допрос был окончен, политрук написал в полевой блокнижке приговор:

«Партизанским отрядом «Гроза фашистов» в деревне Н. был обнаружен кулак Трофимов, осужденный раньше за поджог колхозного амбара. С приходом немцев вернулся и кулак Трофимов. Сейчас он собирает немцу рожь, одежду, продукты. Как изменника и врага родины, партизанский отряд «Гроза фашистов» приговаривает кулака Трофимова к расстрелу».

Политрук передал текст приговора командиру; тот встал и огласил его. Предателя вывели в сад и расстреляли. Петро отпер амбар, где было сложено награбленное у колхозников зерно; теперь крестьяне могли взять обратно отобранное у них.

Все новые и новые боевые эпизоды всплывали в памяти. Я вспоминал, как мы встречали на шоссе немецкие обозы, как истребляли из засад немецких автоматчиков, как оседлывали дороги, прерывая немецкие коммуникации. Боевая была жизнь! А как дружно жили в лагере, как приятно было отдохнуть после удачно проведенной операции!

Разведем костер, развесим котелки, сушим одежду, проверяем оружие. Ребята рассказывают разные случаи из жизни. Удивительные вещи приключались в мирное время с Мишей-поваром. Начнет рассказывать — катаемся со смеху.

Вспоминал я все эти истории, вспоминал жизнь отряда со всеми ее горестями и радостями, трудностями и приключениями, и с каждым днем все сильнее тянуло меня к товарищам.

Для того чтобы снова бить немцев, надо стать здоровым. Ну, а разве человек не выздоровеет, если по-настоящему захочет этого?

Стал я каждый день ходить на прогулки, делая по пяти-шести километров, по утрам и вечерам проделывал физкультурную зарядку,

Партизаны на привале.

Здоровье постепенно восстанавливалось. Нога перестала ныть. Я стал себя чувствовать значительно бодрее.

И вот наконец наступил счастливый день: мне было разрешено вернуться к боевой работе в тылу врага.

7. В ПАРТИЗАНСКОМ ШТАБЕ

Снова зеленый хвойный лес, но легкие заморозки уже сковали землю. Легко итти по первому снегу. Одно плохо: остаются следы. Нас двое — я и мой товарищ Костя Кауфман. Познакомились мы еще в Москве. Он — высокий, черноволосый, черты лица суровые. В партизаны ушел добровольно, оставив в Москве жену и двоих детей.

Мы идем уже вторые сутки. Линия фронта позади. Костя проверяет путь по компасу, я — по карте. За плечами несем по мешку мин. Мы слышали, что в этих местах действуют волоколамские партизаны; к ним-то и пробираемся.

Морозным ноябрьским вечером набрели, наконец, на партизанскую разведку. Шли едва заметной тропинкой, когда раздался громкий воз-

глас: «Стой! Руки вверх!» Я отскочил за дерево, приготовил гранату. Перед нами были люди в гражданской одежде, с оружием.

— Кто такие? — спрашивают нас.

Мы отвечаем:

— Свои.

И выходим на тропку.

Командир долго не верил нам, проверял документы, а потом повел на заставу. Там нас встретил комиссар отряда, Владимир Павлович Мыларщиков. Ему лет тридцать, но небритое лицо старило его. Он долго допрашивал нас. Удостоверившись наконец, что мы свои, сказал, подобрев:

— Подрывники мне нужны, принимаю вас в отряд. Но если измените, — закон у нас суровый.

У землянок мы встретили командира отряда — Бориса Васильевича Тагунова. Он носил лихо закрученные усы и круглую барашковую шапку, что делало его похожим на Чапаева.

С командиром мы вошли в землянку. Землянка большая, по стенкам нары, посредине печь. На нарах, держа котелки, сидят человек двадцать партизан. Было время обеда. Нам освободили место у стола, поставили два котелка жирных свежих щей, отрезали по ломтю белого хлеба.

Было еще светло, когда Женя, парнишка лет семнадцати, повел нас знакомиться с партизанским лагерем. Это целый городок — четыре отлично замаскированные жилые землянки. Можно пройти рядом и не заметить их. Все землянки связаны телефоном между собой и с постами. Оборудована кухня, где готовит пищу бывший шофер, ныне шеф-повар отряда Илья Платонов. В землянках же расположены баня, склады оружия и продуктов.

С такой базой, с такими запасами можно действовать целый год. Не добраться сюда немцам! С двух сторон — большое болото, кругом лес; тому, кто хорошо не знает дороги, не пройти.

Когда мы вернулись, в землянке уже горело электричество, говорило радио. Все это — дело рук бывшего заведующего почтой Синькова.

Утром мы пришли в штаб. За столом сидели командир отряда и начальник штаба Слепнев — тот, кто первым встретил нас у лагеря. Коротко они объяснили задачу: разведать движение на шоссейной дороге; если возможно, дорогу минировать.

Минут через десять я, Костя и местный партизан-проводник Потапов исчезли в густом лесу. Часам к пяти вечера вышли к дороге, по которой двигались танки, автомобили, мотоциклы. Когда движение немного стихло, мы вышли на шоссе и с оружием наготове двинулись вперед, высматривая удобное место для минирования.

Вдруг увидели впереди двух неизвестных людей.

Сойдя с дороги, мы осторожно продолжали продвигаться по обочине. Вскоре увидели смутно темневшие в сумерках груды ящиков, накрытых брезентом. Возле них — часовые. Ясно — склад.

Мы обошли его с другой стороны. Часовых оказалось только двое. Оценив обстановку, мы решили уничтожить склад.

Я отдал команду:

— Костя, наблюдай за правым часовым. Если он заметит меня, открывай по нему огонь. Потапов, сделаешь то же самое с левым часовым.

Ползком я добрался до первых ящиков. Видимо, склад временный. Открыл один ящик: гляжу — винтовочные патроны. Подполз к другому штабелю. Здесь — длинные ящики со снарядами. Ползу дальше. Плетеные корзины. Открыл одну — авиабомбы. Рядом — ручные гранаты. В конце склада большими грудами навалены автомобильные покрышки. Тут же бочки. Подполз к одной, отвинтил пробку — полился бензин. Подождал, пока бензин подмочит ящики, вынул шнур, просунул один его конец под ящики, другой отвел наверх. Осмотрелся, прислушался. Тихо. Распахнув пальто, прикрылся от ветра и поджег шнур.

Фашистский склад взлетел на воздух. Илья Кузин отползает к опушке леса. Там ждут его боевые товарищи.

Когда шнур зашипел, часовые встрепенулись, но с дороги не ушли.

Едва я успел вернуться к товарищу, как ударил глухой взрыв. Это вспыхнул бензин. Мы отбежали в лес, остановились, прислушались. Раздался сильный взрыв авиабомбы, потом другой, и часто-часто начали рваться снаряды, патроны, гранаты...

На заставе нас ждал Владимир Павлович. Обняв нас, он сказал:

— Вот это настоящая партизанская работа!

Всю ночь горел склад и рвались снаряды. Утром разведка донесла, что движение по дороге прекратилось.

8. БОЙ НА ДОРОГЕ

Я получил задание прервать движение на главной прифронтовой магистрали немцев. Охотников на эту операцию вызвалось много. Мы отобрали комсомольцев: Женю Бриллиантова, Женю Щучкина, Александра Краснова, Николая Краюшкина, Василия Филиппова, подрывника Андриянова. В три часа, на рассвете, вышли из лагеря. У заставы я попрощался с комиссаром, дал команду приготовить оружие, и мы зашагали по тропинке за нашим проводником — Филипповым.

До самого вечера пробирались лесом по пояс в рыхлом снегу. К вечеру вдалеке послышался шум моторов. Вероятно, там проходило шоссе. Оставив отряд отдыхать, мы с Краюшкиным в белых халатах отправились в разведку. Маскируясь кустарниками, добрались до шоссе. Немецкие мотоциклы, автомобили, тракторы проходили в нескольких метрах от нас. Это была одна из артерий, питавших немецкий фронт.

Наметив, где ставить мины, мы вернулись в отряд. Когда стемнело, отряд вышел на шоссе. Щучкин охранял левый фланг; на расстоянии двух километров от него лежал в засаде Краснов. Остальные рыли ямы для мин. Мины я ставил сам. Потом мы замаскировали минированные места и ушли в лес, решив подождать до утра.

Шесть часов. Серый ноябрьский рассвет. Мы лежали на обочине дороги, нетерпеливо поджидая вражеские машины. Наконец, около семи часов, на шоссе показались горящие фары. Тяжелый восьмитонный грузовик шел на фронт. С затаенным дыханием мы следили за тем, как он подъезжал к минированному месту.

Столб пламени, резкий взрыв...

Скоро еще один грузовик с солдатами на полной скорости нарвался на мину. И эта машина взлетела на воздух.

Оказалось, по шоссе шла целая автоколонна. Третья машина, пытаясь объехать взорвавшиеся грузовики, свернула с шоссе. Но и там стояла наша мина!

Колонна остановилась. Немцы высыпали из машин. Я дал команду: «Огонь по фашистам!»

Ребята только этого и ждали. Захлопали выстрелы. Немцы падали мертвыми у машин. Некоторые из нас били бронебойными пулями по моторам. Загорелось несколько грузовиков.

На шум и стрельбу из деревни прибежал немецкий отряд человек в сорок. Двумя цепями он пробовал окружить нас. Новая команда. Ребята открыли огонь по наступающим. Немцы повернули обратно.

Через пять минут из деревни по опушке леса стал бить миномет. Основное было сделано, и мы решили отходить. К полудню вышли к другому шоссе. На этот раз решили встретить немцев еще «теплее». Расположились за деревьями в нескольких метрах от дороги.

Через полчаса послышался шум идущей машины. Когда она поровнялась со мною, я швырнул в кузов гранату. Но шофер уцелел и

Фашистское иго сброшено. В освобожденный Красной Армией рабочий поселок Кулебакино (Московской области) возвращаются из лесов партизаны. В родной дом к работнице игольного завода Е. П. Чистяковой вернулся ее сын комсомолец Василий. Слева—командир партизанского отряда Александр К.

Зенитная установка воспитанника туркменского комсомола гвардии лейтенанта Нурия Кулиева уничтожила за короткий срок 8 фашистских самолетов. На снимке Нурия Кулиев у сбитого им воздушного пирата.

дал газу. Партизаны не растерялись — открыли стрельбу. Первыми же залпами шофер был убит, грузовик врезался в дерево.

Через несколько секунд из-за поворота вылетели еще два грузовика. Одной машине удалось проскочить. Правда, Краснов успел швырнуть гранату в кузов. Когда поровнялась вторая, я бросился к ней с гранатой. В кузове сидели двадцать солдат. Мелькнули винтовки, цветные женские платки на головах у фрицев... Швырнул гранату в этот клубок. Взрыв — и шофер увез с собой мертвецов.

В этот момент из-за поворота выскочили еще две машины. Солдаты открыли сильный огонь. Я бросился в лес по другую сторону дороги, так как не успел добежать к своим. Вдруг с другой стороны показались еще два грузовика с автоматчиками. С ходу автоматчики соскакивали на землю и двумя цепочками бежали к отряду.

Был тотчас же отдан приказ:

— Филиппов, принимай команду и веди отряд на базу!

Тут же послышался ответ:

— Есть принять команду!

9. ПОГОНЯ

Партизаны отходили в лес. Немцы бросились за ними, но, встреченные огнем, вернулись на дорогу. Несколько солдат подбежали к разбитой машине и, разостлав брезент, положили на него шестерых убитых.

Вдруг офицер, размахивая парабеллумом, указал в мою сторону. Группа автоматчиков побежала ко мне. Я открыл огонь из маузера. Расстреляв весь магазин, вскочил и бросился в лес. Немцы — за мной. Пули бороздили снег у моих ног. Вскоре преследователи отстали. Минут через пятнадцать я оказался у дороги, которую мы минировали два часа назад.

Присел на пенек, вынул карту, компас. Только собрался ориентироваться, как послышался шум мотора. «Да ведь у нас здесь мины!» вспомнил я. И не успел сложить карту, как рядом раздался взрыв... Машина взлетела на воздух. Снег кругом стал черным.

На дороге раздались выстрелы и крики. Немцы шли по моим следам. Я вскочил и побежал, укрываясь в низком кустарнике. Отбежав с полкилометра, выбрался на опушку. Недалеко проходила дорога, виднелась деревня. Дальше бежать было некуда: позади — немцы, впереди — чистое поле и дорога, занятая врагом.

Не успел придумать что-нибудь, как увидел подъезжавшие сани, в которых сидели две девушки. Я подбежал к ним и спросил, где деревня Х., от которой знал дорогу на базу. Девчата засмеялись, указали на деревушку.

Одна, улыбаясь, спросила:

— А ты откуда идешь?

— Отстал от части, — ответил я.

— С гранатой и наганом? — смеясь, добавила другая.

— Ну, ладно, девчата. Скажите лучше, как добраться до деревни. Но только чтобы немцев там не было!

— Садись, подвезем, — серьезно сказала девушка.

Вдали показались немецкие машины. Раздумывать было некогда. Вероятно, уже по всем дорогам скакали верховые, мчались мотоциклисты, разыскивая партизан. Я быстро вскочил в сани, зарылся в сено, перезарядил маузер. Девчата, погоняя лошадь, запели.

Все обошлось благополучно. Лошадь бежала бойко. Через полчаса я был уже в деревне. Крепко я поблагодарил девчат. Когда они скрылись из глаз, кинжалом перерезал в двух местах немецкий телефонный провод, тянувшийся вдоль дороги.

Поправив мешок за плечами, сжав в одной руке гранату, в другой маузер, я пошел через деревню. Крестьяне провожали меня взглядом.

Четыре деревни попалось на пути, но ни в одной из них не было немцев. Деревни лежали в стороне от больших дорог, затерянные в глухих волоколамских лесах.

Рано утром я пришел на свою базу.

С тех пор каждый день наша группа отправлялась на боевые задания. Не было дороги во всей окрестности, где бы не раздавались партизанские взрывы.

Однажды на черном кузове немецкой штабной машины (пассажиров ее всех уложили на месте) мы написали мелом: «Так будет с каждым, кто придет на нашу землю».

10. «СЛУШАЙ, МОСКВА!..»

После ряда операций мы решили доложить о своих действиях штабу партизанского отряда. Втроем отправились в штаб. Шли километров двадцать по глубокому снегу. В глухом лесу, далеко от дорог отыскали партизанские землянки. Нас встретил командир Анатолий Григорьевич. Он всегда ходил с автоматом, с гранатами за поясом, в полушубке, носил большую бороду — настоящий партизан!

Штаб помещался глубоко под землей, в больших, просторных землянках.

Мы рассказали командованию о боевых действиях нашего отряда, о взрыве складов, мостов. Командир интересовался всеми деталями нашей боевой деятельности.

— Сейчас передадим ваши сведения в Москву, — сказал он.

Мы сначала подумали, что командир шутит, но видим: подходит к радиопередатчику и вызывает Москву:

— Слушай, Москва!.. Говорит штаб партизанского отряда... Москва, Москва... Говорит штаб партизанского отряда. Передаем нашу сводку.

Долго он передавал по радио о наших действиях. Сообщил обо всем, что мы сделали за последний месяц.

Когда через несколько дней нам через фронт доставили газеты, мы прочитали подробное сообщение о нашем отряде.

11. СОБРАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ

Однажды командир с группой товарищей отправился в деревню проводить собрание колхозников. Немцев там не было. Но все же вокруг деревни расставили часовых, на дороге установили ручной пулемет. Когда мы вошли в деревню, на улице собралась большая толпа колхозников, женщин, детей. Мы вошли в дом, поздоровались с хозяевами и вместе с Анатолием Григорьевичем уселись за стол в горнице.

Несколько наших ребят ходили по деревне, собирая колхозников на собрание. Скоро в избу набралось человек шестьдесят. Пришлось открыть двери на улицу: народ стоял у крыльца.

Командир принес с собой из лагеря сводку Информбюро.

Часть населения оккупированных деревень ничего не знала о ходе боевых действий. Колхозники задавали такие вопросы:

— Когда взят Ленинград? Разве Москва окружена?

Мы рассказывали колхозникам все, что знали.

В конце собрания Анатолий Григорьевич сказал:

— Товарищи колхозники, вы находитесь в оккупированном немцами районе. Фашисты недалеко от вас. Но русских людей враг не запугает. Советская власть прочно существует в нашем партизанском районе. Представитель советской власти — штаб партизанского отряда. Распоряжения штаба — закон для всех.

Собрание длилось минут сорок. Когда мы уходили из деревни, нас провожала большая толпа. Многие колхозники успели сходить домой и принесли нам «припрятанное на всякий случай» оружие.

12. ВСТРЕЧА

Вскоре мы снова ушли в леса, взрывали склады, мосты, громили немецкие гарнизоны.

В бессонные длинные ночи мы прислушивались к грохоту приближающегося фронта. Наши наступали. Партизаны усиливали налеты на неприятельские обозы, на немецкие части, отступавшие на запад. Население деревень готовилось встречать своих освободителей.

Это было в морозные декабрьские дни 1941 года. Однажды мы решили выбить фашистов из деревни, стоявшей на шоссе.

Вдруг видим: на опушке леса — всадники. Мы залегли в снег, приготовили оружие. И вдруг Слепнев идет к нам навстречу и кричит:

— Наши! Выходи, ребята!

И вот мы среди своих, родных, советских людей. Мы ходим посреди повозок, дымящихся кухонь. Красноармейцы тут же на снегу

хлебают щи из котелков. И мы смеемся от радости, жмем руки незнакомым бойцам.

Потом приходит майор и передает приказание командира части: «Командованию партизанского отряда явиться немедленно».

Штаб полковника Чинчибадзе находился неподалеку в лесу. Нас провели в просторную землянку. Полковник, коренастый человек в простой гимнастерке, отдыхал на охапке сена.

Прорвав в одном месте линию немецкой обороны, гвардейская часть полковника Чинчибадзе сделала сорокакилометровый переход и зашла в глубокий тыл врага. У Чинчибадзе была своя кавалерия, лыжники, авиация. Это была отлично вооруженная и отлично обученная часть.

В первый же час знакомства с Чинчибадзе мы убедились в этом.

Вошел лейтенант.

— Товарищ полковник, разрешите доложить. Ваше задание не выполнено: в деревне сорок немцев, мы вернулись обратно.

Чинчибадзе рассердился.

— Как вы смели вернуться? Сколько вас было?

— Трое, товарищ полковник.

— А немцев?

— Сорок, товарищ полковник.

— Как же, — говорит Чинчибадзе, — вы, уральцы, втроем не смогли выгнать сорок немцев?! Немедленно выполнить мое задание!

Лейтенант козырнул и вышел. Полковник тут же вызвал младшего лейтенанта и приказал ему:

— Следуйте за ними для подкрепления.

...Через несколько часов лейтенант вернулся взмокший, с перевязанной рукой, в обожженной шинели.

Гордо отрапортовал он командиру:

— Ваше приказание выполнено, товарищ полковник. Шестнадцать немцев убито, остальные бежали. Деревня наша.

Несколько дней партизанский отряд и гвардейская часть полковника Чинчибадзе действовали вместе. Мы имели точные сведения о расположении немецких гарнизонов и складов, знали схему минирования дорог и мостов. Все это пригодилось гвардейцам.

Когда наш отряд прощался с гвардейцами, Чинчибадзе приказал выстроить своих бойцов на сельской площади. И вот ровные, литые ряды славных гвардейцев застыли в торжественном молчании.

Партизан было человек тридцать. Мы тоже выстроились на площади. А вокруг нас — свои, родные люди, колхозники.

— Смирно! — раздалась в морозном воздухе команда.

Полковник Чинчибадзе начал речь: о трудностях, которые еще предстоит преодолеть гвардейцам, об опасностях, которые ждут их впереди.

— Но мы знаем,—продолжал он, — о том, что в любом районе немецкого тыла встретим партизан — лучших наших помощников и друзей. Так пожелаем же им успеха в боях с немецкими оккупантами!

В метель и пургу через леса и сугробы совершали конники-гвардейцы смелые рейды по тылам врага. Немногим фашистам удавалось избежать удара казачьего клинка.

Пусть рука партизана всегда будет твердой, глаз — острым, сердце — мужественным.

И мы расстались.

Часть полковника Чинчибадзе отлично выполнила свою задачу, навела панику в фашистских тылах и благополучно возвратилась на советскую территорию. Об этом мы узнали позже.

Ночью наш отряд занял еще одну деревню.

На рассвете вышли к околице. Настроение было приподнятое. И вдруг увидели всадника, во весь опор мчавшегося к деревне. Заметив нас, всадник нерешительно сдержал коня. Мы закричали: «Руки вверх!»

Конь взвился на дыбы, но Мыларщиков схватил его за удила.

Всадника окружили.

— Кто такой?

Не испугавшись, он спросил в свой черед:

— А вы кто такие?

— Партизаны.

Боец соскочил на землю, обнял нас, сказал:

— Здорово, ребята! Дайте закурить... Наконец-то мы с вами встретились!.. Идут части Красной Армии.

Глядим — скачут бойцы. Спешились — и к нам. Обнимают, целуют... Наступающая Красная Армия пришла к нам!

То была самая волнующая, самая радостная встреча в моей жизни...

★

И вот Москва — сердце родины. Я вижу ее прекрасные улицы, площади, звезды на башнях Кремля, мавзолей Ленина, запорошенный снегом... Кончился мой второй поход в немецкий тыл. Радостно сознавать, что боевые дела партизан сослужили родине службу и помогли Красной Армии разгромить под Москвой вражеские полчища.

Елена **КОНОНЕНКО**

ТАЛАЛИХИН

Ну и лунная же была ночка с 6 на 7 августа 1941 года!..

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! В такую луну только с девчатами под яблонями разговаривать, — пошутил Виктор Талалихин

Младший лейтенант, истребитель, любимец эскадрильи, умел шутить в самую трудную минуту жизни. Низкорослый, плотный, коренастый. И живой, как вьюн. Карие, с золотинкой глаза всегда посменваются, всегда горят веселым и жарким огнем молодости. Самый юный в эскадрилье. «Малыш», зовут его товарищи-летчики.

— Эх, жуки, луна-то какая над Москвой! — снова повторил Виктор Талалихин. Но быстрые глаза его смотрели серьезно и проницательно. Не о девчатах, не о яблонях думал Малыш. Кипело молодое сердце гневом к проклятому фашистскому воронью. Никогда Москва не казалась Виктору Талалихину такой любимой и прекрасной, как в эти ночи. Жарким взглядом обжег Малыш свой родной ястребок, который уже давно был наготове.

Раздался боевой приказ. Летит черное воронье, снова пытаясь прорваться к Москве. Соколы смелые, вылетайте навстречу фашистским стервятникам!

Полетели наши советские истребители наперехват немецким бомбардировщикам.

В районе деревни Н. на высоте 4 500 метров был замечен фашистский самолет. Виктор Талалихин получил приказ перехватить врага.

Малыш молниеносно стартовал, набрал высоту и стремительно помчался наперерез фашисту.

Высоко взвился ястребок Малыша. Сейчас должна произойти встреча с гитлеровским разбойником. Только об одном думал Талалихин: скорей бы заметить ненавистную машину, броситься на нее, ранить ее смертельно, не допустить к родным воротам Москвы!

Зловещий фашистский бомбардировщик тяжело плыл по небу. Холеный гитлеровский подполковник, начальник экипажа, матерый фашистский волк, злобно предвкушал, как он будет бомбить столицу

Советского Союза. Злодей уже мысленно видел, как разлетаются вдребезги наши любимые кремлевские звезды. Злодей уже мысленно слышал, как кричат наши женщины и плачут дети. Этот плач советских детей и женщин казался самой желанной музыкой фашистскому людоеду. На его груди блестел железный крест, полученный им в 1939 году за зверскую расправу с поляками. На рукаве его серого кителя красовалась фашистская эмблема за разгром Нарвика в 1940 году. Он торопил остальных трех, этот оголтелый гитлеровец. Скорей, скорей!

Малыш острым глазом наблюдал за небом. Он заметил вражеский самолет. Как вор и убийца, крался фашистский бомбардировщик к Москве.

— Ага, вот ты где, бандит, гадюка!.. — И Виктор Талалихин решительно пошел на сближение.

Расстояние между ястребком и немецким бомбардировщиком все уменьшалось. Малыш зашел неприятелю в хвост и увидел фашистскую свастику. Черный паук! «Хейнкель»! Двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-111»!

Стервятник встрепенулся. Заметив опасность, он рванулся в сторону.

Не тут-то было!

— Не бывать тебе, гадине, над Москвой! — всердцах крикнул Талалихин и дал по фашистскому самолету первый залп.

Прицел был меток. Правый мотор «Хейнкеля» вспыхнул, задымился. Первая же очередь свинцового огня нанесла ему рану. «Хейнкель» не ответил на огонь. «Хейнкель» прибавил скорость и пустился удирать.

Крылатый конь Малыша встал на дыбы. Сделав правый боевой разворот, он снова угостил «Хейнкеля» свинцовой очередью.

Ошарашенный фашист метался из стороны в сторону. Потом вдруг резко развернулся, изменил курс и пошел на снижение. Это была уловка. Малыш понял: снижаясь, фашист хотел скрыться от погони.

— Понимаем... Впритирочку к земле хотите... Хвастуны!

Виктор Талалихин снизился вместе с бомбардировщиком до высоты 2 500 метров и продолжал стрелять.

— Вот тебе! Вот тебе, гадина! — шептал пилот. — За Москву! За родину! За Сталина!

Пулеметы работали бесперебойно. «Хейнкель» не отвечал, стараясь увильнуть от напористого ястребка. Должно быть, неожиданная атака ошеломила немецких летчиков, и они еще не опомнились.

Смело подвел Малыш свой ястребок еще ближе. Только десять метров отделяли его от бомбардировщика.

Заговорили пулеметы «Хейнкеля». Почуяв гибель, фашисты свирепо отбивались. Ливень пуль обрушился на Малыша.

Но только расчетливей и хладнокровней стали движения молодого лейтенанта. И сказал себе Малыш строго:

— Не горячись, Витька, смотри в оба!

То стремительно взвиваясь, то хитро падая, то снова взвиваясь, чтобы уклониться от свинцового ливня, ястребок продолжал погоню. Руки Талалихина беспрерывно нажимали гашетку пулемета. Шесть раз повторил молодой пилот свои атаки, мастерски прикрываясь... стабилизатором врага.

Не выдержал фашистский волк этой упорной погони и еще быстрее пустился наутек. Он был опытен. Ловко, умело ускользал от огня и шел вперед.

«Уйдет! — тревожно подумал Малыш, поливая врага горячим свинцом. — Уйдет, собака!»

И тут, как назло, иссякли все патроны.

— Уйдет, уйдет, стервец! — уже вслух сердито вскричал Талалихин.

Обида обожгла его сердце. Упустить из своих рук врага, упустить, когда он совсем рядом... Нет, это невозможно! Ни за что!

Малыш летел в хвосте бомбардировщика, напрягая мысли, принимая решение. Так они мчались оба молча несколько секунд...

Фашистский стервятник обрадовался: истребитель молчит. Стервятник улепетывал «на всю железку», как любят говорить пилоты. Малыш гнался за ним по пятам, соображая, что предпринять.

— Нет, не уйдешь! — упрямо крикнул Талалихин. — Иду на таран!

Он принял решение: беспощадно таранить врага.

— А ну-ка, саданем его, Витя...

Ястребок ловко подошел к бомбардировщику с хвоста. Вот он совсем близко. Уже видно его бронированное брюхо. Талалихин подстерег нужную секунду и размахнулся, чтобы рубануть винтом по хвосту, отрубить хвост у черного гада...

Внезапно из хвостовой точки немецкого самолета сверкнул огонь. «Хейнкель» ударил по ястребку из крупнокалиберного пулемета.

Лицо Талалихина исказилось от боли. Фашистская пуля пролетела со свистом с правой стороны его кабины, сильно обожгла руку молодого пилота и вылетела рикошетом. Но еще сильнее, чем пуля, обожгла Малыша ненависть. Еще крепче сжала его раненая рука штурвал.

Виктор Талалихин резко дал газ и вдруг обрушился на «Хейнкеля». Не винтом уже — всей своей машиной, всем своим сильным ястребком протаранил бесстрашный комсомолец врага.

О чем он думал в этот миг, отважный юноша? Или, быть может, это мгновение было просто страстным порывом юного и гордого сердца? Нет, он думал. И думал отчетливо, с острой, как лезвие, злобой к врагу.

«Если я погибну, так один... а их четверо... Они летят на Москву, сволочи... Пусть я погибну, но они сдохнут все четыре!»

Раздался страшный треск. Охваченный жарким пламенем и дымом, «Хейнкель» рухнул вниз.

А ястребок Малыша? Ястребок перевернулся вверх колесами — ястребок ранен. Он не держится в воздухе. Еще секунда — и погибнет

Герой Советского Союза летчик-истребитель В. В. Талалихин.

отважный, веселый Малыш, любимец всей эскадрильи, храбрый пилот, уничтоживший четырех фашистских головорезов и спасший десятки советских человеческих жизней.

Нет, не хочет погибать Виктор Талалихин! Он напрягает всю волю, все силы. «Высота—2 500 метров. Так. Надо выброситься с парашютом».

Малыш отстегивает левой рукой ремень... Еще мгновение — и вот он камнем летит вниз. Мысль его работает четко, холодно. Так учила Красная Армия. Восемьсот метров летит молодой пилот затяжным прыжком, не раскрывая своего парашюта. Надо, чтобы падающий ястребок пронесся мимо, тогда можно раскрыть парашют.

И вот он слышит гул. Это пролетает мимо, обгоняя его, раненый истребитель.

— Ну, теперь, Витька, пора... Раскрывай парашют!

Обожженными пальцами дергает он кольцо. Рывок. Малыш осматривается. И видит далеко внизу пламя горящего «Хейнкеля».

И вот Талалихин опускается в озеро... Фыркая, отряхиваясь, выплевывая противную стоячую воду с болотной тиной, Малыш выбирается на берег. Вот он стоит, мокрый с головы до пят. Струйки воды стекают с его осунувшегося лица. Он едва держится на ногах. У него горят виски, болит рука. Первое, что ему почему-то хочется узнать,— который час. Он всматривается в циферблат своих часов. Часы остановились. Стрелки показывают 23 часа 28 минут. Он озирается вокруг. И вдруг его охватывает чувство радости:

«Жив! Жив!.. Земля!.. Родная советская земля!.. Лягушки... Влажная пахучая трава... А те четверо подохли... Я их уничтожил. Я уничтожил их! Собакам — собачья смерть!»

Малыш жив. Вот его ноги, вот его руки, вот его голос!..

Он полон счастья, любви к родной земле, к Москве, к советским людям.

Советские люди... Вот они бегут прямо к берегу, прямо к нему. Бородатые колхозники, старики, парни, девушки, босоногие подростки.

Родные руки обнимают его, родные губы целуют его мокрые грязные щеки.

— Голубчик, жив?

— Соколик ты наш!

— Ай, батюшки, с этакой высотищи сиганул!

— Бабы, дайте человеку вздохнуть, разинули рты-то...

— Цел? Скажи хоть слово, сынок. Цел ай нет?

Родные русские голоса. Карие, с золотинкой глаза Талалихина загораются обычным огоньком, веселым и жарким.

— Цел, товарищи... Только вот воды малость хлебнул,— весело говорит Малыш.

— Батюшки! А рука-то! — пронзительно вскрикнула женщина.

Только сейчас все заметили окровавленную, повисшую, как надломленная ветвь, руку летчика. И сам Талалихин только сейчас вспомнил о ней и сразу же почувствовал острую боль.

— Рука... — пробормотал он.— Обожгли... пулеметом.

Чьи-то ловкие девичьи пальцы бережно перевязали руку.

Дружной гурьбой колхозники повели Виктора Талалихина в деревню. Пахнуло теплом избы. Кто-то стаскивал с него мокрые сапоги. Кто-то протягивал ему валенки, сухую рубаху.

— Не побрезгуй, родимый, чистая...

Появилась кринка с парным молоком. От молока пахло сеном, телятами, чем-то бесконечно родным. Талалихин сидел, как в своей семье, жадно ел свежий ржаной хлеб, пил молоко. На него с любовью смотрели десятки глаз.

И вдруг все увидели — он очень молод, совсем парнишка...

В. В. Талалихин у протаранного им фашистского бомбардировщика. Груда бесформенных обломков — вот все, что осталось от вражеского «Хейнкеля».

— Молоденький-то какой! — растроганно воскликнула одна из матерей.

Мужчины запрягли лошадь. Летчик Виктор Талалихин поехал в свою часть.

Друзья-пилоты, волнуясь, бежали навстречу.

— Малыш! Витька! Талалихин!

И услышали знакомый веселый голос Малыша:

— Эх, жуки, ночь-то какая лунная!..

Старый командир и учитель Талалихина майор Королев по-отечески обнял пилота.

Недалеко от березовой рощи горел протаранённый Виктором Талалихиным немецкий бомбардировщик. Гора обломков. Разбитые моторы, скрюченные крылья, обгоревший пропеллер, пулеметы. Вот все, что осталось от «Хейнкеля». Тут же валялись немецкие бомбы, патроны.

Малыш с товарищами примчался на автомобиле к березовой роще.

— Где... эти?— жестко сказал Малыш, оглядываясь.

Протаранённый бомбардировщик рухнул на землю с такой силой, что трупы фашистских летчиков выбросило далеко из самолета. Холеный подполковник, этот матерый гитлеровский холуй, лежал, вцепившись отполированными ногтями в землю. На барском пальце мерцал перстень с фамильным вензелем. На сером кителе — железный крест. «Асс»! Трое других были одеты в русские рубашки. Где они их украли, эти молодчики?..

Виктор Талалихин сурово смотрел на распластанные трупы. Ничего, кроме отвращения, брезгливости и презрения к этим уничтоженным его рукой немецким летчикам, он не испытывал. Это были злодеи, которые хотели смерти его отчизне. Разбойники, которые зверски насиловали женщин и девушек, расстреливали детей, закапывали живьем стариков. Палачи, которые протягивали свои кровавые, грязные лапы к Москве, к любимой столице, где камень каждого нового здания, ветка каждого нового дерева были политы потом советского человека.

В кабине вражеского самолета Малыш нашел план Москвы, браунинги, ножи. В карманах немецких вояк лежали пачки наворованных денег, штопор, порнографические открытки. Падаль, а не люди... Малыш отвернулся.

...Рано утром все москвичи, все жители советской земли слушали по радио о смелом таране Виктора Талалихина. Слушали и говорили с восторгом и благодарностью:

— Какой богатырь! Какая железная воля! Это настоящий сын родины. Спасибо ему. Хоть бы посмотреть одним глазком на него!

Наутро все увидели в газетах портрет Виктора Талалихина и снимок с протаранённого им немецкого бомбардировщика, возле которого лежали четыре фашистских трупа. У Виктора оказалось совсем юное лицо. Комсомолец. Двадцатитрехлетний простой парень. Таких у нас тысячи.

Мы все смотрели на это милое молодое лицо, мы читали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику-истребите-

лю младшему лейтенанту Талалихину звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». И думали: «Значит, и я могу быть таким?»

В самом деле, кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин, откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта стальная воля, эта непримиримость к врагам трудящегося человечества и страстное желание сокрушить их, сокрушить любой ценой? Почему с таким восторгом и твердостью, с таким презрением к смерти говорит он себе, мчась в высоком советском небе наперерез фашистским стервятникам: «Иду на таран»?

★

...Героя не было на свете, — мать еще носила Малыша под сердцем, — когда кулаки схватили его брата, Павлушу Талалихина, такого же кареглазого, как Виктор Талалихин, такого же горячего, честного, полного жажды жизни, такого же юного... Нет, он был еще моложе, Павлуша Талалихин. Ему едва минуло семнадцать лет.

Семья Талалихиных жила в волжской деревне Тепловке. Василий Иванович был штукатуром. Часто уходил за Волгу на заработки. Вера Ивановна оставалась с тремя сыновьями: Павлушей и малолетками Колей и Шурой. Жили бедно. Была заветная мечта: хоть бы выучить старшего, Павла, хоть бы вывести его в люди. Вот для этого и гнула целыми днями спину Вера Ивановна, для этого и уходил так часто за Волгу Василий Иванович. Как они радовались, когда Павлушу приняли в семинарию! В новой рубахе, в новом картузе, счастливый, взволнованный, поехал Павлуша учиться в город Вольск.

В первые же каникулы мать не узнала своего любимца. Он стал молчалив. Брови над его карими глазами были сдвинуты. Он часто задумывался, глядя в одну точку.

— Ты что, сынок, ты о чем все думаешь? — тревожно спрашивала Вера Ивановна.

Павлуша вздрагивал, улыбался:

— О жизни думаю, мама...

— О жизни? Да неужто, кроме тебя, сынок, некому о жизни подумать? Шел бы в бабки играть.

По ночам Павлуша читал книги. Засветит лампу и читает.

— Павел, керосин жжешь! — прикрикнула раз всердцах мать.

— Ах, мама, кабы ты знала, какие интересные книги я читаю, ты бы обмерла, — отвечал ей Павлуша.

Матери стало страшно. Тайком собрала книжки, которые сын прятал под половицей, привязала к ним камень, снесла на пруд, утопила.

В эту ночь Павлуша не жег керосина. Лежал в темноте с открытыми глазами.

— Ты серчаешь, сынок? — спросила мать виновато.

— Такие книжки в огне не горят и в воде не тонут, мама, — серьезно ответил Павлуша.

Скоро за недозволенное чтение Павлушу выгнали из семинарии.

Вместе с ним из семинарии выбросили еще семь подростков. Вера Ивановна тихо плакала.

— Рисковый ты у меня. Отец на войну пошел. Тебя выгнали. Хлеба нет. Что будем делать?

А потом началась гражданская война. В Тепловку пришла Красная Армия. Уходили отряды добровольцев на фронт драться с деникинцами, с колчаковцами. Уходили драться за землю свою, за счастье свое, за детей своих.

Павлуша записался в партизанский отряд. Он ворвался в избу, как свежий весенний ветер. Его глаза горели.

— Ну, матушка родимая, до свиданья, — сказал он. — Ухожу с партизанами белых бить.

Мать заплакала. Босоногие Шурка и Коля подбежали к ней, стали гладить, утешать.

— Глупые вы мои, желанные вы мои, помрете с голоду, — прошептала мать.

— Не помрут! — резко вскричал Павлуша, собирая походный мешок. — За то иду, чтобы жили.

И ушел драться с белогвардейцами.

А потом Тепловка попала в лапы к белым кровососам. Павлуша пришел навестить мать, которая должна была скоро родить. Она должна была родить Малыша — будущего бесстрашного пилота.

Раздался грубый стук в дверь. Кулачье подсмотрело и выдало Павлушу белым офицерам.

— Вот этот парнишка у них, у красных... доброволец. Красный дьяволенок. Немало мы от него, змееныша, натерпелись.

— Ты за красных, щенок? — спросил офицер, наступая на Павлушу.

— Конечно, не за тебя, белая собака! — ответил гордо и просто Павлуша. И закачался от свирепой офицерской пощечины.

Павлушу повели. Они били его прикладами, эти сволочи.

— Мама, родная! Шурка! Колька! Прощайте. Не боюсь я смерти от белых гадов! — крикнул Павлуша страстным голосом.

Шурка и Колька схватили сваренные матерью яички, которые так и не успел съесть Павлуша, и побежали за братом.

— Павлуша! Павлуша! Возьми! — звали они.

Мальчуганы догнали любимого брата, обняли его ноги в худых сапожонках. Белогвардеец, как котят, схватил Кольку и Шурку за шиворот и швырнул их в канаву. Покатились яички, припасенные матерью для сына...

Эту минуту своей жизни никогда не забудут Александр и Николай Талалихины. Не забудет ее и Малыш, хоть он и родился на свет только на другой день после расстрела Павлуши.

Мать и отец часто рассказывали всем трем сынам своим о погибшем брате.

— Сынки наши, — говорили они, вглядываясь в лица трех мальчиков и словно отыскивая в них родные черты первенца. — Сынки наши, будьте такими же смелыми, как Павлуша.

Герой Советского Союза комсомолец Н. Я. Тотмин только что вернулся из полета. В воздушном бою он протаранил фашистский самолет и благополучно приземлился на своем аэродроме. Боевые друзья горячо поздравляют его с победой.

— Я буду!— говорил Колька.

— Буду, мама!— отзывался Шурка.

— И я буду!— жарко восклицал самый младший, которого звали в семье «Титёк».

Титёк — это Виктор Талалихин. Так прозвали его вольские мальчишки. Колю прозвали «Безменом», Шурку — «Жуком».

Титёк, Безмен и Жук жили в зеленом городе Вольске, у Волги. Василий Иванович и Вера Ивановна Талалихины продали в Тепловке избенку, переехали на житье в Вольск: здесь было много работы для штукатуров.

Рано утром Василий Иванович отправлялся на работу. С ним ходили все три мальчика. Титёк, маленький, коренастенький, крепкий, как гриб боровик, шел вразвалочку сзади всех. Он нес ведро.

У Василия Ивановича были золотые руки. Он любил работать и умел все делать весело. Волжские штукатуры звали его «наш Чапай». Василия Ивановича, отца трех пилотов, и сейчас зовут московские рабочие «Чапаем».

Василий Иванович называл сыновей, которые помогали ему штукатурить, «моя артель». Мальчики гордились этим. Не стесняясь перед

школьными товарищами своих испачканных известкой и краской рук и щек, они шагали по городу за отцом: впереди Шурка-Жук, за ним Колька-Безмен и позади Витя-Титёк.

— Эй, Титёк, — звали Витю Талалихина сверстники, — куда идешь?

— На работу. Не видишь, что ли? По штукатурному делу, — важно отвечал Титёк, гремя своим ведром.

У всех трех мальчиков были свои детские страсти. Шура был серьезный рыболов. Он мог долго просиживать над Волгой с удочкой в руке. Он возвращался домой только к вечеру с огромной связкой рыбы, которая называлась «косыри». За ним постоянно тащились кошки. Вереница кошек, которым Шура милостиво бросал мелкую рыбешку.

Коля и Витя были страстными голубятниками.. Часами сидели они на своей старой высокой голубятне, запуская голубей и следя за их полетом. Кто знает, может быть, именно здесь зародилось у братьев желание стать летчиками...

Мальчишки росли крепкими, выносливыми, ловкими. Все трое были отчаянными озорниками. Но из трех озорников самым главным «озорничищем», как любила говорить мать, был младший — Титёк. Непоседа, живой, как вьюн, ловкий, как белка, веселый, как скворец. Любил Витя лазить по деревьям, забирался на самые верхушки. Мать видела эти проделки, крестилась и говорила:

— Рисковый! Что же это ты делаешь? Ведь сорвешься — костей не соберешь.

Как-то Витя сорвался. Он вывихнул себе правую руку.

Семья собиралась обедать. Как ни в чем не бывало пришел Титёк. Сел за стол. Правая рука висела, как плеть. Он ее прятал. Мать заметила.

— Ты что руку прячешь, озорничище?

— Да ничего, мама, — весело ответил Витя. — С чем у нас сегодня похлебка?

— Ты мне зубы-то, милый, не заговаривай! Покажи руку. Что с рукой?

— Сломал, кажется, — смущенно ответил Витя.

Когда рука зажила, Малыш снова принялся лазить по деревьям. Потом появилось новое увлечение — стрелять из самодельного лука. Стреляли все три брата. Особенно любили стрелять Витя и Коля.

Вите Талалихину частенько влетало от отца и матери.

Бывало нальет в бутылку воды с известкой, зароет эту бутылку в песок. Трах! Выстрел. Бутылка лопнула. Летит песок во все стороны.

— Взрыв! — кричит восторженно Витька.

— Я тебе покажу взрывы устраивать, озорничище! — крикнет всердцах мать и отдерет его больно за ухо.

В характере Витьки Талалихина начались некоторые перемены с того дня, когда он примчался из школы с красным галстуком, повязанным прямо на голой загорелой шее.

— Мам! Пап! Пионер я... Так что вот, значит, теперь... пионер я! — выпалил Витька, захлебываясь от волнения.

— Что же теперь-то? — усмехнулся Василий Иванович, любуясь воинственной физиономией сына.

— Так что теперь, значит, вот... — загадочно улыбаясь, повторил Витя.

— Теперь держись, Титёк, зададут тебе пионеры перцу — сказал отец.

В этот вечер особенно долго и хорошо рассказывали отец и мать ребятам о расстрелянном кулачьем и белыми офицерами Павлуше.

— За тебя, Титёк, погиб Павел! Слышишь, глупый, за тебя!

Витя слушал серьезно, жадно; карие его глаза горели.

Вся босоногая команда надела красные пионерские галстуки. Это были первые пионерские отряды в городе Вольске. Костры и шалаши в лесу, рыбалки, разговоры о будущем, мечты о покорении Марса, первая модель самолета, сделанная руками Витьки...

Учились братья хорошо. У Витьки была чудесная, редкостная память.

В городе открылась летная школа. В небе зажужжали самолеты. Лежа с товарищами на обрывистом берегу Волги и задрав нос к небу, Витя прислушивался к жужжанию самолетов.

Скоро он объявил, что будет летчиком. Это было еще неосознанное желание. Все мальчишки хотели быть летчиками. Все до одного. Дом Талалихиных теперь был завален стружками, обрывками бумаги, старой проволокой. Братья, серьезные, нахмуренные, важные, яростно строили межпланетные воздушные корабли.

— Ну, полетела наша артель! — шутил Василий Иванович.

Вера Ивановна радовалась тишине, возникшей в доме.

Братья сооружали свои самолеты в глубочайшем молчании, которое только изредка нарушалось короткой ссорой из-за молотка или клея.

— Доброго здоровьица, Василий Иванович! Как жизнь? Что новенького? Что-то ваших ребят не видать? — спрашивали соседи, к которым мальчишки вдруг перестали лазить за яблоками.

— На Марс летим, — отвечал штукатур, весело подмигивая в сторону своего дома: там на полу, сопя носами, трудились братья Талалихины.

Семья Талалихиных перебралась в Москву. Василий Иванович поступил работать штукатуром на Мясокомбинат.

Витя Талалихин приехал в Москву четырнадцатилетним крепышом подростком. Загорелое и обветренное лицо. Жадные глазищи. Впервые увидели эти глаза столицу, которая потом стала ему родным домом.

Малыш поступил в ФЗУ Мясокомбината. Малыш стал шпигорезом. Он деловито учился и работал в цехе. И очень скоро стал любимцем не только всех фабзайцев, но и рабочих, которым нравилась его веселость, живость, выносливость, его готовность отдать товарищу последнюю горбушку хлеба.

Снова Малыш стал вожаком ватаги. Теперь это была ватага подростков. За ним, за Витькой Талалихиным, шла эта ватага на футболь-

ные матчи, на турники, на московские крыши, откуда сбрасывал юный шпигорез свои парашюты.

Однажды Малыш забрел в клуб комбината. Здесь рабочие репетировали спектакль «Платон Кречет». Роль старого врача Бублика никому не удавалась. Малыш слушал-слушал и, смущенно покашливая, предложил сыграть Бублика. Рабочие хохотали: этакий шестнадцатилетний шпингалет хочет играть старика, да еще доктора! Фаина Петровна Ольшаная, организатор культурной работы в цехах (потом она стала большим другом летчика), выгнала Витьку и всю ватагу его приятелей.

Витя был упрям, как всегда. Он все-таки выучил роль Бублика и заставил себя выслушать. С первых же слов, произнесенных Витей Талалихиным, драмкружковцы поняли, что это его, именно его роль. На спектакле Малыш играл Бублика с таким чувством, так наивно и чисто, что зал был в восторге.

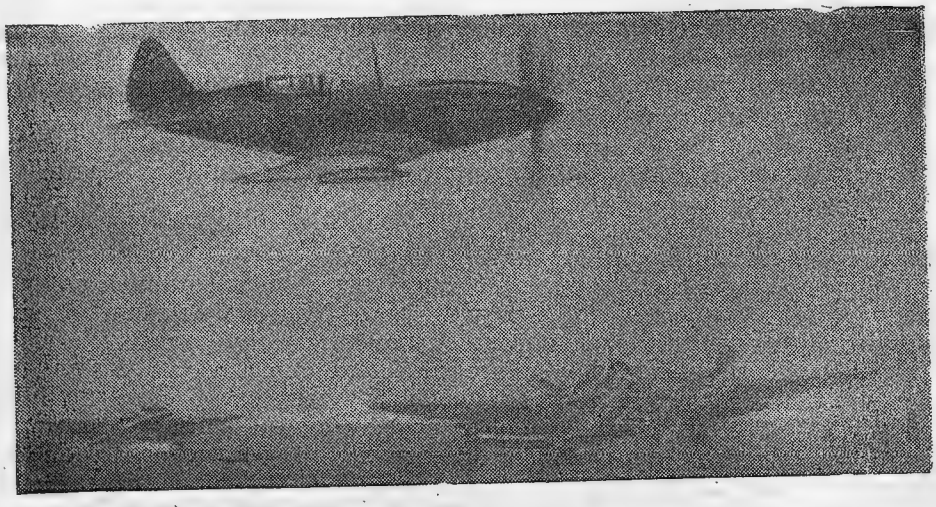
С этого дня на Мясокомбинате стали звать юного шпигореза Талалихина «Бубликом» или «Терентием Осиповичем». Бесконечное количество раз сыграл Талалихин свою роль.

Ольшаная принялась воспитывать Бублика. Витя стал читать книги, знакомился с музыкой и живописью. Любимыми его книгами были книги о гражданской войне и летчиках. Из рук Ольшаной получил он первую книжку о великом советском летчике Валерии Чкалове. Молодой шпигорез влюбился в Чкалова. В нем он нашел какие-то свои черточки. Это был герой его отрочества.

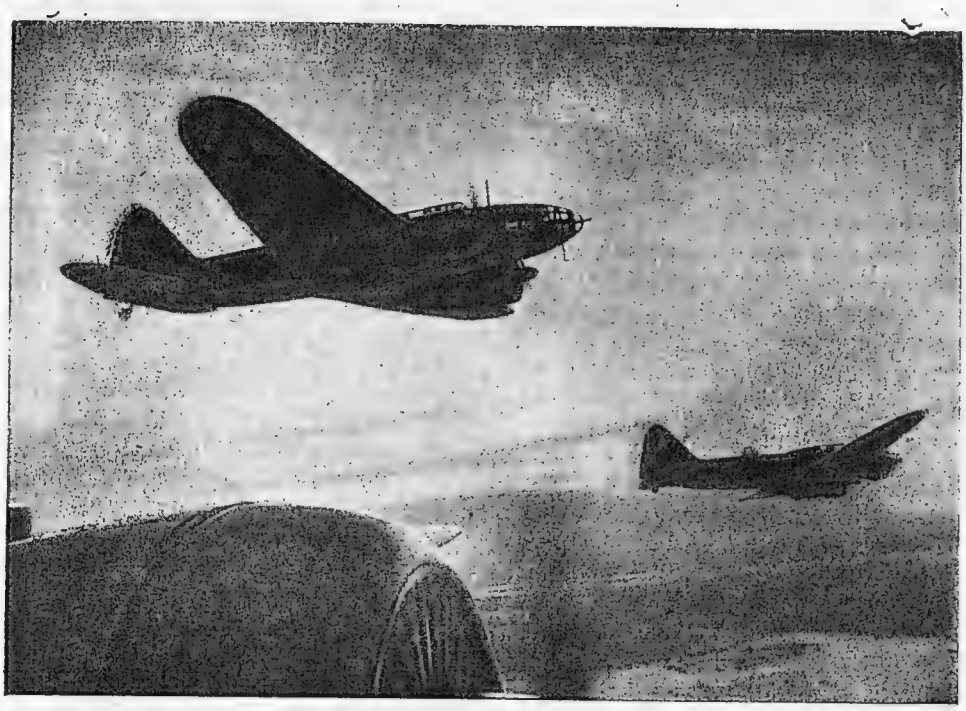
— Мы оба с Волги,— говорил он радостно ребятам,— мы рисковые!

— С Волги-то с Волги, да ты колбасник, а он пилот!

Виктор злился.



Сопровождающий истребитель уже в воздухе. Пикирующие бомбардировщики скоро тоже оторвутся от земли и понесут свой смертоносный груз на запад.



*Машины **легли** на боевой курс. Мощные бомбовые удары обрушат они на головы фашистских разбойников.*

Шло время. Призвали Шуру-Жука в ряды Красной Армии. Шура попросился в авиацию. Мать встревожилась:

— Опасное дело, сынок.

— Мать, — волнуясь, ответил Александр, — не ты ли учила нас быть смелыми, как Павел?

— Пусть летает, — сказал Василий Иванович.

Когда Александр приехал в отпуск в синем с голубыми петлицами френче, Витя даже застонал от восхищения и зависти.

— Мама, и я хочу!

— Сиди ты, Титёк, время твое не пришло! — прикрикнул отец.

У Коли-Безмена тоже загорелись глаза. Однажды он получил в цехе своем билет на право полета на самолете-гиганте «Максим Горький». После полета вернулся сам не свой.

— Уйду летать! — заявил он родителям.

И добился своего. Комитет комсомола строительства комбината уважил его просьбу и отправил в гидролетную школу.

Они остались втроем: отец, мать и Витька. Малыш сидел пригорюнившись. Шумно вздыхал. Потом хлопнул дверью, ушел...

— Мать, а ведь и этот улетит, честное слово, улетит! — с затаенной радостью воскликнул Василий Иванович.

— Да что ты еще, отец! Вот тоже мелет, сам не знает что. Не пущу я Виктора никуда. Пусть хоть один при мне на земле будет. Ведь малолеток он!

Через три дня Виктор бомбой влетел в деревянный барак, где жила в то время семья Талалихиных.

— Записался! Летать буду! В аэроклуб записался! Летать буду! Честное пионерское...

Мясокомбинат помог юному шпигорезу и устроил его в аэроклуб. Занимался Малыш усердно и с первых же дней прославился смелостью.

Командиры долго думали о способном Талалихине. Летает прекрасно, но какой же пожар в голове!

— Надо воспитывать парнишку, — сказал командир, — надо помочь ему разобраться, где начинается настоящая смелость, а где ухарство.

Комсомол! Вот кто должен взяться за этого неугомонного парня.

Малыш вступил в ряды комсомола.

С этого дня за Виктора Талалихина взялись комсомольцы. Неотступно следили за каждым его шагом, как умели — учили, как умели — ругали, как умели — хвалили. И все вместе ходили смотреть на его полеты.

Пришел день, и Малыш горячо распростился с товарищами-шпигорезами, обнял своего лучшего друга, слесаря Мишу Белоказанцева, и по комсомольской путевке поехал в летную школу имени Чкалова. Комсомольцы-пищевики передали Виктора Талалихина комсомольцам-пилотам.

Вот тут-то и началась настоящая, серьезная летная и комсомольская жизнь Малыша. Учился он отлично.

— Этакий малыш — и такие показатели! — говорил капитан Баулин, довольный. Капитан Баулин и командир группы лейтенант Павел Коптяев были учителями Талалихина.

Когда в Малыше начинал «играть бесенок», его крепко пробирали комсомольцы. Были дни, когда Малыш хмурился. Был день, когда он получил от комсомольской организации строгий выговор. Потом выговор сняли за отличные успехи и отличную дисциплину.

Но в те часы Талалихин бурно переживал комсомольские уроки. Его обуздывали, как дикую степную лошадь, а ему казалось, что ему мешают летать, сковывают его силу, его смелость.

— Как же Чкалов? Как же Чкалов?..— негодовал он.

— Ты, пожалуйста, за Чкалова не прячься, ты сам себя создавай,— строго говорили товарищи-комсомольцы.

С какой благодарностью в дни финского фронта вспоминал истребитель Виктор Талалихин товарищей-комсомольцев! Да и после этой горячей ночи с 6 на 7 августа он их вспомнил. Это они помогли ему вырасти в зрелого пилота, умеющего управлять своей волей и чувствами.

Малыш хорошо сдал выпускной экзамен и пришел в летную эскадрилью. Майор Михаил Иванович Королев, опытный и заслуженный летчик, стал его учителем и начальником. Майору Королеву полюбился юный горячий истребитель-комсомолец. Многому научил майор Малыша.

А на финском фронте Малыш спас майора от смерти.

Виктор Талалихин в боях с белофиннами сделал 47 боевых вылетов. Он получил уже в те дни орден Красной Звезды.

Своего командира Малыш спас так. Он и майор полетели на штурмовку врага. Летят, расстреливают пехоту белофиннов. Вдруг Малыш замечает: по майору Королеву, по его любимому учителю, бьют с земли. Со всех сторон летел свинцовый огонь. Малыш не раздумывал долго. С малых лет он был верным товарищем. Он прикрыл своей машиной майора, взял огонь на себя. Он вернулся на аэродром на изрешеченном пулями самолете. Но был жив, а главное — был жив майор.

— Спасибо, Малыш!

Михаил Иванович Королев прижал к сердцу молодую голову ученика.

В боях с белофиннами Виктор Талалихин потерял своего хорошего товарища, молодого истребителя, татарина Гумара Аюпова. В машину Гумара попал снаряд врага. Что-то отлетело от самолета, самолет рухнул в озеро.

Ночью Малыш и другие пилоты снова полетели к озеру.

— Пусть он мертв, но мы его возьмем, мы отдадим последний долг дорогому товарищу, — сказал Малыш.

Гумар оказался жив, хоть и тяжело ранен в голову, в грудь, в живот.

— Профессор,— умолял Малыш старого хирурга,— спасите Гумара!

Это было трудно, но старый профессор, сам раненный, спас Гумара.

И вот, после всего, после того, как Гумар улыбнулся уже и прошептал: «Живем, Малыш» и Малыш ответил ему: «Живем, живем, жук дорогой», фашисты разбомбили санитарную палатку. Гумару оторвало голову.

Слова проклятия вырвались из уст Малыша. У трупа комсомольца Гумара вся эскадрилья поклялась отомстить за молодую жизнь.

Через час после гибели друга Малыш написал заявление о приеме его в ряды коммунистической партии.

★

Вот кто такой Герой Советского Союза Виктор Талалихин. Вот откуда взялась в нем эта богатырская сила, эта железная воля, эта страстная непримиримость к подлым врагам трудящегося человечества, это благородное презрение к смерти.

Вот почему, увидя черного фашистского ворона, Виктор Талалихин без колебаний вскричал:

— Иду на таран!

...Свидание Малыша с отцом и матерью после героического боя в ночь на 7 августа произошло словно в сказке.

Вера Ивановна и Василий Иванович пошли вечером, как обычно, в клуб Мясокомбината. Они шли молча, эти два старика. Они не решались спрашивать друг друга о своих сынах.

Мать села на диванчик, слушала радио и думала о сыновьях.

И вдруг по радио рассказали о молодом герое — о таране Талалихина. Рассказали коротко. Шесть-семь фраз... Радио смолкло. Вера Ивановна приподнялась с дивана и снова упала на него. Эта крепкая, крупная, сильная волжская женщина стала вдруг слабой, как ребенок.

— Ивановна, твой? — подбежав к ней, спросили работницы.

— Мой, — прошептала мать побелевшими губами.

— Который?

— Не знаю.

Мать трясло, как в лихорадке. Прибежал Василий Иванович. У него дрожали руки.

— Имя-то, имя не слыхали?

— Никто не запомнил.

— Бомбардировщик аль истребитель?

— Истребитель.

— Титёк! — воскликнул отец.

Радио молчало. Он метнулся к телефону. Куда звонить?

Женщины собрались вокруг матери.

Толком никто ничего не знал.

— Витенька, кровь ты моя, последышек ты мой родной, малолеток ты мой! Ты ли это? — по-волжски приговаривала мать. Она до сих пор считала своего Виктора «малолетком».

— Обязательно я, мамаша. Вот я, мамаша, налицо! — раздался вдруг громкий голос.

В дверях стоял Малыш. Одна рука его была забинтована. Карие веселые глаза вспыхивали золотыми лукавыми огоньками.

— Витька! — закричал Василий Иванович.

Слезы покатились из глаз старого штукатура. А у матери глаза тотчас же высохли.

Удивительная женщина Вера Ивановна! Она встала во весь рост, оправила на себе примятое платье, платок и плавной, гордой походкой приблизилась к сыну.

— Ты что руку-то прячешь, озорничище? — сказала она так строго, как десяток лет назад, когда Титёк, летая с дерева на дерево, вывихнул себе руку.

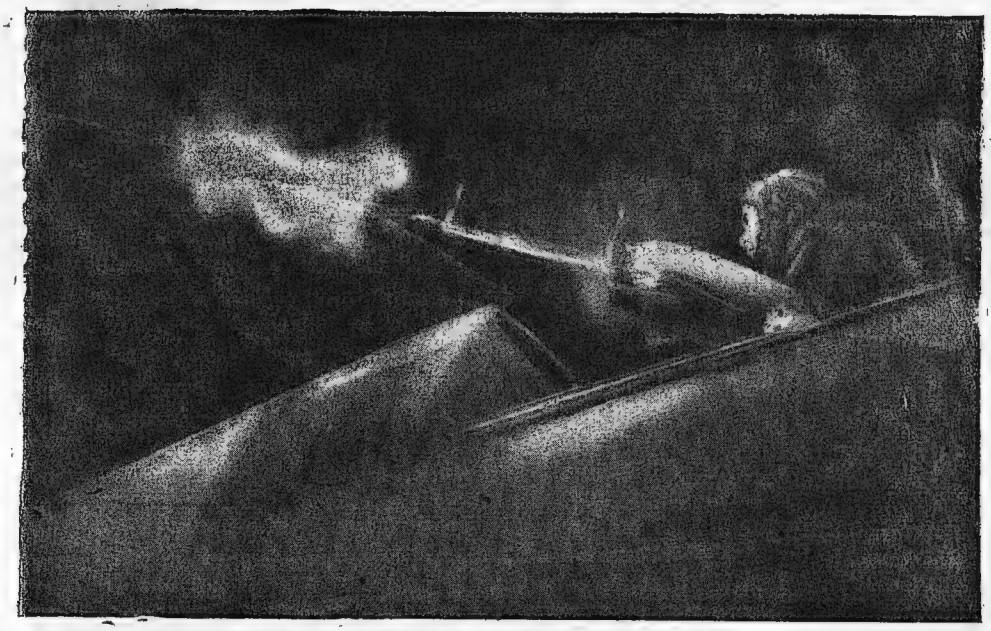
— Вот она, рука, мамаша, работает!—засмеялся Виктор. Он обнял мать, и она расцвела, как семнадцатилетняя девушка.

— Ну и озорничище ты у меня, ну и озорничище! Да что ж ты наделал такое?.. Ну и озорничище!.. — смеясь и плача от счастья, повторяла мать.

— Мать, да за что ты меня бранишь-то? — растроганно сказал летчик, прижимаясь щекой к родной материнской щеке. — Папаша, никак я матери нашей не угожу. Протаранил по ее заданию фашистского «асса», а она меня все бранит... Заступитесь, папаша!

Василий Иванович улыбнулся сыну. Со всех сторон рабочие и работницы обступили Малыша.

— Да пустите вы меня-то! Господи, отца родного не пускают!.. — почти застонал Василий Иванович, пробираясь сквозь толпу, окружившую героя.



На ночном бомбардировщике. Огонь по воздушному хищнику.

— Ну, здравствуйте, Виктор, — сказал торжественно Василий Иванович, приблизившись к сыну и называя его почему-то на «вы». — Слышим — Талалихин, а какой Талалихин — не знаем. По моим расчетам Колька или Шурка в герои-то раньше должны выйти, а выходит, вы, Виктор Васильевич, их опередили. Спасибо, штукатур! — И отец поцеловал сына в губы.

К Малышу потянулись руки старых и молодых рабочих.

— Виктор Васильевич, спасибо тебе от нашего завода, от нашего Мясокомбината за оборону красной столицы нашей, Москвы... — начал кто-то торжественно.

— Какой я вам Виктор Васильевич! Будет вам! — засмеялся летчик.

В дверях стоял закадычный и верный друг юности героя — Михаил Белоказанцев, комсомолец-слесарь. Он только что пришел из цеха. Его лицо было выпачкано машинным маслом. Волнуясь, он теребил пышные свои волосы. Смущенно кашлянул.

— Мишка! — радостно воскликнул Малыш. — Мишка, чорт, жук!

— Витька!

Юноши расцеловались. Старики-рабочие, одобрительно крякнув, поглаживали усы.

— Погодки наши... Как же... Вместе по чердакам лазили-то... — сказал кто-то из них.

Рабочие Мясокомбината радовались, как малые дети. Герой Советского Союза был их бывший рабочий, простой колбасник, которого они

учили и журили так, что с него по семь потов сходило. И вот он распорол брюхо проклятому фашистскому стервецу, вон каких четырех волков свалил!.. И главное, чуть не прямо с поля боя, от всех командиров, от всего начальства, от всего почета приехал к ним на завод, к отцу, к матери...

Малыш извлек из кармана тусклый железный крест, нашивку за Нарвик, фамильное кольцо подполковника, железную этикетку, снятую с самолета. На этикетке значилось: «Хейнкель-111».

— Вот глядите, — сказал он, смущаясь и радуясь.

★

Двадцатитрехлетний юноша, Герой Советского Союза, стал командиром эскадрильи. Но для молодежи он остался попрежнему простым и веселым Малышом.

С восторгом слушали однажды ночью молодые партизаны Белоруссии его горячее слово, обращенное к ним. Это было в лесу. Партизаны сидели у радиоприемника, жадно ловя слова из родной Москвы. Вдруг лицо Анны Шубенок вспыхнуло. Далекий голос диктора произнес:

— Слушайте слово Героя Советского Союза, летчика-истребителя Виктора Талалихина к партизанке Анне Шубенок.

— Анна! Это тебе... Анка! — воскликнули товарищи.

Но Анна уже приникла всем лицом своим к радиоприемнику. Она замерла. И все замерли. Стало так тихо, что слышно было, как шелестят ветви деревьев.

— Дорогой товарищ Анна Шубенок! Ты слышишь меня? Говорит летчик-истребитель комсомолец Виктор Талалихин...

— Слышу, — невольно вырвалось из уст Анки-партизанки. Сердце ее забилось часто-часто. Кровь прилила к вискам.

— Ты меня никогда не видела, и я тебя не видел, но я, молодой пилот, и ты, юная партизанка, — родные люди, фронтовые товарищи. Крепко жму тебе руку, Анна! От имени всех своих друзей, советских летчиков, говорю: спасибо...

Анна Шубенок покраснела. Радость горячей волной залила ее сердце.

— ...Анна Шубенок! Я знаю, что ты своими пулями уложила многих фашистов. Горжусь тобой. Знай, что когда ты — пешком ли, на коне ли, в лесу ли, в болоте ли — пробираешься, чтобы выполнить боевое задание своего партизанского отряда, я и мой ястребок — мы с тобой. Нам светят одни и те же звезды, Анна! Над нами одно и то же советское небо. Ты слышишь меня, Анна?

— Слышу! — уже совсем громко вскричала Анна Шубенок. Но послышался какой-то крик, свист. Больше не понимала девушка слов летчика. Что же это? Что это? Какая обида! Ведь так дорого каждое слово...

И вдруг снова услыхала она горячие слова молодого пилота:

— ...и даже если нам с тобой придется погибнуть за родную землю, за человеческое счастье, то наши товарищи, советские юноши и девушки, помянут нас добрым словом. Они скажут: не зря занимала место на земле Анна Шубенок, не зря коптил небо Виктор Талалихин.

А в сентябре 1941 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся антифашистский митинг советской молодежи.

И снова услышала молодежь страстный голос Малыша:

«Каждый на своем посту — громи своей работой врага!

Каждый на своем посту — учись разить врага в самое сердце!

Поднимайся, молодежь! Не отдадим фашистским бандитам своей юности.

Поднимайся, молодежь! Мы должны отобрать назад наши родные советские города и села, временно попавшие в лапы врага.

Поднимайся, молодежь! Мы обязаны отомстить за кровь, пролитую советскими юношами, девушками, детьми».

Виктор Талалихин звал молодежь смело и решительно итти на таран гитлеровской банды.

Честь и слава таким советским юношам-борцам, как Виктор Талалихин!

И. ПОПОВ

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

1

Это будет рассказ о двух днях в жизни комсомольца Гайка Шадунца. Он никогда не забудет этих двух дней, этих сорока восьми часов, в течение которых подверглось беспощадной проверке все то, что двадцатилетний юноша сумел воспитать в себе.

Те дни были 1 и 2 декабря 1941 года.

Шла великая битва под Москвой.

Защитник Москвы! Спустя десятилетия те, кто сражался тогда на подмосковных рубежах, будут вспоминать об этом, как о самой большой своей гордости.

Старший сержант Шадунц был участником великой битвы.

Орудие зенитной артиллерии, которым он командовал, занимало огневую позицию в таком пункте, где разразилась яростная двухдневная атака фашистских танков. Зенитчик Шадунц стрелял в эти грозные дни по наземным целям.

Это было в районе железнодорожной станции Хлебниково. Позади зенитных орудий тянулась вдоль шоссе деревня Кио. Москва была близка — сейчас же за деревней, параллельно линии фронта, проходило полотно Окружной железной дороги. Там курсировал наш бронепоезд. Он поддерживал своим огнем те пункты фронта, которые оказывались по ходу сражения наиболее угрожаемыми. Всякий, даже самый малый наш отход назад в этом месте открывал бы врагу возможность захватить станцию и перерезать железнодорожную линию. А тогда наш бронепоезд уже не мог бы свободно передвигаться вдоль всей линии боя и должен был бы уйти. Фашистские же танки получили бы выход на шоссе. На этом участке фронта (так же как и на других участках нашей линии подмосковной обороны) перед защитниками Москвы подлинно было только одно: «Ни шагу назад. Стоять насмерть».

Долгие, бесконечные часы утром 1 декабря, и ночью, и на рассвете, и в полдень 2 декабря бушевал над нашими позициями вражеский огневой вихрь — предвестник атаки. Снег вздымался от ударов

пуль, от взрывов снарядов, мин и крутился серебрящимся смерчем. Одиннадцать фашистских танков выползли на тот узкий отрезок фронта, на пригорке перед деревней Кио, где стояло орудие Шадунца. Атака была отбита. Но 2 декабря немцы выслали двадцать три танка. Развернувшись в две шеренги, они подкатывались к нашим позициям. Был момент, когда смертоносный концентрированный огонь врага, казалось, скосил наши огневые точки; орудия замолкли; наша пехота, подавшись несколько ближе к деревне, залегла. На фронте протяжением в несколько сот метров осталась на какое-то короткое время лицом к лицу с надвигающимся врагом одинокая горстка смельчаков — орудийный расчет комсомольца Шадунца.

И вражеский натиск был отбит. Семь немецких танков превращены в пылающие костры, в бесформенные груды металла одним лишь орудием комсомольца Шадунца.

И с этого момента переломился ход боя. Двухдневные атаки бесславно кончились для фашистов. На третий день наши подошедшие резервы уравновесили силы. А потом началось общее наступление наших войск.

Как же достигли своей победы бойцы орудийного расчета товарища Шадунца в эти два дня? Как вели они себя во время боев? И как в минуту решительного испытания они просто, естественно совершили дела, которые по праву названы геройскими делами?

2

Гайк Авакович Шадунц, армянин по национальности, родился в Нагорном Карабахе. Как большинство горцев, его отец был отличным охотником. Мальчик бродил с отцом по крутизнам и ущельям, выслеживая и настигая добычу. В его жилах текла горячая кровь. Добыча иногда показывалась совсем рядом. Но и отец и мальчик знали, что близость на крутых горных тропах бывает обманчивой и что не стремительный, неосторожный прыжок, а долгий обходный путь иной раз вернее приведет к цели. Горы учили с малых лет терпению, неутомимости, выдержке, упорству.

Гайк родился в 1920 году. Он не помнит никакого другого строя жизни, кроме советского строя. Шестнадцати лет он вступил в комсомол. Комсомол воспитал в нем чувство коллективизма. В комсомольском коллективе юноша Шадунц возмужал; он вырос внутренне. Укрепились, развились те качества его, которые дала ему его родина, его народ: смелость, прямота, скромность, настойчивость. Еще в школе он был одним из лучших физкультурников. Его отличали и награждали на республиканских стрелковых соревнованиях, — и он носил значок ворошиловского стрелка. В комсомольской организации отметили, что этот горячий, увлекающийся, настойчивый юноша способен зажигать ребят и в то же время дисциплинировать их. Его послали в 180-ю среднюю школу пионервожатым. Школа была слабой по дисциплине и по успеваемости.

Юго-западный фронт. Младший лейтенант И. Кочкуркин указывает цель бойцу-комсомольцу Рахиму Рузматову, ведущему огонь из противотанкового ружья.

— Справишься? — спросили его в комсомольском комитете. — Берись за дело. Мы поможем.

Он проводил в школе все свободное время. И справился. Когда затем 180-я школа, недавно самая отсталая, оказалась на первом месте в районе по успехам и по дисциплине, была особо отмечена работа пионервожатого Шадунца.

Он окончил десятилетку. Вся необъятная ширь жизни была перед ним. Его предки знали мотыгу, меткое ружье и косматую одежду горцев — бурку. Как многие среди нашей молодежи, среди юного поколения советских людей, переделывавших землю, он почувствовал тягу к точным и могучим машинам и механизмам. Он наметил свой жизненный путь: закончить машиностроительный факультет Бакинского индустриального института, стать инженером. Но это — впереди. Сейчас его звала Красная Армия. С радостью он узнал на призывном пункте в 1939 году, что принят в ее ряды.

Он очутился на зенитной батарее. Перед ним были те чудесные механизмы, о которых он мечтал, — такие сложные, такие точные и такие послушные в руках того, кто сумеет их хорошо понять и изучить.

И, как всегда, упорный, упрямый, терпеливый, он взялся за новое

дело. Он изучил балистику. Того, что он знал по механике и по математике, оказалось недостаточно для этого, и он налег на книги и тетради со сложными формулами. Он изучал тактику боя. И орудие становилось послушным молодому командиру, — из своей зенитной пушки он мог теперь в совершенстве поражать не только воздушные, но и наземные цели. Он стал мастером своего оружия.

Шадунц добился того, что оказался в своем подразделении на первом месте по состоянию материальной части. Его орудие всегда содержалось в образцовой чистоте и в абсолютной боевой пригодности.

В армии он оставался активным комсомольцем-организатором. Он стал секретарем бюро комсомольской организации подразделения.

А в своем маленьком людском коллективе, орудийном расчете, где успех работы каждого особенно зависит от точности работы всех остальных, Шадунц стремился добиться того, чтобы любой из пяти бойцов мог заменить в бою выбывшего товарища и каждый, в случае нужды, сумел бы стать на место командира.

И вот пришла боевая проверка...

3

Ночью 23 ноября 1941 года батарея получила боевой приказ: выступить на фронт. До того батарея защищала Москву от воздушных пиратов. Теперь батарея перешла из Москвы на существовавшее тогда Дмитровское направление.

Она заняла огневую позицию вблизи деревни Ложки, на переднем крае нашей обороны. Семь дней она ведет стрельбу по немецким автоматчикам и минометчикам, поддерживая действия нашей славной пехоты. И нигде врагу не удалось просочиться в наше расположение.

30 ноября приходит приказ сняться с позиции и перейти к деревне Кио. Там сложилась тревожная обстановка. Там грозит прорыв неприятеля к Окружной железной дороге.

Поздним вечером батарея прибывает на новое место и занимает указанную ей огневую позицию. Здесь бойцы узнают, что эта точка для расположения батареи определена верховным командованием. Люди поняли: сам великий полководец Страны Советов, сам Сталин следит за действиями зенитчиков-артиллеристов!

В этом была радость и гордость каждого бойца и командира. Но тем большей была ответственность каждого.

Обстановка усложнялась. С возрастающим упорством враг рвался к Москве. На нескольких участках наши отошли. Временами утрачивалась связь батареи с командованием.

Полночь. Батарея заканчивает окапывание. У крайней избы сходится группа командиров и красноармейцев. В поле метет и воет ветер. Небо мглистое. Перед нашими огневыми точками — спуск к овражку. Там, дальше, за оврагом, шоссе поднимается к деревне Горки. Слева, на фланге наших огневых позиций, овражек превращен в длинный противотанковый ров. На подъеме из овражка—деревенька Нестериха.

Вперед, на запад! Пробивая дорогу пехоте, батарея лейтенанта Бирюкова ведет огонь по врагу с открытых позиций.

Там и в Горках — немцы. Оттуда ожидается атака. И, собравшись вместе, бойцы и командиры долго молчат. Все детали, насколько их можно предвидеть, уже обдуманы и решены. Приказ дан Сталиным. Приказ должен быть выполнен.

Все знают, что испытание будет серьезным. И знают, что здесь надо стоять насмерть, биться до последней капли крови.

И в это время им принесли известие: Ростов взят нашими войсками. Немцы разгромлены и бегут.

Никогда не забываются такие моменты. Кажется, крылья выросли за спиной. Забыты были и мороз, и ветер, и летучая мгла, носившаяся по полю. Но глубокая радость, охватившая всех, была сдержанной.

Вернувшись к своему орудию, Шадунц послал очередных бойцов в прикрытие отдохнуть и выспаться. Но никто не захотел уйти. Все нетерпеливо ждали начала боя.

В 5 часов утра, когда было еще темно, завыли первые мины. Немцы повели огонь по всему участку фронта. Огонь велся с расстояния километра в три и с каждой минутой становился сильней и сильней. Это была подготовка к атаке. Каждое мгновение можно было ждать появления неприятельских танков. У орудия товарища Шадунца вдруг раздался стон — упал красноармеец Алексеев. У него оказалось серьезное ранение. Он выбыл из строя.

Рассвело. Огонь минометов не утихал. Наступил полдень. На небе, затуманенном морозной мглой, пробилось чахлое декабрьское солнце. Оно успело завершить свой короткий зимний путь и стало уже склоняться к верхушкам леса за Нестерихой, а немцы все еще не начинали атаки. Огонь же минометов свирепствовал, не ослабевая.

К четырем часам дня, когда уже засинели зимние ранние сумерки, из деревни Горки на шоссе показался тяжелый головной фашистский танк. Он был хорошо виден с пригорка перед деревней Кио. Итак, вот она, первая встреча с бронированным врагом!

За головным танком вышли из деревни десять средних. Они развернулись в две шеренги и спускались вниз к овражку, держа курс прямо на наши позиции. Сопровождавшие движение танков минометчики и автоматчики открыли концентрированную стрельбу по нашим огневым точкам. Расчеты двух наших орудий были выведены из строя и замолкли. В третьем же орудийном расчете оставался не выведенным из строя только один человек — командир орудия комсомолец Громышев. Он сам заряжал, сам следил за совмещением орудийной стрелки с прицельной стрелкой, сам стрелял.

Тяжелый головной танк приближался; его отделяло от орудия Шадунца уже не более восьмисот метров. И все усиливался огонь неприятеля... Вот и орудие Громышева смолкло, подбитое. Орудие же

Западный фронт. Бесстрашно и умело действует орудийный расчет сержанта Ю. Сапожникова. Меткие артиллеристы подбили восемь вражеских танков.

Шадунца выжидало. Насторожившись, командир выбирал наиболее подходящий момент, чтобы нанести верный удар. Сумеречное небо начинало темнеть, но на земле видимость была еще отчетливой.

И когда Шадунц подал команду к стрельбе бронебойным снарядом и загремел выстрел, фашистский головной танк как-то словно осел и остановился. Его лобовая броня раскололась от верха почти до середины. Три фашистских танкиста выскочили из кабины и бросились бежать к деревне. Остальные так и остались в танке, очевидно, пораженные насмерть.

Теперь орудие Шадунца выпускает снаряд за снарядом по фашистским танкам и по минометчикам. Восемьдесят снарядов обрушивает оно на атакующих, поддерживая огонь нашей пехоты.

Вся группа немецких танков поворачивает назад и стремится укрыться в деревне. Там настигает отступающих фашистов бронебойный снаряд товарища Шадунца и разбивает еще один танк. В сумерках он вспыхивает ярким костром.

Первая танковая атака кончается. Батарея отводится за деревню: необходимо устранить нанесенный неприятелем ущерб и привести орудия вновь в полную боевую готовность.

И в тот же вечер орудия возвращаются на свои точки. Расчеты изготовляются к бою. Наступает ночь, синяя декабрьская ночь — чистое небо, пылающие яркие звезды. Такой же чистый небесный полог и такие же сияющие звезды, как бывает на далеком юге, в родном для Шадунца Нагорном Карабахе. В эту ночь Шадунц вспомнил своего отца. Сейчас ему перевалило за девяносто. Лес и горы были его стихией, его не страшили никакие невзгоды, никакие лишения, он никогда не знал никаких болезней. И попрежнему бодр был старый охотник. Было у него шестнадцать детей. Семерых похоронил, ушла в могилу жена. Троих сыновей отправил в армию. «И сам бы пошел», говорил старик. Крепкий горный дуб! Если бы видел старый охотник эту охоту за черной фашистской дичью, эти два танка, подбитых его сыном!

4

Ночь под 2 декабря оказалась не похожей на тихую предыдущую ночь. В самом начале первого часа тишину прорезал минный вой. Противник опять начал огневую подготовку к атаке.

На переднем крае наших позиций два орудия — расчет Громышева и расчет Шадунца. Два других из их батареи расположились в глубине, позади.

С полуночи до полудня огонь фашистских минометов не прекращался и не ослабевал. В полдень фашисты концентрируют свой огонь на орудиях Громышева и Шадунца. Они берут наши огневые точки в пылающее кольцо разрывов. Еще три с лишним часа длится обстрел. Кольцо огня тесно сжимает наши орудия. Наконец, около 16 часов, появляются танки. На этот раз они выходят не из Горок, а из деревни Нестерихи, расположенной с левого фланга. Таким образом,

Зима 1941 — 1942 годов. Днем и ночью громил фашистские гнезда на землях Смоленщины расчет тяжелого орудия старшего сержанта А. Омельченко, поддерживая наши наступающие войска.

предстоит фланговая атака. И первый удар должно принять орудие Громышева, расположенное слева от орудия Шадунца.

Танки выходят из деревни густой колонной; они хорошо видны, бойцы считают их: больше двадцати! Тяжелый головной командирский танк держит курс на шоссе. Часть танков, пройдя небольшое расстояние, начинает маневрировать и скрывается. Из засады они открывают сосредоточенный огонь по нашим орудиям.

А головной танк ползет вперед, и за ним — основное ядро вражеской танковой группы. Первым открывает огонь по танкам орудие Громышева. Но сейчас же замолкает. Неприятель поражает позицию товарища Громышева, орудийный расчет выводится из строя; сам Громышев убит. Снова, как и накануне, орудие Шадунца остается одиноким на переднем крае обороны. И основной огонь неприятеля концентрируется теперь на нем.

Шадунц подает команду: «огонь!», когда головной фашистский танк подходит близко к шоссе. Снаряд бьет в самое основание танковой башни, и она валится на снег. «Ура! Башня улетела!» кричат наши пехотинцы.

Фашистская машина замирает. Три танка направляются к ней с

очевидной целью прицепить и вывести ее из боя. Они подходят, останавливаются; фашистские танкисты быстро выпрыгивают из своих машин, кидаются к подбитому танку. Тогда Шадунц подает команду: «По фашистам, гранатой, трубка 17, прицел 8, угломер ноль — огонь!» Снаряд разрывается над группой бандитов. Как ошпаренные, они бросаются в стороны и быстро удирают, снова каждый в свою бронированную кабину.

Фашистские танки пытаются развернуться и построиться. Но второпях маневрируют неискусно, лезут друг на друга, смешиваются в беспорядочную кучу. Наконец им все-таки удается снова построиться в боевой порядок, и они возобновляют свое движение вперед. Фашисты яростно стреляют. Их танки все ближе. Но еще один удачный, меткий выстрел орудия Шадунца — и еще один немецкий танк подбит и останавливается. Наводчик ефрейтор Борис Егорович Баранов может гордиться точной наводкой.

Огонь неприятеля так силен, так учащен, разрывы ложатся так близко около орудийного расчета, что каждому приходится избегать всякого лишнего движения. Опасно даже менять место. Но наводчик Баранов без особых объяснений, без подробного показа, с полуслова понимает своего командира, безошибочно берет ту цель, которую кратко обозначает командир.

И заряжающий Василий Петреев также без слов понимает командира, весь слившись с другими в одном боевом напряжении.

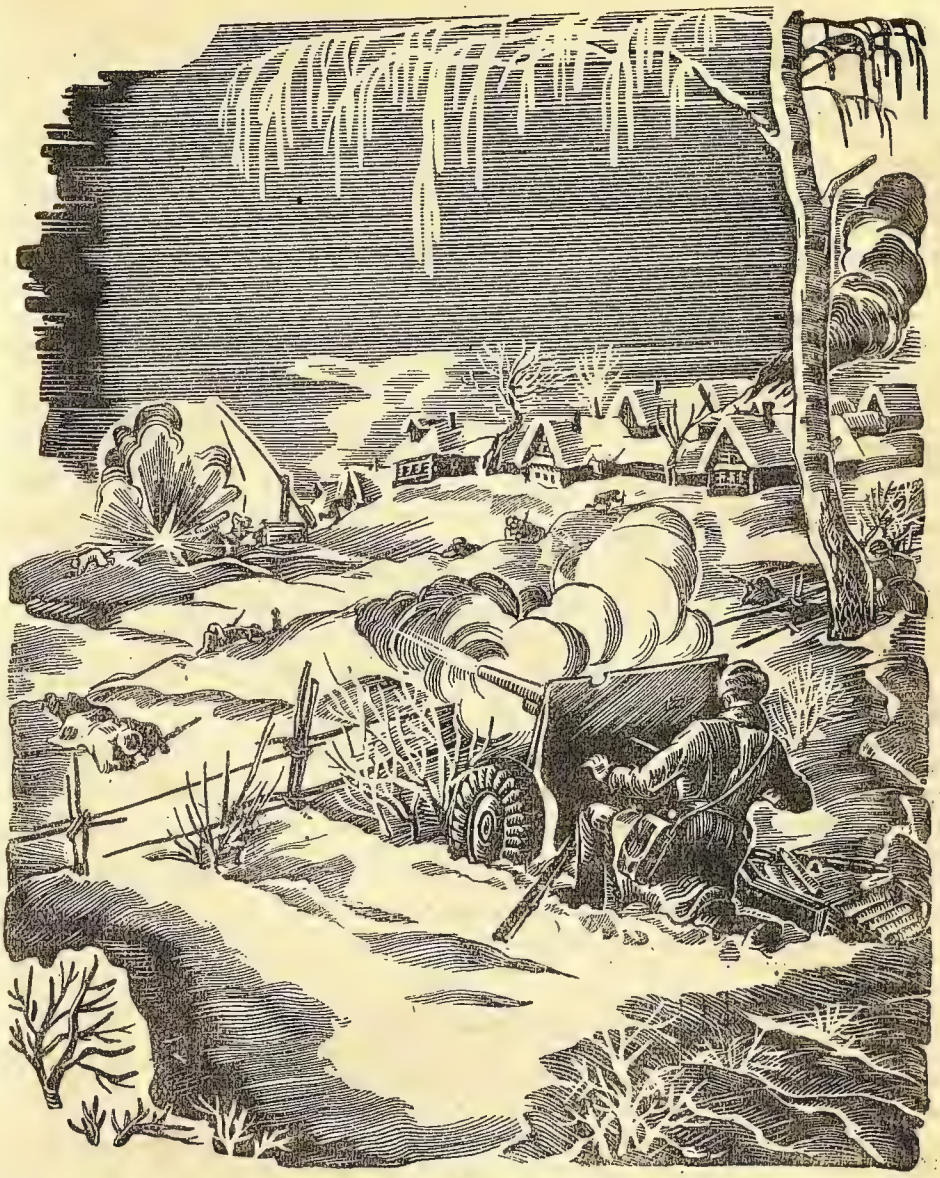
Боец Конев, 4-й номер орудийного расчета, ведет в этой бушующей, раскаленной атмосфере боя работу, которая требует самого выдержанного хладнокровия, спокойствия и точности. Он управляет совмещением орудийной стрелки со стрелкой прицела. Командир орудия Шадунц стоит вплотную рядом с Коневым, чтобы во-время уловить глазами малейшую неточность, какую может просмотреть боевой товарищ. Головы их прильнули одна к другой, каждый слышит дыхание другого.

Орудие усиливает стрельбу. Но все бешенее огонь неприятеля по выдавшейся вперед нашей огневой точке, которую ему никак не удается подавить. Словно огненные тиски сжимаются вокруг орудийного расчета Шадунца. И вот с воем разрывается мина на бруствере, почти у самых колес орудия. Красноармеец Панкратов падает убитым. Красноармеец Конев отпрянул назад. Кровь заливает его лицо, заливает и лицо Шадунца, — так близко прижата была голова одного к голове другого. Осколок попал Коневу в голову.

Но Конев не хочет уходить в укрытие. И когда командир настаивает, чтобы он шел на перевязку, Конев возражает: «А кто же будет за меня? Это не простое дело — совмещать стрелки».

Под огнем к орудию подползает комиссар батареи Сажнев. В самый острый момент комиссар является на самый передний, на самый угрожаемый пункт наших позиций. И только по приказанию Сажнева Конев уходит.

А на его место становится Шадунц. Теперь он ведет совмещение



Бойцы штурмовали село Архангельское. Секретарь комсомольского бюро части политрук Н. Бочаров захватил фашистскую пушку и открыл из нее губительный огонь по врагу. Немцы обстреливали бесстрашного комсомольца из пулеметов и минометов. На нем уже горела шинель, но политрук продолжал сражаться, пока не подавил вражеские огневые точки. Воинская доблесть Бочарова решила успех боя: враг был выбит из села. Бочарову присвоено звание Героя Советского Союза.

стрелок и как командир подает команду, указывает цели и корректирует огонь. Но не напрасно в этом орудийном расчете каждый боец может при нужде заменить любого товарища. Красноармеец Волошин, 3-й номер, становится на место раненого Конева и освобождает командира.

А опасность все возрастает. Вот они, фашистские танки, совсем близко от орудия Шадунца. И огромным усилием воли молодой командир заставляет себя в этот грозный момент быть спокойным. Спокойно, ровно работают и все его товарищи по орудийному расчету: каждый из них уверен друг в друге и каждый весь отдается тому делу, которое возложено на него.

Подбит еще один танк. Это уже третий. Линия атакующих танков снова ломается. У врага замешательство: на протяжении нескольких минут у него выводится из строя машина за машиной. Меж тем наша оборонительная линия усиливает огонь. И неприятельские танки поворачивают к Нестерихе. Но зато враг обрушивает шквал огня на орудие Шадунца, прикрывая тем отход танков.

А к орудию смельчаков все трудней становится подносить снаряды. Их доставляют ползком. Ползет со снарядами шофер Люлихин.

И лейтенант Земляков, командир взвода управления, оказавшийся рядом, берется ему помогать. Они надевают себе на плечи веревочную петлю, привязывают к ней снаряды и так ползком подтаскивают их, волоча эту упряжь за собой по земле.

Но вот и передвижение ползком делается невозможным. Разрывы снарядов и мин бешено клокочут вокруг. Тогда лейтенант Земляков и шофер Люлихин придумывают военную хитрость. Люлихин распутывает веревочные лямки, надвязывает их вместе, и у него получается длинный канат. Люлихин становится у машины за прикрытием. Лейтенант Земляков располагается близко к самому орудию в окопе. На один конец каната Люлихин привязывает три снаряда, а другой, свободный конец метко бросает с размаху в окоп к Землякову. Земляков ловит конец и подтаскивает к себе снаряды. Затем, отвязав снаряды, он перебрасывает веревку обратно к Люлихину. И так беспрерывно под жестоким свинцовым огнем работает этот своеобразный боевой конвейер.

А Шадунц наблюдает за вражеским фланговым огнем. Фашистские танки ушли в деревню Нестериху, стали за прикрытия. За одной избою Шадунц замечает два немецких танка. Очевидно, там они считают себя невидимыми и неуязвимыми. Командир отдает приказ: бить гранатой по избе. И снова безукоризненно точна наводка ефрейтора Баранова. С первого же выстрела изба разваливается и открывает один тяжелый, другой средний танк. Тяжелый маневрирует так, чтобы прикрыть собой средний. Но оба хорошо видны нашему орудийному расчету. Новая команда Шадунца: «бронебойными по танкам». Один, другой, третий выстрел — и тяжелый танк разваливается. Это уже четвертый фашистский танк, разбитый за день орудийным расчетом товарища Шадунца. Средний фашистский танк поворачивает вспять, чтобы

удрать за какое-либо прикрытие. Но удары доблестного и неутомимого орудийного расчета настигают его: один снаряд попадает наконец в моторную часть танка, танк воспламеняется и начинает гореть. Это уже пятый на счете Шадунца за славный боевой день. Немецкие танкисты, выскочив из танка, пустились наутек. Теперь отступление танков пытается прикрыть фашистская пехота. А орудийный расчет Шадунца осыпает ее гранатами.

Наступает вечер. Бой смолкает. Атаки фашистов отбиты. Фронт у Хлебникова не дрогнул. Приказ Сталина был выполнен.

Орудийный расчет комсомольца Шадунца выдержал боевой экзамен. То, что они совершили, было потом названо подвигом, им же казалось, что они просто выполнили долг — сделали порученное им дело, как и следовало его сделать. Недаром так тщательно готовились люди этого расчета к боевым испытаниям. Никакие неожиданности и случайности в ходе сражения не внесли замешательства в сплоченный, сработавшийся и связанный крепкой армейской дружбой боевой коллектив. Орудийный расчет товарища Шадунца оказался на высоте той задачи, какую поставило перед ним командование в ходе исторической битвы под Москвою.

И после боя старший сержант Гайк Авакович Шадунц, произведенный в младшие лейтенанты, был принят в ряды ленинско-сталинской партии.

Он награжден орденом Красного Знамени.

Л. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

МОЯ ЗОЯ

ОСИНОВЫЕ ГАИ

В одном из северных уголков Тамбовской области есть село Осиновые Гаи. Кругом поля, засеянные рожью, овсом, просом, гладкая равнина, и только при въезде в село — глубокие овраги. Быстро распространялись они, и каждый год избушкам, стоявшим на краю села, грозила опасность сползти на дно оврага. Зимами из оврагов наведывались в село голодные степные волки. И случалось, то один, то другой крестьянин недосчитывается ягненка или овцы,— только наутро в поле находят следы крови да клочок шерсти на кусту...

Осиновые Гаи — осиновые леса. Старики говорят, что в давние времена и действительно здесь были непроходимые леса. А сейчас голо вокруг, только ветлы на улицах да на огородах.

Зато с ранней весны — пестрые ковры на лугах, цветы в траве. Речушки Кашма и Барсучка, в которых летом малышам по колено, широко разливаются. Хорошие хозяева в это время насыпают плотины, чтобы удержать возле своих огородов полую воду для поливки да и для купанья: после полевых работ приятно смыть пыль и грязь, освежить усталое тело в прохладной воде.

До революции жило в Осиновых Гаях тысяч пять человек. Село большое, торговое; по пятницам на базар съезжались крестьяне со всех соседних деревень. Многие уходили из села на заработки в Москву, в Тамбов, в Пензу. Так и повелась слава, что живут в Осиновых Гаях не простые, а бывалые люди.

★

Как хороши были первые осенние дни в Осиновых Гаях в 1923 году! Сильно изменилось к той поре село. Вместо двух школ стало десять. Пионеры с веселыми красными галстуками маршировали под ветлами. Комсомольцы устраивали спектакли и вечера. Появилась кинопередвижка. Учителя, врачи и агрономы читали лекции. И полно было народу в Народном доме и избах-читальнях.

Быстро росло село. Светлее и радостнее становилась жизнь в нем.

13 сентября 1923 года шла конференция сельских учителей. Я была учительницей. Помню, на конференции мне стало плохо. Я поспешила к своим родителям, Чуриковым, а оттуда — домой, к Космодемьянским.

Летали паутинки в воздухе, около изб рубили капусту, на гумнах молотили; хлеба в том году уродилось много.

Дома я слегла; тотчас явилась бабка-повитуха, «Ярычиха»,— акушерка пришла позже, когда младенец уже родился. Слушаю — ребенок не плачет. Беспокоюсь: жив ли? Все боялась, чтобы ребенок не родился уродом: слепым или глухим.

А бабка меня успокаивает:

— Ну, Любовь Тимофеевна, доченька-то родилась «в рубашке», потому и не плачет.

Многие годы спустя, придется к слову, я бывало напомню Зое шутя:

— Зоечка, ты ведь в рубашке родилась!

Еще совсем недавно она серьезно ответила мне:

— Знаешь, мама, я прихожу к убеждению, что я счастливая.

Особенно в последние два года или год Зоя считала себя счастливой. Что бы она ни задумала, всего добивалась, за что бы ни взялась, за чем бы ни пошла — никогда не возвращалась с пустыми руками.

Тогда в Осиновых Гаях я ждала не дочери, а сына, хотела, чтобы первым ребенком был мальчик. Для мальчика и имя придумала заранее.

Муж сказал:

— Назовем дочку Зоей.

Зоя было любимым женским именем в роду Космодемьянских.

Так и назвали девочку.

Родилась она маленькая, слабая, фунтов шести весом, с очень белым личиком, с ясно-лазоревыми глазами и черными кудряшками на голове.

Свекровь радовалась появлению внучки на свет: в семье Космодемьянских до того были одни только мальчишки. Все возились с моей маленькой дочкой, любили и баловали ее.

А я бывало заверну ее потеплее, прижму к груди и хожу с ней, напеваю песни или разговариваю. И мне казалось, что она понимает меня, и мне было хорошо с ней.

Зубки появились у нее рано, рано начала лепетать; до года она уже бегала.

Когда родился ее брат, Шурик, она у нас считалась большой и за столом сидела вместе со взрослыми, только на высоком стульчике. Было ей тогда немного меньше двух лет.

Шло время. Зоя росла. Мало-помалу я стала ее приучать к труду.

Сама крошка, а колыбельку покачает, если Шура закричит. Проснется — сунет ему в рот соску, чтобы не плакал, когда меня нет дома. «Зоя, принеси пеленочку», «Зоя, подай чашку, книжку со стола, поставь на место стул».

Так и росла моя маленькая помощница.

Скоро она уже многое делала по дому, сама не замечая этого. И с какой охотой выполняла всякую работу! Трех-четырехлетняя Зоя возьмет Шуру за руку, в другой руке бутылочка — и отправляется к бабушке за молоком.

«Зоя, ты старшая, а Шура маленький» — ей и напоминать об этом не надо было: сама видит, что вокруг нее все работают; когда свое маленькое дело переделает, то спрашивает: «А еще что, мама?»

Помню, я доила корову. Шуру держала в коленях. Корову кусают мухи; она машет хвостом. Зоя стоит с чашечкой, дожидается молока. Корова хлестнула меня хвостом. И вдруг Зоя (быстрая она была) схватила хвост в ручонки, сама прутиком стала отгонять мух с коровьей спины и приговаривает: «Не бей маму хвостом».

Игрушки она не очень любила, а среди подруг рано стала коноводом. Затевала игру «в учительницы» (в эту игру играла лет до девяти; когда уже ходила в школу). А то сделает красные флажки, раздаст их малышам, установит их в ряд и начинает маршировать, да еще песни научит петь, чтобы с песней ходили, как на демонстрации.

ПАРТИЗАНСКИЕ ПЕСНИ

Когда Зое было лет шесть, мы поехали в Сибирь, в Канск, Енисейского округа. Зоя впервые ехала на лошади до станции, впервые видела поезд. Путешествие продолжалось семь дней. Когда приехали в Канск, я и муж сговаривались с заведующим отделом народного образования, какое бы выбрать село, чтобы учительствовать вместе в одной школе. Шура в эти дни был на Зоином попечении.

А когда немного обжились, как понравились ей сибирские края! С жадным вниманием она присматривалась ко всему. Все ей казалось удивительным: и люди, одетые с ног до головы в меха; и то, что в Канске не было черного хлеба, а ели только белый; и то, что сибиряки жевали «серку». Конечно, Зоя тут же попробовала ее, делая при этом недовольную гримаску: «серка» оказалась вовсе невкусной.

Мы получили назначение в Шиткинский район. Я и муж вернулись домой, а Зои нет. Шура сказал, что они вместе играли, а потом она куда-то исчезла. Исходила я весь город, — он маленький, деревянный, одноэтажные домики с деревянными крышами, деревянные тротуары. Нигде нет Зои! Пошел муж. Я плачу, места себе не нахожу.

Смотрю, идет моя Зоя с папой за руку. Оказалось, она попала на базар, купила «серки» и пошла дальше. Ничего не боялась в незнакомом городе, среди незнакомых людей, — жадное любопытство уже тогда было у нее к жизни. Забрела к лесу, а дорогу домой, к гостинице, и забыла. Ее отвели в милицию. Когда муж пришел в милицию, она сидела там, как гость, пила чай и совершенно спокойно, серьезно рассказывала о своих родных краях.

В селе, куда мы попали, было в те времена еще много кулаков.

И очень удивляло Зою: зачем это у одного человека столько лошадей, коров, сотня овец и такой большой дом, — зачем все это ему?

Зоя внимательно прислушивалась к говору сибиряков, распевному, с акцентом на «о».

Часто она бегала к реке. Таких рек она не видала. Большая, широкая, — когда стоишь, то голова кружится от быстроты течения.

И приволье этих мест покорило ее.

Деревенская девочка, она всегда росла среди природы. А здесь по-настоящему полюбила ее.

Рыбачьи лодки возвращались тут с реки полным-полны рыбой.

В лес за ягодой ходили с ведрами.

Летом поспевает черемуха, в сырых местах — черника. Черемуху сибиряки сушат мешками, мелют на мельнице и, заваривая сладкую, вкусную коричневую муку, пьют с ней чай и пекут из нее пироги.

Ягоды и грибы на зиму заготовляли в каждой избе целыми кадушками. За малиной отправлялись в сопровождении вооруженных мужчин: медведь тоже любит малину, и частенько в малиннике можно встретиться с косолапым.

Как же Зою можно было оторвать от реки, от леса? И возможная встреча в лесу с медведем не отпугивала, а, пожалуй, даже привлекала ее. Возьмет маленькую корзиночку — и в лес. А лес рядом. Вековые кедры, лиственница, пихта, ели растут так густо, что белки перепрыгивают с дерева на дерево. В лесу — тишина. Деревья — великаны, и казалось, что и жить среди них должны великаны: медведи, лоси — сохатые, матерые волки. Хрустнет ветка под ногами, или сухое дерево свалится, или филин засмеется, заплачет, как ребенок, — жутко становится с непривычки. Зою ничто не смущало.

— Мы пойдем недалеко, вглубь не будем забираться...

Шуру или кого-нибудь из соседних малышей с собой прихватит.

Зато сколько рассказов было после каждого ее путешествия по лесу! Целый вечер сидит, глазенки горят, и все вспоминает, что видела в лесу.

И реку, быструю, широкую, она полюбила с первого дня. Все время, пока мы жили там, река в Зоиных привязанностях спорила с лесом. Выйдет на берег и долго стоит, смотрит на стремительное течение, водовороты на омутах. Глядишь — и кажется, сама течешь с рекой.

На реку Зоя вместе с Шурой ходила за водой. Возьмет чайник или маленькое ведерко, аккуратненько зачерпнет, и вдвоем с Шурой несут ведро.

С октября и до мая река была закована льдом. Зима холодная, морозы доходили до 57 градусов, правда, без ветра, и мы легко переносили их. Детям я купила в кооперации валеночки-пимы, и каждый день ребята мои весело катались на салазках.

С теплыми днями население стало готовиться к разливу реки. Наводнения тут бывают грозные: полая вода смывает дома, скотину, затопляет на несколько дней целые деревни, и люди уходят в горы.

Зоя слышала разговоры взрослых об этом. Вот еще новое, невиданное событие!

— Мама, а как мы уйдем из дому?

— Как все: в лодку сядем.

Река была рядом; дом наш стоял на высоком берегу.

— Вода придет, Шура, ты боишься? — спрашивала Зоя.

— А ты?

— Я — нет.

— Ну, и я нет.

Но наводнения не случилось. И Зоя с некоторым разочарованием узнала о том, что не придется бежать в горы.

Зоя любила песни. В Сибири со времен гражданской войны пели много партизанских песен. Они особенно нравились ей.

Часто Зоя ходила в кино, и привлекало ее не столько самое кино, сколько песни, которые перед началом сеанса пела публика.

Пели действительно хорошо, задушевно, звучно и печально. Сейчас я не могу вспомнить слов ее любимой песни (дома она пела ее с Шурой), но мотив ее сохранился у меня в памяти так же, как и последние слова:

...Молодой партизан умирал...

ШКОЛА

С наступлением весны я стала подумывать о выезде из Сибири. Сестры писали мне из Москвы, звали к себе. Да и соскучилась по родным местам.

Кончился учебный год. Мы с мужем в июне получили отпуск и расстались с сибирскими краями. Детей завезли к моим родителям в Осиновые Гаи, а сами уехали в Москву.

Я устроилась учительницей, а муж стал работать в Тимирязевской академии. Жили пока у моей сестры.

Однажды я получила письмо от отца о том, что дети больны скарлатиной. Я поехала в Осиновые Гаи. Зоя уже начала выздоравливать. Худенькая, она все болезни переносила легко. Шура же болел очень трудно. Когда ему стало лучше, я собралась уезжать. Зоя ни за что не хотела отпустить меня.

— Мама, опять без нас?!

Не легко было и мне оставлять детей, но пришлось: работа не ждала.

Наконец весной муж получил комнату, куда я и привезла детей.

Прошел год со времени отъезда из Сибири. Я перевелась в Октябрьский район, теперь Тимирязевский, — тут и устроила в школу детей. Зое было восемь лет, а Шуре — шесть.

Приехала Зоя, выросшая и посерьезневшая. Там, в селе, лежа больной, она почти не встречалась со сверстниками. «Обществом» ее были дедушка и бабушка, особенно бабушка — Мавра Михайловна. Живая и

переимчивая, девочка усвоила многие обороты речи взрослых и даже их манеру рассуждать.

Однажды Зоя увидела: малыши-ребята курили. Зоя сказала им: «Маленьким курить нельзя: долго ли до беды, пожар наделаете» — совершенно тем же тоном, что и бабушка Мавра Михайловна.

В другой раз прочла нотацию соседкиной девочке: «Параня, зачем ты говоришь: «ня знаю, ничаво»,— ты прислушивайся, как другие говорят: «не знаю, ничего».

Зою приняли в пионеры.

Она была в том возрасте, когда быстро растут и развиваются дети, когда появляются и укрепляются у них те свойства характера, с которыми они войдут в будущем в свою взрослую жизнь.

«Пионер — всем ребятам пример». С серьезностью и страстностью, какую она вносила во все, Зоя взялась за свои пионерские обязанности.

С самого начала она смотрела на свое звание пионера (а потом — на звание комсомолки), как на долг, на обязанность. Прежде всего — быть правдивой. Лгунов, хвастунов не переносила. Подойдет в классе к солгавшему мальчику или девочке, смело посмотрит в глаза и заставит сознаться:

— Скажи: честное пионерское! Нет, ты руку подними. Что ж без галстука? Эх ты, пионер!

Галстуку пионерскому Зоя придавала большое значение.

Как раньше была коноводом в детских играх, так и тут, в классе, стала ребячьим вожаком. Улаживала ссоры, унимала ребят. Заберется на стул, одернет крикунов и терпеливо, настойчиво, несколько раз повторит то, что предлагает. Упорная она была: ни за что не отступит, пока не добьется своего, того, что считала правильным. «Я стою за справедливость» — так и говорила. И знаю, так и думала. Справедливость была для нее самым высоким, самым важным. На поддразнивания ребят: «я справедливая» — она никакого внимания не обращала. «Подлиз» терпеть не могла. Сама не «подлизывалась» ни к кому и ни к чему.

Училась Зоя хорошо с начальных классов. Уроки готовила всегда очень добросовестно. Чистенькие и аккуратные тетради, книги до конца учебного года без единого пятнышка.

Я и муж мой — оба работали. Зое приходилось иногда ходить в магазины за продуктами и готовить обед. Все это она успевала — и не кое-как: кое-как она не делала ничего и не выносила, когда так делали другие.

Когда она была в третьем классе, мы получили лучшую комнату — по Александровскому проезду — и детей перевели в 201-ю школу. При переходе в четвертый класс Зоя получила похвальную грамоту, и потом уже из класса в класс Зоя переходила, как отличница.

Она вступила в комсомол в октябре 1938 года. Этот день был для нее праздником. С какой серьезностью и любовью она готовилась к нему, читала политическую литературу, изучила устав! Гордая, счастливая, она показала мне свой комсомольский билет. Показала и спрятала. Берегла его, как зеницу ока. Лишний раз мне и Шуре не давала в руки — сле-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 0236208

Фамилия Космодемьянская

Имя и отчество Зоя Анатольевна

Год рождения 1923 г.

Время вступления в ВЛКСМ октябрь 1938

Наименование организации, выдавшей билет Октябрьск... Москва

Секретарь Райкома

9 февраля 1939 года

Комсомольский билет Зои Космодемьянской.

дила, чтобы пятнышка на нем не было. И так же берегла свое звание комсомолки. Я знала, что она взяла на себя в школе большую общественную работу. Но школьных общественных дел показалось ей мало. Взялась обучать грамоте одну женщину, домашнюю хозяйку, у которой был маленький ребенок, так что ходить в школу для взрослых она не могла.

И других ребят в школе, комсомольцев-отличников, Зоя вызвала на то же — обучать малограмотных; подгоняла и журила тех, кто нерадиво относился к своим обязанностям.

Сама она за дело «учительницы» принялась страстно. Составила план уроков. У меня брала книги по методике обучения. И к концу учебного года ее ученица выучилась читать и писать.

В 1933 году совершенно неожиданно умер мой муж. Зоя любила отца. К детям он относился строго, но Зоя считала, что отец справедлив: это было для нее самое главное.

Стали мы жить без отца.

Лучшим помощником и товарищем мне во всем была Зоя. Мы с ней и до этого хорошо жили, но со смертью мужа Зоя, как увидит у меня слезы, подойдет, приласкает:

— Не плачь, мама, проживем, нам много не надо, а там я вырасту, буду тебя кормить, не горюй!

Эти слова она повторяла до последних дней.

Я уходила с утра, возвращалась поздно вечером, а Зоя успевала переделать все дела: обед приготовит, печь вытопит, полы вымоет, купит что надо. Шура же носил только воду и ходил за керосином. «Пол подметать, в магазины бегать — это может всякая девчонка!»

Подобно многим мальчикам, он считал, что есть дела «только для девчонок» и есть «мужские дела». А вот моя Зоя жизнью своей доказала, что нет на свете такого дела, перед которым отступила бы смелая девушка с горячим сердцем...

Шура — способный. Особенно легко ему давалась математика, тут он пошел в отца. Увлекался техникой и живописью. Но, полагаясь на свои способности, он распускался, уроки готовил небрежно, — и, глядишь, принесет домой в тетради «посредственно». Каждое «посредственно» брата Зоя переживала больше, чем он сам.

— Это работа твоя, понимаешь? Ты не имеешь права недобросовестно относиться к работе.

Шура фыркал:

— Подумаешь! Что же, по-твоему, я хуже тебя и не способен понять всю эту премудрость?

— Если способен — докажи! Перелистал книжку и бросил? Нет, ты начал — так до конца дойди, тогда скажешь: способен!

Однажды мой брат, коммунист, Сергей Тимофеевич привез корректуры и чертежи.

— Ну, Шура, вот тебе «мужская» работа. Так, что ли? Семье поможешь.

Вижу, мой Шура не отвечает ни да, ни нет. Предложение дяди показалось ему, надо полагать, вторжением в его право распоряжаться собой, которое он ревниво оберегал.

Зоя вечером говорит мне как ни в чем не бывало:

— Что ж, мама, пора за дело. За ночь с половиной работы справимся.

И берется за чертежи.

Шура искоса смотрел на нее, потом хмуро сказал:

— Ну, где тебе! Садись лучше за свои книги. И без тебя управлюсь.

Так начал работать Шура, но Зоя все время помогала ему. Это были первые заработки моих детей.

ЮНОСТЬ

Теперь, когда Зои нет среди нас, я, вспоминая, что она делала в жизни, как говорила, вспоминая все большое и малое, связанное с ней, ясней вижу характер моей дочери, чем, может быть, видела тогда.

Была цельность в ее короткой жизни: будто отлита она из одного куска.

Когда она еще была ребенком, я повторяла ей:

— Не отказывайся ни от каких самых маленьких дел: из малого строится великое. Так Ленин говорил.

Она навсегда запомнила это.

И сталинские слова крепко запали ей в душу: «Труд в нашей стране — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

На этом она воспитывалась.

В комсомоле, в школе, дома — везде она относилась ко вся-

кому труду, выпадавшему на ее долю, так, как учили этому Ленин и Сталин.

Была в ней большая строгость к другим и прежде всего к себе самой. Не терпела и просто не понимала, как можно, взявшись за дело, не закончить его, а делая — не выполнить на «отлично». «Нечего делать для близира» — это мы слышали от нее множество раз.

И еще одно, чему мы дивились: никогда Зоя не ленилась. Бывало, если надо, встанет в четыре утра, а то и вовсе не ляжет, а дело сделает.

Однажды, вернувшись из школы, Зоя рассказала: «Сегодня одна девочка получила плохую оценку и — можешь себе представить? — села за парту и смеялась. Мне было за нее стыдно, а она ничего—улыбается всем, будто так и надо».

У себя в записной книжке Зоя написала: «Уважай себя, не переоценивай, не запирайся в свою скорлупу, не будь однобокой, не кричи, что тебя не уважают, не ценят, а больше работай над собой — и будет больше уверенности».

И еще: «Упорство и мужество рождаются в преодолении препятствий».

Была уверена в том, что не справится, не преодолеет, не добьется цели только тот, кто отступит, у кого недостанет мужества и упорства.

А у нее настойчивость, упорство были во всем. Никогда она не отчаивалась, ничего не оставляла недоделанным.

Ей трудно давалась математика. Иногда Шура помогал ей. А чаще она не просила помощи: «Сама додумаюсь». И не закроет книжки всю ночь, а назавтра приносит «отлично».

Шли годы. Зоя пришла к выводу, что инженера из нее не получится. Она решила стать преподавательницей литературы. Думаю, что не останавливалась она на этом в своих мечтах, что мечтала она писать книги: ее горячему сердцу было, что поведать другим,— но об этом ни с кем не говорила. Была в ней настоящая внутренняя гордость: не любила быть нараспашку.

С каким увлечением читала и перечитывала она великие творения русских писателей! Пушкин, Толстой, Горький, Некрасов, Чернышевский, Николай Островский. В их произведениях, в их жизни черпала она уроки мужества и упорства.

Она страстно любила родину, свою страну, свой народ. Я заметила: все больше интересовалась она историей, славным прошлым нашего народа. Произведения русских писателей заставили ее полюбить памятники народного творчества, песни, былины. В восьмом классе она написала работу «Илья Муромец — богатырь земли русской». Эта работа в школе считается лучшей до сих пор.

Зоя прочла много книг по истории. Читала об Александре Невском, о Донском, о Суворове, о Кутузове. Она знала и о льде Чудского озера, на котором захлебнулись в собственной крови псы-рыцари, и о снегах, в которых заморозил врагов Иван Сусанин, и об альпийских обледенелых горах, которые штурмовал Суворов, и о Бородинском сражении, в ко-

тором дрогнули полки Наполеона. О Кутузове, выбранном против воли царя главнокомандующим, она рассказывала на школьных собраниях. Читая «Войну и мир», Зоя делала выписки о Бородинском бое, о партизанах. Подвиги героев — народных мстителей — восхищали Зою.

И с воодушевлением она декламировала «Бородино», «Смерть Ивана Сусанина».

Зоя казалась замкнутой девушкой. О себе, о своих чувствах она не любила распространяться.

А по существу Зоя была живой, общительной девушкой и, знаю, часто страдала от того, что не было у нее большой, настоящей, цельной дружбы. Любила она веселье, смех, музыку и театр. «Мама, ты не отказывайся никогда от билетов в театр. Если ты не пойдешь, я пойду». И я старалась получать билеты на работе и передавала их Зое, зная, что для нее это будет большим удовольствием. Зато, придя из театра, Зоя так горячо, так красноречиво передавала нам виденное и слышанное на сцене, что мы с Шурой все равно что сами побывали в театре.

Рассказывала она вообще прекрасно. Тогда сквозь ее постоянную серьезность вдруг прорывался неудержимый юмор (черта, унаследованная от отца).

Был у нее настоящий мимический дар. Иногда, разговаривая обычным своим тоном, Зоя незаметно меняла голос, тон, манеру, — сама не улыбнется, а мы хохочем до слез, узнавая, как живого, того, кого изображала Зоя.

Зоя перенесла тяжелую болезнь—менингит. Лежала в Боткинской больнице. Долгие дни и ночи мы думали только об одном: выживет ли Зоя? Профессор Маргулис в буквальном смысле слова вырвал ее из когтей смерти.

Мне рассказывала потом врач Бельская, как тяжело протекала болезнь моей дочери. Ей делали уколы в спинной мозг — операция сложная и мучительная. Но молча, без крика, без стона перенесла ее Зоя. В больнице она стала общей любимицей. Доктор Бельская в шутку говорила мне, когда я приходила и приносила Зое фрукты: виноград, яблоки, мандарины (больше ничего в первые две недели она не ела):

— Знаете что, Любовь Тимофеевна, отдайте вы Зою мне в дочки! Девочка моя лежала пластом, головку не поднять, головка болит...

Но как только стало ей лучше, попросила:

— Мама, привези мне книжки.

Я привезла, какие она попросила. Дежурные сестры тоже давали ей книги, и сам профессор Маргулис заносил ей газеты.

Когда выписывалась, оказались у нее друзья, с которыми ей не хотелось расставаться. Фамилий я сейчас не вспомню, но знаю: друзья эти были взрослые люди: одна — молодая женщина, другая — детская писательница или литературный критик, уже пожилая.

После болезни поправлялась Зоя в санатории, в Сокольниках. Я выхлопотала путевку через отдел народного образования и через обком союза. В санатории Зоя пробыла сорок дней. Там она окрепла.

Выйдя из санатория, Зоя начала догонять товарищей по учебе. Врачи запрещали ей это, советовали остаться на второй год, но она и

слышать не хотела: «Недоставало, чтобы Шура—моложе меня, а школу кончил раньше!» И засела за книги, сдала зачеты (от экзаменов ее освободили) и перешла в десятый класс.

— Я, мама, еще не все прорехи залатала; тут, знаешь, сколько бы еще заниматься надо! Да ничего, летом подгоню, с осени в десятом стану опять отличницей!

ЗОЯ УХОДИТ В ПАРТИЗАНЫ

Утром 22 июня я ехала в трамвае и не слышала выступления по радио Вячеслава Михайловича Молотова. Когда я пришла домой, Зоя и Шура встретили меня с возбужденными лицами. Они заговорили, перебивая друг друга:

— Мама, война... Немцы напали на наш Союз.

— Теперь вся жизнь пойдет по-другому, — сказала Зоя с каким-то суровым, незнакомым мне огоньком в глазах.

Я не обратила внимания на эти слова, не услышала в них ничего особенного.

А Шура отмахнулся:

— Что взять с вас, девчонок, уж вы молчите!..

Война! Это грозное слово не сходило с уст в нашей семье. Мужчины, соседи по дому, уходили в армию. Шура вскоре уехал на трудовой фронт под Смоленск.

А Зоя вслух, пожалела, что не берут девочек.

— Ушла бы я, мама, с ними.

И добавила:

— Стрелять я умею хорошо.

Она ходила в тир, настойчиво посещала военные занятия, но только теперь как-то сразу дошло до моего сознания, что дочь моя может стать воином,— раньше мне все казалось это вроде игры.

Зоя говорила:

— С каким бы наслаждением я уничтожала проклятых фашистов!

Во дворе нашего дома рыли щель. Люди несли доски из сараев для настила в убежище. Один из жильцов дома, который очень горячо доказывал, что ничего нельзя жалеть для общего дела, и, видимо, в ораторском пылу позабыл открыть свой сарай, накинулся на игравших во дворе детей (отец их был на фронте, а мать на работе) и с криком потребовал, чтобы сейчас, сию минуту ребята тащили доски. Зоя подошла к нему:

— Давайте так сделаем: сейчас вы откройте свой сарай, а пока мы будем работать, придет мать этих детей. На малышей легко кричать!

Зоя была прямым человеком и, если считала, что кто-нибудь неправ, всегда говорила ему это в лицо.

Начались налеты на Москву. Зоя переносила их очень спокойно, не охала, не ахала, с насмешкой смотрела на тех мужчин, которые не решались итти в пожарную команду и предпочитали отсиживаться в убе-

жищах. Сама она попросила считать ее пожарником. Ни разу она не спустилась в щель. Обходила дом, стояла на посту на чердаке.

В одну из ночей тревоги не было, и мы решили лечь спать. В час ночи стучит дежурный по дому: «Вставайте, близко пожар». — «Как пожар, — тревоги же не было?» — «Горит ларек продовольственный».

Оказалось, заведующий и продавец ларька, проворовавшись, с вечера подстроили так, чтобы ночью ларек запылал: надеялись, что «выручит» тревога, — можно будет свалить на «зажигалки». Но к Москве немецких самолетов не допустили, и воры просчитались.

И снова с сумрачным огоньком в глазах Зоя сказала:

— Негодяи! Таких расстреливать мало.

Словно выросла она в эти первые месяцы войны: суровость появилась в ней, губы плотно сжаты, и этот часто вспыхивающий огонек в глазах.

Бывало слушает по радио сообщения Информбюро (в те месяцы невеселые это были сообщения), задумчивее становится — и вдруг повернется к нам и, пристально глядя (это ее характерная черта — когда говорит, всегда смотрит в упор), скажет:

— Смоленск мы отдали, Киев, мама, отдали. Какую землю топчут, гады! А не станет Советский Союз колонией фашистов! И в Москве им не бывать! И русских им никогда рабами не сделать! Русские — свободный народ. Будем мы наступать и прогоним немецких гадов. Правое наше дело. Тот, кто прав, победит!

И снова этот огонек в глазах.

Будто все время она что-то вынашивала в себе.

Пришел сентябрь. В школе сказали, что учебы не будет. Шура вернулся с трудового фронта. И Зоя вместе с ним поступила на завод «Борец» учеником-токарем. Но проработала недолго: тоже уехала на трудовой фронт, в совхоз, убирать картофель.

Стояли уже заморозки, выпадал снег, и я беспокоилась за ее здоровье — была она не очень тепло обута и одета. А Зоя уезжала с радостью. С первых дней войны стремилась к этому. Пусть не военный это, а только трудовой, но все же — фронт. Взяла с собой и книжки и чистые тетради; без этого она — никуда. Скоро я стала получать от нее письма. «Мы помогаем убирать урожай. Норма выработки — 100 килограммов. 2 октября я собрала 80. Это мало. Обязательно буду собирать 100!»

Это было не легко. Земля мерзлая, руки зябнут, сапоги порвались.

Но обо всем этом она писала мало. Зато написала с радостью о том, что теперь она не отстает. «Норму теперь вырабатываю!»

Зоя заработала кое-что, привезла домой картофеля.

Вернулась похудевшая, посвежевшая, только сильно натерла ноги. Но они ее мало беспокоили. Презрительно рассказывала о «белоручках». Те картофель старались собирать только сверху. Чуть копнешь после них глубже — лучший картофель в земле. «Я им прямо в лицо говорила, как называется такая работа,— некоторым это не понравилось».

В деревне завязались у нее с колхозниками самые лучшие, приятельские отношения. «Колхозницы, мама, меня очень любили. Любили

меня слушать и сами кой-чему учили». Они научили Зою, как печь хлеб, как заводить закваску, чтобы хлеб получился пышный, вкусный.

И я стала печь пироги по Зоиному рецепту.

В эти недолгие последние недели ее жизни с нами Зоя все повторяла: «Я счастливая: что бы я ни задумала, все получается, как хочу».

— А что ты задумала?

Усмехнется и промолчит.

Было нелегкое время. Враг стоял у ворот Москвы.

Однажды Зоя сказала:

— Я не могу спокойно проходить мимо плаката «Чем ты помог фронту?»

— Зоя, ведь ты же девочка еще, ты была на трудфронте, твоя работа — тоже для страны, для армии!

— Мало, мама: я — комсомолка.

Я поняла, что она хочет во что бы то ни стало попасть на фронт. Скоро она мне сообщила, что поступает на курсы медсестер. В два дня достала все справки, назавтра ей итти на курсы. Вдруг, вернувшись вечером домой, говорит:

— Мама, скажу тебе под большим секретом: я ухожу на фронт, в тыл врага. Работа очень серьезная, ответственная, и я горжусь, что мне доверили ее. Тебя прошу никому об этом не говорить, даже Шуре. Скажи, что я уехала к дедушке в деревню. Смотри же, мама, никому ни звука о том, что у тебя дочь в партизанах!

Она не дала мне ответить и продолжала:

— Через два дня — отъезд. Ты мне, мама, достань сумку красноармейскую и те мешки, которые мы с тобой шили, а остальное я сама достану. Много собирать не придется: пару белья, полотенце, мыло, щетку, карандаш и бумагу. Вот и все мои сборы.

Немножко приподнятым тоном сказала все это, но так, как будто давно к этому была готова и никаких отступлений быть не может.

— Зоя, ты же не мальчик, ты девочка, на фронте тяжело.

— Я это все знаю, ты меня не отговаривай.

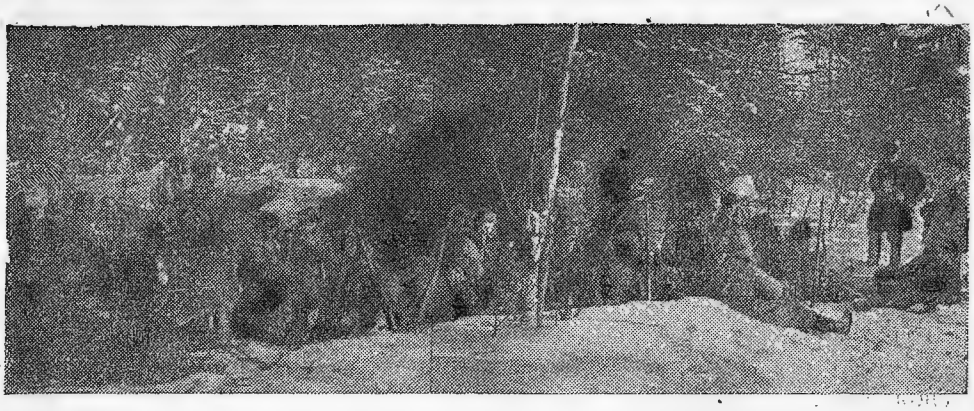
Следующие два дня она возвращалась только поздно вечером. Куда уходила — не говорила, да и как спрашивать? Как-то изменилась за эти дни, пролетевшие стрелой, будто выросла старше своих настоящих лет. Помню, она мне сказала:

— Остаетесь теперь с Шурой вдвоем. Ты учительница, мама. Ты для работы своей Макаренко перечитай: «Педагогическую поэму».

И Николая Ивановича из «Путевки в жизнь» вспомнила, и своего преподавателя и заведующего учебной частью Ивана Алексеевича Язева — его она высоко ставила: «Вот это настоящий большевик, хотя и непартийный».

— Жаль, что дядя Сережа эвакуировался. Он мог бы поддержать тебя, мама, в трудные минуты, хотя бы советом.

Дядю Сережу, моего брата, она любила и ценила. У него она находила свои черты характера: честность, правдивость, любовь к родине, преданность партии.



Ни днем, ни ночью не давали покоя врагу партизаны Подмосковья. Партизанский отряд только что вернулся из боевой операции. На коротком привале бойцы разбирают проведенную операцию.

— Да ты не отчаивайся, мама, в случае чего — тебя не бросят. Не забывай, что мы живем в Советской стране.

Это был последний наш вечер дома.

Еще раз тщательно Зоя проверила вещи, которые должна была взять с собой, аккуратно сложила в мешочек. Хотела взять дневник, который вела на трудовом фронте и последние дни дома. Я ей не советовала. Внезапно она сказала:

— Ты права, мама, лучшее место ему — в печке. — И, не дав мне остановить ее, бросила тетрадь в топившуюся печь.

Так я и не узнала ее сокровенных мыслей, что она записывала ночами, когда мы с Шурой спали.

Я не могла заснуть. «Быть может, никогда больше не увижу Зою. Вот она последний раз спит дома на своей постели. Спит ли она?» Я осторожно встала, подошла к ней. Она открыла глаза и улыбнулась.

— Ты что, мамуся, не спишь?

— Да я встала посмотреть время, чтобы не проспать. Ты спи, спи, Зоечка.

Я легла, а сон не шел. Хотела опять встать, подойти к ней, спросить: может быть, Зоя раздумала, может быть, лучше эвакуироваться нам всем, как нам предлагали? Но поглядела при утреннем рассвете на спящую Зою, на ее спокойное лицо, на плотно сжатые, упрямые губы и подумала: «Нет, не передумает».

Шура рано ушел на завод. Я для Зои сберегла немного сыру — ее любимое лакомство. Попили чаю, и Зоя стала одеваться. Я ей дала свою теплую шерстяную фуфайку. «А ты, мама, как же без фуфайки зимой?» С трудом уговорила ее надеть и денег взять немного — она долго отказывалась. Вышли вместе. Было пасмурно, и на сердце у меня тоскливо.

— Зоя, давай я мешочек твой понесу.

Она пристально поглядела на меня.

— Что же ты, мама, такая невеселая идешь? Посмотри-ка на меня! Э, да у тебя слезы... Со слезами провожать меня не надо. Посмотри-ка еще раз.

И мне стыдно стало. Зоя идет такая веселая, смелая, твердая, и я улыбнулась ей.

— Вот так-то лучше, мамуся! Ты не плачь! — И шутит: — Гордись, что такую дочь родила... А я... приду героем или умру героем.

Обняла меня, горячо поцеловала, вспрыгнула в трамвай и уехала...

В комнате у нас еще чувствовалось тепло от недавнего присутствия Зои. Книги, уложенные Зоиными руками, так и продолжали лежать, дожидаясь возвращения хозяйки.

Вскоре я получила первое письмо — записку в две строки: «Дорогая мама! Я жива и здорова, чувствую себя хорошо. Как ты там? Твоя Зоя».

Верно, некогда было писать — и все же прислала весточку, чтобы мы не беспокоились.

Шура прочел это письмо и с удивлением узнал, что его сестра, «девчонка», на фронте. Больше он не знал ничего, и я ему, как того хотела Зоя, не говорила.

Потом пришло второе письмо от моей дочери и спустя недели две — третье. В нем Зоя писала, что наконец-то она получила задание, «по выполнении которого приеду домой погостить».

Радостно стало нам от этого письма. Со дня на день ждали ее домой.

Но она не приехала. Больше я не увидела своей дочери живой. Потом увидела мертвой, когда вся страна услышала о ней как о «партизанке Тане». Но об этом, о жизни ее и о делах в партизанском отряде, я рассказывать не буду. Об этом лучше расскажут ее товарищи — те, с кем она была.

Я знаю, что она, комсомолка, выполнила то, что записала в своей памятной книжке, которую я храню, как самое дорогое для себя: «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь».

И все звучит для меня ее живой голос, ее последние слова, которые она говорила, прощаясь:

— Что ты плачешь, мама? Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной? Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись тем, что я ухожу на фронт. Со слезами меня провожать не надо. Приду героем или умру героем.

Она умерла героем.

П. ЛИДОВ

ТАНЯ

Из этой статьи, напечатанной в «Правде», вся страна узнала о героическом подвиге Зои Космодемьянской. Только имени ее не знал еще ни автор статьи, ни колхозники деревни Петрищево, где она, замученная немцами, была тогда похоронена. Она не назвала себя своим палачам. Встреченному в лесу за несколько дней до своей смерти партизану на вопрос, как ее зовут, она ответила: «Татьяна». Всю свою жизнь она отдала родине и своему делу народной мстительницы, личное ее имя для нее не имело значения.

Только через некоторое время было установлено, что бесстрашная героиня Таня — это Зоя Космодемьянская.

В первых числах декабря 1941 года в Петрищеве, близ города Верея, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-москвичку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыным и Сходней стали местами боев. Москва отбирала добровольцев-смельчаков и посылала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником в тылу.

Вот тогда в Петрищеве кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена конюшня немецкой воинской части и в ней семнадцать лошадей. На следующий вечер партизан был пойман.

Из рассказов солдат петрищевские колхозники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался к важному военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, валенки, а через плечо — сумка. Подойдя к объекту, человек сунул за пазуху наган, который держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полил из нее и потом нагнулся, чтобы чиркнуть спичкой.

В этот момент часовой подкрался к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выбил у него из рук оружие и поднял тревогу.

Партизан был отведен в избу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими темными глазами и темными, стриженными, зачесанными наверх волосами.

Хозяевам дома было приказано выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы, и как та быстро, без запинки отвечала: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет», и как потом в воздухе засвистели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши.

Хозяева насчитали двести ударов, но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу»; только голос ее звучал глуше, чем прежде.

После допроса Татьяну повели в избу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни теплой одежды. Она шла под конвоем в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяева при свете лампы увидели на лбу у нее большое иссиня-черное пятно и ссадины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были искусаны в кровь и вздулись. Наверно, она кусала их, когда побоями от нее хотели добиться признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним был еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, лежа на печи, наблюдали за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, потом попросила пить. Василий Кулик спустился с печи и подошел было к кадушке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь палок?— злобно спросил он.

Солдаты, жившие в избе, окружили девушку и громко потешались над ней. Одни шпыняли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажженные спички, а кто-то провел по ее спине пилой.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой вскинул винтовку наизготовку и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти вплотную приставив штык к ее спине. Потом он крикнул: «Цурюк»[1] и повел девушку в обратную сторону. Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под теплый кров.

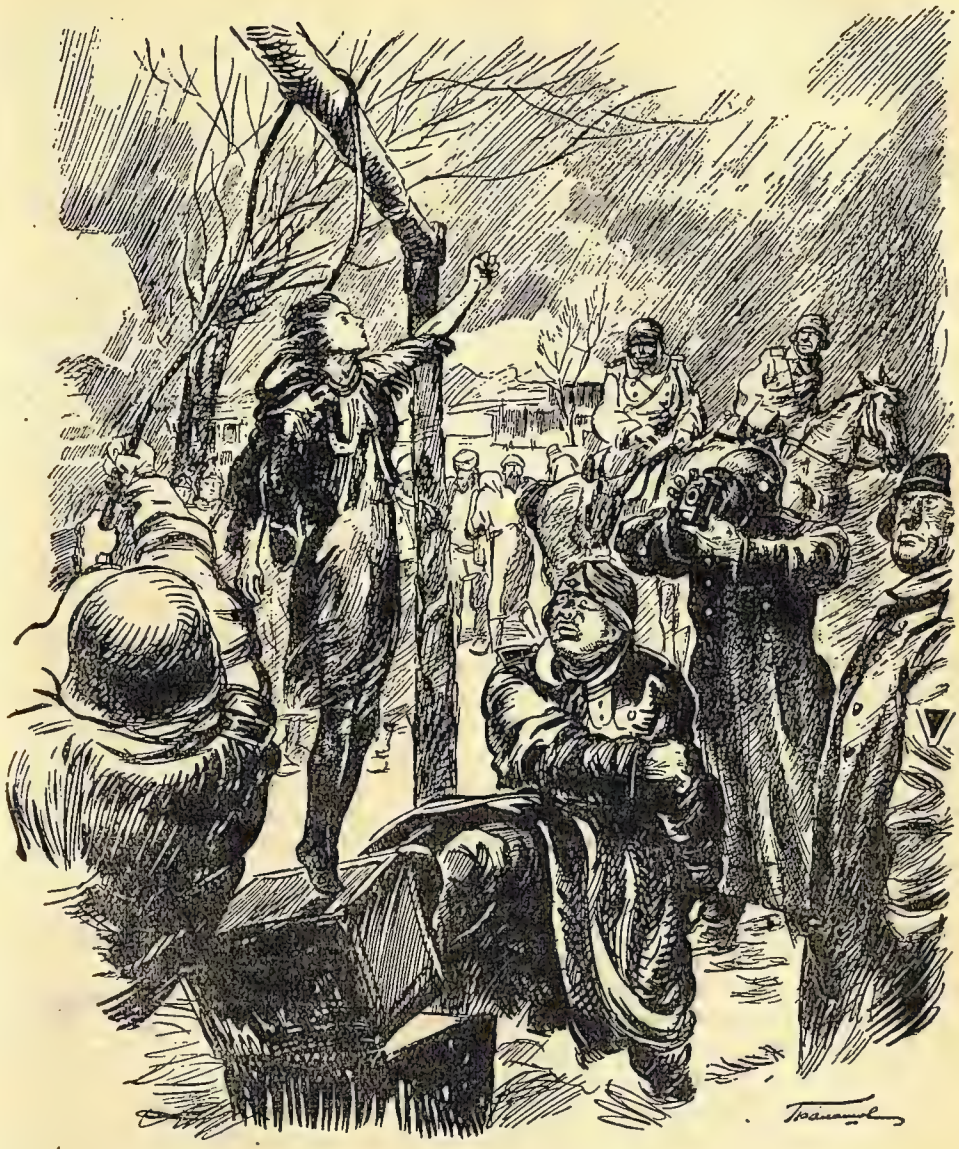
Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса-час выводил ее на улицу на пятнадцать-двадцать минут. Наконец изверг сменился. На пост встал новый часовой. Несчастной разрешили прилечь на лавку.

Улучив минуту, Прасковья Кулик заговорила с Татьяной.

— Ты чья будешь?— спросила она.

— А вам зачем это?

[1] «Назад!»



— Мне не страшно умирать. Это счастье — умереть за свой народ! Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин!

— Сама-то откуда?
— Я из Москвы.
— Родители есть?

Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказав более и даже не застонав, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Поутру солдаты начали строить посреди деревни виселицу.

Прасковья снова заговорила с девушкой:
— Позавчера это ты была?
— Я... Немцы сгорели?
— Нет.
— Жаль. А что сгорело?
— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело.

В десять часов утра пришли офицеры. Старший из них по-русски спросил Татьяну:
— Скажите, кто вы?

Татьяна не ответила.
— Скажите, где находится Сталин?
— Сталин находится на своем посту, — ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяева дома не слышали: им велели выйти из комнаты и впустили обратно, когда допрос был уже окончен.

Из комендатуры принесли часть Татьяниных вещей: жакет, брюки, чулки. Шапка, меховая куртка и валеные сапоги исчезли: их успели уже поделить между собой унтер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка, и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны к нагану, сахар и соль.

Татьяну одели, и хозяева помогали ей натягивать чулки на почерневшие ноги. На грудь Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доску с надписью: «Партизан». Так ее вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружало десятеро конных с саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под спущенной с перекладины петлей были поставлены один на другой два ящика из-под макарон. Татьяну приподняли, поставили на ящик и накинули на шею петлю. Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака»: немцы—любители фотографировать казни и экзекуции. Комендант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обождать.

Татьяна воспользовалась этим и, обращаясь к колхозницам и колхозникам, крикнула громким и чистым голосом:
— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!

Таню похоронили за деревней, и вьюга завеяла могильный холмик. Но скоро к славной могиле пришли те, ради которых умерла героиня.

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить ее, то ли зажать ей рот, но она отолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ!

Фотограф снял виселицу издали и вблизи и теперь пристраивался, чтобы сфотографировать ее сбоку. Палачи беспокойно поглядывали на коменданта, и тот крикнул фотографу:

— Скорее же!

Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня!

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик, и ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался и замер чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...

Она умерла во вражьем плену, на фашистской дыбе, ни единым звуком не выдав своих страданий, не выдав своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломить! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под Новый год перепившиеся фашисты окружили виселицу, стащили с повешенной одежду и гнусно надругались над ее телом. Оно висело посреди деревни еще день, исколотое и изрезанное кинжалами, а вечером 1 января фашисты распорядились спилить виселицу. Староста кликнул людей, и они выдолбили в мерзлой земле яму в стороне от деревни.

Таню похоронили без почестей, за деревней, под плакучей березой, и вьюга завеяла могильный холмик. А вскоре пришли те, для кого Таня в темные декабрьские ночи грудью пробивала дорогу на запад.

Остановившись для привала, бойцы придут сюда, чтобы до земли поклониться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И отцу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учителям, воспитавшим ее; и товарищам, закалившим ее дух.

И немеркнущая слава разнесется о ней по всей советской земле, и миллионы людей будут с любовью думать о далекой заснеженной могилке.

БЕРДЫ КЕРБАБАЕВ

СЫН ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

1

Курбан спешил с комсомольского собрания домой. Перед его глазами снова проплывали кавалеристы, сверкая оружием, как и тогда, днем, когда они скакали по дороге, а он собирал хлопок. Сейчас ему уже нетрудно было вообразить себя среди них.

Войдя в родной двор, он обошел тихонько отца и мать, спящих под звездным небом. Сабир с ребенком лежала возле дома. Услышав шаги Курбана, она подняла голову.

— Сабир, ты не спишь?

Сабир приподнялась с кошмы и, разглаживая косы, ответила:

— Жду тебя. Подать чаю?

— Нет, не хочется.

Сбросив с себя халат и шапку, Курбан молча прилег возле жены.

Сабир поняла, что Курбан не решается говорить то, о чем думает. Она придвинулась к нему.

— Милый, почему ты не поделишься со мною?

Сердце ее забилось. Сабир подумала, что Курбан чем-то неприятно встревожен.

— Печали не следует таить,— сказала она.— Говори, и я разделю с тобой грусть, и тебе будет легче.

— Что ты, Сабир, я не грущу!

— Твоя радость также и моя.

— Сабир, меня призывают в армию.

— В армию?

— Сабир, не расстраивайся.

— Нет, я ничего...

Она успокоила проснувшегося ребенка, помолчала, потом тихо сказала:

— Я только беспокоюсь за отца и мать. Боюсь, что их растревожит твой отъезд.

— Что ты говоришь, Сабир! Если ты будешь молодцом, то с ними поладить легко. Все-таки дети...

— Дети будут для меня утешением. Когда я захочу увидеть тебя, я буду смотреть на них.

— До моего возвращения комсомольцы будут тебе помогать.

— Пока я здорова, я не нуждаюсь в помощи... Хорошо, Курбан, что ты у меня мужественный и сильный...

Эти слова Сабир, сказанные тихо, одними губами, еще больше воодушевили Курбана.

Проснувшись утром, он увидел мать. Она сидела у его изголовья и вытирала слезы кончиком платка.

— Мать, что с тобой? — спросил он. — Не к лицу тебе эти слезы.

— У меня же материнское сердце... — сказала Аман Эдже. — Ведь трудно терпеть разлуку. Я не буду плакать, не буду!

Успокоив мать, Курбан сел пить чай. Зашел Дурды Ата. Он присел возле Курбана, неторопливо погладил бороду, посидел в раздумье, потом поднял голову и сказал:

— Курбан, сынок, тебя призывают в армию. Теперь я тоже буду гордиться: «И моя доля есть в защите счастливой жизни». Иди, иди, Курбан! О семье не беспокойся.

— Спасибо, отец, — сказал Курбан. — Я оправдаю твое доверие.

Он крепко обнял жену, горячо поцеловал много раз и сказал:

— Сабир, мне пора в путь! До встречи.

В объятиях Курбана Сабир старалась только не расплакаться.

Курбан попрощался с провожающими комсомольцами и колхозниками и сел на арбу, и старик-сосед, стоявший возле своего дома, сказал ему на прощанье:

— Никогда сын Туркмении не знал бесславия. Курбан, ты тоже туркмен. Большую часть своей жизни я уже прожил. Может быть, скоро и я и твой отец пойдем по пути предков. Мы, старики, верим, что ты завоюешь славу, чтобы и мы могли сказать: «Наши сыны, внуки множат доблесть нашего народа. Поезжай. Счастливого пути!»

Горячая речь старика взволновала всех колхозников, и Курбан долго вспоминал проводы уже в поезде, по дороге в новый и незнакомый мир.

2

Ночью мир раскалывался на куски. Земля тяжело содрогалась от разрывов снарядов. Плыл удушливый запах гари и пороха.

К рассвету огненная буря стихла. Ясным и нежным вставало утро, и легкий ветер, очистив воздух от пыли и смрада, волновал золотое море пшеницы.

Курбан машинально поймал еще не окрепший, мягкий колос. Теплые зерна легко скользнули на ладонь. Совсем как дома: в знойный полдень он стоит с обнаженными ногами на перемычке арыка и, взры-

Во вражеский тыл на разведку отправляется старший сержант Казимбетов. На его боевом счету уже есть уничтоженная бронемашина врага и два немецких офицера. Бесстрашный комсомолец награжден орденом Красного Знамени.

вая кетменем набухшую землю, слушает, как плещет вода, увлажняя пересохшее пшеничное поле. И откуда эта песенка?

На вершинах гор клубится туман,
разлив шумит, Бибиджан.
Любоваться тобою народ идет,
любимой моей, Бибиджан.
Качаются в ветре шальном тополя,
шумит листва, Бибиджан.
Раскрылися нового сада цветы
навстречу тебе, Бибиджан...

...Но резким движением руки Курбан отмахнулся, и плечо его ощутило привычную тяжесть ручного пулемета. Ведя за собой бойцов, младший сержант пошел по густому пшеничному полю.

Незаметно разведчики подползли к деревьям, стоявшим на краю поля. Кругом никого не было. А дальше опять колыхались под ветром пшеничные поля. Курбан оглянулся и замер. Острый взгляд разведчика заметил в желтизне созревающих хлебов неясные темные силуэты. Сделав знак Бочарову и Валиеву, Курбан упал и воткнул в землю сошки пулемета. Со стороны поля послышались русские голоса:

— Идите, идите! Не бойтесь!

В этом приглашении Курбан уловил насмешку. Спрятавшись в пшеничном поле, бойцы осторожно поползли назад, но и отсюда послышался уже явно насмешливый голос с нерусским выговором:

— Идите! Идите!

Окруженные разведчики поползли направо, но и справа послышались те же голоса; бойцов встречали отовсюду наглый смех и циничная брань.

И тут Курбан понял, что уйти некуда. Не меньше роты фашистов окружило разведчиков.

— Так просто нас не возьмут, — шепнул Курбан Бочарову и Валиеву. — Будем держаться...

Курбан лежал за кочкой, держа палец на спусковом крючке пулемета. Он слышал, как звонко щебетал жаворонок, видел, как мягко пробегает ветер по верхушкам посева. Взгляд его упал на лежавший перед ним сорванный колос. Чья-то нога вдавила его в землю, и усики жалко и беспомощно торчали во все стороны. Курбан смотрел на выпавшие зерна и думал, что если враг победит, он так же растопчет все, что было создано напряженным трудом народа. Он вспомнил отца и старика-соседа, и ярость охватила его.

Германский офицер, выглянув из-за прикрытия, крикнул:

— Все равно не уйдете! Поднимите руки и идите прямо. Иначе каждый из вас...

Курбан заглушил болтовню врага пулеметной очередью.

Ответный огонь обрушился на смельчаков. Зашуршали срезанные стебли пшеницы, посыпались золотые колосья, но ни одна пуля не задела разведчиков. Разъяренный офицер крикнул:

— Вперед! Взять их живыми!

Фашисты поднялись и пошли в атаку.

Губительный огонь трех ручных пулеметов встретил атакующих. Падала заодно с немцами подкошенная пшеница. Первая и вторая волны вражеской атаки были начисто сметены. Уцелевшие залегли, но резкий окрик офицера снова поднял их на ноги. Снова вихрь пуль, и растут груды трупов, и резкая команда офицера снова бросает солдат в атаку.

Нервная дрожь пулемета в руках Курбана внезапно прервалась. Замолчали пулеметы товарищей. Последние диски были расстреляны. Курбан поднялся и сильным рывком руки метнул гранату в немцев.

«Вот и все,— подумал он.— Теперь конец».

...Грохот взрыва оглушил Курбана. Густое облако земли и песку взметнулось возле Курбана. Снаряды рвались все чаще и чаще. По земле стлалась пелена дыма.

Разведчики побежали по густым посевам пшеницы.

Выскочив на край поля, Курбан радостно вскрикнул: навстречу быстро бежали красноармейцы с примкнутыми штыками.

— Наши,— хрипло сказал Бочаров.— Вот и лейтенант наш.

Словно теплая волна захлестнула сердце Курбана. Он вытер потный лоб и только тут почувствовал, как он устал.

Лейтенант молча подошел к сержанту и обнял его.

3

Лес шумел, и бойцы-южане привыкли к неумолчному ропоту листвы и ветра, но в тот день не шевелились устремленные к небу ветви и замерли листья на верхушках деревьев.

В отделении Курбана любили пляски, и каждый из храбрецов умел танцовать по-своему: русский, украинец, армянин, узбек. Когда в тот день после ловко сплясавшего лезгина очередь дошла до Курбана и его вызвали в круг, он тихо сказал:

— Я не умею танцовать.

Лечение в госпитале закончено. Герой Советского Союза Курбан Дурды в отпуску в родном колхозе имени Ворошилова Сагар-Чагинского района Туркменской ССР. Завтра опять на фронт. А сегодня Курбан Дурды обучает своих земляков военному делу.

Но бойцы знали об его особом искусстве и настаивали. Курбан вышел на середину, и многое обещала его уверенная походка и какая-то ласковая задумчивость взгляда.

Еще кого-то вытолкнули в круг. Упершись плечами, борцы закружились, угадывая силы друг друга, выведывая хитрость, которую партнер применит в борьбе.

Соперник Курбана напряженно уперся плечами в его грудь, но сильные руки Курбана не выпускали его. Вдруг Курбан ловко оттолкнулся и сразу поднял вверх на руках своего соперника. Тот не успел и опомниться, как Курбан, покрутив его раза два вокруг себя, положил на обе лопатки и перешагнул через побежденного.

— Молодец, Курбан!— крикнули Иванов и Бочаров и побежали к нему.

Но в эту минуту подошел письмоносец и крикнул:

— Курбану Дурды посылка!

Бочаров обнял Курбана за плечи:

— Товарищ командир, вот вам приз за победу.

Быстро прочитав письмо, вложенное в посылку, Курбан вынул из ящика сушеную дыню. Она напомнила ему родные поля.

Взволнованный, обрадованный заботой родителей и земляков, он угощал дыней боевых товарищей.

Никогда не евший сушеной дыни сибиряк Иванов смеялся:

— Когда покончим с врагом, бери меня, Курбан, в свои края.

Посмеявшись с товарищами, Курбан снова принялся читать.

Вот письмо, написанное комсомольцами аула:

«Мы, комсомольцы колхоза «Ворошилов», от чистого сердца гордимся, Курбан, твоей беспощадной борьбой с фашистскими негодяями. Мы глубоко верим, что на фронте, как и в колхозе, ты завоюешь себе славу. Покажи фашистским хищникам храбрость и отвагу сынов Туркмении.

Мы тоже работаем, как на фронте. Среди нас имеются двухсотники, трехсотники. На необозримых полях растет богатый урожай египетского хлопка. Каждая коробочка нашего хлопчатника станет пулей для фашистов...»

Курбан с радостью разбирал подписи в конце письма. Он будто видел каждого земляка-товарища.

И вдруг раздался сигнал. Быстро построилась рота. Лейтенант Олисашвили позвал к себе командиров взводов.

— По приказу командования мы должны уничтожить врага на высоте М. и захватить его позиции. Командир отделения Курбан Дурды, вы со своим отделением действуете на правом фланге.

— Есть, товарищ командир,— ответил младший сержант,— я со своим отделением буду держаться правого фланга.

...Курбан со своим отделением продвигался вперед. Была темная, пасмурная ночь, и в темноте бойцы ползли по трупам немецких солдат.

Бесстрашный истребитель комсомолец Юрий Цуркан много раз на своем ястребке вступал в бой с вражескими бомбардировщиками и всегда выходил победителем. На его боевом счету несколько сбитых фашистских самолетов.

Четыре фашистских бомбардировщика «Ю-88» встретились в воздухе с истребителем комсомольцем В. И. Михайловым. Отважный летчик вступил в неравный бой. Через несколько минут один «Юнкерс» загорелся в воздухе, а другой, подбитый меткой очередью Михайлова, приземлился на нашей территории. На снимке: младший лейтенант В. Михайлов возвратился с боевого задания

Скоро отделение Курбана оказалось перед окопами противника. Укрыться было негде. Курбан осторожно подвинулся на три-четыре метра в сторону и вгляделся в тьму. В десяти метрах от него немец стрелял с колена. Сержант прошил его пулеметной очередью. Немец упал, и стрельба прекратилась. Курбан, полусогнувшись, продвигался вперед. Вот он увидел, как кто-то навстречу тащит за ногу труп. Курбан не успел еще распознать человека,— а это был боец Валиев,— как тот шопотом произнес:

— Товарищ командир, видите — офицер!

Офицер, весь взвод которого был истреблен, теперь и сам захлебнулся в своей крови. Курбан обыскал карманы офицера. От трупа несло водкой.

Всю ночь шел бой. Наступил рассвет. Кукурузное поле было усеяно вражескими трупами. Два германских пулемета не давали нашим бойцам подняться. Бойцы, ползком с двух сторон обходившие пулеметные гнезда врага, готовились к атаке.

Командир приказал Курбану уничтожить пулеметы.

Курбан сказал:

— Товарищ командир, эти пулеметные гнезда будут уничтожены за двадцать минут.

Сержант с двумя товарищами пополз в высоких зарослях кукурузы. Скоро бойцы были в двадцати пяти метрах от пулеметчиков. По команде сержанта полетели гранаты. Один пулемет умолк, второй открыл огонь по группе Курбана. Курбана обожгло, но он не сразу это почувствовал. Наконец и второй пулемет умолк. Раздался приказ лейтенанта Олисашвили:

— Рота, в атаку!

Курбан, не обращая внимания на то, что ранен в руку, в грудь и ноги, скомандовал:

— Товарищи, за мною! — и первый побежал вперед.

Однако ноги сержанта не слушались, руки слабели. Он бежал и кричал:

— В штыки! В штыки!

Увидев обгонявших его боевых товарищей, Курбан вдруг, удивляясь своей медлительности, подумал: «Неужели у меня такие короткие ноги? Куда же девалась моя прежняя сила?»

Вот он заметил раненого немецкого офицера, целившегося в него. Курбан устремился вперед, но ноги его не слушались; все вокруг закружилось, зашаталось. Офицера надо было убить. Убить!.. Курбан почувствовал, как он штыком проколол руку немецкого офицера. Несколько секунд он еще видел наступающих бойцов, ему слышался лязг штыков, но он уже не понял, что рядом разорвался снаряд и в него снова попали осколки...

Его унесли с поля боя. Перед его глазами плыли танцующие фигуры, борьба, посылка из родного аула... Потом он утонул в дремоте, забылся.

4

Курбан не чувствовал сильной боли. Когда вернулось сознание, он понял, что он в госпитале. Он лежал в комнате, украшенной цветами, озаренной лучами солнца.

— Я ранен?— спросил он.

Женщина в белом халате, сидевшая возле, сказала ласково:

— Товарищ командир, успокойтесь. Вы еще немного слабы.

Курбан забеспокоился, как ребенок. Его черные глаза под густыми бровями потускнели, и губы задрожали:

— Мои... мои бойцы...

Женщина поняла его состояние и улыбнулась:

— Товарищ командир, о вашем мужестве напечатали в газетах. Вот, посмотрите...

От радости Курбан хотел соскочить с постели, но женщина удержала его и сама прочитала Курбану Дурды статью о его подвигах.

Читая, она незаметно от Курбана вытерла слезы и потом поцеловала его в лоб.

— Милый мальчик! Вы сейчас сын не одной своей матери,— сказала она,— но и мой сын, и всех советских матерей! Весь советский народ с гордостью читал о вас...

Женщина говорила такие слова так просто и тепло, что Курбан почувствовал себя маленьким, как в детстве. Он хотел сказать ей, что любит ее, как свою родную мать, но ничего не смог выговорить,— слезы подступили к горлу.

Женщина провела рукой по его волосам.

— Скоро вы поправитесь, — сказала она напевно, как мать говорит с детьми.— Командование на некоторое время отпустит вас домой. Увидитесь со своими родителями, с друзьями, детьми...

— Как же ехать домой, не покончив с врагом?

— А ваши друзья, земляки? Они хотят видеть вас, они будут гордиться вами. Вы побываете в Туркмении и снова вернетесь в армию. Мы еще с подлым врагом рассчитаемся.

Курбан благодарно улыбнулся ей, взял своей здоровой, неповрежденной рукой ее руку и прижал к своей груди.

С. КРУШИНСКИЙ

КУРСАНТЫ

1. УЧИЛИЩЕ

Мы ухсдили утром. Высокие дома Садового кольца были окутаны сиреневой дымкой, как скалы. Эти дома были воздвигнуты на наших глазах и так или иначе при нашем участии, и теперь мы прощались с ними, как с близкими, дорогими нашим сердцам друзьями.

Колонна двигалась по безлюдной улице. Только рядом с нашим правофланговым торопливо шла, почти бежала маленькая женщина. Правофланговый — рослый детина — нес на руках ребенка. Сынишка ласково водил пальчиком по его лицу, а отец шагал и шагал, будто ничего не замечая. Правое плечо его вздернулось, голова была откинута назад. Жена порывалась что-то сказать ему и не говорила, оберегая безмолвное величие этого расставания.

Только на вокзале, когда лязгнул буферами подошедший к вагонам паровоз, мы услышали ее голос.

— Ты смотри же, пиши, — говорила женщина тихо. — Пойдешь в бой — оставь у товарища записку. В случае чего он перешлет; я сохраню записку для нашего маленького.

В глаза опасности надо смотреть не мигая.

★

Жаркие дни. Наши лица всегда покрыты пылью, ноги гудят от усталости. Мы проходим обучение в маленьком прифронтовом городке. Говорим мало и все больше о мелочах повседневной жизни, думаем же о главном, о том, ради чего покинули родные дома. И во всем, о чем бы ни зашел разговор, во всем, что мы видим, разлита эта идея борьбы до конца. Кто-нибудь, сидя на пеньке у опушки леса и вытянув ноги, скажет мечтательно:

— Какая у нас страна!..

И другой добавит:

— Какие просторы!

Остальное — само собой разумеется. Не надо говорить о том, что эта природа, любовь к которой унаследовали мы от десятков пред-

шествующих поколений, что эта земля всегда будет наша, что она будет принадлежать нашим детям, чего бы ни стоила нам борьба.

Вера в это сплотила весь народ.

Дряхлая старушка выходит в поле угощать бойцов огурцами. Предлагаем деньги. Она обижена.

— Ужели вы не уважите старую? Сама растила, одной воды перетаскала бог весть сколько. Годы не молодые, спина, ох, как ноет! Ужели побрезгуете моим угощением?

★

Ночью одно подразделение ушло на фронт. Наши товарищи поставили на возки пулеметы и исчезли во тьме. Утром мы почтительно перечисляли их по именам. Вокруг фронтовиков из роты выздоравливающих собирались группы. Один рассказывал о том, как бежал из страшного фашистского плена, как, пробираясь через леса, вышел ночью к костру, вокруг которого сидели на корточках мальчишки и варили в немецкой каске картошку. Они рассказали, что германец прошел стороной, что к ним в деревню заезжали только несколько фашистов, согнали баб на сходку и стали спрашивать, где их мужья и где коммунисты. Бабы послушали, а потом убили «ораторов» и стащили в овраг. Мотоциклы и оружие взяли партизаны, а каски достались детворе. Конечно, каска — это не то, что автомат, но все-таки теперь хорошо играть в партизанский отряд и еще играть в ночное. Лошадей-то нет сейчас.

★

Многие вслух выражают нетерпение. Скорее бы в дело! Наконец нас выстраивают посреди двора, ведут на станцию, сажают в теплушки. В пути мы стоим у раскрытых на обе стороны широких дверей. Деревья освещены золотым осенним солнцем. Тепло и тихо.

И вдруг поезд врывается за седую завесу. Это бешеный ливень, он бьет сквозь вагон, из дверей в двери. В одно мгновение мы все промокли до нитки.

Нет, какая у нас страна! Какие буйные ливни!

Поезд идет не на запад. Мы знаем уже, что едем в пехотную школу, будем учиться на лейтенантов.

★

Это знаменитое пехотное училище имени Верховного Совета РСФСР. Оно основано в декабре семнадцатого года по предложению Ленина. Это была первая кузница красных командиров, которые приняли боевое крещение в гражданской войне, которые били дроздовцев и врангелевцев. Двадцать шесть курсантов-кремлевцев, оказавшись в плену, отказались давать показания разведке генерала Барбовича. Вырыв по приказанию палачей могилы для себя, курсанты запели «Интернационал».

В общежитии школы в Москве бывал Ленин. Однажды, зайдя ночью, он попросил дежурного рапортовать потише, чтобы не беспокоить спящих курсантов.

Ленин много говорил с курсантами, принимал парады выпускников.

В январе 1924 года в этой школе товарищ Сталин произнес свою вдохновенную речь о Ленине.

Воспитанники школы и в последние годы дрались и достигали победы на всех фронтах, где нужно было защищать территорию и честь страны.

Питомец, ныне начальник школы, полковник Младенцев, сражаясь в снегах Финляндии, заслужил славу в народе и звание Героя Советского Союза.

Таковы традиции школы. Эти традиции, накопленная за двадцать четыре года боевая слава воплощены в опыте командного состава школы, который воспитывался здесь же. Лейтенант Асмолов, лейтенант Шипилов — это наши учителя. Но тут же, в училище, служат и учителя наших учителей: капитан Бобровских, комиссар Славкин. Цепочка приводит к самым первым дням существования школы. Вот и мы куем новое звенышко.

★

Человек лежит на левом боку и роет малой лопатой землю. Болото, кочки промялись; человек лежит в луже желтой воды; сверху сеется на него дождь, а он роет, быстро роет землю. Быстро растет бруствер перед окопом.

Это только учеба. Этот окоп еще не должен защищать нас от фашистской пули. Но в учебу надо вкладывать все силы, тем более, что научиться командирскому искусству надо скоро, а показывать это искусство придется в борьбе с врагом сильным и жестоким.

Вот падает и подолгу лежит на палатках снег, и мы по вечерам мечтаем: когда-то придется отогреться, просушить портянки... Учеба пехотинца не легка. Ползаем по холодной, мокрой траве, перебегаем под кустами, разбираемся в переплетениях заснеженных дорог, пряча карту под полой шинели. Трудно? Да. Но ведь на войне будет еще трудней.

Как-то один из товарищей моих сказал:

— А немцу такая погода и вовсе не по вкусу.

И от мысли, что для врага на чужой, ненавидящей его земле и дожди должны быть холоднее, вьюжные ночи непроглядней,— от одной этой мысли нам становится теплей.

★

Мы часто говорим и много думаем о типе советского командира. Ведь мы сами — будущие командиры. Нам есть у кого учиться, есть кому подражать. Если свести воедино размышления многих, на первое место выступит вывод: командир и боец — братья. Это всегда было так в Красной Армии, и тем более это так сейчас: вместе умирать или, победив, вместе жить. Перед лицом этой истины все остальное теряет значение. Строгая требовательность без муштры и мелочной придирчивости — таков принцип командира.

Окончив училище, каждый из нас придет к бойцам и скажет:

— Вот винтовка, вот пулемет, вот граната — оружие, которым мы будем разить фашиста. Борьба с заклятым врагом нашей земли, борьба

без страха и до последнего вздоха — основа нашей кровной дружбы. Вперед, друзья и братья, вперед, бойцы!

★

В дождь ли, в стужу ли, в палатке и на поле — всюду и всегда с нами неразлучная спутница — песня. Отдохнули, выспались,—значит:

— Ну-ка, запевалы, начинайте! Калашников! Матвеев!

Устали, промокли, надо поднять настроение — опять:

— Запевалы! Заводи походную!

Маршевая песня — неписанное дополнение к учебной программе.

С винтовкой на ремне мы шагали вдоль леса. Мы уже изрядно наломали ноги о мощенную булыжником дорогу, и коробки с пулеметными лентами оттянули нам руки. Поступь шеренг то и дело сбивалась, и песня гасла.

Свернул на обочину дороги шедший нам навстречу обоз. На расшатанных телегах ютились детишки, укутанные в одеяла и шубенки. Старые и молодые женщины шли рядом с телегами или стороной; по мокрой осенней траве гнали скот. Это двигались на восток поднятые вражеским нашествием советские люди.

И вот, когда мы поровнялись, телеги останавливаются, детишки вылезают из-под одежек, и женщины смотрят на нас с трогательной надеждой и гордостью. Они покинули родные дома, землю, какую-нибудь любимую вербу у колодца. Пожалуй, некоторые потеряли близких. И вот видят они нас, шагающих с песней по шоссе, нас, готовящихся к боям. Они глядят на нас, и в их взглядах — призыв к отмщению, в их взглядах — надежда.

И любимая, наша собственная песня, сложенная курсантом Белинским и положенная на музыку красноармейцем Молчановым, могуче взлетает над полем и лесом:

Давай подтянем
новую походную.
Труби, труби поход, горнист!
Краснознаменное московское пехотное
Готово в бой.
И смерть тебе, фашист!

Колонна проходит четким маршем перед расшатанными телегами, с которых на нас с восхищеньем смотрят дети.

2. КУРСАНТСКАЯ ОБОРОНА

Ползли на восток колонны вражеских танков. Бронированные змеи стремились сплестись вокруг Москвы и задушить столицу и обороняющие ее войска.

Приказы германских генералов начинались крайне самоуверенно: «Мы победили поляков, бельгийцев, французов. Нет сомнения, что мы...»

В эти дни мы отправили из училища в огонь боев многих своих товарищей.

Отважный минометный расчет вплотную подобрался к вражеским позициям. Метким прицельным огнем минометчики расчищают путь наступающей пехоте.

Мы жили в одном палаточном городке. В ненастные дни вместе сушили над костром портянки и грели босые ноги. Мне особенно запомнился один курсант-выпускник, молодой еще, но бывалый человек, комсомолец. Он главенствовал у костра. Ломал и подкладывал прутья и этак неторопливо, по-крестьянски рассказывал, как он пошел на войну с белофиннами:

— В военкомате спрашиваю: шоферы нужны? Говорят: нет, а нужны лыжники. Я им свое: был шофером в части, имею благодарности. А они опять: лыжники и лыжники. Мне, конечно, на лыжах ходить не доводилось, но думаю: «Неужели я урод, не научусь?» И, не моргнув глазом, заявляю: «Я забыл сказать: лыжи для меня — вторая машина».

Говорили мы у костра в октябрьский день; каждый знал уже, сколь суровые испытания нас ждут, и эта легкость, с которой говорил человек, шла не от легкомыслия, не от бездумья, а, напротив, оттого, что все продумано, все взвешено и решено. С этим решением человек пойдет на подвиг и смерть.

В сумерках нас всех построили по тревоге. Пришлось разбросать недогоревшие костры. Поставив на грузовики пулеметы, переговариваясь вполголоса, мы переобулись в темноте под деревьями, тщательно намотали портянки. Но выступили в эту ночь не все, а только курсанты-выпускники. Они уже давно томились, ожидая испытаний. И вот они ушли на фронт.

Полк занял оборону по реке Лама. Полковник Младенцев и комиссар Славкин сказали: курсантская оборона должна быть неприступной.

В первых же столкновениях, как только подошли головные отряды противника, курсанты показали врагу свою неустрашимость.

Немцы закрепились на хуторе Блуди. На подступах к хутору стоят их секреты. Но секреты эти на учете лейтенанта Дьячкова. На рассвете взвод разведчиков скрытно продвигается к хутору. Со взводом — артиллерийский наблюдатель и полевой телефон. С огородов хутора Блуди отдается команда:

— Огонь по хутору Блуди!

После третьего артиллерийского залпа взвод врывается на улицу и открывает огонь по мечущимся немцам.

Фашист, спрятавшись за домом, обстрелял лейтенанта Дьячкова. Лейтенант залег, а тем временем его связной Коршунов подкрался к немцу из-за угла, оглушил его ударом приклада по голове и, отобрав винтовку, отправил в тыл. Первый пленный. Вскоре захватывают еще одного. Потом еще двух пленных вместе с ручным пулеметом вытащили из дзота.

В мелких столкновениях курсанты показали, что они способны перехитрить противника, ошеломить его дерзкими действиями и стать хозяевами пространства между позициями. Так они выдержали первое испытание.

Немцы рвутся вперед. Испытанию подвергается мужество курсантов, их стойкость в бою. Курсанты умирают, но не отходят без приказа.

Подразделение майора Тряпкина, полуокруженное, героически обороняет Буйгород. Прямые попадания мин в командный пункт. Разбит телефон. Убит не сошедший с поста часовой. Другие продолжают оставаться на месте.

Под губительный минометный огонь попадает орудийный расчет комсомольца Еремина. Противник наступает, некогда менять позицию, и надо обеспечить продолжительную поддержку своим. Еремин посылает расчет в укрытие, ведет огонь один. Его приказ расчету: «Когда меня убьют, займите мое место». Он остается жив.

Не только мощь огня решает исход сражений. Идет спор между моральными устоями гитлеровского солдата и нашего бойца. Гитлер разжигает в своих солдатах самые низменные инстинкты. Ты жаден? Входи в любой дом, забирай любые вещи, стаскивай ботиночки с ног ребенка. Ребенок плачет? Ударь его прикладом. Только рвись вперед, рвись к Москве — там будет что пограбить. Опередишь других — больше награбишь. Ты жесток? Убивай женщин и стариков. Только рвись вперед, и в твои руки будут отданы новые жертвы, а на грудь тебе повесят новые кресты.

А советский человек вступает в бой, чтобы защищать страну свою, сограждан своих от глумлений и смерти. И ради этой святой цели он жертвует жизнью. Дружба, — нет, братство между нашими бойцами крепнет в боях.

Шофер Афанасьев увозит на грузовике с поля боя раненых. Они

не должны умереть. Он ведет машину со всей возможной осторожностью. Вот и медпункт. Шофер остается в кабине, его спрашивают:

— Почему вы не идете обогреться?

— Я тоже ранен, — отвечает шофер еле слышно.

Он ранен в живот навылет.

Курсант П. отстал от своих во время разведки и, вместо того чтобы догнать отряд, вернулся в часть.

Собрались комсомольцы; среди них были и разведчики, бесстрашно выполнившие трудную задачу. Они решили исключить П. из комсомола за малодушие и недисциплинированность. П. выслушал этот приговор и понял, что если теперь не вернет доверие к себе, то уж никогда не посмеет честно и открыто смотреть в глаза товарищам.

И вот случилось так. Немцы прорвали оборону соседа слева. Курсанты, оказавшись на фланге, контратаковали противника. Огонь станкового пулемета сковал их. Неуспех контратаки повлек бы потерю позиций на большом протяжении. П. вызвался спасти положение. Взяв в запас несколько гранат, он пополз через поле, простреливаемое вражеским пулеметом. Проползти с оружием несколько сот метров — вообще-то нелегкое дело, а проползти под пулями, от кустика к кустику, от западинки к западинке — это подвиг, растянутый во времени. П. пробрался к пулемету, ликвидировал гранатой пулеметный расчет. Товарищи вернули ему комсомольский билет.

3. КЛЯТВА

Каждый из нас любит по-сыновьи, навечно места, где мы выросли и возмужали. У Надымова это — горы, тайга, стремительно бегущая река Уса. Суровый край. Юноша проходит здесь полтораста километров на лыжах, чтобы получить в райкоме комсомола билет. Когда нужно топливо, он взбирается на гору и, привязав к поясу целую копну сухого хвороста, спускается с кручи прямо к порогу своего жилья. Весной, чуть загремят ручьи, он, вскинув за плечи лоток, уходит в горы, распутывает тропы вешних потоков, берет пробы обнаженной подпочвы и, отыскав хорошее золото, разжигает костер. Здесь вместе с товарищами он проживет, быть может, целое лето.

Мальчишкой пошел Надымов «стараться». В апреле, в мае трудно бывало ему сидеть в классе. Но он выдерживал до каникул. Окончил девять классов и собирался через год пойти в университет. Разумеется, он хотел учиться на геолога, чтобы отыскать целые подземные поля полезных ископаемых, чтобы не шалаш, а город вырос где-нибудь у его тропинки.

Таков советский человек. Ногами он крепко стоит на земле, голова его — в поднебесье. Мыслимо ли загнать его в ярмо?

В ноябре молодые старатели вышли с прииска. Надымов молча пожал своим семейным руки — тринадцать прощальных рукопожатий — и ушел, не оборачиваясь. Ночевали в двадцати пяти километрах от прииска, в одинокой избушке шорца-охотника. Старик жарко натопил

печь, он не дал путникам принести даже полена дров, все делал сам.

Стояли трескучие морозы, но горные речки еще свободно бежали среди снегов, окутанные тяжелыми зимними испарениями. Гордые кедровые леса синели вокруг до самого зубчатого горизонта. Оглядывая милые сердцу места, Надымов поторапливал товарищей.

Им пришлось трижды переходить вброд речки. Первым вступал в воду самый сильный. На другом берегу, бросив под босые ноги телогрейку, он быстро обувался и — бегом вперед! Товарищи один за другим одевались на этой телогрейке и пускались вдогонку. Разогревшись, они спокойно продолжали свой путь.

В райвоенкомате Надымову предложили вернуться домой. Дело в том, что собралось шестеро добровольцев, а в училище надо было послать пятерых. Надымов отказался. Он уже попрощался с отцом — старый шорец молчаливо проводил его, да и вообще не в духе Надымова отказываться от раз принятого решения. Комиссар махнул рукой и выписал литер на шестерых.

И вот Надымов ползет по снегу. Сильная рука золотоискателя легко передвигает винтовку. По этому же полю ползет Анастасьев, сын профессора-хирурга, виолончелист. Он умел ухаживать за своими руками — изнеженными руками артиста. Теперь он умеет этими руками заряжать пулемет на морозе.

Отложен в сторону лоток золотоискателя. В футляре отдыхает виолончель. В руки подруги, в руки сестры передан молодым колхозником руль трактора.

Месяцы, проведенные нами в училище после расставания с выпускниками, не легки. Мы жили в палатках, засыпанных снегом. Совершали марши по обледенелым дорогам. В стужу, в буран, днем, ночью выходили на лыжах в поле, учились хитрому искусству разведки, упорству наступательного боя, обстоятельности в организации обороны. На ветру у кого-нибудь побелеет то нос, то щека. Первое время мы спрашивали друг друга:

— Ну, как у меня?

Потом приноровились. Просто глянешь друг другу в лицо, как в зеркало.

— В порядке?

— В порядке.

И — дальше.

Много дней мы провели в эшелонах. Днем, сгрудившись у оконца, изучали оружие; вечером вели разговор о музее Ленина, об устройстве вселенной, о паровозе, о музыке. Анастасьев как-то рассказал о великом Чайковском, над чьей памятью глумились гитлеровцы.

Ночью сидишь у печки, подбрасываешь уголь малой лопатой. Кто-то захотел курить. Протягиваешь раскаленный прут; огонек плывет под потолком, освещает руку, лицо. Товарищ долго курит, думает о чем-то. Потом спускается вниз, сидит, помешивая угли. Возбужденно скажет:

— Москва... Выстоит Москва!

Это в ноябре. Немцы похваляются, что они уже видят в хороший

Бойцы Красной Армии ведут бой за населенный пункт.

бинокль улицы столицы. В своей стенгазете мы нарисовали Гитлера. Он сидит на снегу, поджавши ноги, держит у глаз вместо бинокля скрученные сводки Геббельса, а перед биноклем — огромный кукиш!

Не одни мы проводим дни в походах и на биваках.

Вот землянки в лесу; у их стен — ряды лыж в распорках. Щиты с газетными листами, столы. Это не фронт. Здесь даже не видали германского самолета. Здесь готовятся резервы. Бойцы живут под открытым небом, землянки только для сна.

Но и те, кто не призван к оружию, то есть еще миллионы и миллионы советских людей, живут, как в боевом лагере: колхозники, ушедшие на восток из районов, в свое время захваченных Гитлером, рабочие, восстановившие на новых местах эвакуированные заводы. Кому нынче неведомы драгоценное тепло костров, гостеприимство незнакомых людей! Входишь в полночь в крестьянскую хату, извинишься, что причиняешь беспокойство. Древний старец ответит с печки, прислонясь спиной к трубе:

— Какое же нынче спокойствие? Сердце-то с июня месяца неспокойно, с двадцать второго числа.

Подумает и добавит:

— Вся Россия поднялась. Кругом костры горят, костры. Вся Россия сошлась к кострам. Это непокорность наша.

Тем временем хозяйка растапливает печь. На рассвете она скажет, подавая на стол картошку:

— И мой этак же где-нибудь, как вы.

Хотя она живет под родным кровом, сердце ее, мысли ее — там, у костров. Чье сердце не обливалось кровью в эти дни, когда Красная Армия вынуждена была отступать! Вот письмо одной женщины, жены курсанта:

«Как-то я пошла вечером за Андрюшкой,— смотрю, на опушке леса сидит слепой гармонист и играет. Он один, играет для себя. Слышу, он выводит: «Страна моя, Москва моя, ты самая любимая...» У меня всю душу перевернуло. Я долго стояла и слушала эту песню, как никогда никакую... Милый мой, я уверена, что ты станешь хорошим лейтенантом».

Курсанту Гаусу мать писала: «Я уверена, что ты у меня будешь героем».

Матери наши, наши жены знают, что быть хорошим лейтенантом, быть героем — это значит дружить с лишениями и не бояться смерти.

Не впервые превращается наша родина в боевой лагерь. Не раз подвергалось испытанию мужество народа, не раз враги решали, что Россия сломлена, что дороги ее покорно будут стлаться под копыта коней с чужой земли. Но народ вставал поперек этих дорог, и выбитый меч насильников падал на землю.

Отечественная война приблизила далекое прошлое, напомнив каждому: «Ты наследник всего, что сделали твои предки. Твоя советская родина увенчивает огромный исторический путь народов».

Вспомнив свою жизнь, каждый из нас увидит, как много дала ему советская родина. Всё, начиная с личного достоинства и кончая заводами и дворцами культуры, всё, начиная с хлеба и кончая песнями, всё, чем мы жили, что нам дорого, дала нам родина.

Мы получили так много, что вправе считать себя счастливцами. Взять любого. Вот один из моих товарищей — комсомолец Василий Дудкин. Он вырос на берегу реки Красивая Мечь, близ ее впадения в Оку. Прекрасную природу этих мест описал Тургенев. Сын крестьянина, Дудкин получил в Москве высшее образование.

Зимой он учил в столичной школе детей, летом ездил на родную Красивую Мечь и выходил с косой на широкие приокские луга, с лопатой — на торфяники. Столица и деревня равно дороги ему. Всегда и всюду жизнь для него — деяние, радость. Нет у него ни одного дня, прожитого впустую.

И вот мы принимаем военную присягу. Мы выстраиваемся в ленинской комнате, на стенах которой портреты руководителей партии и правительства, портреты героев отечественной войны.

Первым принимает присягу Дудкин. Он был хорошим учителем, любил свое дело, и он клянется стать храбрым воином.

Защитить родину, отстоять нашу великую многовековую культуру— сейчас это самое важное из всех дел просвещения.

Читает текст присяги курсант Гонян. Он вырос на юге Армении, где всегда сияет жаркое солнце. Теперь впервые он встал на лыжи. Единство советских народов нерушимо. Это виноградники Армении армия защищает в снегах под Мурманском, как леса Карелии защищает она на подступах к Кавказу.

Клятва на верность родине вбирает в себя все, что нам дорого.

Каждый вправе сказать:

— Я люблю моих детей. Но сейчас есть только одно выражение этой любви — борьба с врагом, ибо враг принес бы голодную смерть и рабство нашим детям.

— Я чту память своих родителей и предков. Но они не были рабами чужеземцев. И если я не стану храбрым воином, то я окажусь недостойным их памяти.

— Я люблю родную природу — бескрайные поля, глубокие реки, могучие горы, буйные ветры. Но земля моя, израненная вражескими бомбами, взывает об отмщении.

— Я люблю труд, но гитлеровцы пытаются присвоить или обратить против меня все, что я сделал, а меня, свободного и гордого труженика социалистической страны, загнать под ярмо.

Все лучшие чувства и привязанности приводят каждого из нас к этой клятве: стать храбрым, бесстрашным воином. Бесстрашным и умелым.

«Клянусь добросовестно изучать военное дело», говорится в тексте присяги.

Вот в день присяги, хотя это не учебный день, курсанты выходят на лыжах в поле и с винтовками в тир.

...Ночь после присяги. Поблескивает составленное в пирамиды боевое оружие. Тихо. Курсанты отдыхают, чтобы с утра снова приступить к учебе и тренировке.

Василий Дудкин осторожно поднимается с постели, берет на плечо тело пулемета и уходит в ленинскую комнату. Он младший командир, ему разрешено вставать до подъема, и он пользуется своим правом, чтобы поскорее подготовиться самому и подготовить товарищей к боям, в которых нам предстоит выполнить нашу торжественную клятву.

4. НА ЗАПАД!

Но если для нас это была только клятва, то для друзей наших это давно стало бытом: ежедневные подвиги и готовность умереть.

Там комсомолец в ноябрьский вечер под пулями подползал к стрелковой ячейке товарища и сообщал:

— В Москве выступил Сталин.

Вокруг рвались мины, черная пыль ложилась поверх белого снега, каждую минуту любой мог быть убит, но крепнущая вера в победу не могла быть убита.

Величие многих характеров мы узнаем с опозданием. Мы жили в палатках рядом с Колей Щербаченко и не пригляделись к нему, не разглядели прекрасную его душу. И уже потом старались вспомнить его,— потом, когда узнали, как в студеный ноябрьский вечер пробирался он по ходам сообщения, как затаивался, когда ракеты расплескивали с поднебесья летучий голубой свет, как спрашивал товарищей:

— Ты в меня веришь?

Каждый отвечал ему от чистого сердца:

— Да, конечно.

— Я хочу вступить в партию,— говорил Щербаченко.

9 ноября Щербаченко подал заявление. Он писал в своем заявлении: «Я хочу защищать честь и свободу своей родины коммунистом. В боях против гитлеровских полчищ, против фашизма буду стоек и тверд. Нашему общему делу отдам все силы, а если потребуется, и свою жизнь».

16 ноября курсанты атакуют противника у деревни Парфеньково. Свинцовая поземка заставляет их прижаться к земле. Они окапываются и отвечают врагу дружным огнем. Они отбивают фланговую контратаку.

Отходят под покровом темноты. Привезли в походной кухне кашу. Щербаченко подставляет полу шинели: котелков не взяли с собой. Он бодр и весел. Он шутит, получив от повара вторую «тарелку» каши.

Тут же, укрывшись за кусты от холодного ветра, расположился капитан Лободин, командир батальона. Он пишет в донесении: «Войско мое малочисленное, бодрое и веселое. Рвутся в бой, должен быть результат». Только из скромности Лободин не говорит — «бесстрашное войско».

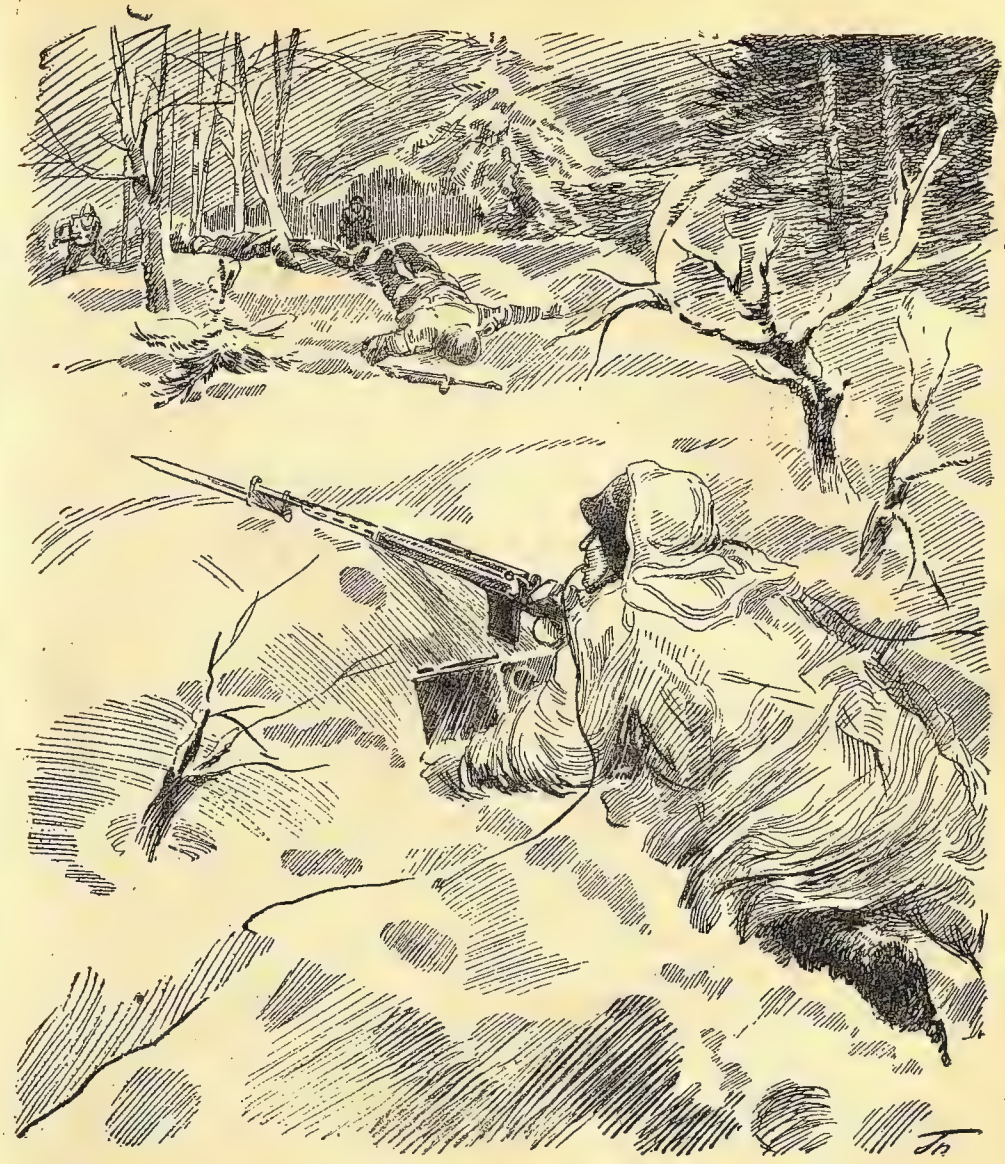
С рассветом возобновляется атака. Теперь бодрое и веселое войско подступает к противнику с правого фланга. Даже раненые идут вперед. Дважды ранен, но не выходит из боя комсомолец Жебов.

Отец комсомольца подполковник Жебов в это время руководил нашим училищем. Сын дрался в курсантском полку, как рядовой солдат. Где еще, в какой армии мира встретишь это суровое благородство нравов и эту нераздельность судьбы командира и бойца?

Пулеметным огнем немцы подстригают верхушки кустарников. Но наши ползут. Метрах в ста, когда уже не укроешься от пуль, они поднимаются. Они идут со штыками наперевес. Пусть знает враг, что как ни цепляется, а не удержится он на русской земле. Курсанты идут с криком «ура» — они ничего не видят, кроме неприятельских окопов.

Вражеская пуля обрывает жизнь Николая Щербаченко. Бойцам нельзя остановиться, чтобы в последнюю минуту руками поддержать его голову, чтобы услышать его последние слова. И все же вся страна слышит его прощанье — страна, затаенно следящая за ходом боев. Накануне Щербаченко принят в партию, он умирает коммунистом.

Бронированные змеи фашистских колонн не доползли до Москвы.



Вражеская мина оборвала провод. Командный пункт потерял связь с наступающими частями. Комсомолец Новиков получил задание восстановить связь. Обрыв найден, но враг обрушил на молодого связиста ливень свинца. Новиков во рту соединил концы провода и вступил в неравный бой. Когда подоспела помощь, Новиков был мертв. Плотно стиснутые зубы его держали провод. Связь работала безотказно. Поле боя устилали трупы немецких солдат.

Обессилев под ударами наших частей, они попытались залезть в щели, зарыться в землю, но тогда наши войска, сформированные за спиной героев обороны, пошли в наступление, стали авиабомбой и миной, штыком и гранатой выбивать гидру из щелей.

Выдержав самое строгое испытание, какое можно представить, питомцы московского училища получили под свое командование взводы и роты и теперь во главе подразделений врываются на улицы родных деревень, выбивают грабителя из родных домов.

Народ наш всегда отечески любил Красную Армию, в праздник выходил на улицы навстречу проходящим колоннам, и улица делалась яркой от букетов цветов, от улыбок. Теперь выходят навстречу бойцу измученные люди, перед глазами которых ежедневно маячила виселица. Раньше мать поднимала навстречу красноармейцу смеющегося ребенка. Сегодня, случайно уцелев, она показывает трупики детей, разорванных фашистской гранатой.

Но мы знаем — снова будут цветы и улыбки. Все цветение лугов и полей посвятит советская земля освободителям-красноармейцам. Все улыбки радостной детворы будут обращены к герою отечественной войны.

★

Скоро и мы, курсанты из подразделения лейтенанта Асмолова, выйдем на передний край боевого лагеря. Не все нам вести огонь по фанерным фигурам фашистов. Будем разогревать котелки над крохотными кострами, зажженными в печурках под бруствером окопа.

Те, кто начал учебу позже нас, посматривают на нас с завистью. Надымов говорил мне недавно:

— Я в буран так пробрался бы на лыжах: собака — и та не брехнет. Греетесь, господа фашисты? А вот вам горяченького до слез! И — гранату в окошко. Пьете чай, разбойники? Получайте угощение! И — другую в окно. Потчуйтесь, не стесняйтесь!

Вступая в бой, каждый из нас будет знать, что за его спиной — тысячекилометровый лагерь родины, что впереди, на западе, в лесах, в оврагах горят партизанские костры, что костры наши — это немеркнущее, незаходящее солнце для плененных врагом городов и сел, свет во мраке принесенной гитлеровцами ночи.

Из всех уголков земного шара виден этот свет. Вдовы Варшавы сквозь пургу видят его заплаканными глазами. Сироты Белграда протягивают к нему озябшие ручонки. Пусть же напоминает он всем, всем, кто не покорился тирану, всем, кто не забыл, что такое священная месть,— пусть напоминает он, что советские народы бодрствуют, что на тысячекилометровых пространствах раскинулся наш боевой лагерь, что разгораются жарче и жарче костры нашей борьбы, что мы несем их на запад, что они не погаснут, пока враг не будет испепелен.

Н. БОГДАНОВ

ТИМУР ФРУНЗЕ

Мальчику не было и трех лет, когда умер его отец — Михаил Васильевич Фрунзе. Первое время ребенок тосковал лишь о его теплой руке, о ласковом голосе, о любящем взгляде. Только потом, став постарше, мальчик узнал, что он сын легендарного героя и полководца Красной Армии.

Часто маленького сиротку сажал к себе на колени Ворошилов и долго и грустно гладил его золотистые волосы, вспоминая любимого друга.

Старые шуйские рабочие, приезжавшие проведать семью своего друга Арсения, рассказывали мальчику, как его бесстрашный отец с юных лет отдал себя на борьбу за дело рабочего класса, как выдержал он поединок с самодержавием и, дважды приговоренный к смерти, не дрогнул перед царскими палачами. А товарищ Ворошилов много раз вслух припоминал, как Михаил Фрунзе водил в рукопашный бой ивановских ткачей, как в страшном бою подбадривал чапаевских орлов, как штурмовал Перекоп.

Впечатлительный мальчик в детских снах видел своего отца, покинувшего его так рано; в своих мечтах он шел с ним плечо к плечу среди красноармейских цепей под Уфой, скакал стремя к стремени на верном коне под Перекопом.

У мальчика было воинственное имя — Тимур — в память солнечной Средней Азии, где родился, рос и потом побеждал его великий отец.

Тимур Михайлович Фрунзе поступил в летную школу.

Комсомолец Фрунзе, всегда подтянутый, дисциплинированный и исполнительный, выделялся среди курсантов. Как же иначе: сын одного из создателей Красной Армии, воспитанник Ворошилова, он с детства впитал в себя лучшие воинские традиции.

В разгар великой отечественной войны молодой Фрунзе явился на Северо-западный фронт. Вначале ему поручали только воздушную вахту над своим аэродромом. Признаться, полковник, командир этой части, невольно оберегал сына Фрунзе. Это не укрылось от молодого воина.

— Прошу посылать меня в бой, как всякого рядового летчика, — сказал он полковнику. — Не заставляйте меня краснеть перед памятью отца.

Молодой Фрунзе рвался в бой. Каждая минута, проведенная им на земле, казалась для него потерянной. Особенно он заскучал, когда стали менять мотор его самолета. Тимур не находил себе места, зная, что началось наступление, зная, что его друзья, не щадя своей крови и самой жизни, грудью прикрывают наступающие войска.

Он не уходил из-под белого брезента, под которым воентехники ставили мотор, торопил их, помогал. А вернувшись в общежитие, не мог заснуть и, чтобы успокоиться, ставил свою любимую пластинку с песней про орленка.

В эти дни товарищи и прозвали его Орленком.

Наконец вместе с опытными, обстрелянными летчиками он вылетел на поле боя. Он искал встречи с врагом. В необъятном небесном океане — миллионы невидимых дорог без перекрестков. Молодому летчику птица может показаться самолетом и самолет — птицей. Как часто он хочет видеть все и ничего не видит. Нужно еще облетаться, чтобы стать воздушным бойцом.

Он хотел найти врага и нашел его. По красной стреле, выложенной на снегу бойцами, он вместе с летчиком Шутовым устремился вперед и увидел фашистского корректировщика, вьющегося над рядами наших войск.

Увертываясь от зениток, «Хеншель-126» высыпал огонь своей артиллерии на головы советских бойцов.

Чаще забилось воинственное сердце Орленка. Сдерживая излишний пыл, стараясь быть расчетливей и хладнокровней, он атаковал бронированный верткий самолет по всем правилам искусства.

К общему восторгу пехотинцев и артиллеристов, ненавистный «костыль» был сбит Тимуром Фрунзе.

Прилетев в орлиное гнездо истребителей, Тимур старался быть равнодушным, а сам не мог сдержать радостной улыбки. Товарищи поздравляли его. Он смущался и отвечал:

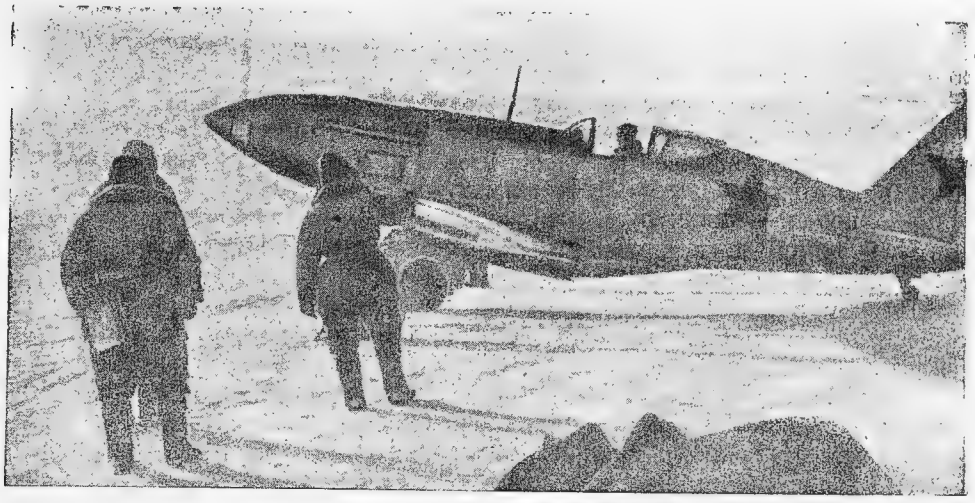
— Ну, ведь это не истребитель, всего только каракатица.

Но товарищи Фрунзе знали, что «каракатица» — это самая каверзная машина и не один неосмотрительный летчик нарвался на пулеметы ее стрелка-радиста.

В первой же встрече с врагом лейтенант Фрунзе показал себя талантливым воздушным бойцом. Командование стало посылать его во все боевые операции.

Наши войска наступали. Фашистские вояки зубами и ногтями цеплялись за русскую землю. Советские воины шли сквозь пургу и снега, отказываясь от сна и теплого крова, лишь бы гнать и уничтожать проклятое фашистское зверье.

Стремясь сдержать наступательный порыв наших армий, фашисты бросали в бой свою авиацию. В воздухе потеплело. «Юнкерсы»,



Пропеллер загудел. Через несколько секунд шасси дежурного истребителя оторвется от земли.

«Хейнкели», «Мессершмитты» — вся черная сила собралась в небе, чтобы остановить русское войско.

В эти дни вместе с товарищами богатырски дрался молодой Фрунзе. Встретившись с противником, имевшим превосходство в числе, он сбил еще один фашистский самолет. Много их, черных, желтых и коричневых, с безобразными значками на хвостах и крыльях, уже лежало на истоптанных снегах, в долинах и на холмах Валдайской возвышенности.

Но на смену побитой вражьей силе шли все новые и новые. Сгущались тучи над войсками. Грозные молнии пулеметных трасс все чаще скрещивались и сверкали в хмуром зимнем небе.

— Отбить фашистскую авиацию! Не дать ей бомбардировать наши войска! — с этим девизом вылетали по пяти, по шести раз в день в жестокие воздушные бои наши летчики, и с ними сын Фрунзе.

Сегодня он взлетел опять вместе с лейтенантом Шутовым. Тесной парой они дружно проносились над наступающими войсками. Боясь наших истребителей, фашистские бомбардировщики не показывались. Чтобы сорвать атаку наших войск на крупный узел сопротивления, немцы выслали своих истребителей.

Лейтенант Фрунзе был уже опытным воздушным бойцом и научился видеть сразу и небо и землю. Он видел, как по белому снегу перекатывались белые цепи наших бойцов, как падали и становились неподвижными люди, но продолжали итти вперед другие. Вот река. Вот мост. Вот они уже бегут за мостом. Решительная минута. В такую вот минуту у моста под Уфой появился в атакующих цепях его отец — Михаил Фрунзе, лично повел бойцов в рукопашную и уничтожил своей

рукой двух врагов... Командиры уговаривали его не рисковать собой, но он отвечал: «Так нужно, я буду здесь».

И там, внизу, сейчас решалась судьба атаки.

Лейтенант Тимур Фрунзе взглянул вниз и увидел замешательство в рядах бойцов. В разгар атаки они стали ложиться. Со стороны солнца неслись на них хищные «Мессершмитты».

— Вперед!— крикнул летчик.

И, переводя этот призыв на свой летный язык, он покачал крыльями и помчался наперерез «Мессершмиттам».

Вдвоем с лейтенантом Шутовым они дружно ударили на четверку «Мессершмиттов-109» и сразу сбили одного фашиста. Остальные взмыли.

Бойцы, увидев короткую и победную схватку, громче крикнули «ура» и ворвались в узел сопротивления. Началась русская рукопашная. Свободная от угрозы с воздуха, пехота стремилась вперед и вперед.

А в небе продолжался смертельный бой.

Три «Мессершмитта-109» вызвали себе на помощь трех «Мессершмиттов-115», дежуривших под облаками. Объединившись, вся стая напала на двух наших истребителей. Шутов и Фрунзе плотно прижались друг к другу, нанося врагам удар за ударом. Еще один «Мессершмитт» повалился. Но вот получил рану и отваливает самолет Шутова. Фрунзе один против всей вражьей силы.

Бежать? Нет, не таков Фрунзе. Драться, атаковать, нападать, пока не подойдет подмога. Сковать все силы врагов, чтобы не дать им обрушиться на бойцов Красной Армии.

И он дрался, до боли стиснув зубы.

В прекрасном упоении боя, с пылающим лицом и сверкающими глазами встретил он подстерегавшую его смерть. В воздухе, высоко над полем боя, был убит врагами бесстрашный Орленок — сын Фрунзе.

Немного опоздала подмога. Четверка наших истребителей успела лишь отомстить убийцам Тимура: ни один из них не ушел.

С почестями похоронили Тимура Михайловича Фрунзе на кладбище, в тени высоких берез. Прощальный салют слился с победными залпами наступающей Красной Армии.

Невольные слезы были скупы в сравнении с радостными слезами детей и женщин из сел и деревень, освобожденных в этом наступлении.

Пройдут века, но не забудется имя одного из создателей Красной Армии — Михаила Васильевича Фрунзе. Вместе с ним будет помнить наш народ бесстрашного комсомольца — Героя Советского Союза Тимура Фрунзе.

Его короткая жизнь блеснула ярко и благородно, как молния, как стальной и победный клинок его отца.

А. ШМАНКЕВИЧ

ШТУРМ БЕЛОГО РАСТА

Батальон моряков прибыл на фронт под Москву. Старшина 2-й статьи Федоров был помощником командира взвода. Моряки быстро освоились с трудностями «сухопутной» войны.

С группой краснофлотцев Федоров ходил в разведку и был ранен пулей в голову. Моряки вытащили своего командира из-под обстрела и принесли в санроту. Федоров пробыл там два дня. На третий день он явился с забинтованной головой в свою часть.

— Ты скажи мне по-честному: удрал из санроты? — спросил лейтенант.

— Нет. Ей-богу, нет, товарищ лейтенант. Отпустили.

— Отпустили? Давай записку от врача.

— Я потерял ее, товарищ лейтенант.

— Хорошо. Я поверю, если ты дашь мне честное комсомольское слово.

Такого слова комсомолец Федоров не дал и стал оправдываться:

— Да вы посудите, товарищ лейтенант, через десять дней все заживет. Касательное ранение, царапина...

Готовилось наступление на сильно укрепленный узел сопротивления немцев. Немцы засели в селе Белый Раст, и моряки готовились к внезапной ночной атаке.

За лесом горела деревня, и снег в поле, отражая зарево, казался розовым. Белый Раст стоял на пригорке, как раз в центре этого розового поля. Подходы к нему хорошо простреливались из крайних домов и особенно с колокольни. На окраине села, по сведениям разведки, стояли танки. Численно противник превосходил моряков. Бой должен бы быть жарким и жестоким. Об этом знали все — от командира бригады до каждого краснофлотца.

Взвод автоматчиков, состоявший из комсомольцев-добровольцев, в белых маскировочных халатах выступил с заданием проникнуть в тыл и наделать там побольше шума.

Федоров с завистью смотрел им вслед. Не будь этого «касательного», он повел бы этот отряд.

— Формальность сплошная, — ворчал он. — Ведь я же действительно легко ранен. Только каску нельзя надеть да вот кашлять больно.

Федоров достал из мешка маскировочный халат и старательно надел его так, чтобы удобно было двигаться.

Ему казалось просто неестественным, что он останется здесь, в лесу, когда его товарищи пойдут в атаку. Он подыскивал оправдание на случай встречи в бою с лейтенантом.

Из села через каждые десять минут в ночное небо взвивалась осветительная ракета, и тогда поле освещалось ярким голубым светом.

Вдруг ряды краснофлотцев зашевелились, и все роты одновременно вышли из леса и, быстро рассыпавшись, пошли к селу. Темные фигуры хорошо были видны на снегу даже без осветительных ракет, но немцы молчали.

«Подпускают ближе», решил Федоров, но тут же догадался: подпускать ближе было не в привычке немцев; просто немцы еще не заметили моряков на темном фоне леса, из которого они вышли. Командиры рот старались как можно ближе продвинуться к селу, пока молчали немецкие пулеметы и минометы.

Но вот взвилась в небо еще одна ракета. Краснофлотцы с ходу попадали в снег, и, пока ракета освещала поле (Федорову показалось, что она висела в небе бесконечно долго), моряки лежали не шевелясь.

Не прошло и минуты, как застучал немецкий пулемет, и светящиеся нити трассирующих пуль протянулись над полем. С опушки леса ответили наши станковые пулеметы. Рядом с Федоровым кашлянул звенящим, металлическим кашлем миномет, и мина, взвизгнув, как придушенный поросенок, полетела к Белому Расту.

Федоров больше не раздумывал. Он выскочил из леса. Пробежав сотню шагов, упал и пополз на четвереньках, энергично работая руками и ногами. Ему хотелось поскорее догнать свой взвод, который уже приближался к селу.

Из Белого Раста бил уже не один пулемет, а, наверно, целый десяток. Пулеметам вторили автоматы и минометы. Одна мина разорвалась совсем близко от Федорова. В лицо ударило упругим горячим воздухом, засыпало комками снега и мерзлой земли. Один комок задел бинт, и повязка съехала набок. Федоров от боли вскрикнул и прикусил себе губу. Надо было бы перевязать рану, остановить кровотечение. Он схватился за противогаз, но вспомнил, что там нет индивидуального пакета.

— А, чорт!.. — выругался он зло и стал смотреть по сторонам.

Немецкие пулеметы били перекрестным огнем, и над полем, по которому перебегали и переползали моряки, висела огненная сетка. Но люди не останавливались и шли вперед. Роты накапливались в небольшой ложбинке у самого села для атаки. Позади чернели воронки от разрывов мин и одинокие фигуры бойцов. Убитые и тяжело раненные оставались на месте, легко раненные медленно ползли обратно к лесу.

В это время сквозь пулеметную трескотню он услышал голос лейтенанта:

— За родину! За Сталина! Вперед! Ура!..

Сотни голосов закричали «ура», перекрывая грохот разрывов.

«В атаку пошли, прозевал!» подумал Федоров.

Он не мог бежать быстро и отстал.

Немцы, отступив в глубь села, жгли крайние избы.

Деревянные постройки полыхали огромными кострами, освещая все поле. Хорошо был виден танк, зарытый в землю на середине улицы. Танк бил из пушки по нашим цепям и беспрерывно, очередь за очередью, строчил из пулемета. За танком прятались автоматчики, прикрывая отступление немецких солдат на другой конец села, за церковь.

Федоров только подумал, что хорошо бы подойти к танку поближе да запустить в него противотанковой гранатой, как раздались один за другим три взрыва. Под танком и сбоку от него взвились столбы дыма и пламени. Танк встал на дыбы, выкорчеванный взрывами из ямы. Не успел ветер отнести в сторону дым, как к танку подбежала группа краснофлотцев, словно из-под земли выросших.

— Ура! — закричали в цепи, и моряки ворвались в Белый Раст.

Когда Федоров добежал до исковерканного танка, уличный бой шел уже у церкви. Морякам приходилось выбивать немцев из каждой избы. Автоматчики прятались в подвалах и на чердаках. Они стреляли из окон и проломов в крышах. Посредине улицы нельзя было ни пройти, ни проползти. Немцы засели за церковной оградой, в самой церкви и на колокольне. Они били вдоль улицы, поднимая пулями снежную метель. Их защищали от наших пуль и мин толстые кирпичные стены.

И все же моряки, отбивая дом за домом, упорно двигались вперед. Рвались брошенные в окна гранаты. В избы врывались моряки и прикалывали штыками засевших там фашистов.

Группа краснофлотцев выкатила из-за угла дома отбитую у немцев пушку, и кто-то из комендоров стал стрелять из нее прямой наводкой по ограде и колокольне.

— Молодцы! Молодцы, комендоры! Еще, еще разок по окнам! Крой же, Голушко, крой, голубчик! — кричал Федоров.

Он узнал Голушко, комендора Голушко, страстно мечтавшего добыть немецкую пушку и из нее пальнуть по немцам же!

Федоров хотел перебежать к Голушко, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за плечи. Он обернулся. Перед ним стоял лейтенант. Он ничего не говорил, а только пристально смотрел прямо в глаза Федорову.

— Герой! Сейчас же найди санитара и перевяжись...

Федоров обрадовался.

— Есть! — крикнул он и побежал за хату.

Санинструктор перевязал Федорова широким бинтом.

— Теперь не соскочит?

— Если не будешь ходить на голове, не соскочит. В санроте лучше перевяжут.

— Где? В санроте? Спасибо! Я уже там был! — крикнул Федоров и побежал догонять лейтенанта. Он уже не боялся его теперь.

Комендор Голушко своего добился. Часть немцев навсегда осталась в церковной ограде, часть — на колокольне, а остальные бежали, бросив пулеметы и автоматы. Голушко перетащил трофейную пушку на новую позицию и открыл огонь вдоль дороги, по которой немцы старались увезти из Белого Раста свои машины и два оставшихся танка. Снарядов оставалось мало, и Голушко целился тщательно.

— Эй, вшивые! — кричал он. — Получайте, що нам готували!

Пушка подпрыгивала после выстрела, как жаба, а на дороге машина разлеталась в щепки.

— По танкам, по танкам бей! — кричали ему краснофлотцы.

— Та и по танкам! — крикнул комендор, прицелился и дернул за веревку. Передний танк взвился на дыбы, как норовистая лошадь, и тяжело упал набок.

— Ура-а-а-а! — закричали моряки. — Ура, Голушко!

Последним снарядом Голушко подбил второй танк. Наверно, он перебил ему гусеницу. Танк повернулся на месте и стал, загородив дорогу машинам.

Село было уже в руках моряков. И только в крайнем каменном доме сидели автоматчики, прикрывая огнем дорогу, на которой теснились войска и обозы.

Дом стоял на отлете. Забросить гранату в окна с такого расстояния трудно.

— Ще бы пяток снарядиков, або хоть три... Я б им указав, дэ у ракив зимняя хватера бувае! — чуть не плача, говорил Голушко.

— Противотанковую бы сунуть им в окошко, да разве подползешь?.. — сказал кто-то из краснофлотцев.

— А можно подползти, — тихо сказал Федоров.

— Ни, невозможно. Пидстрелят, як зайця!

— Нет, возможно. По канаве, за дорогой!

— Та ни! Пидползти, може, и пидползете, да як вы тилько голову пидниметэ, воны зараз пидстрелят.

Но Федоров уже не слушал возражений.

— Добавьте-ка мне пару гранат. Лучше противотанковых. Они могут достать меня только с крыши, не пускайте их на чердак.

— Есть! «Максимку» сюда! — крикнул кто-то.

На салазках подтащили пулемет и обстреляли железную крышу дома. Федоров прикрепил к поясу еще две гранаты и скользнул в канаву. Немцы заметили смельчака и открыли огонь. Пули взбивали снежную пыль, но канава в этом месте была достаточно глубокая, и Федоров был в безопасности. Медленно, головой врываясь в снег, он стал пробираться к дому.

— А тоже упорные, не сдаются, — сказал один из моряков, стреляя по окнам дома.

Награжденный медалью «За отвагу» старший лейтенант комсомолец Невзоров в засаде.

— Да це ни упорство. Це ж воны сами в свою ловушку попали! Куда им тикаты! Все одно усих порешим. Чуют, собаки, що кинец пидходэ, ось и гавкають! Хлопцы! Снарядить и мини парочку...

— Чего парочку?

— Та тих, противотанковых. Коли ж вин нэ доползэ, так тоди я...

Федоров не видел, что сзади него ползет еще один моряк.

«Только бы не попали сейчас, только бы к дому подползти...» думал Федоров.

Он боялся одного места, где канава была совсем мелкая. Хорошо, если это только снежный сугроб и можно проползти под снегом. А если... тогда не проползти. Тогда все пропало. Вот уже совсем близко это место... Только бы это был сугроб!.. Еще пять метров, еще три, два...

Голушко тоже видел опасное место.

«Если вин нэ проползе, то я и подавно. Я против его, як бугай перед козой!»

Голушко догнал Федорова и дернул его за халат.

— Стий, друже, стий! Дальше дороги нема. Як тилько услышишь разрыв, тоди швыдко стрибай на ту сторону...

Федоров сразу понял план Голушко. Он подобрался и стал ждать, готовый к прыжку.

Голушко отцепил гранату, вырвал чеку и, сжимая рукоятку в своем огромном кулаке, чуть приподнявшись, искал глазами, куда выгодней всего было ее бросить.

«Кабы пид самые окна докинуть, — думал он. — А може, и докину? Це если б стоя, так я бы...»

Голушко оглянулся назад, проверяя, не зацепит ли он за край канавы, набрал полную грудь воздуха и швырнул гранату.

Тяжелая противотанковая граната, кувыркаясь в воздухе, описав дугу, упала, не долетев до стены нескольких метров. Голушко вскрикнул. Швырнув гранату, он не сразу опустил руку, и две пули впились в нее, как разъяренные осы.

— А будь ты неладна!— крикнул Голушко, но его слова заглушил грохот разрыва.

Туча из снега, земли, дыма и пламени заволокла содрогнувшийся дом. Захлебнувшись, умолкли сразу все немецкие автоматы. Федоров, не упуская момента, не дожидаясь, пока попадают на землю комья мерзлой земли, выброшенные в воздух взрывом, вскочил и, перепрыгнув через сугроб, снова пополз вперед.

Лейтенант первый закричал «ура», и все подхватили крик и еще яростнее стали бить из винтовок и пулеметов по крыше и окнам дома.

Федорова подбодрили крики товарищей, и он, забывая об осторожности, продолжал ползти вперед. Это чуть не стоило ему жизни. Фашисты, очнувшись и поняв, что их перехитрили, стали палить еще яростней. Автоматы трещали не умолкая, из окон полетели гранаты. Они рвались то перед канавой, то за ней. Все сливалось в грохоте и свисте. Комья земли били Федорова по голове, пули иссекли халат на его спине. Одна, а может, и две пули задели тело, рубашка намокла и прилипла к спине.

«Еще, еще немножко... Это чепуха, опять касательное... Ну, еще немного...» думал Федоров, наметив перед собой удобное место, откуда можно было швырнуть гранату в окно.

Он дополз до этого места и застыл, собираясь с силами. В эту минуту, пока все было неподвижно в канаве, товарищи думали, что Федоров убит.

Немного отдышавшись, Федоров стал готовить гранаты. Как и Голушко, он выбрал удобное положение, вырвал чеку и, на секунду выглянув, швырнул гранату. Она взорвалась от удара в стену под самыми окнами.

Снова замолкли автоматы. Федоров вырвал чеку из второй гранаты и хотел ее швырнуть, но из-за снежной пыли, поднятой взрывом, он ничего не видел. Немцы знали, что если они не покончат с этим русским человеком, презирающим смерть, им придет конец. Еще не рассеялся дым, а они уже открыли шквальную стрельбу.

Федоров метнул вторую гранату. Она, как и первая, взорвалась, не попав в окно, но завалила простенок между окнами. Теперь попасть

Бронепоезда — грозная сила Красной Армии. В битве за Москву и на защите Ленинграда, в героической обороне Одессы и Севастополя, в наступательных боях на Западном фронте сеяли они смерть в рядах немецких оккупантов.

было легче. Случайно Федоров взглянул вправо, в ту сторону, куда отступили немцы, и увидел, что они выходили из лесу, готовясь к контратаке. Медлить было нельзя больше ни минуты. Но и промахнуться было тоже нельзя — последняя граната.

«Больше наугад бросать не буду», решил Федоров.

Он выбрал в снегу удобные ямки, чтобы упереться коленями, привстал на четвереньки, зажал гранату в руке и вырвал чеку. Федоров думал в эту минуту только о том, чтобы не промазать. Он не думал, что совершает подвиг, что, может быть, сейчас придется умереть. Важно было одно — не промахнуться!

Он оттолкнулся руками, встал во весь рост, сильно, но плавно замахнулся и швырнул гранату.

Разрыва он не слышал, не слышал и грозного «ура», не слышал топота сотен ног моряков, бросившихся по очищенной им дороге навстречу врагу. Он лежал, раскинув широко руки, на черном снегу, и на груди его на белом халате, как боевые ордена за подвиг, поплыли темные пятна крови.

Первым к нему подполз Голушко. Он уткнулся лицом в халат друга и заплакал навзрыд.

На минуту у своего помощника задержался лейтенант. Он расстегнул его шинель и достал из кармана на груди комсомольский билет. Лейтенант стал на колени, крепко поцеловал Федорова в губы и, вскочив, побежал вперед. За ним побежали краснофлотцы.

В. ИВАНОВ
Секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ

МОЛОДЕЖЬ НЕПОБЕДИМОГО ЛЕНИНГРАДА

Бойцы победу в город принесут,
И, проходя проспектом, парком, садом,
Ты гордо скажешь:
«Я—хозяин тут,
Я насмерть бил врагов под Ленинградом».

В грозные дни войны возмужал, окреп и закалился ленинградский комсомол.

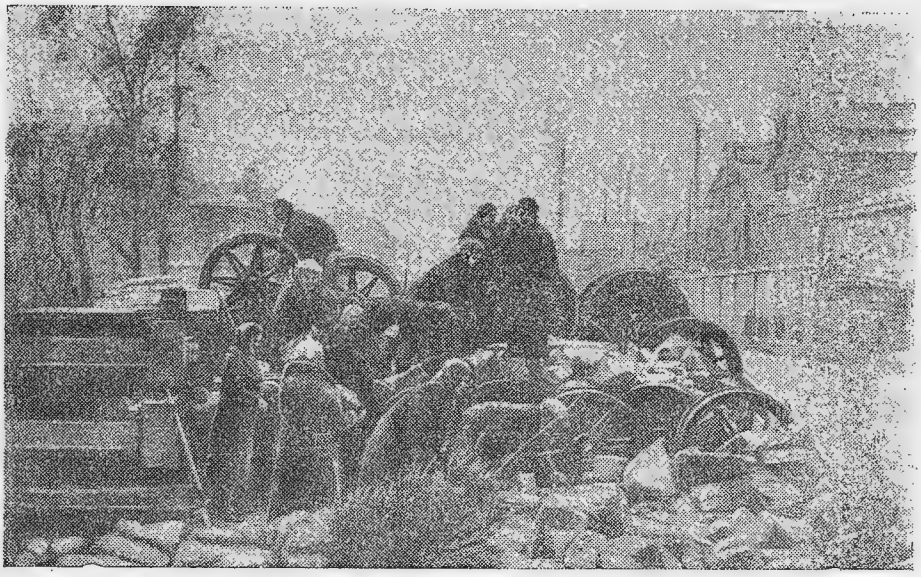
На третий месяц войны немецко-фашистские полчища подступили к нашему родному Ленинграду. Они рассчитывали взять его «с ходу». Они просчитались. Тогда они попытались задушить его блокадой. Варварскими бомбардировками с воздуха, артиллерийским обстрелом они хотели сломить волю защитников осажденного великого города. Гитлеровские бандиты бомбили замечательные памятники русского зодчества — дворцы, музеи, библиотеки, — разрушали больницы и дома. Стреляли картечью, чтобы уничтожить как можно больше мирных жителей Ленинграда: детей, женщин, стариков.

Но Ленинград остался непоколебим. Ленинградцы с честью держали экзамен. Наша молодежь, воспитанная на бессмертных идеях Ленина — Сталина, становилась с каждым днем испытаний все тверже и закаленней, как сказочный великан, крепнувший от каждого удара меча. Мы научились многому за эти месяцы жизни и борьбы в осажденном городе, холодном, окутанном темнотой, но всегда прекрасном, всегда любимом. Мы выучились настоящей организованности, стойкости, дисциплинированности, приобрели творческую инициативу в работе, целеустремленность в борьбе.

Как бы тяжело ни приходилось каждому ленинградскому комсомольцу, он крепко держит в своих руках боевое оружие и фабричный инструмент. Он быстро умеет сменять одно на другое. Когда передовые позиции фронта находились в двух километрах от Ижорского завода, комсомольцы этого завода много раз оставляли станки, брали в руки винтовки и отправлялись на огневой рубеж отбивать атаки фашистов.

Комсомол города Ленина доказал, что он верный фронтовой помощник большевистской партии.

Не было и нет такого участка на передовых линиях, такого завода, фабрики, такого уголка жизни великого города, где бы ленинградские комсомольцы не несли боевой вахты.



Комсомольцы на строительстве баррикады у Кировского завода.

Ленинградской молодежи было тяжело, но мы не слышали ропота и жалоб. Молодые патриоты твердо помнили, что без жертв нет победы, нет счастья свободной жизни.

Мы знаем, что борьба за Ленинград — это борьба за освобождение всей советской земли от немецко-фашистских оккупантов. Мы знаем: сейчас мы защищаем и куем завтрашний день нашей родины,— ее будущее заключено в настоящем. И мы гордимся настоящим, благородную зависть оставляя потомкам, а удивление — иноземцам.

И когда отойдет година тяжелых испытаний, когда озверелое чудовище — германский фашизм — будет раздавлено, с какой гордостью будет говорить каждый молодой ленинградец: «В 1941—1942 годах я защищал город Ленина».

ЧЕТЫРЕ ИЗ ПЯТИ

Из каждых пяти комсомольцев ленинградской организации четыре на фронте с оружием в руках защищают свой родной, любимый город, свою отчизну, свои права, завоеванные трудом и кровью старших поколений.

Еще в первые дни войны и особенно потом, когда опасность нависла над Ленинградом, многие комсомольские организации целиком добровольно пошли в армию. Взяла в руки оружие заводская комсомольская молодежь, комсомольцы-служащие, ораниенбаумские рыбаки.

Студенты сменяли книгу на винтовку. В Ленинградском университете было создано воинское подразделение. В него вошли профессора и студенты. Студент исторического факультета комсомолец Генкин

получая персональную стипендию имени 15-летия комсомола. Осенью он должен был сдавать государственные экзамены. События изменили все жизненные планы молодого историка. Генкин ускорил сдачу государственных экзаменов. Месяц спустя после объявления войны он блестяще закончил дипломную работу, записался в отряд ополченцем и ушел на фронт.

Добровольно пошли сражаться с фашистами почти все студенты Института физической культуры имени Лесгафта. На фронте они вели себя геройски. Недаром этот институт, уже награжденный раньше орденом Ленина, снова получил высокую правительственную награду — орден Красного Знамени.

Матери говорили сыновьям: «Идите на фронт!»

Враг — у ворот города. Героическая молодежь Ленинграда сооружает мощные противотанковые укрепления, чтобы преградить путь немецким захватчикам.

Когда Михаил Коробков, пожарник, явился в призывную комиссию, ему сказали: «Вы нужны и здесь. Ведь быть пожарником — это тоже значит нести службу по защите родины». — «Это, конечно, так, — ответил Михаил Коробков, — но я получил письмо от матери». И он развернул перед комиссаром большой лист бумаги, исписанный неровным крупным почерком. То был материнский наказ:

«Хочу я, чтобы вы все, трое моих сыновей, были на фронте и уничтожали гада-фашиста. Защищайте нашу родину, чтобы благодарила меня, старуху, страна за моих сынов».

В Красной Армии — цвет заводской молодежи. С Ижорского завода целые семьи рабочих добровольно ушли на фронт.

В семье Юрьевых первым пошел в армию комсомолец Георгий Юрьев, который до того работал на двух токарных станках, выполняя нормы на 250—300 процентов. Вслед за Георгием стала дружинницей

в армии его сестра Леля. А другая сестра, Аня, заканчивает курсы медицинских сестер. Обе эти девушки — комсомолки.

Владимир и Александр Голеновы, молодые стахановцы, гордость комсомольской организации Ижорского завода, тоже пошли добровольцами на фронт.

Партия предупреждала народ об угрозе войны. Мы знали, что нужно держать порох сухим. Мы воспитывали нашу молодежь так, чтобы она умела владеть боевым оружием.

Слесарь Александр Тарасов знал станковый и ручной пулеметы, окончил курсы снайперов и стрелял без промаха.

Сейчас комсомолец Тарасов — командир Красной Армии.

Александр Борченко, старший мастер сборки, — сейчас командир организованного в его цехе минометного подразделения. А понадобилось бы, и танкист бы из него вышел: он отлично знает танк и искусно управляет им.

Весь фронт, вся страна сейчас знает о боевых подвигах ленинградских комсомольцев.

Имена некоторых из них стали поистине легендарными. Если говорить о храбрецах из храбрецов, надо сказать о красноармейце Лазареве. Группа немецких солдат незаметно подкралась к нему. Их было много, он — один. Фашисты сзади навалились на Лазарева, обезоружили его, связали и повели к немецкому штабу.

И вдруг связанный Лазарев улыбнулся. Перед ним была — он это хорошо знал — заминированная местность. И Лазарев шел, стараясь круче повернуть вправо, чтобы увлечь фашистов на минное поле.

Лазарев шел навстречу смерти и улыбался. Один из немцев задел мину, раздался страшный взрыв, несколько немцев упало. Вокруг рвались мины, клубился черный дым, взвивалась снежная метель. Лазарев упал, потеряв сознание. Очнулся к вечеру. Рядом лежали трупы немецких солдат. Лазарев был тяжело ранен, но, превозмогая боль, пополз к своим. Ему удалось выбраться с минного поля, доползти до своей части. Так комсомолец Лазарев, преодолевший страх смерти, перехитрил ее и остался живым.

И комсомолец Перцев был окружен полусотней, а может быть и больше, врагов. Немцы бросали гранаты; они рвались рядом. Перцева засыпало снегом. Он, уже раненный несколько раз, отгребал снег от своего пулемета и вновь бил по врагу. И вот завыли немецкие мины. Взрыв одной из них оглушил Перцева; у него оторвало обе ноги. А герой слабеющими руками продолжал косить немцев пулеметным огнем до последнего патрона. Немцы не смели приблизиться. Как им было предположить, что герой-пулеметчик истекает кровью? Перцев нашел в себе еще последние силы, чтобы отползти к своим и оттащить пулемет. Две ярко-красные дорожки показывали путь героя...

Кто-то сказал Перцеву:

— Раньше бы ушел, ведь ты был один.

— Это верно, что один,— ответил Перцев.— Но и один в поле воин, если у него хороший пулемет.

Ленинградский фронт. Подобно легендарному Смолячкову, комсомолец Иван Королев был поваром и стал снайпером. На его боевом счету уже 35 истребленных фашистов.

Больше 300 раненых получили первую помощь от санинструктора В. А. Дмитриевской. Бесстрашная комсомолка вынесла с поля боя 85 раненых бойцов и командиров вместе с их оружием.

— И хорошее сердце, — добавили красноармейцы.

И пошел по всему фронту рассказ о комсомольце Перцеве, который своим сильным сердцем победил врага.

...Их было одиннадцать. Стрелковое отделение сержанта-комсомольца Пашина шло в атаку на врага. Умелым броском стрелки захватили новый рубеж и стали его оборонять. Немцы решили во что бы то ни стало вернуть рубеж. Они двинули в контратаку танки, за броней которых прятались десятки автоматчиков.

— Ребята, за нами Ленинград! Не опозорим славы нашего города.

— Ни шагу назад! — крикнул Пашин.

— Ни шагу назад! — как клятву, повторил каждый из одиннадцати бойцов. А танки придвигались все ближе и ближе.

Бутылки с воспламеняющейся жидкостью и гранаты полетели в бронированные машины. Головной танк остановился; в небо поднялся высокий яркий факел огня. Немецкие автоматчики открыли огонь по бесстрашным комсомольцам. И комсомольцы ответили смертоносным огнем, — ни на шаг не смогли больше продвинуться захватчики.

Зататакал немецкий станковый пулемет. Боец Рогачев пал смертью храбрых. Но запылал и второй фашистский танк, потом еще несколько немецких машин было повреждено бронебойными пулями.

Все меньше и меньше становилось верных друзей у Пашина. Погиб комсомолец-агитатор Крупицкий, пал смертью храбрых Востряков. Зато перед поверженными героями громоздилась целая гора немецких трупов. Умирая, комсомольцы знали, что они дорого отдают свою жизнь. Не утихал жестокий, неравный, героический бой.

Наконец Пашин остался один. Он был тоже ранен, но продолжал вести огонь по танкам. И вражеские танки, грохоча гусеницами, стали поворачивать назад, потеряв надежду продвинуться. Тогда Пашин встал во весь рост и метнул гранату. Пулеметная очередь пронзила его грудь, он упал мертвым, но дело было сделано. Фашисты отступали, уверенные, что перед ними целое подразделение красноармейцев. Пришло наше подкрепление, и этот рубеж, завоеванный одиннадцатью отважными комсомольцами, «пашинцами», — так их называют у нас в Ленинграде, — остался нашим, советским.

Шестнадцать — под Ростовом, двадцать восемь — под Москвой, одиннадцать — под Ленинградом... Они показали, что нет силы, способной сломить наших бойцов, которые преданы родине и до конца хотят выполнить свою воинскую клятву. Недаром стало крылатым слово комсомольца Пашина, сказанное им до героического сражения: «Никто не покорит ленинградца, пока он жив и борется. Его можно убить, но победить нельзя».

В месяцы героической обороны великого города комсомольцы-фронтовики выступили инициаторами многих начинаний, поддержанных командованием: соревнования на сохранность личного оружия, борьбы за культуру и опрятность.

Особенно широкий размах приняло в армии движение за истребление немецких оккупантов. Это был ответ комсомольцев на призыв

товарища Сталина: «...истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов».

Сначала развернулось движение «десятников»; каждый, истребивший десяток немцев, вызывал на соревнование товарища, предлагая ему истребить столько же. Вслед за «десятниками» появились «двадцатники», «пятидесятники», и, наконец, комсомольцы и молодые стрелки, которые меткими пулями уничтожили по сотне и даже по двести немецких оккупантов.

Как тут не рассказать о комсомольце Феодосии Смолячкове — о знаменитом Герое Советского Союза снайпере Смолячкове?

Ученик ФЗУ Смолячков в день объявления войны пришел в Выборгский райком комсомола.

— Я — снайпер, хочу итти на фронт.

— Да ты ведь учишься в ФЗУ? — сказали ему.

— Это верно, я учусь в ФЗУ, но я окончил школу снайперов, — ответил Смолячков.

— Сколько же тебе лет?

— Восемнадцать.

— Подрасти немного.

...Всего несколько лет назад в родном белорусском колхозе его называли просто Федька-пастух.

Из колхоза Смолячков попал в Ленинград. Ленинград стал для него второй родиной. Он любил просторы белорусских полей, но не меньше дороги ему стали теперь величественные площади Ленинграда, красота его улиц, его парки, музеи и библиотеки. Он был жаден ко всему: к книгам, к работе. Когда началась война, он понял, что его место там, на фронте. Где же быть ему, когда землю родной Белоруссии топчут подкованные сапоги фашистов, когда город Ленина находится под угрозой? «Подрасти»!

— Я подрос. Я воевать хочу, — настаивал Смолячков.

В райкоме уступили его просьбам и послали на фронт.

Сначала в части Смолячков был назначен кашеваром (по специальности он был повар).

Так начал свою военную жизнь молодой светлоглазый белорусс Феодосий Смолячков. Недолгий, но славный путь жизни прошел он от скромного крестьянского пастуха до народного героя!

Однажды он повторил командиру то, что говорил в райкоме:

— Я еще в детстве, когда пастухом был, по волкам стрелял. Разрешите из снайперской винтовки пострелять по двуногим волкам — гитлеровцам.

Ночью повар Смолячков ушел в засаду вместе с лучшими снайперами части. Он показал себя отличным стрелком.

— Ты — настоящий снайпер, — сказал командир. — Сегодня ты уложил троих.

Это было 29 октября 1941 года. То были три первых выстрела Смолячкова на фронте — начало его беспощадного счета мести.

Окончив трудовой день, молодые ленинградцы отправляются на военные занятия.

И скоро слава стрелка изумительной меткости, человека-невидимки прокатилась по фронту о Смолячкове.

...До рассвета еще далеко. Боевые товарищи спят крепким сном, — они устали после дневных походов, а Смолячков со своим напарником уже ушел за передний край выслеживать фашистских волков. Мороз, снег. Часы ожидания. Напряжен взгляд. Вот над вражеским окопом показалась голова немца.

— Стреляй, — говорит напарник.

Но снайпер не стреляет. Он пристально всматривается в фашиста, движения которого показались ему неестественными. Так и есть — чучело!

— В кисель уксус не льют, — говорит Смолячков товарищу старую поварскую поговорку.

Они продолжали ожидать. В стороне от траншеи Смолячков заметил какую-то возню: немцы устанавливали пулемет. Смолячков переполз на более выгодную позицию. Несколько мгновений—и пулеметный расчет выбит полностью. Бронебойными пулями Смолячков расстреливает пулемет. Немцы открыли минометный огонь, но Смолячков уже занял новую позицию; он снова ждет, снова вглядывается вдаль пристальным взором снайпера.

Первого ноября 1941 года, через три дня после первых своих снайперских выстрелов, Смолячков подал заявление с просьбой принять его

в комсомол. «С комсомольским билетом в руках,— писал он,— буду еще активнее уничтожать фашистов». И дал обязательство истребить к XXIV годовщине Октября 20 фашистов: «Каждый день буду убивать три-четыре фашиста».

Шестого ноября на его счету было 23 убитых немецких бандита.

А в январе 1942 года счет Смолячкова дошел до 125 человек. Восемнадцатилетний комсомолец, бывший пастух, бывший ученик ФЗУ, бывший повар, был награжден орденом. Правительство присвоило ему звание Героя Советского Союза.

Сейчас в Ленинграде есть школа Смолячкова. Это школа мастеров меткого огня; в ней молодые патриоты обучаются искусству истребления немецких автоматчиков из снайперской винтовки. Ученики Смолячкова следуют примеру своего учителя-героя, они также выходят на дорогу славы. Вот таблица успеваемости класса снайперов Смолячкова: Иван Зибров уничтожил 48 фашистов, снайпер Ропаев — 70 фашистов, снайпер Столяров только за пять выходов убил 16 немецких солдат.

Имя Смолячкова стало боевым лозунгом снайперов Ленинградского фронта: «смолячковец» — значит мастер сверхметкого огня.

Немецкие офицеры обещали за голову замечательного снайпера высокие награды. Долго за ним охотились фашисты. Стрелок-невидимка ускользал от них. Но однажды подлая вражеская пуля нашла отважное сердце героя.

Слава его бессмертна. Крепко отомстили ученики за своего учителя.

И новые тысячи сверхметких стрелков, уничтожающих фашистских гадов, мстят за Феодосия Смолячкова и будут мстить, пока ни одного оккупанта не останется на нашей земле.

Неизвестный поэт сложил о нем балладу. Вот она:

Затуманилось солнце красное,
В снежной изморози взошло.
Горе тяжкое: в чистом полюшке
Молодой богатырь погиб.
Феодосий, по отцу Артемович,
Смолячков — молодой стрелок,
Среди самых бесстрашных числился
И геройскую принял смерть.
Феодосий бил всегда без промаха,
Но не белок и не куниц,—
Бил поганые вражьи головы,
Сто их с четвертью уложил.
Что ж ты, ветер, дозор не выставил?
Что ж ты, месяц, не посветил?
Что ж ты, мать-земля, не раздвинулась,
Чтобы храброго уберечь?
Говорил месяц красну солнышку:
— Смолячкова я знал, берег,
Отводил пули вражьи в стороны
И следы заметал снежком... —
Говорил солнцу месяц сумрачно:
— Я светил ему в небе звездами,
Падал наземь косым лучом...
Но не ночью, а в утро хмурое
Молодой богатырь погиб.—

И сказала земля-мать солнышку:
— Понапрасну винишь ты нас:
Я сугробы заслоном ставила,
Я вставала кустом в пути,
Но не вышло ты в утро хмурое,
Не блеснуло на вражью сталь,—
Не увидел он зверя лютого,
Не заметил проклятых глаз...—
Еще горше тут стало солнышку,
Пуще прежнего пал туман...
Вдруг с земли прозвучали выстрелы,
И послышалась чья-то речь.
Пораздвинуло солнце изморозь,
Поглядело, а там, внизу,
Смолячкова лежат товарищи.
Не один их, не сто, а тысяча,
А быть может, и две, и три —
Молодых боевых товарищей,
Все с винтовками возле себя.
— Мы, как ты, будем меткой пулею
Без пощады разить врага,
Истреблять их по сто — не менее,
Целить прямо в проклятый глаз.
Мы клянемся, как ты, быть стойкими,
Защищая отчизну свою.
Сдержим слово свое комсомольское:
Истребленьем фашистской нечисти
Обессмертим имя твое.—
И, на солнце сверкнув оружием,
Сжав винтовки покрепче в руке,
Поклялись мстить за друга тысячи
Тех героев-богатырей.

И страшна для врага эта клятва тысяч юношей города Ленина!

В соревнование на истребление фашистских гадов включаются все новые и новые бойцы, целые комсомольские организации и подразделения. Вступают в соревнование не только комсомольцы-снайперы, но и комсомольцы-бойцы всех родов оружия.

Истребляют подлых оккупантов пулеметчики, танкисты, артиллеристы, минометчики.

Недаром двадцати восьми ленинградским комсомольцам присвоено (по апрель 1942 года) звание Героя Советского Союза, а более пяти тысяч комсомольцев награждены орденами и медалями.

Как, говоря о Ленинграде, не рассказать о моряках, о балтийцах?

По всему миру ходят легенды о них. Слава героических боев гражданской войны сейчас умножена нашими моряками. Помните сообщение, которое обошло всю нашу печать, о том, как немецкие танкетки обратились в бегство перед отрядом краснофлотцев в тельняшках?

Таковы балтийцы.

Пятого января этого года, возвращаясь с дозора, молодой моряк Субботин неожиданно заметил группу немцев. Их было человек двадцать. Они хотели перерезать нашу линию связи. Субботин — один — вступил в бой с двадцатью врагами. Неравный бой — слишком бледные, слабые

слова. Половина немецких солдат полегла от метких пуль Субботина. А Субботин, раненный, пополз к телефону, чтобы предупредить штаб о грозящей опасности. Он дополз отстреливаясь. Десять оставшихся в живых фашистов не смогли помешать ему. Он позвонил в штаб. И пока говорил по телефону, получил тринадцать новых огнестрельных ран. Он продолжал отстреливаться, убил еще нескольких немцев, и так и не дал врагу прервать нашу коммуникационную линию. Когда пришли товарищи, Субботин был уже мертв. Но кровавый замысел немецких разбойников сорвался: наши бойцы перестреляли всех диверсантов.

В ответ на призыв товарища Сталина балтийцы поклялись не выпускать ни одного фашиста живым из-под огня своих батарей, автоматов, ружей и гранат. Клятва моряка тверда и непоколебима. В Ленинграде говорят: «Моряки сказали — значит так и будет».

ЛЮДИ ЖЕЛЕЗНОЙ ВОЛИ

Бои шли у самой Луги. Враг подступал. Августовской ночью в городе, у райкома, стояли грузовые машины; в них садились люди, вооруженные винтовками и ручными пулеметами. То истребительный батальон патриотов, первых лужских партизан, направлялся в тыл к врагу. Комсомолка Тося Петрова попросилась с ними. Была она с виду худенькая, слабая — ее не хотели брать: как перенесет она тяготы партизанской жизни? Товарищи считали Тосю тихой девушкой: она заведывала учетом райкома комсомола, старательно, аккуратно вела протоколы бюро райкома, сама выступала редко, видимо, робела, увлекалась стихами, мечтала поступить в институт, — куда ей в лес, на войну! «Оставайся», говорили ей. А она настаивала,— откуда у нее взялись горячность, красноречие?

«Садись, — на себя будешь пенять». Но когда через несколько дней, выполняя боевое задание, батальон возвратился в расположение наших войск, уже и следа не осталось от того отношения к Тосе, с каким посадили ее в машину,— круто переменилось оно. Командир тепло рассказывал, как стойко, самоотверженно переносила она лишения, как дважды ходила в разведку, как в трудную минуту бесстрашно выбежала на дорогу и забросала гранатами машину с немецкими солдатами.

А потом Петрова скоро снова ушла в леса партизанить.

Она участвовала во всех операциях отряда, прославилась как неустрашимая разведчица, не раз побывала в занятых немцами деревнях. Весь свой короткий досуг Тося отдавала бойцам: обшивала их, стирала, штопала, готовила на костре скромный партизанский обед. «Золотая девушка», говорили о ней в отряде. А слава о подвигах бесстрашной партизанки гремела по всему району. Она была положительно неутомимой: у нее находились силы и время и для агитаторской работы, и для бесед с населением, и для вербовки в партизаны лучших колхозников. Немцы назначили за ее голову много тысяч рублей награды. Но никто не захотел выдать патриотку. Однажды немцы захватили было ее. Но ночью она бежала из камеры заключения. И мало того, что бежала, — принесла в отряд ценнейшие сведения.

Краснофлотский дозор.

Героической была жизнь комсомолки Тоси Петровой. Героическим подвигом оказалась и смерть ее. Вот что рассказали ее друзья, боевые товарищи Петровой. Однажды отряд разместился на отдых в землянках. Выставили часового. Утомленные тяжелым дневным походом, партизаны уснули. А Тося не спала. Она, как обычно, хозяйничала у костра.

Было черно вокруг, тучи над самыми деревьями, дождь. Вдруг Тося услышала: затрещал валежник. Загасила костер. И во тьме между деревьями увидела перебегающие фигуры. Что же, часовой проглядел фашистов? Что ж он не дает знать партизанам? Размахнувшись изо всей силы, девушка бросила гранату в наступающих врагов.

Но их было много. Они кинулись к ней с криками: «Русс, сдавайся!» Тося прижалась к дереву, подняла пистолет, и первый солдат упал с простреленной головой. Другой пытался схватить Тосю сзади, но получил пулю в живот.

Прыгая через кочки, со всех сторон бежали к Тосе фашисты. Она выпрямилась и выстрелила себе в грудь.

Утром к месту боя подоспели партизаны из другого отряда, приведенные спасшимися товарищами Петровой. Костер тлел. Около него на багровом от крови снегу лежала Тося. Товарищи бережно снесли ее

тело в землянку, положили на нары и замуровали вход в землянку тяжелыми камнями.

Придет час, и народ благоговейно предаст земле тело Героя Советского Союза Антонины Васильевны Петровой в освобожденной Луге.

Тысячи юношей и девушек ушли в партизанские отряды, когда враг подступил к их родным городам и селам.

В оккупированных районах Ленинградской области ежедневно взлетают на воздух мосты шоссейных и железных дорог, летят под откос поезда с оружием и боеприпасами, взрываются на минах автомашины с немецкими солдатами. За восемь месяцев великой отечественной войны партизаны Ленинградской области уничтожили около 17 тысяч немецких солдат и офицеров, 89 самолетов, 98 танков, 1 881 автомашину, 99 цистерн с горючим, организовали 114 крушений поездов, взорвали 125 складов, 388 железнодорожных и шоссейных мостов. И это далеко не полный список потерь, которые нанесли врагу ленинградские партизаны.

Для гитлеровских разбойников нет тыла на советской земле. Для них повсюду фронт. Земля горит под ногами фашистов. Из-за каждого куста, из-за каждого дерева зорко следят за фашистскими головорезами ненавидящие глаза, целит меткая партизанская винтовка.

В партизанские отряды ушли лучшие питомцы ленинградского комсомола, ушли многие руководители комсомольских организаций.

Обо всех не расскажешь — их тысячи.

Вот не рассказ — короткие справки о некоторых.

Секретарь одного из райкомов ВЛКСМ, Иван Никитин, долгое время командовал взводом в крупном партизанском отряде. Он сам убил 9 немецких солдат, уничтожил 2 грузовые машины с боеприпасами. В разведке и в бою Никитин был всегда впереди. Молодой патриот погиб геройской смертью, выполняя боевое задание. Комсомольцы-партизаны жестоко отомстили за своего товарища.

До войны товарищ С. была секретарем райкома комсомола. Теперь она — храбрая и искусная разведчица партизанского отряда и вместе с тем бесстрашный агитатор, подлинный носитель правдивого большевистского слова. Когда отряд получил брошюры с докладом товарища Сталина, товарищ С. создала лыжные агитбригады партизан. И вот по лесам и полям пролегли свежие лыжни в деревни и села, захваченные немцами. Затаив дыхание, слушали колхозники и колхозницы пламенные слова сталинского доклада, и сердца людей наполнялись верой в скорое освобождение.

Патриоты города Ленина по праву гордятся подвигами комсомольца-студента Химико-технологического института товарища Льва С. Партизанская профессия товарища С. — подрывник. Это очень трудная профессия, полная опасностей.

В районе действий Льва С. проходят важные линии железных дорог.

Укрывшись в лесу около железнодорожного полотна, Лева часами изучал движение поездов. Вот собраны все нужные сведения. Лева про-

бирается сквозь немецкое охранение. Надо незаметно для путевой охраны заложить на полотно взрывчатку — «гостинец» для фашистского эшелона. Заряд уложен. Лева скрылся в засаду. Наконец показывается поезд. Он несется, ощетинившись автоматами и пулеметами. И вдруг — оглушительный грохот. Теперь Лева может осторожно подняться и исчезнуть в глухом лесу. В записной книжке подрывника появляется еще одна палочка: взорван еще один эшелон. В партизанской «зачетной» книжке Левы стоит уже 18 таких палочек!

По всей Ленинградской области гремит слава партизанского отряда, который по праву зовут «Грозным отрядом». В составе отряда двадцать два комсомольца.

В одном из своих донесений командир отряда сообщил:

«Разрушены: 55-метровый мост через реку П., железнодорожный мост вблизи станции П. и мост через реку Ш., у деревни Т. Подорваны также мост через реку С., мост у деревни Ж. и мост по дороге Х. Разрушено 8 километров железнодорожного полотна, уничтожено 1 702 метра кабеля. Взорваны 3 немецких артиллерийских склада...»

Уничтоженные машины, фургоны, фашистские велоразъезды, 16 казненных шпионов и предателей — какой подлинный героизм, какое бесстрашие скрывается за сухими цифрами отчета!

Сила партизан — в их кровной неразрывной связи с народом. В каждой деревне, в каждом селе многочисленные друзья помогают отрядам уничтожать немецких захватчиков.

Пусть неистовствуют фашисты, пусть шлют карательные отряды, но разве можно подавить всенародное движение людей, борющихся за свободу и честь своей родной земли?!

Однажды в деревню К. прибыл карательный отряд. Тремя сотнями немецких солдат в мрачных черных мундирах командовал полковник немецкой армии.

Каратели под угрозой расстрела заставили деревенских школьников-пионеров собирать мины, заложенные партизанами и частями Красной Армии. Но как только каратели отходили, советские ребята снова закладывали мины на дорогах, минировали кусты у дорог и обходные тропинки.

Рыская по дорогам в поисках партизанского отряда товарища Р., каратели в конце концов нарвались на эти мины. При взрыве было убито 14 немцев, ранено 15. Был убит полковник и презренный предатель — староста, который сопровождал немецкий отряд. Так отомстили врагам советские ребята, так защитили они партизан!

Но не сломить фашистам воли и тех партизан, которые попадают в их лапы!

В совхозе «Смена» Гдовского района немцы захватили тринадцать молодых ребят и девушек, в числе их — трех комсомолок. Фамилии их до сих пор не удалось установить, но геройский их подвиг будет вечно

служить примером для всей нашей молодежи. Зверски пытали и истязали юношей и девушек враги, но так ничего и не выпытали у храбрых патриотов. Тогда немцы повели своих пленников в город Гдов, чтобы расстрелять их на глазах местных жителей, силой согнанных к месту казни. Спокойно и гордо шли на смерть молодые патриоты. Перед казнью немцы еще раз потребовали сказать, где находится партизанский отряд, — за предательство обещали жизнь. Но презрительное молчание было единственным ответом палачам. Десять человек были расстреляны, остались три девушки-комсомолки. И снова фашисты потребовали, чтобы девушки отказались от родного им комсомола, сдали комсомольские билеты и перед всем народом заявили, что будут служить немцам. Все три были молоды, никому из них не хотелось умирать. Но гордо и насмешливо смотрели три девушки на врагов. Нет! Славная смерть лучше позорной жизни! Разве найдется такая сила, которая способна сломить волю храбрых дочерей комсомола? Девушки переглянулись, и одна из них громко крикнула собравшемуся народу:

— Товарищи, мы до конца своей жизни преданы ленинскому комсомолу и товарищу Сталину, мы не изменим родине! Перед лицом смерти говорим вам, что победа будет за нами!

Пламенный призыв был прерван пулями фашистских убийц. Но до сердца каждого из стоявших на площади людей дошли эти смелые слова. И мы не забудем их!

Никакие зверские истязания, никакие казни не помогут презренным фашистским палачам. Народ бессмертен. С каждым днем растет партизанское движение; оно становится все более грозной силой. Оно сделалось массовым. Это новая его особенность, новая, высшая ступень.

Каждый день прибывают все новые пополнения в отряды Ленинградской области, и, что особенно важно, этот рост идет за счет местного населения. Многие приходят в отряды со своей винтовкой, гранатами, со своим обмундированием, с боеприпасами, захваченными у немецких оккупантов.

Нередко можно встретить теперь партизанские отряды от 500 до 1 000 и более бойцов. Это настоящие партизанские батальоны и полки, подчас объединяемые в партизанские бригады.

Душа партизанских отрядов — коммунисты, члены великой партии Ленина — Сталина. В годину тяжелых испытаний, выпавших на долю советского народа, коммунисты в районах, временно захваченных врагом, остались на своих боевых постах, продолжая во вражеском тылу из подполья руководить борьбой против немецких захватчиков.

Славные большевистские агитаторы, коммунисты-партизаны читают народу советские листовки и газеты, рассказывают о последних сообщениях Советского информбюро и ТАСС. Повсюду коммунистам помогают комсомольцы и непартийные большевики.

Десятки миллионов листовок розданы партизанскими отрядами.

Воздушным пиратам не удастся незаметно подойти к городу Ленина. Их во-время обнаружат мощные звукоуловители.

Некоторые партизанские отряды выпускают свои листовки, издают стенные газеты.

Роль этой подпольной большевистской печати очень велика. В освобожденном ныне от немецких захватчиков Поддорском районе в дни оккупации продолжала ежедневно выходить районная газета «Большевистское знамя». Была отлично налажена сеть распространения. Специальные связные развозили газету. И назавтра после выхода она была уже во всех деревнях. С какой любовью и радостью встречали повсюду маленькие листки, в которых говорила с народом большевистская партия!

Листовки с историческими выступлениями товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 года и его приказом от 23 февраля 1942 года переходили из рук в руки, зачитывались до дыр. Только в одном из оккупированных районов было проведено в колхозах свыше 400 собраний, посвященных докладу и речи товарища Сталина. Нужно понять это: 400 советских собраний в условиях кровавой фашистской диктатуры, жестоких зверств и насилий, на земле, где неистовствовали немецкие захватчики!

Под мощными ударами Красной Армии откатываются на запад гитлеровские полчища, неся огромные потери в людях и технике. Еще больше возрастает теперь значение партизанского движения.

День изо дня крепнет кровная связь партизан с Красной Армией. Ширится размах операций мощных отрядов народных мстителей. Они бьют по наиболее уязвимым местам противника, по его жизненным узлам. Они помогают Красной Армии громить центры сопротивления врага.

Всю страну облетела весть о том, как партизаны организовали красный обоз для ленинградцев. Двести подвод продуктов, собранных партизанами в деревнях и селах, прорвались через линию фронта к частям Красной Армии.

Боевой гостинец ободрил ленинградскую молодежь. А комсомольцы Ленинграда, в свою очередь, всеми силами стремятся помочь партизанам, уничтожающим врага в его тылу. Комсомол пополняет отряды лучшими своими сынами и дочерьми, снабжает вооружением и всем, что нужно для их жизни и борьбы.

Ленинградский городской комитет ВЛКСМ обратился к молодежи города с призывом собрать компасы для партизан — и через несколько дней 269 компасов, выверенных в Палате мер и весов, были отправлены в партизанские отряды.

Ленинградские рабочие шлют партизанам винтовки, пулеметы, патроны, лопаты, кинжалы. Все это выделывается на заводах в сверхурочное время, в часы, специально отданные для товарищей, сражающихся в тылу врага. Свыше миллиона бутылок собрали для партизан пионеры и школьники Ленинграда. Каждая бутылка с зажигательной жидкостью — это новый удар по танкам, по технике врага.

Верная своим революционным традициям, наша славная молодежь твердо идет по пути, указанному ей нашим полководцем — товарищем Сталиным. Жизнь молодого поколения нашей страны посвящена сегодня одной цели — беспощадной и непримиримой борьбе с гитлеровскими разбойниками. И где бы ни находился молодой патриот — в осажденном ли Ленинграде, в оккупированном ли немцами районе, — у него одна цель — помочь Красной Армии быстрее освободить нашу землю от немецкого ига. Для этого отдает свои силы, а когда нужно, то и самую жизнь, молодое поколение нашей страны.

ДЕВУШКИ НАШЕГО ГОРОДА

«Прошу направить меня в качестве санитарки на фронт как можно скорее. Я — член ВЛКСМ. В финскую кампанию работала в госпитале, отдавала свою кровь для переливания раненым бойцам и теперь горю желанием защищать нашу советскую родину от германского фашизма. Я даю честное комсомольское слово, что буду защищать ее до последней капли крови».

Это одно из тысяч, рядовое заявление рядовой комсомолки Н-ского завода.

Мы знаем, Надя Иванова, автор этого заявления, сдержала свое слово. Держат свое слово и ее подруги — тысячи девушек Ленинграда.

Вот комсомолка Маруся Козлова, штамповщица завода «Красная

заря». Одной из первых ушла она в народное ополчение. Маруся — тренер по лыжам и легкой атлетике. Окончила планерную школу, парашютистка. Изучила авиационный мотор — у нее звание авиационного механика. Может управлять мотоциклом. Знает санитарное дело. Никакая опасность не остановит такую девушку, ни перед каким препятствием не спасует она.

На борьбу с немецким фашизмом пошли почти все дружинницы, участвовавшие в борьбе с белофиннами. В числе их награжденные медалями: Пешкова, Камкан, Кравцова, Харламова, Мария Петрова, Наташа Матвеева.

И «Чижик» тоже на фронте. «Чижик» из «Фронтовых подруг». Все мы полюбили эту молодую дружинницу, доблестную участницу боев с белофиннами. Она снова на фронте. То есть не «Чижик», конечно, а комсомолка Федорина, исполняющая эту роль в фильме.

Фронтовые подруги! Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов во время боя обратил внимание на работу ленинградских дружинниц—комсомолок Тихомировой и Кудрявцевой. Девушки отважно выносили раненых и быстро их перевязывали. После боя Климент Ефремович, ласково улыбаясь, так и назвал девушек — фронтовыми подругами.

А на Ленинградском фронте таких тысячи.

Скажем даже точнее: 30 тысяч ленинградских комсомолок в Красной Армии.

И слава многих из них уже гремит по фронту.

— Сколько ты вынесла с поля боя бойцов?— спросили Веру Чертилову, комсомолку с фабрики «Скороход», на рабочем собрании.

— Больше ста, — ответила Вера Чертилова.

Рабочие поднялись со своих мест, зааплодировали, закричали «ура», а потом запели песню — песню о девушках-героинях. Когда стихла песня, из толпы в президиум прошел старый рабочий фабрики «Скороход». Он подошел к Чертиловой, крепко обнял и поцеловал.

— Наша, настоящая, ленинградская! Сразу видно, что со «Скорохода».

Не только выносила с поля боя бойцов вместе с их вооружением смелая дружинница. Было так. В разгаре боя, когда командир был ранен, когда немцы лезли на наши укрепления, и казалось, что нет уже силы остановить их, что они лавиной сметут наши ряды, Вера Чертилова поднялась из окопа во весь рост и крикнула:

— В атаку!

Раненная, окровавленная, девушка шла вперед, увлекая за собой бойцов. Ее ранило второй раз, — она все шла. Только третья пуля свалила ее с ног.

В бессознательном состоянии ее доставили в госпиталь. Бойцы отбили натиск немцев и закрепились на новом рубеже. Сейчас Вера Чертилова выздоровела. Она опять на фронте.

— Когда начинается бой, Тамара всегда впереди, — говорит о моло-

дой ленинградке Кононовой командир. Бойцы в части называют ее «Тамарой смелой». Около ста бойцов вынесла Тамара с поля боя, спасла им жизнь, сохранила для родины их оружие.

...Ожесточенный бой. Артиллерийский, минометный и пулеметный огонь фашистов. Тамара ползет. Впереди стонет раненый. Перед девушкой — ее родной брат. Она хочет взять его, но он говорит:

— Рядом — комиссар, ему хуже. Вынеси его, я подожду.

Тамара оставила под огнем близкого, любимого человека и взяла комиссара части. Когда она вернулась к брату, он был мертв: его убило миной.

Ленинградский комсомол вечно будет чтить память комсомолки Ани Павловой. Подобно Вере Чертиловой, в критическую минуту подняла она в атаку батальон, вместо погибшего командира. Весь батальон пошел за Аней Павловой, тесня наступающего противника. Смертью храбрых пала в бою наша Аня. Правительство наградило ее орденом Ленина.

Вот какие они, девушки города Ленина! Недаром больше ста ленинградских комсомолок награждены орденами и медалями за боевые заслуги.

Около четырех тысяч комсомолок работают в госпиталях. Среди них студентки, школьницы. С какой теплотой, с какой женской заботливостью они ухаживают за ранеными, убирают в палатах, стирают белье, как стараются наши девушки всячески облегчить, скрасить жизнь

Тысячи юных патриоток города Ленина взяли в руки оружие. Женское подразделение военно-учебного пункта № 2 Дзержинского района обучается строю.

На передовые позиции отправляются бойцы Рабочего батальона Куйбышевского района.

раненым! Комсомолки фабрики «Красное знамя» из отходов производства изготовили для госпиталя подушки, матрацы, комнатные туфли, халаты, теплое белье. Кто поставил в каждой палате радиоприемники и световые позывные звонки у постели каждого раненого? Это комсомолки и комсомольцы заводов «Ленинская искра» и «Радист».

Комсомолки собирают книги для госпиталей. Комсомолки-студентки читают раненым газеты, пишут письма и каждое воскресенье приносят подарки.

У ленинградских девушек много дела. Они не только сражаются на фронте, не только работают медицинскими сестрами и дружинницами, не только помогают раненым, — из девушек скомплектованы команды противовоздушной и противохимической обороны, пожарные команды, отделения, взводы и роты для охраны города. Девушки работают в интендантской службе и в штабах армии.

Десятки тысяч ленинградских девушек вступают в стрелковые команды, изучают пулемет, миномет, противовоздушную, противохимическую оборону, овладевают специальностями радисток, телеграфисток-морзисток, телефонисток, водителей автомашин.

А движение доноров! Большинство среди них — девушки-комсомолки. Во Фрунзенском районе первой дала кровь секретарь комитета ВЛКСМ завода электрогазовых приборов товарищ Губина. Ее примеру последовали 13 комсомольцев. Пять раз отдавала свою кровь комсомолка Панкратьева и секретарь комитета ВЛКСМ станции Пассажирская-Ви-

тебская Алексеева. Электромонтер этой станции комсомолка Носова за время войны с белофиннами и отечественной войны дала бойцам 11 литров крови. Сейчас она представлена к правительственной награде.

Нужно вспомнить, в каких условиях это все происходит, что значит кровь для человека, жившего в Ленинграде этой зимой, для человека, напряженно работающего в невероятных по трудности условиях. Кто вдумается в это, тот поймет, что значит подвиг комсомолки Носовой, отдавшей 11 литров крови!

Когда историки и мастера слова будут писать о героической защите Ленинграда, одну из самых замечательных страниц они посвятят нашим донорам, славным ленинградским девушкам, давшим свою кровь фронту.

НАША НОРМА — РАБОТАТЬ ЗА ДВОИХ

Комсомолка завода имени Второй пятилетки Татьяна Бакулина до войны работала на заводе контролером. Ее молодой товарищ, рабочий Чепурных, стахановец, обслуживал одновременно два станка. Чепурных добровольно ушел в армию. На следующее утро Татьяна встала у его станка. День и ночь проводила девушка на заводе, знакомясь с новым для нее делом. И она стала успешно работать на двух станках, перевыполняя норму.

А месяц спустя при встрече Татьяна Бакулина сказала мне: «Я работаю на двух станках Чепурных. И третий станок тоже мой». Так оно и было: Татьяна работала на трех станках.

Откуда взялась у этой девушки сила, ловкость, сноровка? «Как это ты, Таня, успеваешь?» спросил я. И услышал в ответ: «Разве я одна? Все так работают».

И это правда. В грозные дни войны сотни и тысячи товарищей и подруг Татьяны Бакулиной заменили ушедших на фронт товарищей. Жена становилась на место мужа, сражавшегося с фашистами. Вместо брата бралась за работу сестра. Над станком отца склонялся сын.

Эти горячие, полные сил юноши и девушки работали не покладая рук, и работали прекрасно.

Зайдите в центральную механическую мастерскую одного из промышленных комбинатов, и вы увидите там двух подростков, самых молодых на заводе — Петра Позднышева и Валентина Быстрова. Каждому из этих двоих недавно исполнилось по пятнадцати лет. Из школы они перешли к станкам, когда отцы их отправились на фронт.

Петра обучил один из лучших токарей механической мастерской — товарищ Голубев. Сейчас Петр работает так же, как на том же станке работал отец. А Валентин Быстров не отстает от товарища.

Тут, на заводах, сейчас тоже фронт — трудовой фронт. И на этом фронте в городе Ленина, городе великих пролетарских традиций, сейчас десятки тысяч героев.

Когда в 10-й цех Н-ского завода поступил срочный и очень ответственный заказ для фронта, комсомольцы Касимов, Ванин, Смирнов и Кудряшов дали обещание выполнить заказ на день раньше срока и не

Много боевых налетов на расположение вражеских частей совершил бронепоезд, которым командует лейтенант Булавин. На снимке командир площадки бронепоезда комсомолец Р. Коринец, проявивший мужество и отвагу в боях с фашистскими захватчиками.

Зорко следят за небом советские зенитчики. За несколько дней зенитчики Н-ской части сбили 16 немецких бомбардировщиков. На снимке мастер меткого огня боец комсомолец М. Соколов.

уходили с завода до тех пор, пока не закончили работу, а понадобилось для этого несколько суток.

Разум приходит на помощь рукам. Иное, не сложное даже, изобретение, нововведение, иная простая догадка позволяет выполнить производственное задание во много раз быстрее и экономнее. Каждое такое усовершенствование ускоряет выпуск боеприпасов, танков, самолетов, орудий и винтовок для Красной Армии.

Как-то в цех Н-ского завода поступила деталь срочного заказа. Раньше, изготовляя эту деталь, рабочие наносили шкалу ручным способом, тратя много времени. Молодой фрезеровщик Николай Соколов предложил наносить шкалу на станке. Это уже было быстрее во много раз. А Соколов не остановился на этом. Он разработал новое остроумное приспособление. И если раньше на выработку 60 деталей уходило 17 часов, то теперь оказалось достаточно 36 минут. Это было ускорение почти в тридцать раз!

Восемнадцатилетний токарь-комсомолец Александр Балакин пришел на производство после окончания школы ФЗУ. В дни отечественной войны Александру было дано ответственное задание. До него над такими деталями никто на заводе не работал. Юноша оказался пионером. Балакин день и ночь внимательно изучал чертежи деталей, вытачивал пробные. Первые пять деталей вышли неправильными. Молодой токарь установил на стане особое приспособление, — теперь дело пошло. Первые 10 деталей заняли у Балакина полтора дня. На следующий день он изготовил уже 40 деталей. Они в точности соответствовали чертежам.

На одном из станков механического цеха оборонного завода вывешен красный флажок с надписью: «Комсомольский стахановский». Под этим флажком, соревнуясь между собой, посменно работают комсомольцы Сорокин и Михайлов. Надпись на флажке оправдана. Оба «соперника» достигли высокой выработки: по 75 деталей в смену — в два с половиной раза выше нормы.

Две нормы в день,
все силы для войны —
Задача каждого,
любой бригады.
Трудись без устали —
стране нужны
Орудия,
и танки,
и снаряды!

Две нормы, две с половиной — но разве это предел? На этом же заводе, в том же цехе комсомольцы Звадин и Малинов выполняют уже каждый по четыре нормы.

Есть целые смены, во много раз перекрывающие нормы. Смена комсомольца Веревкина в турбинном цехе одного из военных заводов в начале войны — вся в целом — выполняла задание на 250 процен-

тов, месяц спустя — на 360 процентов, потом 480 процентов. Детали размечаются в этой смене в тридцать раз быстрее, чем до войны.

Вейся ж, военная слава,
Песней гуляя в полках,
О парне за Невской заставой,
Токаре с «Большевика».

Это слова из популярной в Ленинграде песни о комсомольце-стахановце завода «Большевик» Владимире Князеве. Изо дня в день молодой патриот повышает производительность труда. Он — один из первых двухсотников завода. Сейчас его норма — 1 000 процентов.

— Стал я тысячником потому, что фронту нужно больше нашего оружия.

Родина все дала нашей молодежи. И теперь молодежь героического города платит свой долг родине.

Но это еще не все, когда сам работаешь хорошо, — надо обучить хорошо работать и товарищей.

И вот комсомол Ленинграда поставил перед собой задачу — взять шефство над каждым новичком, пришедшим на завод, над новым пополнением заводов Ленинграда, над людьми самых различных возрастов и специальностей, ставшими к станкам, над женами бойцов, девушками-служащими, оставившими свои учреждения, людьми, сменившими умственный труд на физический, школьниками старших классов.

Комсомолка Галя Иванова, горячая общественница, отличница военного кружка, стахановка, выполняющая почти пять норм на фрезерном станке, предложила начальнику цеха обучать «новичков».

Был создан кружок. В него вошло семеро молодых рабочих. Часто оставалась Галя со своими учениками после окончания работы, проверяла, как они обращаются с инструментами, как следят за своим рабочим местом. Теперь все ученики «школы Галины Ивановой» работают самостоятельно, все они — стахановцы.

Сколько таких «школ» уже создано комсомольцами-стахановцами на ленинградских предприятиях!

Транспорт — родной брат Красной Армии.

По примеру передовика транспорта Латанова молодые транспортники-ленинградцы совмещают по две профессии. Конечно, не просто и не легко это и требует большого напряжения сил. Комсомольцы Березин, Мельников, Овчинников, Яковлев, Григорьев, так же как и Латанов, работают одновременно вагонными мастерами и электромонтерами. И не только они одни.

Вот рядовой, обычный случай. Двое из трех кочегаров буксирного парохода «Иваново» ушли в армию. На пароходе остался один молодой кочегар Солонимкин. И когда пароходу нужно было выйти в ответственный рейс, Солонимкин встал на вахту за своих товарищей.

Фронт — у каждого станка. Став на сталинскую вахту, комсомольцы Ленинграда осваивали производство грозного оружия.

Пятнадцать вахт выстоял молодой кочегар у топки, пять суток безвыходно провел он в кочегарке. Он выполнил свой долг.

...И даже под вражьим обстрелом жестоким
Решимость героев тверда,—

поется в песне.

Когда на станции Б. во время вражеского налета загорелись вагоны, когда рвались снаряды и цистерны с горючим, комсомолка Кудряшева не покинула поста. Не теряясь, не дрогнув, она сумела так организовать маневры на путях, что часть ценного груза была спасена и пожар не смог распространиться дальше.

Дежурный по станции комсомолец Никитин ползком и перебежкой под разрывами снарядов пробрался к стрелочному посту, отцепил горящие вагоны и повел под ливнем пуль свой поезд. Поезд должен был прибыть к сроку. Он думал об этом, а не о личной безопасности. И машинист-комсомолец Румянцев, спасший благодаря своей смелости паровоз, и комсомольцы-кочегары Погодин, Тимофеев, Шанин и Песин, помогавшие своему судну уйти от фашистских разбойников, — все они думали только о своем долге, о своем деле. А ведь это будни ленинградской молодежи. Потом об этих буднях напишут поэмы, потому что нет поэзии выше, чем поэзия этих будней.

Здесь и в книгах, которые издаются сейчас в осажденном Ленинграде, мы пока еще мало и скупо говорим о поступках отдельных людей. Но мы, ленинградцы, помним их имена. И мы навеки запомним

тебя, грозовый воздух Ленинграда в дни великой отечественной войны!

...С середины зимы изменились условия работы ленинградской промышленности. Перед комсомольцами встали теперь иные задачи, не менее важные и ответственные. Нужно было сделать все возможное, чтобы нормальная жизнь города не прекращалась. Надо было достать топливо.

И вот две тысячи комсомольцев, главным образом девушек-комсомолок, две тысячи недавних слесарей, токарей, текстильщиц отправились во Всеволжский и Парголовский районы рубить лес. В суровые морозы худенькие, хрупкие девушки, не всегда достаточно тепло обутые, взяли в руки топоры и доказали, что нет на свете крепостей, которые не в силах одолеть молодые люди, молодые большевики, вдохновляемые любовью к родине.

Двести молодых рабочих и работниц дружно и напряженно работали на станции Лисий Нос. Люди, никогда раньше не рубившие деревьев, сумели работать не хуже лесорубов-профессионалов.

Каждый день одерживали эти люди удивительные победы: над морозами, над слабостью, над собственным неумением,— и все эти победы, в конечном счете, приближают нашу победу над врагом.

Кто может одолеть нас? Кто может одержать верх над такими людьми, как комсомолки Смольнинского района? Мороз доходил до сорока градусов, когда эти девушки шли сквозь снежную чащу леса, пробирались через бурелом, рубили стволы, прокладывая временную узкоколейку к железнодорожной станции. Эта работа была закончена в четыре дня. Какой враг победит таких героинь?!

А что сказать о таких богатырях, как комсомольцы Сергей Петров и Федор Александров? Они заготовили за один день 18 кубометров дров, выполнив норму на 265 процентов каждый. Такой выработки еще не давал никто из работающих на лесоучастках под Ленинградом. Свой рекорд молодые патриоты посвятили XXIV годовщине Красной Армии и дали обязательство заготовлять в день по 20 кубометров.

За какую бы работу ни брались наши комсомольцы, они делали ее в полную свою силу, а иногда и сверх сил, вкладывая в дело весь огонь своей решимости и энтузиазма.

В грозные дни Ленинград опоясывался кольцом неприступных укреплений.

Около миллиона ленинградцев строили их, и среди строителей укреплений большая половина была — молодежь.

Когда было получено срочное задание — соорудить на передовой линии обороны дорогу из бревен для наступления наших танков, работу поручили молодежи. Юноши и девушки пилили, тесали бревна и 700 метров несли их на руках. Три раза увеличивали задание бригаде Василия Семенова, переносившей бревна, и три раза семеновцы, под яростным обстрелом врага, перекрывали задание. Воздушной волной сбило со второго этажа дома молодых рабочих Бельчикова и Пинко, но они снова взобрались на дом и продолжали работать. Прораба Крупенова контузило разорвавшимся неподалеку снарядом. На его место

Ни бомбы фашистских пиратов, ни артиллерийский обстрел не могли нарушить напряженного ритма работы заводов. Недоедая, сутками не покидая цехов, ленинградцы ковали оружие защитникам города. Многие молодые строители танков сами садились в грозные машины и вели их на врага.

немедленно встал молодой рабочий Виктор Соловьев. К утру задание было выполнено: комсомольцы сложили дорогу в 1 500 бревен. По ней пошли наши танки в наступление на врага.

Так работали защитники Ленинграда, обороняя свой город,— и нет на свете врага, который смог бы их победить.

БЫТЬ ВСЕГДА БОЕВЫМ ВОЖАКОМ МОЛОДЕЖИ

В те дни, когда жизнь каждый час ставила перед каждым жителем Ленинграда десятки новых сложных вопросов, в дни, когда тяжелые трудности и лишения выпали на долю всех жителей Ленинграда, — комсомольцы овладевали пламенным искусством большевистской агитации.

Они отвечали на все вопросы, разъясняли текущие события. Они разоблачали распространителей провокационных сплетен, чтобы ни один из шептунов, вражеских агентов не ушел от карающей руки советского закона.

Везде, где была молодежь, были и комсомольские агитаторы: на передовых позициях и на заводе, в бомбоубежищах и в трамваях, в столовых и в магазинах.

В декабре 1941 года обком и горком ВЛКСМ создали агитколлектив, в состав которого вошли секретари, инструкторы обкома и горкома, многочисленный актив. Очень широк круг тем бесед, лекций, докладов, с которыми выступают комсомольцы: борьба против фашизма; продовольственное положение Ленинграда; преодоление трудностей вражеской блокады; задачи городского населения и место каждого ленинградца в великой борьбе. Пропаганда доклада товарища Сталина на заседании Московского совета 6 ноября 1941 года, а также такие доклады, как «Боевые традиции ленинско-сталинского комсомола», «Ленинградский комсомол в дни отечественной войны» и другие, подняли боевой дух ленинградской молодежи.

В конце прошлого года в Ленинграде осложнился вопрос с питанием. Разумеется, враг мог пытаться использовать это в своих интересах. Стахановка Красногвардейского района комсомолка Иванова в те дни сказала: «Продовольственные затруднения не должны ни на один процент снизить производительность нашего труда. Наоборот, мы сделаем все, чтобы увеличить норму выработки, дать больше оружия и боеприпасов для быстрейшего разгрома виновника всех наших трудностей — германского фашизма».

Так думали все ленинградские комсомольцы.

Несмотря на холод, недоедание, усталость, комсомольцы работали так, как обещали, заражая своим примером других. Это был один из эффективнейших видов агитации — агитация делом. Слова, подкрепленные героическим поведением комсомольцев, находили прямой доступ к сердцам рабочих.

В те месяцы мы взяли на службу всё: непосредственное устное слово, воздействие примером, доклады, печать, радио. Важнейшие политические вопросы, комсомольская жизнь города, подвиги комсомольцев на фронте

«Прошу принять меня в ряды ленинско-сталинского комсомола». Эти заявления написаны и вручены под вражеским огнем, в окопе, на передовых позициях молодыми дружинницами Ленинградского фронта Надей Лосевой (слева) и Ниной Яковлевой.

и на производстве находили отклик на страницах ленинградской молодежной «Смены».

А по радио в эфире ежедневно тоже звучали рассказы о лучших, о молодых героях, сражающихся с врагом на фронте и в тылу.

В те дни ленинградский комсомол — верный помощник партии на всех участках фронта и труда — стал застрельщиком многих нужных, полезных дел.

Были собраны дети-сироты, многие эвакуированы из Ленинграда; из старших создана трудкоммуна, младшие распределены по очагам.

И многие другие предложения комсомола городской комитет партии нашел нужными и своевременными, и они были немедленно осуществлены: наибольшее приближение занятий всевобуча к фронтовым условиям; усиление лыжной подготовки молодежи; замена женщинами всех комиссаров и политруков госпиталей, годных для военной службы.

Комсомольцы разыскали и собрали по предприятиям и мастерским города фрезерные и токарные станки и передали эти станки крупнейшим предприятиям, производящим боеприпасы.

В сентябре, по предложению городского комитета ВЛКСМ, в Ленинграде организован комсомольский полк для охраны города и созданы группы связных и посыльных при крупнейших предприятиях, учреждениях и учебных заведениях.

Обстановка в Ленинграде выучила нас гибкости и творческой инициативе. Мы учились у ленинградской парторганизации, у руководителя ленинградских большевиков товарища Жданова работать четко, оперативно, быть дисциплинированными, не останавливаться на полпути, а до конца выполнять свою роль верного и первого помощника коммунистической партии.

В дни войны молодежь города Ленина сплотилась вокруг комсомола. Выросло наше политическое влияние на молодежь. Выросла тяга молодежи в комсомол.

Тридцать одна тысяча ленинградских юношей и девушек вступили за полгода в ряды ленинско-сталинского комсомола. Тридцать одна тысяча лучших сынов и дочерей Ленинграда!

Всей своей жизнью подтверждают эти молодые люди свое право называться комсомольцами.

А комсомольцы Ленинграда в грозное время великой отечественной войны еще теснее сплотились вокруг партии большевиков.

Более полутора тысяч комсомольцев, лучших из лучших, передала за это время ленинградская организация в партию. Многие из принятых сражаются с врагом на фронте, другие самоотверженно трудятся в городе.

Среди питомцев комсомола, рекомендованных в партию, — инженер Викслер, работающий над выполнением важнейших оборонных заданий, комсомолец-орденоносец завода имени Ленина Клоков, комсомольцы Ижорского завода, участвовавшие в боевых операциях, — Михайлов и Литенсон, лучший донор Носова, чья кровь течет в жилах многих героев.

Быть членом партии, созданной Лениным и Сталиным, — высокая честь. Высокая честь — быть коммунистом в великом городе Ленина, в непобедимом Ленинграде!

★

В эти месяцы даже самые маленькие жители Ленинграда показали себя достойными гражданами города-воина.

Когда фашисты схватили Колю Лаврентьева, они не знали, что он — связной лужского партизанского отряда, «мальчик-невидимка». Немцам было известно только то, что брат захваченного ими «мальчишки» — партизан. «Скажи нам, где партизанский отряд? — спрашивали палачи Колю. — Отвечай, и мы отпустим тебя на все четыре стороны».

Коле было еще совсем немного лет, и ему не хотелось умирать. Юный патриот крепко стиснул зубы. «Будешь ты говорить, щенок?» кричали фашистские палачи. Они отрезали ему ухо и нос, отрубили кисть руки. Коля старался удержаться, не стонать — и все же застонал. Но с губ его не сорвалось ни одного слова. Видя, что нет пыток, которые заставили бы пионера стать предателем, озверелые бандиты закололи Колю Лаврентьева штыком.

Ленинградские пионеры Толя Волков, Юра Денисов, Леша Виноградов, Лева Оновский и многие другие не на фронте, они — в городе.

Но разве они не участвуют в борьбе с врагом? Они помогают органам милиции и НКВД нести дозорную службу на улицах города. Это им удалось, стоя в дозоре, увидеть и задержать диверсантов-ракетчиков, агентов немецкого фашизма.

Часто число «зажигалок», погашенных молодым пожарником, превышает число его лет. Девятилетний Олег Пегов потушил 15 бомб, двенадцатилетний Геня Толстой — 19. Ученик 3-го класса 178-й школы Коля Андреев вместе с двумя своими товарищами обезвредил 43 «зажигалки».

Ребята с гордостью смотрят теперь на дома, в которых они живут, на школы, где учатся. Ведь их отвага и настойчивость тоже помогли спасти эти здания от разрушения.

Молодые пожарники Ленинграда готовы обезвредить «зажигалки», сброшенные воздушными пиратами.

Мы рассказали о мальчиках. А о девочках как забыть? Когда во время бомбежки ученицу школы № 4 Валю Боровскую ранило, смелая девочка не пошла в больницу, — она оказывала помощь тем, кто, по ее мнению, больше, чем она, нуждался в этом.

Девочки-тимуровки трогательно ухаживают за семьями красноармейцев. Как сказочные добрые феи, заходят тимуровки в квартиры, носят дрова и воду престарелым и больным. И не скоро кончишь, начав перечислять все их добрые дела.

Вера Балденкова из дома № 120 по Международному проспекту занимается с тремя маленькими детьми, ходит в магазин за продуктами, во время воздушных тревог уводит детей в бомбоубежище.

На форпосте по Тамбовской улице, дом № 2, девочки-тимуровки вышили под руководством Веры Прокофьевой 23 платка для бойцов Красной Армии.

Пионерка 21-й школы Нина Орлова собрала платье для ребят, оставшихся без родителей.

Тимуровская команда Люси Малофеевой ухаживает за старухой — матерью трех сыновей, которые находятся в рядах Красной Армии.

Пионеры 333-й школы Володарского района обслуживают бойцов и командиров, находящихся в помещении этой школы. Девочки вяжут им теплые варежки, носки.

Пионеры собрали 120 килограммов цветного лома и на полученные деньги купили подарки для бойцов Красной Армии.

Металлический лом, необходимый для фронта, ребята Ленинграда собирают с энтузиазмом. За один только день пионеры 404-й школы Калининского района собрали 1 500 килограммов. Не отстают от своих товарищей и пионеры Пушкинского района: за две недели ими сдано на пункт более 10 тонн цветного лома. 100 килограммов меди сдал за один день 3-й пионерский отряд 6-й школы Свердловского района. Около 10 тонн черного и цветного металла собрали пионеры Фрунзенского района.

А когда Красной Армии для борьбы с танками противника потребовались бутылки, пионеры перерыли всё у себя дома, у соседей и у товарищей и отправили бойцам более миллиона бутылок.

Во всем по-новому идет в эти месяцы жизнь ленинградской пионерской организации. Теперь у нас сформированы пионерские дружины из девочек и мальчиков, отдельно друг от друга.

Девочки составляют ядро тимуровского движения и изучают военно-санитарное дело.

Мальчики готовятся стать разведчиками и связными Красной Армии.

Когда в декабре и январе во всех районах города прошли районные слеты юных пионеров и тимуровцы выступили с рапортами, собравшиеся услыхали рассказы о больших делах и — скажем прямо — о подвигах.

Обо всем этом сами ребята рассказывали очень скромно. Но мы знаем: когда будущие историки станут разбираться в изумительной эпопее, именуемой сбороной Ленинграда в 1941—1942 годах, они воздадут должное и самым юным защитникам великого города — ленинградским пионерам и тимуровцам.

ГОРОД ЛЕНИНА НЕПОБЕДИМ

Ленинград... Город наш, где каждая улица, каждый памятник, каждое название — история, легенда, поэма.

Мы говорим: «Сенатская площадь» — и перед нами благородные тени декабристов, тех, кто увидел зарю свободы над мрачной крепостной Россией. Мы проходим мимо Медного всадника — эта статуя скрыта теперь под защитной обшивкой, но все равно пушкинские стихи

В грозные дни осады Ленинграда родился Комсомольский полк охраны революционного порядка. На снимке: комсомольский дозор у драматического театра имени Пушкина.

звенят у нас в ушах. Мы говорим: «Мойка» — и видим скромный дом номер 12, где после стольких страданий угасла мятежная жизнь поэта. Здесь, облокотясь о тяжелую ограду моста, в памятную ночь на 28 января — в ночь после дуэли Пушкина — плакал юный Лермонтов...

Мы говорим: «Невский проспект» — и бессмертные гоголевские страницы оживают в нашей памяти.

Но произнесите не «Невский», а «Проспект 25 Октября» — и вот в ушах нарастающий рокот революционной волны, люди в солдатских шинелях. «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!..» Помните «Двенадцать» Блока?

Ленинград наш! Колыбель революции. И на такой город смеют покушаться эти негодяи!

Невская застава... Здесь слушает Иван Васильевич Бабушкин с товарищами западающие в душу слова «Николая Петровича», двадцатитрехлетнего лектора в студенческой фуражке. Читал лектор «словесно, без тетради», желая вызвать у слушателей возражения, живой спор. Владимир Ильич — так было настоящее имя лектора — умел, как никто, разбудить живую мысль человека.

Выборгская сторона. Заводы, где по вечерам юноши и девушки собираются в классах, чтобы изучать — вместе с четырьмя правилами арифметики — четыре правила революции: думать, дерзать, бороться, побеждать.

Ленинград наш! Город Ленина. На Финляндском вокзале встретили питерские рабочие броневик, на котором вступил великий вождь в город, откуда на весь мир прозвучал его призыв к социалистической революции, где впервые провозгласил он Республику Советов.

Больше двадцати четырех лет прошло с тех пор. Двадцать четыре года строил победивший народ свои заводы, свои рабочие дворцы, строил свою чудесную жизнь, впервые в истории мира основанную на справедливости.

Выросло поколение людей, забывших слова «царь» и «городовой», выросли мы, молодежь.

Ленинские комсомольцы. Наследники Октября. Воспитанники Сталина. Ученики Сергея Мироновича Кирова.

Киров! Любимый наш, родной! Сколько сил своих потратил он для того, чтобы превратить наш город в один из прекраснейших в стране! С именем Кирова связана гигантская реконструкция, от которой наш Ленинград стал еще величественнее. Как он изменился, как вырос за последние годы! Как разрослась промышленность! Выстроены десятки новых заводов. Подумайте только, сколько промышленной продукции все время давал Ленинград! Сотни тысяч рабочих трудятся на ленинградских фабриках и заводах.

Революция широко распахнула двери высших учебных заведений для всей молодежи нашего отечества.

В многочисленных вузах Ленинграда училась целая армия молодежи.

В ленинградских научно-исследовательских институтах работали сплоченные коллективы ученых.

И этот город пытаются задушить озверелые варвары кольцом своей блокады.

Кровавому Гитлеру следовало бы заглянуть в историю нашего города.

Она грозна и поучительна, эта история, тесно связанная с историей борьбы за целостность русского государства, за единство России.

Уже с начала XVIII века, когда «на зло надменному соседу» Петр I заложил новый город, город этот воздвигся, как крепость, охраняющая русскую мощь на Балтике. Первыми поднялись на «Заячьем острове» мощные стены Петропавловки. Год спустя на острове Котлин был построен Кронштадт — первая морская крепость России.

Петербург, детище могучего Петра, рос прежде всего как военный город. И это наложило грозную и суровую печать на прекрасный его облик.

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром, —

писал Пушкин. И город наш действительно стоял неприступной для врагов крепостью на всем протяжении своей истории. Таким оказался он и сейчас.

Не раз уже зарились враги на Ленинград.

Проспект 25 Октября. Комсомольско-молодежный воскресник 8 марта 1942 года.

В 1917 году — в первый же год революции — на Петроград двинулись войска генерала Корнилова. Но, отрезвленные словами большевистских агитаторов, солдаты отказались стрелять в своих братьев— питерских рабочих. Ничего не вышло у белогвардейца Корнилова!

В 1918 году вооруженные до зубов кайзеровские войска подошли к Пскову. По приказу Ленина весь Питер поднялся на защиту родины.

Вместе с частями Красной Армии лучшие представители рабочей молодежи Петрограда отправились на фронт. Целый отряд из членов Союза молодежи, в состав которого вошли все члены Петроградского комитета, самоотверженно сражался в рядах защитников советской родины. Весь питерский Союз молодежи ушел на борьбу с немцами. Все, вероятно, помнят знаменитую надпись на дверях райкома: «Райком закрыт. Все ушли на фронт». Так было в Питере в дни, когда партия сказала: «Революция в опасности». В результате героических усилий Красной Армии 23 февраля 1918 года наступление немецких войск на Петроград было приостановлено, немецкие войска отброшены.

Год спустя враги снова угрожали нашему городу. Начало было для них успешным: гарнизоны фортов «Красная горка» и «Серая лошадь» перешли на сторону белых.

ЦК РКП(б) призвал рабочий класс и партию грудью защитить город революции. В Петроград приехал Иосиф Виссарионович Сталин.

Сталин в течение трех недель сумел добиться перелома. Все питерские рабочие и коммунисты, все, как один, взяли в руки оружие. Изменники, возглавлявшие заговор, были раскрыты и уничтожены. Петроград был превращен в вооруженный военный лагерь. Началось наступление на врага.

Вскоре Сталин сообщил Ленину:

«Вслед за «Красной горкой» ликвидирована «Серая лошадь»... Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку... Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».

Доблестные питерцы под руководством Сталина отбросили врага. Но осенью того же 1919 года к Питеру приблизились полки Юденича.

Молодая республика находилась тогда в очень тяжелом положении. Наши войска сражались на Южном, Западном и Восточном фронтах. В стране и в Петрограде царили голод и разруха. Врагам казалось, что обнищавший, истощенный город неспособен оказать серьезное сопротивление.

Войска Юденича заняли Павловск, Красное Село, Гатчину. Юденич уже назначил в Питер губернатора. Он оповестил по радио весь мир: «Петроград взят. Власть Советов свергнута».

Но Петроград не был взят!

Отцы и старшие братья хорошо помнят этот суровый год.

Ленин писал тогда доблестным защитникам города:

«Товарищи! Наступил решительный момент...

Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

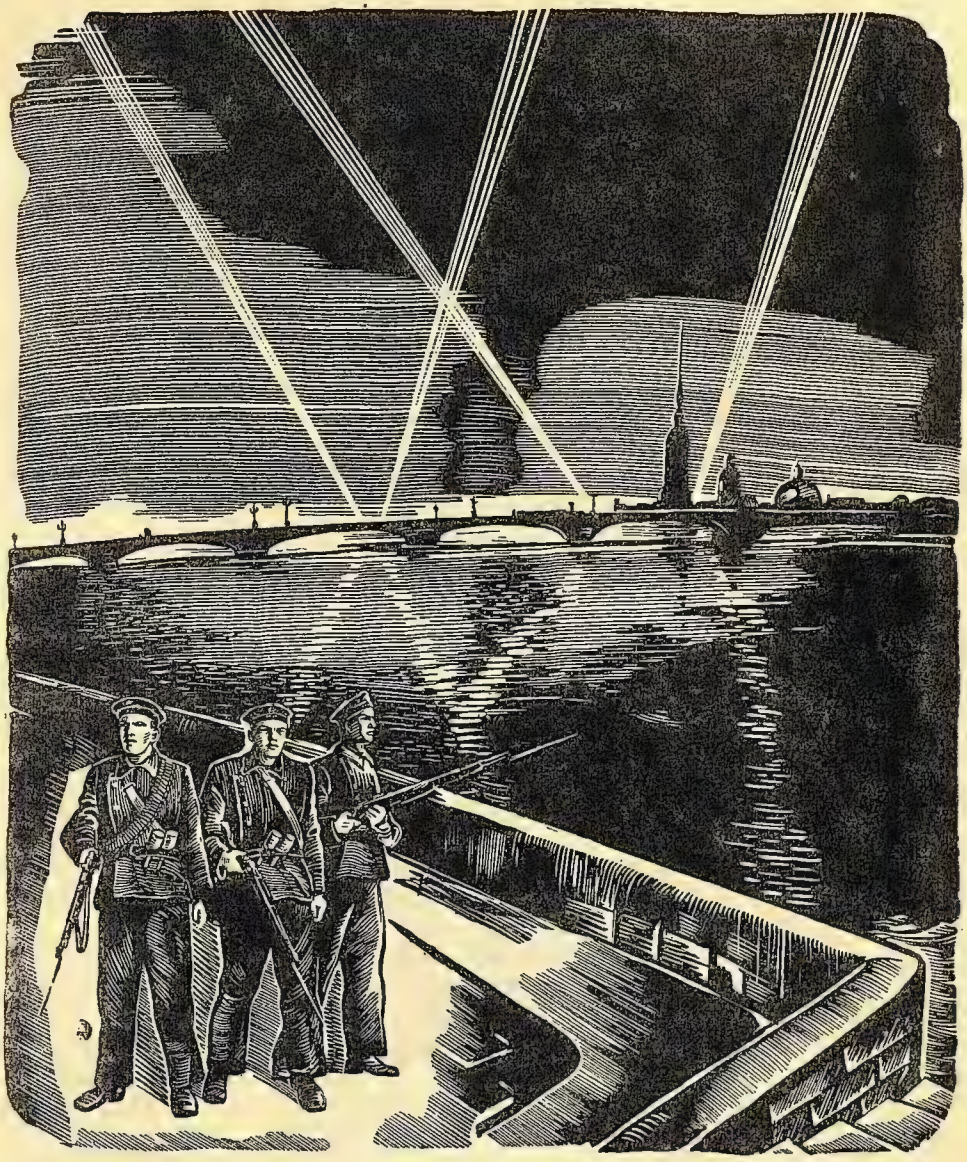
Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза нависла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох... он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!»

Наши отцы отстояли красный Питер от бандитского нашествия Юденича. Многие погибли в бою, но враг не вошел в Петроград.

Мы гордимся славными именами комсомольцев, героически сражавшихся на фронтах гражданской войны. Ими гордится весь народ, ими гордится партия большевиков. На одном из ленинградских активов комсомола наш любимый Киров говорил:



Ночью в осажденном Ленинграде. Патруль балтийцев на набережной Невы.

«Те из нас, которые тогда были на фронте, те помнят, какую громадную, я бы сказал, исключительную роль сыграл тогда комсомол. Надо, товарищи, прямо сказать, что мы, большевики, вообще говоря, народ, который умеет бороться, не щадя своей жизни, и то иной раз с «завистью» смотрели на героев, которых давал тогда комсомол. Достаточно было взглянуть на эти молодые полки комсомольцев, чтобы приобрести новые силы, новую уверенность в дальнейшей борьбе. И не случайно, товарищи, что в этот трехлетний период гражданской войны, как вы помните, комсомол, несмотря на огромные жертвы, какие он нес на всех фронтах, увеличил численность почти в двадцать раз».

Молодое поколение ленинградцев, воспитанное партией большевиков, помнит об этих словах Кирова, идя в бой на озверелого врага. Мы бьемся и будем биться до полной победы, до того, как будет вся наша земля освобождена от фашистской гадины.

Мы глубоко чтим память тех, кто кровью своей завоевал для нас жизнь. Много безвестных героев пало в этой борьбе. На бывшем Марсовом поле, ныне площади Памяти жертв революции, на братских могилах стоят гранитные памятники. Одна из надписей, высеченных на красном граните, гласит:

Не жертвы — герои
лежат под этой могилой.
Не горе, а зависть
рождает судьба ваша
в сердцах
всех благородных
потомков...
Славно вы жили
и умирали прекрасно.

Десятки тысяч ленинградцев, одетых в военную форму, проходят через эту площадь. Они идут на фронт и дают клятву, что не уронят чести города, доставшейся им в наследство. Они высоко держат знамя.

Да, мы все стали на защиту своего города, который любим всем существом своим, города, воспетого поэтами, овеянного преданиями, города, где жил Ленин, где работал Сталин, где строил Киров.

Мы никому не отдадим этого города.

Мы прожили грозную, тяжелую зиму. Не колеблясь, можно сказать: вряд ли в другой стране нашлись бы люди, которые смогли бы выдержать испытания такой зимы столь твердо, как жители Ленинграда, как молодежь Ленинграда. Нашим детям и отцам не пришлось бы краснеть за нас. Нам было очень трудно, нам и сейчас не легко, но мы выходим из испытаний возмужавшими, мы выходим победителями.

Зазнавшийся лгун Гитлер еще летом прошлого года оповестил весь мир, что путь к нашему городу открыт. Он просчитался.

На подступах к Ленинграду оказалась грозная сила — наша доблестная Красная Армия, вооруженная по последнему слову техники, крепкая своим единством, своей верой в победу.

На подступах к городу, в самом городе оказались мы, ленинградцы. Мы сказали: города Ленина врагам не видать!

Комсомол Ленинграда, созданный Лениным, выпестованный Сталиным, дал священную клятву: сделать все, что в наших силах, всю энергию нашу, всю волю отдать, всем пожертвовать, чтобы отстоять любимый наш город от варварского нашествия!

В этом поклялись комсомольцы, идущие на фронт.

В этом поклялись комсомольцы, работающие на заводах и фабриках.

В этом поклялись комсомольцы, сражающиеся в партизанских отрядах.

Мы знаем: отстаивая наш город, нанося удары по врагу, мы отстаиваем всю нашу землю от фашистской банды — наша земля священна.

...Землю,
которую
завоевал
и полуживую
выняньчил,
где с пулей встань,
с винтовкой
ложись,
где каплей
льешься с массами,—
с такой
землей
пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть!

Так сказал лучший поэт нашего времени — Владимир Маяковский.

И мы, ленинградские комсомольцы, бились и будем биться с ненавистным врагом до полного уничтожения гитлеровских разбойников, чтобы больше никому не было повадно даже мечтать о завоевании нашего города.

Мы выросли в городе, построенном Петром, завещавшим нам, потомкам, оберегать его детище, как зеницу ока. В жилах ленинградцев течет кровь могучих питерских пролетариев, поднявших знамя революционной борьбы в России. Мы воспитаны в революционных традициях партии Ленина — Сталина. И мы отдадим все свои силы, жизнь свою, чтобы разгромить коварного врага.

В этом клянутся ленинградские комсомольцы перед родиной-матерью, перед партией, перед отцом нашим — товарищем Сталиным.

В. САЯНОВ

ЛЕЙТЕНАНТ ПЕТР ХАРИТОНОВ

ПЕРВЫЙ ТАРАН

Комсомолец Петр Харитонов и его бывшие друзья Здоровцев и Жуков — первые участники отечественной войны, которым присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Харитонов — мастер тарана, самого геройского маневра воздушного боя. Он участвовал в нескольких воздушных боях, дважды таранил немецкие бомбардировщики, сбивал немецких стервятников над широким раздольем русских полей. После того, как он стал Героем Советского Союза, он был снова награжден орденом Ленина.

Тамбовский уроженец, годы юности он провел в Улан-Удэ и Чите. В Улан-Удэ он работал плотником. Комсомольцы аэродрома посоветовали ему сменить плотницкое ремесло на профессию летчика. Это было в 1938 году. Думал ли тогда Харитонов, что через три года его имя прогремит на весь Советский Союз?

Как принял Харитонов решение итти на первый таран? Ведь в то время, когда он таранил вражеский бомбардировщик, на таран решались еще немногие.

Я спросил его об этом. Харитонов ответил не сразу. Да, конечно, он помнил рассказы старых летчиков о том, как русские таранили немецкие самолеты еще в прошлую войну. Но главное все-таки было в другом. Все патроны были расстреляны, немец уходил. Еще немного — и скроется крылатое чудовище... А выпустить его Харитонов не мог. Он не мог пощадить врага. Выпустить немца было бы преступлением перед родиной. Когда в детстве Харитонов увидел впервые самолет, он решил, что летчики — люди с особенным сердцем. Эта мысль деревенского мальчика из тихой Тамбовщины подтверждалась теперь в грозном воздушном бою. Воздушный боец теперь жил только одним чувством — жаждой мести. Мысли о себе не было в эти минуты. Главное было сразить врага, уничтожить его, расплатиться с ним за все страдания родной земли.

Немец трусливо удирал. Харитонов ринулся за ним, пристроился на хвост. Немецкий стрелок отстреливался прямо через хвост. Винтом Харитонов рубанул по хвостовому оперению вражеского самолета. Немецкий самолет с отрубленным хвостом лететь уже не мог. Еще немного тянули моторы, но скоро он упал, врезался в лес и загорелся.

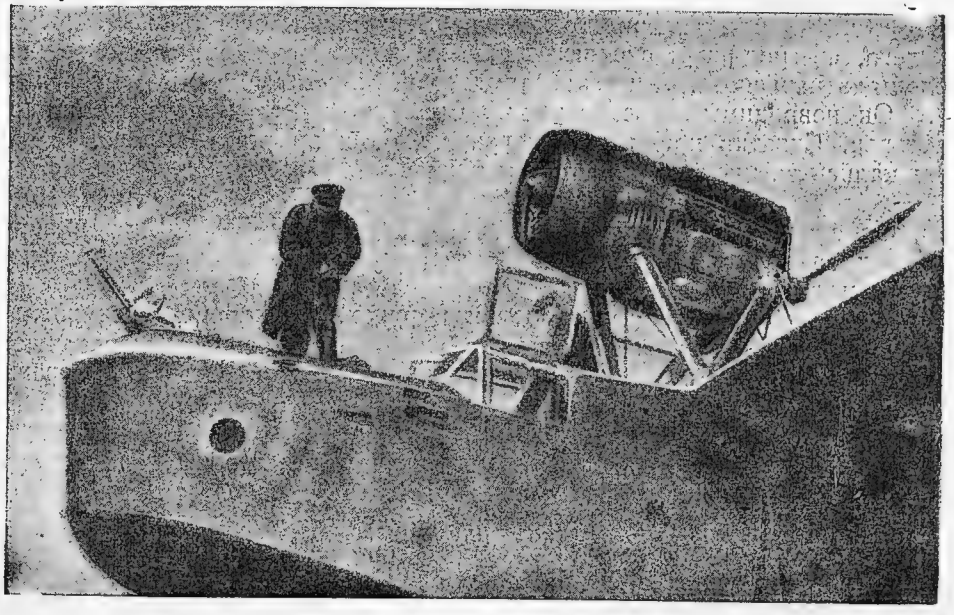
Самолет Харитонова сильно пострадал от тарана. Удар был очень силен — одна лопасть винта отлетела, вторая была исковеркана... Продолжать полет было невозможно.

Посадку Харитонов сделал благополучно, без единой царапины. Самолет удалось быстро починить. Товарищи поздравляли Харитонова, предсказывали высокую награду, но молодой летчик только скромно улыбался. На следующий день он снова был в небе.

Три немецких летчика из экипажа протаранного самолета сгорели, один был взят в плен. Пленный показал, что все четверо были награждены железными крестами за зверскую расправу с мирным населением западноевропейских городов. В самолете удалось найти уцелевшие от огня ценные документы. Полнота этой победы радовала Харитонова.

ВТОРОЙ ТАРАН

Лейтенант Иозица — комсомолец, как и Харитонов. Вместе дрались в небе, вместе сидели на аэродроме в долгие часы ожидания боя. Многое было переговорено за это время. Были уверены друг в друге, знали, что не подведет товарищ в пору смертельной схватки с врагом.



Мощный бомбардировщик морской авиации перед боевым вылетом.

Иозица и Харитонов только вдвоем оставались на маленьком аэродроме. День и ночь проводили они возле своих боевых машин. С утра погода была неважная, немца не ждали. Вдруг сообщили о появлении над ленинградским пригородом трех немецких бомбардировщиков.

Ястребки быстро взмыли в небо. Как только «Юнкерсы» увидели советские машины, сразу же ушли за облака, уклоняясь от боя.

Ястребки терпеливо ходили под облаками, поджидая врага.

Переждав некоторое время, «Юнкерсы» решили, что советские летчики ушли, и выскочили из облаков.

Ястребки сразу начали стрельбу. «Юнкерс», за которым гнался Харитонов, вскоре задымился. Его нужно было добить, и опять оказались расстреляны все патроны и осталось одно: второй таран.

Харитонов ринулся в погоню за немцем, хотел рубить хвостовое оперение. Воздушная струя от винта «Юнкерса» оттолкнула Харитонова. Таран не удавался, но Харитонов не прекращал погони. Он шел теперь носом на вражескую плоскость. Такой удар невыгоден, и Харитонов решил тогда рубануть плоскость «Юнкерса» своей плоскостью. Таран был стремителен и точен. Плоскость немецкого самолета отлетела. Немцы сразу выбросились на парашютах. Не даром прошел таран и для самолета Харитонова: машина потеряла управление. Ястребок начал падать. Пришлось Харитонову выброситься на парашюте.

В НЕБЕ ПЯТЬ ПАРАШЮТИСТОВ

В небе теперь было пять парашютов: четыре немца с протараненного самолета и Харитонов. Бой продолжался в другой обстановке. Немцы летели метров на сто повыше Харитонова. Они сверху стреляли в него. Он подтянул стропы, чтобы ускорить снижение и уменьшить площадь парашюта, — немцам труднее было бы тогда целиться в него.

Он невредимым достиг земли. Снял парашют и перезарядил револьвер. Схватка предстояла неравная: один против четырех... Немцы снижались за кустами. Харитонов приготовился к бою.

В эту минуту к нему на помощь пришел верный друг Иозица. Он снизился на своем ястребке до 50 метров над землей и зорко следил за немцами, хотевшими отомстить Харитонову за протараненный самолет.

Один немец полз с пистолетом в руках. Он хорошо маскировался в кустах, и Харитонов его не видел. Но от Иозицы, наблюдавшего за схваткой сверху, фашист не смог укрыться. Он был сразу сражен пулеметной очередью с самолета.

Харитонов посмотрел вверх, туда, где шел на бреющем полете ястребок верного друга. На время Харитонов перестал быть воздушным бойцом. Он дрался на земле. Нужно было добраться до овса: оттуда, укрывшись, легче будет вести перестрелку с немцами.

Пули свистели над головой. Одна рикошетом скользнула по груди. Харитонов упал. И, падая, он увидел наших бойцов, которые окружали немецких летчиков.

Молодой летчик Жуков атаковал на своем ястребке группу фашистских самолетов. Он знал, что воюют не числом, а уменьем. Победоносный бой он закончил тем, что заставил немецкого воздушного пирата пикировать в Псковское озеро. Комсомольцу Жукову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он получил его вместе со своими боевыми товарищами комсомольцами Здоровцевым и Харитоновым. То были три первых Героя великой отечественной войны.

РУКОПОЖАТИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Знакомый командир встретил Харитонова возле аэродрома. Все уже знали о втором харитоновском таране.

— Сбитых тобою немцев только что в штаб привели, — сказал командир.

Харитонов пошел в штаб.

В штабе увидел офицера с протараненного самолета — одного из тех, которые пытались расстрелять его сверху, когда он спускался на парашюте.

Немцу объяснили, что этот молодой летчик и есть тот самый смельчак, который протаранил «Юнкерс». Немец посмотрел на него удивленно, заискивающе улыбнулся.

— Хочешь что-нибудь у него спросить? — сказал командир, обращаясь к Харитонову.

— Как он себя чувствует?

Вопрос Харитонова перевели. Глаза немца заблестели, он поднялся со стула.

— Плохо. Но сбили вы нас очень красиво.

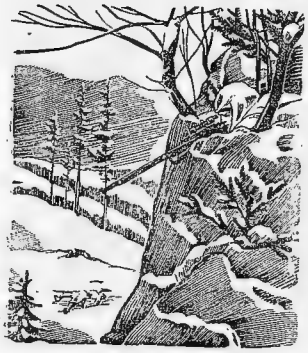
Немец вдруг подошел к Харитонову, протянул ему руку.

Харитонов с трудом стоял, — когда снижался, сильно ушиб ноги, и теперь ныли колени. С гадливостью посмотрел он на немца. Подать руку этому воздушному бандиту, убийце советских детей и женщин, стервятнику, громившему советские мирные города?!

— Руки я ему не подам, — громко сказал Харитонов.

Немец снова сел на стул, угрюмо нахмурил брови.

Рукопожатие не состоялось. Враг почувствовал, что его не только ненавидят, но и презирают.



Евг. ФЕДОРОВ

ПЧЕЛИНЦЕВ

Комсомолец, студент Горного института, Владимир Пчелинцев стал снайпером еще до войны. Искусство меткой стрельбы было его страстью. Он сделался стрелком первого класса. Бил без промаха, мастерски. Он стал художником меткой стрельбы. «Единожды бьет, да метко кладет!» говорили о нем товарищи.

Враг вероломно вторгся в пределы нашей родины.

В груди комсомольца билось сердце патриота. Двадцатидвухлетний студент вступил добровольцем в ряды Красной Армии. Попав в действующую часть, он обратился к командиру с горячей просьбой: он — снайпер, поэтому пусть разрешат ему действовать на переднем крае обороны.

Командир ласково, по-отечески посмотрел на энергичное, слегка загорелое лицо юноши и согласился.

Этот день для Пчелинцева остался памятным. 8 сентября моросил осенний дождь. Ветер рвал пожелтевшие листья и устилал ими окопчик, в котором притаился снайпер. Шли часы. Пчелинцев напряженно, терпеливо поджидал. Дождался. На тропочку с ведрами и автоматами в руках вышли два немца. Они трусливо оглядывались. Шли за водой.

«Спокойствие, выдержка! Поспешишь — людей насмешишь». Хладнокровно, спокойно Пчелинцев взял врага на мушку. Плавно нажал на спуск. Выстрел. Немец упал. Второй кинулся в сторону, но и тот не ушел от меткой пули снайпера. Две пули, смерть двух врагов — итог первого дня.

И так день за днем, терпение и выносливость брали свое. Молодой боец понимал — это подсказывал и опыт,— что в деле снайпера любая мелочь играет огромную роль. Он изучал влияние этих мелочей — направления ветра, освещения и сотен других — на меткую стрельбу и делился своим опытом с товарищами.

После выступления товарища Сталина комсомолец Пчелинцев ходил взволнованным и задумчивым. Он понял, что родина призывает к свято-

Зимой на Ленинградском фронте. Снайперы выходят на боевую позицию.

му делу — к истреблению всей фашистской нечисти, поганящей нашу землю. Не один снайпер нужен — нужны их сотни, тысячи. Нужно, чтобы каждый патриот умел метко бить врага в черное сердце.

Сержант Пчелинцев предложил командованию организовать при части школу снайперов. Это было очень ответственно, и Пчелинцев несколько робел, внося свое предложение. Но командир части поддержал инициативу комсомольца. Школа снайперов была организована. И вот Пчелинцев с увлечением открывает своим ученикам «секреты» снайперского искусства. Каждое положение он подкрепляет примером из своей практики. Красноармейцы-стрелки внимательно, затаив дыхание, слушают слова своего молодого учителя. Он умеет увлечь, зажечь своих слушателей. Он умеет воспитать в своих учениках выдержку, настойчивость в достижении цели, наблюдательность, заботливое отношение к оружию. Эти качества должны быть присущи снайперу. Без них — нет и снайпера.

Своих учеников он выводит на передний край обороны, и там они сдают ему зачеты. Они бьют по живым мишеням — по презренным фашистским захватчикам. Бьют метко, и в этой меткости сказывается хорошая школа.

А сам учитель, сам Пчелинцев — он тоже не пропускает и дня, чтобы не уничтожать врагов. Он делает свое дело снайпера-истребителя и одновременно продолжает учить других своему опыту. Он бе-

рется за перо. Он живо и увлекательно пишет заметки о своей профессии снайпера.

«Как я оборудовал снайперский пост» — эта статья — пособие для каждого стрелка. Вот что рассказывает в ней Пчелинцев:

«Я нашел заброшенный окоп под густыми ветвями елей, на берегу реки. Хорошая видимость кругом. Я вижу отлично противоположный берег, тропинки и кусты вправо и влево. Вижу все, а сам невидим.

Свой пост снайпера я оборудовал ночью. Прежде всего я сделал крепкое перекрытие, оставив впереди оконце для наблюдения. Место, где мне пришлось наблюдать, я углубил и стенки окопа обложил ветвями. Это защищает окоп от разрушения и предохраняет оружие от песка.

Из старой доски сделал подлокотник и упор, а также пару рогаток. На них кладу винтовку. Во время наблюдения пусть отдыхают руки.

Большое дело — маскировка. Особенно тщательно замаскировал я пост. Всюду насадил елочки, они заснежены. Перед амбразурой снег уплотнил, чтобы он не распылялся, не демаскировал меня».

Вперед, на запад! Перед решающей атакой города Юхнова. Снайпер Г. С. Порубов и боец Шарап Нургалиев метким огнем уничтожают фашистов на подступах к городу.

Казалось, все это мелочи. Но о них любовно и так увлекательно рассказывает Пчелинцев. Они очень важны для снайпера.

К тому времени, когда написаны эти строки, Пчелинцев истребил 152 немецких солдат и офицеров, среди них 14 фашистских снайперов.

Другие снайперы, друзья, знакомые и вовсе не знакомые, пишут снайперу-комсомольцу. Делятся своим опытом, рассказывают о деталях своего боевого героического ремесла. И успехам их Пчелинцев радуется, как своим.

7 февраля 1942 года радио принесло весть о присвоении сержанту комсомольцу Владимиру Николаевичу Пчелинцеву высокого звания Героя Советского Союза.

Спокойный, хладнокровный снайпер в этот раз взволнованно говорил:

— Я благодарю за высокую честь свой народ, товарища Сталина. Я даю слово — постоять за родину, пока бьется сердце в моей груди, пока руки держат винтовку. Я отомщу за кровь своих братьев, за слезы сестер наших немецкому чудовищу! Жестоко отомщу!

К. ФИЛАТОВА

ЧИЖИК

ЕЕ НЕ БРАЛИ НА ФРОНТ

Ей было шестнадцать лет и шесть месяцев, когда началась великая отечественная война. Молодые патриоты Ленинграда уходили на фронт. Юноши становились бойцами, девушки — дружинницами. И ее потянуло на фронт. Но вот беда: профессия у нее — парикмахер.

Раскрасневшаяся, стояла она перед полковником и ожидала, что он ответит на ее просьбу. И она услышала:

— На фронт? Нельзя. Мала. При первом выстреле заплачешь.

Больно ей было это слышать. Она старалась скрыть волнение, крепко стискивала зубы, чтобы не разрыдаться, но слезы все равно выдали ее.

— Ну вот, я же говорил... — сказал полковник.

А она все стояла и умоляющими глазами смотрела на полковника. Он смягчился.

Теперь она работает парикмахером в действующей армии. Ее имя Аня Дементьева. Но если вы захотите с ней познакомиться и начнете расспрашивать о ней у бойцов, называя ее по имени и фамилии, никто вам ничего не скажет.

— Что-то вроде нет такой у нас, — получите ответ.

Тогда вы объясните, что Аня — это та маленькая девушка, которая тут парикмахером. И боец скажет: «Так это ж Чижик, а не Аня!» И вам многое расскажут о Чижике.

ЧИЖИК БОЛЬШЕ НЕ ПЛАЧЕТ

Не только ласковая кличка закрепилась на фронте за Аней, но и слава смелой девушки.

Летели снаряды, рвались мины. Было ей очень страшно, когда она впервые попала под сильный огонь. Она упала в окоп. Пули свистели над головой. Комья земли ударяли в спину, в голову, и Чижику казалось, что она ранена.

«Но почему я не чувствую боли?» спрашивала она себя и осто-

рожно трогала спину, голову, чтобы уверить себя, что она жива и невредима. Первый испуг прошел. Чижик выглянула из окопа.

До нее донесся слабый стон. Не задумываясь, она бросилась к бойцу и забинтовала ему рану. И так, уже не обращая внимания на стрельбу, помогала раненым бойцам одному за другим. Маленькая, хрупкая, она переносила раненых в безопасное место и в этот день вынесла с поля боя восемнадцать раненых.

А в другом бою Чижик держалась храбро уже с первой минуты. Финны вели сильный огонь и мешали нашим войскам закрепиться на новых позициях. Некоторые бойцы дрогнули. Тогда Чижик поднялась и звонко крикнула:

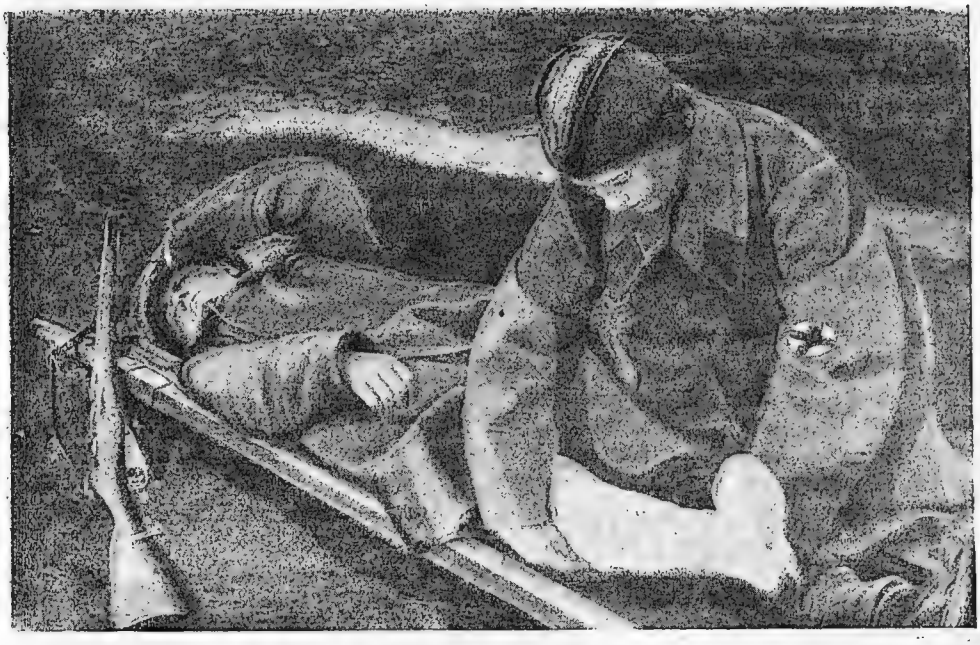
— Вперед, только вперед!

Бойцов поднял девичий возглас. Подоспевший комиссар повел часть в наступление. А когда рубежи были закреплены и стало спокойнее, комиссар ласково сказал Чижику:

— Молодец, девушка!

Через некоторое время стрельба началась снова. Чижик лежала в окопе вместе с пулеметчиком Мелеванчук. Он стрелял из пулемета, она — из самозарядки. Вдруг пулемет замолчал — кончились патроны. Чижик юркнула из окопа, проползла больше сотни метров и вернулась с дисками.

Восемьдесят раненых бойцов и командиров вынесла с поля сражения военфельдшер-гвардеец комсомолка Ольга Масличенко. В разгар боя бесстрашно пробирается она на передний край и под вражеским огнем перевязывает раненых бойцов.



Осенним вечером по улицам Ленинграда проходила маршевая колонна. Рядом с бойцами шагала женщина. Она провожала мужа на фронт. Колонна подошла к заставе Муж и командир уговаривали женщину вернуться. Но Клавдия Орлова, стахановка Дорстроя, пошла с бойцами на фронт. Муж ее был смертельно ранен. Клавдия Орлова осталась в части и самоотверженно продолжала выполнять благородную работу санитарки. Сорок трех раненых бойцов с их оружием вынесла она с поля боя.

Так держали они оборону больше трех часов, а белофинны все продолжали наседать. Девушка видела, как они приближались к окопам. Но ничем не выдала она волнения — лишь крепче сжимала винтовку. А когда показалось, что вот-вот финны ворвутся в окоп, тихо сказала пулеметчику:

— Если будет туго, живому не сдаваться. Одну гранату я оставляю для себя.

Подошло подкрепление, и последняя граната Чижика полетела во вражеский стан.

ЧИЖИК ЗВОНКО ПОЕТ

А после боев Чижик опять парикмахер. Ходит она из роты в роту, из землянки в землянку. В портфеле — бритва, машинка для стрижки, душистое мыло и складное зеркальце.

Мороз ли, метель — все равно торопливой походкой спешит Чижик к своим «клиентам», как она в шутку называет бойцов.

Дорогу замело, снег рассыпается под ногами, а Чижику все нипочем. Вылезет из сугроба, отряхнется и снова в путь. А до бое-

вого охранения добирается ползком. Замерзнет вся, нос покраснеет, а глаза попрежнему веселые, смешливые. И никто от нее никогда не слышал ни слова уныния. С песней «обрабатывает» она бойцов. Песенка «Парень кудрявый» — и от песни становится веселее на душе, светлеют лица бойцов.

Я познакомилась с Чижиком в землянке, которую она приспосабливала под парикмахерскую. Землянка выглядела неуютной, темной, пустой. Чижик решила ее благоустроить. За этой работой я и застала ее.

Она прилаживала листы бумаги, скрепляла их кнопками или склеивала. В землянке было холодно, пальцы коченели, но Чижик подует на руки и опять за склейку. Землянка понемногу светлела, принимала уютный, домашний вид. Только окна без занавесок портили общий вид «парикмахерской».

— Торчат, как дыры, — кивнув на темные окна, недовольно сказала она. И, подумав с минуту, добавила: — Сейчас я их приодену.

Ножницы быстро замелькали, и скоро незатейливый рисунок бумажных занавесок украсил землянку.

На другой день было «открытие» парикмахерской. И, право же, вид ее был такой, что все остались довольны.

— Совсем как в городе, — к радости Чижика, говорили бойцы.

Теперь часто поздним вечером в землянке светится огонек. Чижик не спит. Она стирает, утюжит белоснежные салфеточки — готовит дорожный чемодан для завтрашнего похода на передовые. Она идет туда улыбающаяся, такая близкая и родная всем.

Чижик — фронтовой парикмахер. Но Чижик, когда требуется, — смелый, отважный боец. И от имени наших советских девушек хочется громко сказать ей, родной:

— Будь всегда такой — самоотверженной, веселой, звонче пой, неугомонная девушка! Пусть боец, слушая тебя, вспомнит о своей младшей сестренке или о любимой девушке, о своих родных. И пусть за разлуку с близкими еще яростнее, смелее идет в атаку, беспощадно уничтожает ненавистного врага.

М. ЗИМЯНИН
Секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии

ЗА РОДНУЮ БЕЛОРУССИЮ

Они вторглись в Советскую Белоруссию вероломно и подло 22 июня 1941 года.

Армии профессиональных убийц и громил, выдрессированных бандитской кликой людоеда Гитлера, удалось, пользуясь внезапностью удара, превосходством в танках и самолетах, временно оккупировать белорусскую землю.

Разбойничий фашизм поработил, залил кровью всю Европу. И вот фашистские хищники ворвались в наш советский дом. Они шли истреблять и порабощать русских, украинцев, белоруссов, грузин, узбеков, казахов и все другие народы СССР. Они шли, чтобы уничтожить наш советский строй, обеспечивший счастливую, радостную жизнь равноправным братским народам Советского Союза.

Советская Белоруссия — равная среди равных в созвездии братских республик Советского Союза.

Счастье, свободу, процветание, государственность получил белорусский народ из рук великих Ленина и Сталина.

Под руководством партии большевиков построил он социалистическую экономику и культуру: мощную промышленность, новую энергетику, передовое колхозное сельское хозяйство, десятки вузов и тысячи школ, дворцы культуры и библиотеки. Скромный и трудолюбивый белорусский народ получил от советского правительства высшую награду за свою самоотверженную работу — орден Ленина.

Белорусской молодежи были открыты все пути: в государственный университет и на любой гигантский завод, в сельскохозяйственную академию и в библиотеки, хранящие миллионы книг, к штурвалу самолета и рулю трактора. Все сокровища культуры своей республики, вся великая культура русского народа и других народов Советского Союза — все это было открыто белорусской молодежи.

Что принесли немецко-фашистские оккупанты белорусскому народу, белорусской молодежи?

Уничтожение великого славянского народа, его культуры, искусства, традиций и обычаев входит в кровавую программу Гитлера. Там, где прошли гитлеровские полчища, все предано огню и мечу.

Крупнейшие города Белоруссии сожжены и уничтожены. В огне пожаров, от бомб, от пуль и ножа фашистских палачей погибли многие тысячи мирных людей — стариков, женщин, детей. Погибли в городах, селах и на дорогах, по которым они уходили в глубь страны, спасаясь от оккупантов.

Но это было только начало.

Следом за фашистской армией явились немецкие чиновники и гестаповцы — носители «нового порядка». Они привезли с собой давно изгнанных за пределы нашей родины помещиков и белобандитов. Они устанавливали свою власть — власть кнута и ружейного приклада. По программе немецких мерзавцев белоруссы, оставшиеся в живых, должны быть лишены всех прав, земли и домашних очагов и превращены в крепостных, рабов, которых можно покупать и продавать.

Истребление, порабощение и ограбление — это и есть чудовищный «новый порядок» фашистов.

Около года хозяйничают гитлеровцы в Белоруссии, и не осталось там ни одного села и деревни, где не было бы десятков и сотен замученных, расстрелянных, повешенных советских людей.

Трудно исчерпать до конца страшный список злодеяний гитлеровцев.

Двести пятьдесят колхозников Дрогичинского района Западной Белоруссии расстреляны из пулеметов в деревне Сенники. Вблизи Ельска, Полесской области, фашисты целую неделю продержали голодными на барже пятьсот женщин и детей, а потом вместе с баржей потопили в реке Припяти. В богатейшем в Белоруссии колхозе имени Белорусского военного округа, в Любаньском районе, старики и женщины были сожжены заживо; брошены в огонь и дети.

Самым изощренным жестокостям, самым гнусным издевательствам изверги подвергают самых беззащитных — женщин и детей.

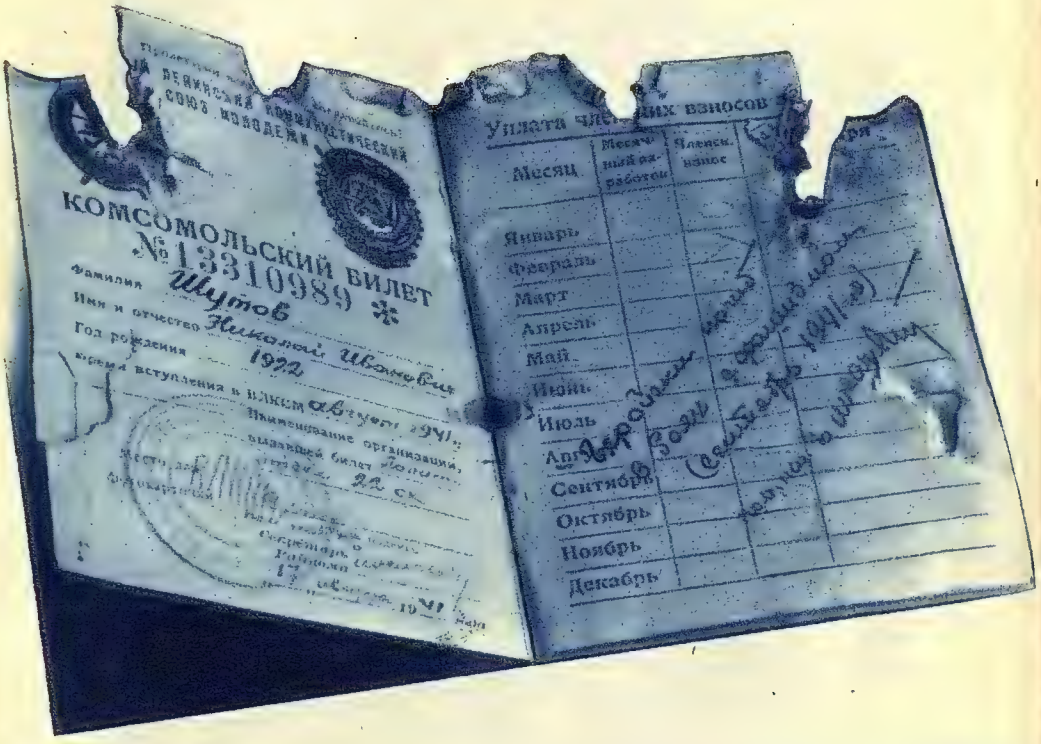
Деревня Нарки, Чериковского района. Тут были изнасилованы шесть женщин. Каждую насиловали десять-двенадцать фашистских зверей, потерявших человеческий облик. После этого женщин расстреляли.

Деревня Холмы, Климовичского района. Немцы схватили несколько 14—15-летних девочек, изнасиловали их в лесу, а потом убили, выкололов глаза, отрезав груди. Девушку-комсомолку разорвали на части, привязав ее к двум деревьям.

В Гомеле затащили в Ново-Белецкий лес восемь девушек-работниц, изнасиловали, затем расстреляли.

В деревне Костровка, Кричевского района, фашистский офицер с солдатами закололи штыками предварительно дочиста ограбленную колхозницу Дрегулину, бросили тело ее в погреб вместе с живыми детьми и погреб засыпали землей.

Фашисты разграбили и сожгли родное село Жени Савина. Со своим отцом ушел он в лес, в партизаны. Теперь Женя Савин- -отважный разведчик энской части.



Это билет девятнадцатилетнего комсомольца Николая Шутова. Осколок вражеской мины пробил его вместе с сердцем отважного воина.

Население города Турова истреблено почти поголовно. Город разграблен; грудных детей фашистские каратели бросали в Припять; наконец город расстреляли артиллерийским огнем.

А кровавые расправы с еврейским населением! Десять тысяч расстреляно в августе 1941 года в Пинске.

В Минске, по рассказам очевидцев, расстреляны десятки тысяч евреев, в Могилеве — до 24 тысяч, в Шклове — до 8 тысяч.

В Лельчицах, Полесской области, немцы собрали еврейских женщин и детвору — около восьмисот пятидесяти человек. Пятьдесят молодых девушек отогнали от толпы, изнасиловали в лесу, выкололи глаза, изуродовали и убили. Остальных — 800 человек — расстреляли из пулеметов. Детей закапывали живыми.

Особенно ярой ненавистью распаляются современные гунны при виде тех, кто носит на сердце комсомольский билет. В одном селе фашисты захватили десять девушек-комсомолок. Через какие муки им пришлось пройти! Зверское насилие, пытки, мучительная смерть. На теле их были вырезаны кресты. К обнаженным, изуродованным трупам был приставлен часовой. Так и лежали они целый месяц, вызывая в сердцах советских людей не страх, как того хотели немцы, но ненависть и гнев к презренным палачам.

Зверски расправляются фашистские изверги с семьями бойцов и командиров Красной Армии. В одной из сожженных деревень Белостокского района было вбито пять кольев, на них висели трупы пяти женщин. Они были чудовищно изуродованы—распоротые животы, разбитые головы. Рядом валялись трупы детей. Эти убитые были женами и детьми наших командиров.

Есть чудовищная методичность в кровавой «работе» гитлеровских сеятелей смерти. Оказывается, например, что они получили прямую директиву от берлинских заправил: уничтожить девять десятых белорусской молодежи.

Слушай, советская молодежь, что пишет один из погромщиков и убийц, полковник Зигермон, в своем «наставлении солдатам»: «Особенно безжалостно следует уничтожать молодежь, так как она свирепа в своей ненависти к немцам».

И они уничтожают.

В деревне Ловки, неподалеку от Бобруйска, фашисты зарыли живыми в землю шесть комсомольцев.

В Глусском районе немцы расстреляли комсомольца и вместе с ним его отца, старика-рабочего, а другого комсомольца повесили на проволоке.

Сотни тысяч трудящихся—и в первую очередь молодежь—загнаны в лагери для военнопленных, в трудовые и концентрационные лагери.

Там, огороженные колючей проволокой и охраняемые немецкими псами, томятся обреченные на гибель наши отцы, братья, товарищи, друзья. Немцы установили даже порядок (вот он, пресловутый «новый порядок»!), как содержать белоруссов в концлагерях, чем их кормить. Работать они должны пятнадцать, шестнадцать и больше часов в сутки. А питаться...

Даже мясо издохших лошадей в этих лагерях «деликатес». Заключенных кормят картофельной шелухой. Иногда вовсе не кормят.

Сон? Отдых? Для сна отведено четыре-пять часов. Четыре часа спят заключенные на голой земле, чтобы вновь работать — до полного изнеможения. А если человек заболеет? Фашистский врач установит, не симулирует ли больной, и, установив, что человек действительно болен, немцы увезут его из лагеря и расстреляют.

А оставшихся в живых, — их не только морят голодом, но стараются унижениями и издевательствами отравить ту жалкую пищу, которую им бросают. Воду заключенным подают в корыте, так что они должны пить ее, стоя на четвереньках. Страшную и характерную историю рассказывает гражданка Е., проведшая сорок пять дней в захваченной немцами Белоруссии. На земляную площадку, где за колючей проволокой долгие дни томились несколько десятков арестованных, немцы швырнули наконец немного сухарей. Голодные люди бросились к ним, но на площадку въехала немецкая танкетка. Своими гусеницами она вдавила в грязь рассыпанные сухари. Заключенные должны были есть крошево пополам с грязью.

Оккупанты ограбили и превратили в развалины многие наши города, дочиста ограбили белорусские деревни.

Но замыслы хищников идут еще дальше того, что они сделали. Им мало этого.

Бандитская газета «Фелькишер беобахтер» пишет: «Германские солдаты после войны получат землю на Востоке. Россия с ее крестьянскими поселениями, средними и мелкими городами особенно ждет прихода немецких солдат. Крестьянские хозяйства в размере 20—40 гектаров лягут в основу будущего землеустройства в восточных областях. Но наряду с этим будут созданы и дворы в 40—125 гектаров, а также построены бараки для батраков и пункты натурального снабжения».

Это программа разграбления земли белорусского народа, на которой он работал многие века. Это программа превращения миллионов белоруссов в рабочий скот немецких «господ».

Немецкие коменданты, эсэсовцы и гестаповцы — вот кого они поставили править Белоруссией. А кучка предателей, завербованных фашистами среди уголовного и кулацкого сброда и подобранных среди белогвардейского отребья, помогает своим немецким хозяевам в их черных делах.

Что они сделали с белорусской культурой? Те школы, что уцелели от огня и разрушений, немцы повсеместно превратили в публичные дома и конюшни. Как им приказал их кровавый фюрер, фашисты давно отбросили «предрассудок», именуемый совестью.

А с книгами у них давнишние счеты. Свой приход к власти в Германии они ознаменовали сожжением книг. В кострах на площадях Берлина, Гамбурга, Дрездена и других городов сгорели произведения ученых, философов, писателей, публицистов,— все то лучшее, чем гордилась дофашистская Германия.

Заняв наши города и села, фашисты вновь принялись истреблять ненавистную им культуру. Они разгромили в Минске крупнейшее многомиллионное книгохранилище библиотеки имени Ленина. Они хватали книги из частных квартир и жгли их. Они разрушили театры, дворцы пионеров.

В Гомеле они уничтожили все музеи и памятники старины. В селах Минской области представитель Геббельса приказал собрать и сжечь все буквари.

Они ненавидят нашу культуру, наши театры, обычаи, наши песни и пляски. Все это в белорусских городах, захваченных фашистами, запрещено под страхом пыток и расстрелов.

«Устранение большевистской заразы надо начинать среди молодежи», объявил фашистский «генеральный комиссар» Кубе, садист и завсегдатай публичных домов, орудующий в Белоруссии.

Девять десятых молодежи они хотят истребить, а от одной десятой, которую соизволят оставить в живых, требуют верности палачу белорусского народа, убийце наших матерей и детей — людоеду Гитлеру. Не добиться им этого!

Смерть немецким оккупантам!—вот священный лозунг белорусской молодежи, всего белорусского народа, как и всех народов Советского Союза.

МСТИТЕЛИ

Испепелены многие города и села Белоруссии, замучены многие тысячи сыновей и дочерей белорусского народа, преданы поруганию и истязаниям наши матери и сестры, но белорусский народ не стал рабом и не покорился врагу.

Со все возрастающей силой ведет белорусский народ беспощадную войну против фашистских поработителей. От озерной Витебщины до Пинских болот, от Беловежской и Налибокской пущ до Поднепровья полыхает эта неугасаемая священная война против гитлеровского зверья.

В рядах героической Красной Армии сражаются сыновья белорусского народа за великую советскую отчизну, за честь и свободу белорусского народа.

На всю великую Советскую страну, на весь мир прославлены имена лучших его сынов—Доватора и Гастелло, комсомольцев Смолячкова и Ковшарова, золотыми буквами вписаны эти имена в книгу нашей славы.

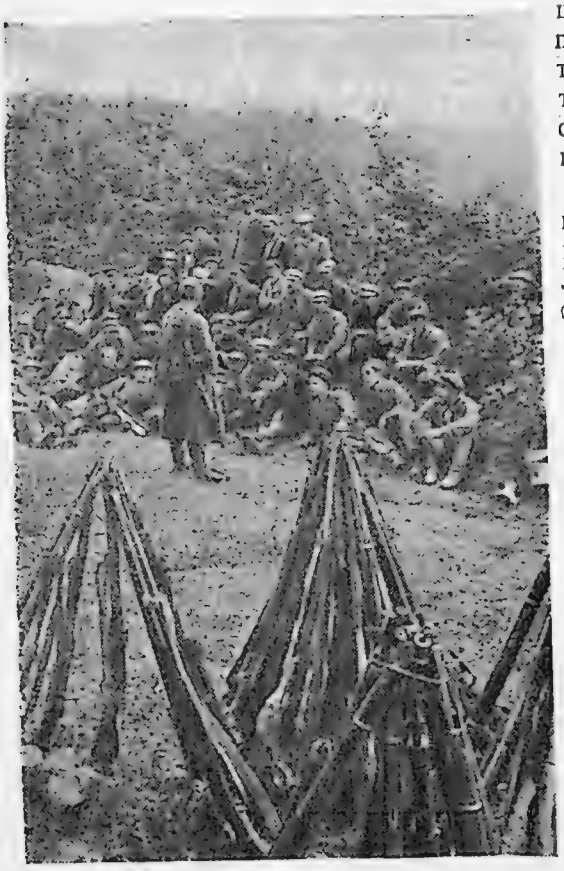
А каких замечательных героев-бойцов вырастил белорусский комсомол!

Двадцатидвухлетний комсомолец лейтенант Захар Алейников разбомбил вражескую танковую колонну. «Мессершмитты» атаковали его самолет. Он вступил в бой — один против шести. Рухнул «Мессершмитт», сбитый огнем Алейникова. Дважды раненный, он продолжал бой и вернулся на аэродром, полностью выполнив боевое задание. Он награжден орденом Ленина.

Самолет комсомольца лейтенанта Андрея Почетовского был подбит

зенитным снарядом, сам летчик тяжело ранен осколком в щеку. Но он не повернул обратно, не дрогнул. Он долетел до цели и сбросил бомбы на вражеские танки. Три стервятника устремились на поврежденный самолет Почетовского. И он принял бой. Он сбил вражеский истребитель и два других обратил в бегство. Он награжден орденом Ленина.

14 июля 1941 года орудия комсомольца лейтенанта Бородича, скрытно подтянутые на 15—20 метров к противнику, внезапным залпом уничтожили семь танков. И нашей дивизии был открыт свободный проход. А в другой раз Бородич расстрелял с пятидесяти метров три фашистских танка, расчистив дорогу нашему корпусу. Комсомолец Бородич награжден орденом Красного Знамени.



На кратком привале командир партизанского отряда товарищ Д. разъясняет партизанам боевую задачу.

Младший лейтенант комсомолец Иван Гурманов, вступивший во время разведки в бой с превосходящими силами противника, уничтоживший три танка и два отделения фашистских солдат, награжден орденом Красной Звезды.

Младший лейтенант комсомолец Вячеслав Шпилевский не бросил танка, когда кончилось горючее, и, оставшись один в поле, окруженный врагами, расстреливал фашистов из неподвижного танка. А потом, когда шесть танков со свастикой устремились на него, взорвал свою машину и сам с экипажем пробился к своим. Шпилевский награжден орденом Красного Знамени.

Многие сотни имен уже вошли в этот список славы белорусского комсомола.

Сыновья белорусского народа героически сражаются в Красной Армии на всех фронтах.

И где бы ни бились они с проклятым врагом, всюду бьются они за нашу общую великую родину — Советский Союз — и за свою родную Белоруссию.

Партизанская присяга.

Теперь враг под мощными истребительными ударами Красной Армии катится назад, бросая боевую технику, боеприпасы, устилая путь отхода — старый наполеоновский путь! — сотнями тысяч трупов своих солдат и офицеров.

Верный нашей великой социалистической родине, беззаветно преданный большевистской партии и товарищу Сталину, белорусский народ ни на минуту не прекращал борьбы за свою честь и свободу в тылу врага. Белоруссия для врага—это фронт в тылу, внутренний фронт.

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Так говорил товарищ Сталин 3 июля 1941 года. И белорусский народ следует призыву великого вождя. Белорусская земля горит под ногами захватчиков.

«Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат.

Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять

в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве ее оккупантов» (Сталин).

Белорусский народ неуклонно выполняет указания великого вождя.

На территории Белоруссии действуют сотни партизанских отрядов, которые неустанно истребляют живую силу врага, подрывают его коммуникации, взрывая железнодорожные пути, мосты, пуская под откос поезда, прерывая связь, поджигая склады боеприпасов и горючего, уничтожая автомашины, самолеты и другую боевую технику немцев.

Всенародное партизанское движение стало грозной силой; оно растет и ширится с каждым днем. Десятки тысяч народных мстителей с оружием в руках отстаивают свою землю, свои очаги, свою поруганную честь от презренных захватчиков. В белорусских лесах и болотах, в полях и степях, в селах и городах — всюду подстерегает немцев меткая партизанская пуля.

Партизаны воплощают в себе гнев и ненависть народа к фашистским оккупантам и мстят им во имя народа. Грозным приговором фашистским захватчикам звучат слова клятвы белорусских партизан:

«Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического белорусского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей белорусской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину. За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть! Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и своей жизни. Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в рабство коварному фашизму.

Если же по моей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру позорной смертью от руки своих товарищей».

И народные мстители свято держат партизанское слово.

Враг напуган гигантским размахом партизанского движения. Немцы боятся в одиночку или малыми группами двигаться по дорогам; они боятся лесов и болот, боятся останавливаться в деревнях.

Показания пленных, письма фашистских вояк, последние инструкции германского командования свидетельствуют, что фашистская армия живет в постоянном страхе перед партизанами. Характерны записи одного офицера — Фридриха Бишеле.

«В мрачную пустыню вступили мы на танках, — пишет он в своем дневнике.— Кругом ни одного человека, но всюду и везде, в лесах и болотах, носятся тени мстителей. Это партизаны. Неожиданно, будто вырастая из-под земли, они нападают на нас, рубят, режут и исчезают. Мстители преследуют нас на каждом шагу.

Проклятье! Никогда и нигде на войне мне не приходилось пережи-

На земле, временно захваченной гитлеровцами, бесстрашные комсомольцы, рискуя жизнью, ведут боевую работу. Они размножают листовки, несут в массы слово большевистской правды.

вать ничего подобного. С призраками лесов я не могу воевать. Сейчас я пишу дневник и с тревогой смотрю на заходящее солнце. Лучше не думать. Наступает ночь, и я чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени. И меня охватывает леденящий ужас».

Меткая партизанская пуля нашла черное сердце фашиста Бишеле. Он так и умер, скорчившись от леденящего ужаса перед грозной рукой народа-мстителя, народа-бойца.

Вот еще одно свидетельство врага. Это донесение командира танковой колонны майора Ф. Мельцера в штаб 18-й немецкой танковой дивизии, перехваченное нашей армией. «Ставлю в известность,— писал майор, — что многие в моей части высказывают в личных беседах друг с другом неудовольствие по поводу нехватки продовольствия. Ваше указание на необходимость добывать продовольствие на месте выполнить невозможно. Русское крестьянство, вопреки всем нашим предположениям, оказалось чрезвычайно фанатичным. Оно уничтожает все свое имущество. За последние шесть дней я потерял около двадцати своих лучших людей, посланных на автомашинах в расположенные вокруг нас села добывать продовольствие. Из двадцати трех солдат вернулись, и то ни с чем, только трое. Остальные, очевидно, убиты или захвачены в плен партизанами, которые не дают нам покоя ни днем, ни ночью. Настоятельно прошу о скорейшей присылке продовольствия. Желательно, чтобы транспорт сопровождался сильным охранением, иначе он неминуемо попадет в руки партизан. Ф. Мельцер».

Берлинское радио также очень встревожено размахом партизанского движения в оккупированных районах. Оно оповестило весь мир, что русские рабочие и крестьяне, видите ли, воюют не «по правилам»: они создают партизанские отряды и уничтожают немецких солдат, взрывают обозы с продовольствием и снаряжением, не дают покоя немецкой армии.

Немецкие варвары заговорили о правилах! Пусть они знают, что советский народ беспощаден в своем гневе и будет жестоко мстить за сожженные города и села, за поруганную честь наших женщин, за замученных детей и стариков.

Жестоко просчитались фашистские головорезы! Сплоченность нашего народа вокруг партии Ленина — Сталина, его воля, решимость бороться до полного уничтожения фашизма растут и крепнут с каждым днем.

А замечательная наша молодежь, ее передовой отряд — комсомол — борется в первых рядах с фашистскими захватчиками.

В партизанские отряды ушли лучшие сыны и дочери народа, воспитанники комсомола. И плечом к плечу с членами партии и комсомольцами героически сражается молодежь, не состоящая в комсомоле.

ОТРЯДЫ НЕУЛОВИМЫХ

Партизанский отряд народного героя товарища Бумажкова в боях против фашистских оккупантов уничтожил свыше 50 автомашин, десятки мотоциклов, 18 танков и бронемашин, сотни гитлеровских солдат и офицеров. Отряд этот отпочковал десятки партизанских групп, контролирующих дороги двух районов Белоруссии.

Командир отряда — партийный работник. Обладая большими связями с трудящимися своего района и большим общественным авторитетом, он с исключительной смелостью организует боевые операции. В них участвуют и многие колхозники, не входящие в отряд. Личное мужество и боевая сметка партизанского руководителя, беззаветная отвага бойцов создали отряду товарища Бумажкова славу далеко за пределами района.

Имя Бумажкова в Белоруссии стало легендарным. Ленинско-сталинский комсомол и партия большевиков воспитали Бумажкова, он — плоть от плоти нашего славного союза молодежи.

Отряд товарища Бумажкова возник, когда к району приближался озверелый враг. Много нашлось тогда в районе советских патриотов, стремившихся, не щадя своей жизни, защищать родину. Товарищ Бумажков возглавил их.

Он собрал всех их, коммунистов, комсомольцев, непартийных большевиков, вдохновляемых любовью к родине и жаждой мести, и стал руководителем партизанского отряда.

Забравшись в глубокий тыл фашистов, партизаны начали жестоко мстить врагам за пролитую ими кровь женщин и детей, за разрушенные наши города и села.

Знающие каждый кустик и холмик своей родной земли, окруженные тайными друзьями, мстители были неуловимы. Под носом у врага они уничтожали фашистские склады, портили телеграфную и телефонную связь, расстреливали живую силу противника.

Девять дней подряд фашистские варвары старались перейти через реку Б., но это не удавалось им. Глухой ночью, по приказу командира, коммунист П. и комсомолец Ф. взрывали мосты. И едва только враг начинал подготовку к очередному наступлению, партизаны, как вихрь, налетали на фашистов. Удар приходился именно в том месте, где враг меньше всего ожидал его. Отряд с честью выполнил возложенную на него задачу — он задержал фашистов до подхода регулярных частей Красной Армии.

Партизанам удалось узнать расположение штаба фашистской дивизии. Они донесли об этом командиру Н-ской части. Умелая и смелая разведка помогла окружить штаб. После короткой артиллерийской подготовки красноармейцы и партизаны бросились в атаку и разгромили фашистов. Во время этого замечательного штурма были захвачены ценные оперативные документы, 55 фашистских броне- и автомашин, 18 мотоциклов.

Однажды партизаны отряда товарища Бумажкова освободили десять замученных фашистскими извергами коммунистов, которых варвары готовились расстрелять. Нескольких товарищей изверги уже успели растерзать, несколько окровавленных трупов лежали на земле. В суровой тишине партизаны сняли шапки. За каждого товарища они убили потом десять фашистских каннибалов.

Так сражаются доблестные партизаны.

В партизанском отряде товарища Бумажкова есть боец-разведчик Ф. Он очень молод — ему всего девятнадцать лет, но он уже секретарь райкома комсомола. А разведчик он талантливый и бесстрашный.

Однажды он пробрался глухими тропами и болотами в расположение штаба фашистской дивизии и принес сведения, которые дали возможность партизанскому отряду и части Красной Армии, действовавшей в тылу врага, разгромить фашистский штаб.

Этому же товарищу Ф. пришлось быть проводником крупного воинского соединения, направленного командованием фронта в тыл немецко-фашистской армии. Товарищ Ф. с честью выполнил эту задачу. Он же служил проводником и при переходе этого соединения через линию фронта к своим. Ф. был ранен осколком снаряда. Товарищи думали, что он убит. Очнувшись через сутки, окровавленный и обессиленный, он пополз к ближайшей деревне. Старуха-колхозница приютила, выходила его, и отважный разведчик вновь вернулся в лагерь партизан и взялся за оружие.

Велики подвиги партизанских отрядов.

Не так давно один партизанский отряд лихим налетом захватил города С. и П. Фашистские гарнизоны были уничтожены, склады боеприпасов взорваны.

Другой партизанский отряд ворвался на аэродром, уничтожил охрану, сжег несколько самолетов, взорвал склад горючего.

Некоторые отряды начинают борьбу с очень скудным вооружением: дробовиками, вилами, топорами. В первых же схватках эти отряды добывают фашистские автоматы, пулеметы, гранаты. Фашистское оружие оборачивается против фашистов.

Власть гитлеровцев в захваченных районах распространяется только там, где у них сосредоточены крупные силы, где патрулируют танки. Чуть свернет фашист с дороги в сторону, в лес, в поле — везде его стережет смерть.

Сметка и инициатива, которые, как говорит наш великий вождь товарищ Сталин, всегда были свойственны нашему народу, особенно ярко проявляются в жестокой войне с фашистскими извергами.

Десятки немецких танков гибнут на лесных дорогах. В самых неожиданных местах им преграждают путь завалы из вековых деревьев. Многие дороги минируются. В кустах, в высокой траве летом, в снежных сугробах зимой фашистов подстерегают партизаны. Они забрасывают немецкие машины бутылками и горящим бензином, истребляют ружейным огнем и гранатами каждого, кто попытается выскочить из пылающего танка.

Стремительность, смелость и хитрость партизан неистощимы. Вот рассказ молодого белорусского партизана Димитрия Ш.:

«Через разведчика мы узнали, что в селе Б. собираются ночевать мотоциклисты. Что ж, думаем, устроим приятный ночлег! Вечерком я с партизаном Захаром Максимычем пришел к селу. Пустились на хитрость, спрятали оружие и стали дожидаться темноты. Фашисты распо-

Партизаны у костра.

ложились на ночлег, выставив дозоры. А мы лежим под телегами и вроде как бы тоже спим».

Ночлег для мотоциклистов оказался настолько «приятным», что не многие из них проснулись на другой день.

В каждом белорусском селе у партизан есть друзья. В районе О. к партизанам пришел глубокий старик колхозник М. и сказал: «Я стар воевать, но могу оказать помощь как проводник. В этих местах я прожил всю жизнь и хорошо знаю каждую тропинку, каждый кустик».

Колхозники села С. доставили партизанскому отряду молодую картошку, ягоды и предложили выпекать для отряда хлеб.

Боевой опыт партизан увеличивается с каждым днем. Отряды действуют все смелей, все решительней.

Отряд, руководимый товарищем М., сбил фашистский самолет «Ю-88». Партизаны сняли авиационный пулемет и теперь расстреливают из него охрану фашистских обозов. Этот же отряд взорвал фашистскую бронемашину, уничтожил два мотоцикла и поджег несколько бочек с бензином.

За короткое время отряд товарища Т. уничтожил 12 четырехтонных автомашин с бензином, танк, легковую машину и 9 мотоциклов. Оружием у партизан были бутылки с горючей смесью и гранаты. Подстрелив сорок немецких солдат, партизаны захватили их автоматы. «Разбогатели», говорит товарищ Т.

В поселок Н. ворвались сорок фашистских разбойников, которые начали требовать от жителей различных продуктов. После грабежа и издевательств над населением фашистские людоеды поставили свои машины возле дома колхозницы Марии, а сами сели завтракать. Мария следила за каждым движением фашистов, она точно подсчитала мотоциклы, число немецких солдат, потом незаметно ушла в лес к партизанам (они были неподалеку), рассказала им обо всем. И партизаны немедленно окружили поселок и врасплох захватили фашистов. Не удалось им позавтракать награбленным! С помощью жителей поселка партизанский отряд уничтожил тридцать восемь немецких солдат и двух офицеров. Партизанам достались 18 исправных мотоциклов и пулеметы врага.

В результате действий наших партизан немцы недосчитываются нескольких дивизионных и полковых штабов.

ФРОНТ В ТЫЛУ ГЕРМАНСКИХ ФАШИСТОВ

Среди партизан-комсомольцев есть многие, чьи имена произносятся в народе с восторгом и глубочайшим уважением. Все в Белоруссии знают комсомолку-партизанку А.

Она — секретарь Н-ского райкома комсомола. Энергичная, боевая, она всегда уделяла большое внимание оборонной работе среди молодежи. Комсомольцы Н-ского района старательно изучали стрелковое и санитарное дело, учились далеко метать гранату, были ловкими спортсменами. Когда разразилась война, они все, как один, выступили на защиту советской отчизны.

Одни были призваны в Красную Армию, другие стали нести службу в тылу, охраняя фабрики, мосты, станции, государственное имущество.

В райком приходили сотни юношей, требуя отправить их на фронт сражаться против озверелых псов-фашистов.

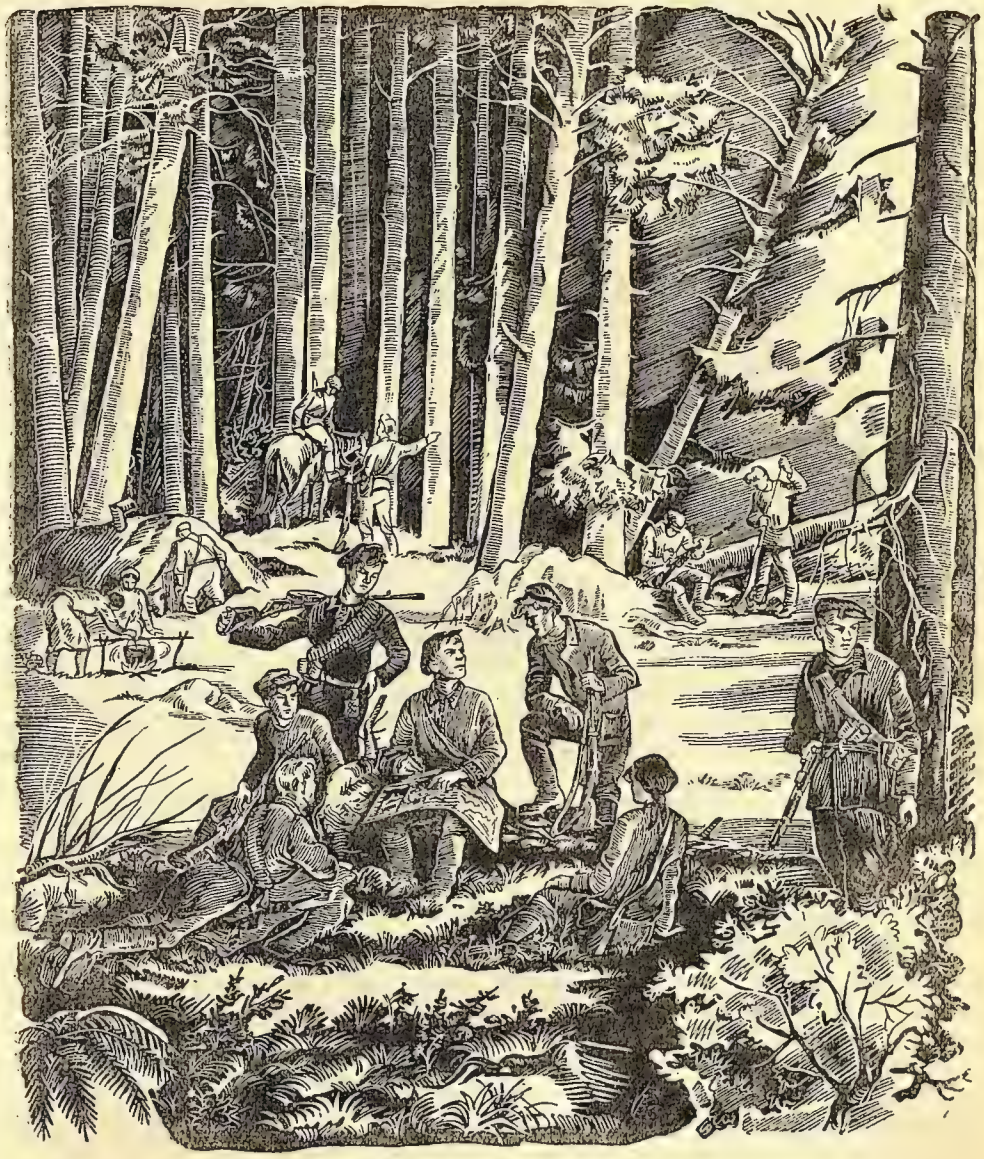
И вот тут А. увидела, каких замечательных комсомольцев вырастила Н-ская районная организация.

— Храбро бейтесь, ребята, жизни не щадите для победы над подлым врагом,— напутствовала она комсомольцев.

Война разгоралась. Фронт приближался к Н-скому району. Стали прибывать раненые советские бойцы. А. вместе с другими комсомолками помогает организовать госпиталь и несет благородную службу сестры. Внимательно и заботливо ухаживает она за каждым раненым бойцом; ее участливое слово ободряет раненых, вливает в них новые силы.

Но вот сражения разгорелись в самом Н-ском районе. Госпиталь переводят в другое место. А. остается работать в своем районе. Она теперь в партизанском отряде.

Комсомольцы отряда избирают А. секретарем комсомольской организации. Комсомольцы знают, что она всегда была примером для всех. Так и теперь. Отважная, она всегда впереди, она презирает смерть, она готова выполнить любое боевое задание.



Партизанский край. Лагерь в лесу

Пешком, на коне, по болотам и лесам ходит она в разведку. Глаз у нее зоркий, память прекрасная и отвага комсомольская. Первое боевое крещение товарищ А. получила в бою под местечком М. То был тяжелый и упорный бой, но каждый партизан бился за пятерых. Много немецких солдат уложила своими меткими пулями комсомолка А.

Среди молодежи, среди комсомольцев района партизанский отряд нашел прекрасных помощников и разведчиков. Зная обстановку по всему району, отряд истребил несколько карательных отрядов, всю гитлеровскую «администрацию». Фашисты были вынуждены бросить против отряда регулярные части. Но отряд ушел от преследования и снова продолжал борьбу.

Много раз товарищ А., комсомольский руководитель района, выполняла сложные и ответственные поручения командования отряда. Отвага и большое личное обаяние скромной белорусской девушки, чуткость товарища и качества комсомольского организатора превратили молодую партизанку в героя освободительной войны белорусского народа. Правительство отметило ее высокой наградой за боевые подвиги.

Честь и слава комсомолке-партизанке!

Враг не сломил, не уничтожил комсомольские организации Белоруссии. Под руководством коммунистической партии, под руководством ЦК белорусского комсомола они продолжают свою работу. Но теперь это боевая работа, беспощадная борьба насмерть с оккупантами.

Когда приближался враг, многие комсомольские организации принимали решение целиком уйти в партизаны. И брали в руки оружие все — от руководителей до рядовых комсомольцев.

Секретарь Н-ского горкома комсомола товарищ Б. сейчас в отряде товарища К. Партизаны этого отряда насчитывают уже десятки успешных схваток с немцами.

Чрезвычайное мужество проявил партизан-комсомолец К. Он организовал паромную переправу в деревню М. Когда ему пришлось вступить в бой с фашистами, он ранил офицера и под пулеметным огнем переплыл вместе с ним реку. Офицера со всеми документами он доставил в войсковую часть.

Разведка для партизанского отряда, так же как и для частей Красной Армии, имеет первостепенное значение. В партизанских отрядах в разведку выделяются люди, хорошо знающие местность, имеющие связи в окрестных селах, колхозах, городах.

О разведчике Ф. из отряда Б. мы говорили. Но таких, как Ф., сотни.

Много раз ходил в разведку партизан Володя К., и сведения, доставляемые им, всегда были точны и приносили огромную пользу.

По горло в воде, прячась между моховыми кочками, забрался он в расположение крупных немецких частей, высмотрел входы и выходы и ползком добрался до своего партизанского отряда.

Ночью он привел отряд к месту, где находились немцы. Немецкие части были разгромлены и уничтожены. Десятерых фашистов Володя К. уложил сам.

Слава о самоотверженной работе К. дошла до Н-ского подразделения Красной Армии. И вот, когда предстояло выполнить нелегкую задачу — разведать расположение сил противника в местечке Н., выбор пал на К.

Лесными тропами, тщательно маскируясь, не выдавая себя ни малейшим шорохом, идет комсомолец К. в разведку. Его сердце бьется ровно — мужественное сердце молодого советского патриота. Опасный путь долог. Только темной ночью добрался К. до реки. Отличный спортсмен, он быстро переплыл реку — и дальше в путь. Вот наконец и самое местечко Н. Разведчик ползет между огородными грядами медленно, вплотную прижимаясь к земле: выдашь себя неосторожным движением — и весь долгий путь пропал даром. Храбрый разведчик у цели. Он в логове у зверя — в лагере фашистов. Он все видит, все запоминает, замечает размещение вражеских сил, набрасывает схему и отправляется в обратный, такой же опасный и тяжелый путь: ползком между грядами, осторожный шаг на тропках, чтобы не услышали вражеские часовые, как хрустнет веточка.

К. вернулся в Н-скую часть. Он передал командованию добытые сведения. Пользуясь ими, Н-ская часть внезапно напала на врага, разгромила и уничтожила его.

В лесах центральной части Белоруссии больше полугода действует партизанский отряд секретаря райкома комсомола К. В этом отряде — совсем молодые ребята. Товарищ К. тоже собрал их в дни немецкого наступления, сплотил в боевой отряд и с ними ушел в леса. Сначала партизаны истребляли мелкие группы фашистов. Рос боевой опыт партизан. Прибавлялось оружия. И вот отряд стал совершать дерзкие налеты на большую шоссейную магистраль и добился того, что вовсе прервал движение по ней: мосты взорваны, заминированы целые участки. Немцы и не пытались проникнуть в леса, где базируется отряд товарища К., — знают, мерзавцы, что отряда не найдут, а головы сложат.

Так борется белорусская молодежь. Так, вместе со всем народом наносит удар за ударом, не дает подлому врагу покоя ни ночью, ни днем комсомол Белоруссии, преданный своей родине, безгранично преданный партии Ленина — Сталина.

БОЕВЫЕ ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

Как живут наши братья, наши товарищи в глубоком фашистском тылу, доблестные молодые партизаны Белоруссии?

Вот выдержки из интереснейшего документа — дневника комиссара партизанского отряда, секретаря Л-кого райкома комсомола товарища Э.:

«1 июля 1941 года. Сегодня двенадцать наших комсомольцев ушли добровольцами в армию. Счастливого пути, ребята! Бейте немецкую сволочь!

Поздним вечером в райком из далекого колхоза явились два юноши.

Белокурый, совсем еще молоденький парнишка робко подошел к столу и подал письмо.

— От отца,— сказал он.— Мы два брата.

Я распечатал конверт. Вот что я прочел:

«Дорогие товарищи! Я воевал с немцами и в империалистическую, и в гражданскую. Выгнали мы их, проклятых, с нашей земли. И теперь, когда немецкие собаки снова идут на нас, опять будут они биты, звери лютые, враги наши заклятые. Есть у меня два сына: Дмитрий — старший и Василий — младший. Оба они — комсомольцы. С отцовским благословением посылаю их в армию. Хотя и молоды они, но хорошие охотники. Стрелять их научил метко, пусть теперь бьют немецких зверей. Прошу не отказать в просьбе старого партизана — послать их на фронт. А если я понадоблюсь, так вы клич дайте.

С поклоном
Степан Рябченко».

— Хотите в армию, ребята?

— Хотим!— ответили они в один голос.

Братья рассказали, что мать их давно умерла. Старик растил их с любовью и с мужской суровостью и, видимо, гордился ими, охотниками, известными в Полесье, лихими кавалеристами. А теперь обоих своих сыновей отослал в армию и остался совсем один.

Как же не победить нам, когда многие тысячи у нас таких людей, как Степан Рябченко!

3 июля 1941 года. Большая радость. Рано утром — выступление по радио товарища Сталина. Сколько сил, веры, бодрости вливают простые слова любимого Сталина! Сразу созвали бюро. Решили по-военному выполнять все указания товарища Сталина. Создаем партизанский отряд. Посоветовались в райкоме партии. Нас поддерживают. Приступили к делу.

Вечером ребята привели немецкого парашютиста. Диверсант спущен для взрыва дорог. Отправили его к командованию части. Всю ночь думали о партизанском отряде, хлопотали об оружии. Сегодня записалось в отряд пятнадцать человек.

4 июля 1941 года. Отпечатали доклад товарища Сталина. Вечером из Л. выехали двенадцать агитаторов в села. Им дано задание прочесть доклад вождя среди молодежи. Сегодня в партизанский отряд записались две девушки. Мы им много говорили о трудностях. Ни в какую — записывайте и только! Пришлось уступить.

5 июля 1941 года. Ночью верховой гонец из деревни Г. привез записку от секретаря колхозной комсомольской организации. Пять молодых колхозников хотят итти в партизанский отряд. На каждого характеристика — ребята, видно, боевые. Ответили кратко: пусть приезжают.

6 июля 1941 года. Немцы наступают. Тревожно. Над нами летают

Герой Советского Союза, танкист, старший лейтенант комсомолец Николай Козлов.

Много раз водил в атаку на врага свой тяжелый танк танкист орденоносец Мамед Атакурбанов и всегда возвращался с победой. Меткими выстрелами и стальными гусеницами он истребил десятки немецких оккупантов.

почти каждый день немецкие самолеты. Сегодня с бреющего полета расстреляли колхозниц, работающих в поле.

7 июля 1941 года. Сколько буду жить, никогда не забуду этого дня! Сегодня пришел в райком комсомола Степан Алексеевич Рябченко. Немного суровый, сгорбленный годами, потемневшее лицо изрыто морщинами, седой, голос могучий. Спросил:

— Ребят отправили?

— Да, уже уехали. Подучатся и будут воевать.

Старик помолчал. Он не сел, а все ходил по комнате. Наконец остановился, круто подошел к столу. Заговорил глухо:

— Осиротел. Все эти ночи не спал, как ушли. Не по правилам я поступил. Идите, дескать, воюйте, а сам тут остался. Совесть щемит. Всем нужно было ехать вместе. Сколько я их перебил, этих немцев! Всю империалистическую в окопах, потом в Красной Армии... Вместе бы мне с сынами сподручней.

Потом тоном, не допускающим возражений:

— Посылайте и меня. Трое охотников — во́ какая сила. Зверя обойдем бывало с трех сторон, ему и податься некуда, так и пристрелим. А немец — не зверь? Зверь, дикий, опасный. Посылайте в армию! Я сыновей плечом буду подпирать. Всем своим родом на немца двинемся.

В райкоме было человек десять комсомольцев-партизан. Все они жадно слушали старика, и были его слова для нас, молодых, у которых боевое крещение еще впереди, как бы священным отцовским благословением, путевкой на борьбу.

8 июля 1941 года. В райкоме — вооруженные люди. Занимается военный кружок — изучаем винтовку, вечером стреляли из боевых; пока еще результаты неважные, но есть и отличные стрелки.

9 июля 1941 года. Метали гранаты, днем разобрали и собрали винтовку. Опять боевая стрельба.

Из района вернулись агитаторы. Сообщили о военной работе. Каждый комсомолец — боец. Все овладевают военным искусством.

10 июля 1941 года. Немцы всё приближаются. Парашютистов стали сбрасывать группами по три-пять человек. Вылавливаем. Наши комсомольцы, молодежь — молодцы, уже более двадцати немцев попало к нам в плен. Установили охрану по району; комсомольцы охраняют дороги, мосты.

11 июля 1941 года. Стреляли из боевых. Изучали карту района.

12 июля 1941 года. Приняли шесть молодых колхозников в комсомол. Все они были на бюро, хорошие ребята.

13 июля 1941 года. Сегодня вновь с бреющего полета немцы расстреливали наше мирное население. Убили тридцать шесть женщин, пятерых детей. Сволочи!

15 июля 1941 года. Собрание партизанского отряда. Нас семьдесят человек. Создали команду пулеметчиков, готовим двадцать человек.

18 июля 1941 года. На бюро райкома приняли пятнадцать человек в комсомол.

20 июля 1941 года. Через Л. проходили беженцы — женщины с детьми, старики, девушки. Сердце сжимается от боли. Как тяжело слушать речи обездоленных людей, потерявших родной кров, покинувших свои родимые места! У памятника Ленину собралась группа наших женщин. Они окружили старуху-беженку и слушали ее рассказ.

— Бабоньки, бабоньки, что они делают, ироды проклятые! Девчат силком в лес волокут, а кого уволокут, для того тропа зарастает обратно в деревню. Села жгут, от огня ночь кажется днем. Детей, изверги, в огонь кидают. Сама видела, бабоньки.

Помолчала, перекрестилась и добавила:

— Вот вам хрест, собственными глазами...

1 августа 1941 года. В нашем партизанском отряде сто двадцать человек, половина из них — молодежь. Все вооружены винтовками, много патронов, гранат. Все еще нет пулеметов, хотя наши пулеметчики закончили теоретическую учебу.

Немцы приближаются. Бои идут уже на территории Полесской области.

15 августа 1941 года. Отряд растет. Сегодня у нас сто пятьдесят человек. Идут жестокие бои на землях Полесья.

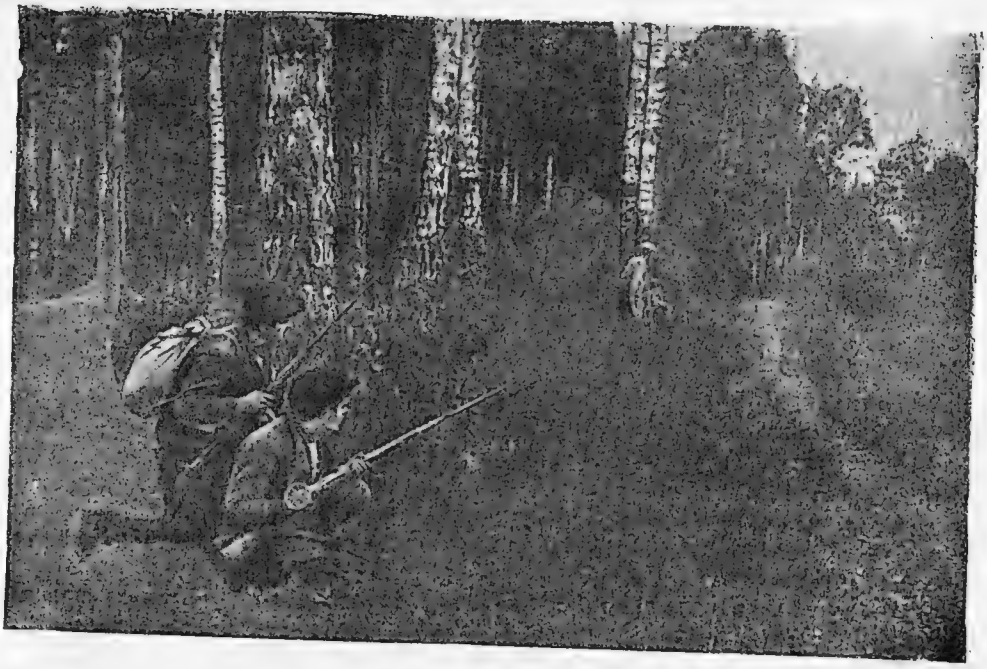
16 августа 1941 года. Нашему отряду прислали 10 станковых пулеметов. Это грозное вооружение.

18 августа 1941 года. В нашем партизанском отряде Степан Алексеевич Рябченко. Оказывается, он отлично знает пулемет. Привел с собой двух стариков-колхозников, своих друзей и однолеток.

Конец августа. Вся территория Полесской области занята немцами. Только в одном Л-ком районе продолжает существовать советская власть. Наш партизанский отряд не впустил к себе немцев. Мы взорвали большой мост, соединяющий районный центр с деревней С., взорвали мосты и греблю, перерезав немцам дорогу из оккупированного Т. района. Всего было взорвано тринадцать мостов. Живем боевой жизнью.

1 сентября 1941 года. Разведка донесла, что в деревне В. (Западная Украина) немцы создали вооруженную банду из кулаков и уголовников. Эта банда несколько раз пыталась ворваться в деревню Г. нашего района. Командование партизанского отряда приняло решение — уничтожить банду. Ночью мы вошли в В., уничтожили одиннадцать бандитов, сожгли штаб банды и рассеяли ее остатки. Взяли в плен немецкого коменданта. Вел себя нагло. На допросе заявил: «Здавайтя плен, партизан, Москва уже Гитлер». Потом стал, как шелковый. Рассказал о планах немецкого командования. Фашисты сильно встревожены существованием советской власти в большом районе, который целиком окружен немецкими войсками!

3 сентября 1941 года. Немцы бросили против нас триста отборных головорезов, вооруженных минометами, пулеметами и автоматами. О том, что это готовится, мы уже знали от немецкого пленного коменданта. Врасплох нас не застали. Фашисты пытались переправиться через реку, но натолкнулись на пулеметную засаду нашего отряда. Тридцать пять фашистов убиты. Мы держались всю ночь.



Ни минуты покоя врагу! Партизаны в засаде возле дороги, по которой должен пройти фашистский обоз.

4 сентября 1941 года. Рано утром разгорелся большой бой. Фашисты бросили новые силы. Открыла огонь их артиллерия. Немцы хотели окружить нас, но не удалось. Мы отступили в полном порядке, не потеряв ни одного партизана.

5 сентября 1941 года. Сейчас наш лагерь — в лесу, между деревнями Д. и Ш. Подводим итоги вчерашнего дня, нашего первого большого сражения. В бою участвовал весь наш отряд. Немцы обстреливали из орудий и минометов пулемет командира нашего пулеметного отделения, члена партии, товарища Б. Осколок снаряда попал в щит. Б. перетащил пулемет на новое место и продолжал вести огонь по фашистам. Храбро вел себя комсомолец Р. Под огнем фашистов он подносил пулеметные ленты. Когда у одного из пулеметчиков отказал пулемет, Р. исправил его и сам повел огонь по наступающим фашистам. Комсомолец пробрался поближе к немцам, влез на высокий дуб и оттуда бил их из автомата.

Мы вынуждены были отступить и оставить поселок только потому, что у нас иссякли запасы патронов, а немцы всё подтягивали и подтягивали силы.

6 сентября 1941 года. Фашисты устроили в поселке дикую кровавую расправу. Восемьсот человек согнали во двор НКВД и по группам расстреляли их. Отобрали пятьдесят молодых девушек, погнали их в

лес и изнасиловали. Нам об этом донесла разведка. У всех одно настроение — отомстить.

7 сентября 1941 года. В нашем городке оказались предатели. Бывший техник колхоза, жулик и проходимец Прохоренко, долго скрывавшийся от органов розыска, помогает немцам устраивать погромы, выдает советских людей. Мерзавец предал семью Горелика — директора нашей МТС. Прохоренко вместе с другим гитлеровским агентом Вырвеч привел в дом Горелика фашистов, и те убили отца, мать и сестру товарища Горелика. А третий предатель — бывший кулак и гетмановец Василий Леховец.

Мы запомнили их имена и их черные дела. Смерть пособникам врага!

8 сентября 1941 года. Степан Рябченко ходил в разведку со своим другом — стариком-колхозником.

У нас все готово к наступлению. Фашисты в Л. нервничают: наши леса и партизаны пугают их.

9 сентября 1941 года. Наступление — с утра. Мы подготовились хорошо. Фашисты оказали слабое сопротивление. Имя партизан приводит их в ужас.

Мы вошли в городской поселок и восстановили советскую власть. Начали очищать район. Один партизанский взвод послали в деревню Б., в 20 километрах от районного центра.

Предатели бежали. Удалось поймать только Василия Леховец. Сегодня вынесен приговор — расстрелять.

11 сентября 1941 года. Итак, у нас, «в глубоком тылу» врага, продолжает существовать советская власть. Работают советские учреждения, молодежь поет советские песни, торгует колхозный рынок, в кино идут советские картины. По радио слушали родную Москву. В районе проходят комсомольские собрания. К нам в райком поступают донесения. Комсомольцы колхоза «Пятнадцатилетие Октября» выловили четырнадцать немцев и их агентов. Все они доставлены к нам. С фашистскими лазутчиками и прихвостнями расправа коротка.

22 сентября 1941 года. Внезапный налет фашистов из деревни К. Житомирской области на взвод наших партизан, который находился в деревне Б. Командир партизанского взвода товарищ Б. успел по телефону сказать нам о налете немецких бандитов и просил подкрепления.

Фашисты подошли к поселку ночью и, не видя никого, открыли стрельбу из всех автоматов. Пулеметчик Михайловский, скрытно наблюдавший за врагами, подпустил их ближе. С расстояния в двести шагов он начал их косить из пулемета. Две фашистские атаки отбил Михайловский. Но кольцо вокруг поселка все время сжималось. Командир партизанского взвода принял решение: прорваться к нам. Михайловский сдерживал натиск озверелых немцев. Его окружили. Когда замолк его пулемет, он расстреливал немцев из нагана, пока оставались патроны. Потом бросился на немецкого солдата и раскроил ему голову рукояткой нагана. Одновременно несколько пуль попали в Михайловского. Он упал мертвым.

В это время на помощь взводу подоспели партизаны из Т. и наша машина с двумя станковыми пулеметами. Все это было для фашистов неожиданностью — они сами попали в окружение.

Десятки фашистов-головорезов легли мертвыми. Собакам — собачья смерть!

Фашисты наступают и на другие поселки нашего района. Ночью взлетели ракеты. Разведка донесла, что движутся большие силы немцев.

Мы приняли решение — оставить поселок и уйти в лес. Ушли ночью. Теперь наш лагерь расположился в лесу, между деревнями Ч. и В.

23 сентября 1941 года. С военными почестями похоронили погибшего в бою нашего славного партизана — шофера Романа Рудинского. Над гробом товарища поклялись отомстить.

Двое наших ранено — помощник шофера В. и начальник снабжения партизанского отряда Б.

Разведка донесла, что немецкое командование приняло решение — во что бы то ни стало уничтожить наш отряд. В деревню Б. прибыл немецкий батальон с артиллерией и минометами. На аэродроме в Б. сделали посадку четыре немецких самолета, из Мозыря пригнали конницу. Нас окружили. Мы сделали паром и переправились через реку У.

25 сентября 1941 года. Разведка донесла, что мы вновь окружены. Устроили две засады. Засадой в районе Б. руководил командир взвода товарищ Н. Двадцать фашистских автоматчиков были убиты. Во взводе Н. — один раненый.

Хуже сложилось в районе С. Наши открыли внезапный огонь по немецкому взводу и уничтожили пять немецких велосипедистов. Оказалось, это немецкий авангард. Услышав стрельбу, немцы предприняли обходный маневр. Мы были вынуждены переменить место стоянки и перейти в густой, дремучий лес, взяв линию обороны между деревней З. и С. Судя по всему, фашисты вновь окружают нас.

30 сентября 1941 года. Вот уже который день продолжаются бои. Сегодня три часа подряд — перестрелка. Мы отходили в глубину леса. Немцы бьют из пушек и минометов. Сверху бомбит и поливает лес из пулеметов их авиация.

Сегодня убит Степан Алексеевич Рябченко. Вечная память товарищу!

Мы пробрались через непроходимые болота и расположились на острове в деревне С.

1 октября 1941 года. Послали маленькую группу в тыл врага для диверсионной работы. Молодой партизан комсомолец Ш. в совершенстве овладел взрывным делом. На территории Т. района, в тылу у немцев, он взорвал три моста, и это значительно задержало продвижение немецких войск.

Комсомолец Г., рискуя жизнью, проник в расположение немцев и убил двух немецких автоматчиков.

Лучшая разведчица в нашем отряде — это Прося З. Однажды она попала в руки к немцам. Ее истязали. Прося не вымолвила ни слова, не выдала отряд. Мы послали партизан ей на выручку. И выручили.

Ноябрь — декабрь 1941 года. За это время нашим партизанским отрядом уничтожено более сотни немецких солдат, взорвано много мостов, разбиты десятки вражеских машин, идущих на восток.

Напрасно бесится озверелый враг. Он бессилен заставить нас сложить оружие, прекратить борьбу. Мы — советские люди в фашистском тылу.

Каждый день комсомолец-радист товарищ И. принимает Москву. Мы знаем — советский народ с нами, с нами Москва, с нами товарищ Сталин.

А теперь мы узнали: Москва устояла. Враг разгромлен у столицы Советской страны. Великая Красная Армия все ближе к границам Белоруссии. Наши дорогие друзья, бойцы Красной Армии, вас ждет наш партизанский отряд, вас ждет весь белорусский народ! Он продолжает борьбу, не удалось поработить его фашистам!»

БЛИЗОК ЧАС ОСВОБОЖДЕНИЯ!

Да, белорусская молодежь и весь белорусский народ продолжают борьбу, ожидая прихода армии-освободительницы.

Сейчас не время называть всех героев этой великой борьбы. Но время это недалеко.

Никто из этих героев, нанесших могучие удары фашистскому зверью, тогда не будет забыт.

Вся наша страна вспомянет комсомольцев Брестского узла, которые в первые дни войны огнем прикрывали отход своих эшелонов и пожертвовали собой во имя родины.

Вспомянет трех витебских комсомольцев, которые получили задание — задержать пулеметным огнем переправу фашистов через Западную Двину. С исключительной смелостью и хладнокровием выждали три товарища, пока на переправу вышел батальон фашистской пехоты, и скосили его беспощадным огнем. А потом, доложив секретарю горкома КП(б)Б товарищу Левикову о выполнении задания, эти три товарища с пулеметом присоединились к партизанскому отряду.

Никогда мы не забудем имени секретаря Н-ского райкома комсомола товарища Голубева, который вместе с партийной организацией своего района мужественно сражался с фашистами, вторгшимися в район. Коммунисты и комсомольцы дрались до последней капли крови и погибли в неравном бою, нанеся врагу огромные потери...

И сотен, тысяч других мы не забудем...

Тех, кто сражались и сражаются в рядах героической Красной Армии, в коммунистических батальонах и ротах, в истребительных и партизанских отрядах.

Тех, кто с доблестью героев бились и бьются в тылу врага, нанося удары по его железнодорожным и шоссейным путям, вступая в единоборство с его танками и бронемашинами, уничтожая фашистских псов пулей, гранатой и ножом.

Земля горит под ногами фашистских захватчиков. Нигде — ни на дорогах, ни в селах, ни в городах, ни в своих штабах — гитлеровцы не могут чувствовать себя в безопасности. Всюду настигают их народные мстители — партизаны. Часовые сняты. Ручные гранаты летят в окна. Полураздетые офицеры выскакивают на улицу и падают, сраженные меткими пулями партизан.

Не только вооруженную борьбу ведет белорусский народ против поработителей немецких — идет война экономическая.

Рабочий класс Белоруссии провел огромную работу по эвакуации белорусских промышленных предприятий в глубокий тыл нашей страны. Оборонные, машиностроительные заводы, электростанции, деревообрабатывающие и текстильные предприятия — ничто из этого не досталось врагу. В Поволжье и других областях СССР фабрики и заводы Белоруссии продолжают свою работу, снабжая фронт.

Колхозники Белоруссии угнали в глубокий советский тыл сотни тысяч скота и тысячи тракторов.

А часть урожая зерновых и технических культур, которая могла бы остаться немцам, уничтожили.

Немцы не сумели поживиться колхозным хлебом и салом на белорусской земле.

Вот почему в бессильной злобе неистовствуют фашисты. Вот почему призывают они на голову партизан все кары земные и небесные. Карательные экспедиции с пулеметами и автоматами, осаду целых районов с применением пушек и самолетов, чудовищные средства расправы с мирным населением — всё пускают в ход гитлеровцы в бессильных попытках подавить партизанское движение.

«Убивайте, убивайте, убивайте!» истерично кричат фашистские палачи в своих приказах.

Достаточно сказать, например, что каждому немецкому солдату разрешено расстреливать без суда и следствия партизан и сочувствующих партизанам. Обезумевшему от разбоя, водки и крови стервецу предоставлено право убивать, кого ему заблагорассудится.

Не помогает! Ничто не помогает гитлеровцам!

«За каждого убитого германского солдата будут преданы расстрелу сто мирных жителей», объявляет немецкая комендатура.

«Нужно взять заложников из населения, если нельзя найти виновного. Этих заложников следует повесить, если виновники или их пособники в течение 24 часов не будут доставлены. В следующие сутки следует повесить удвоенное количество заложников».

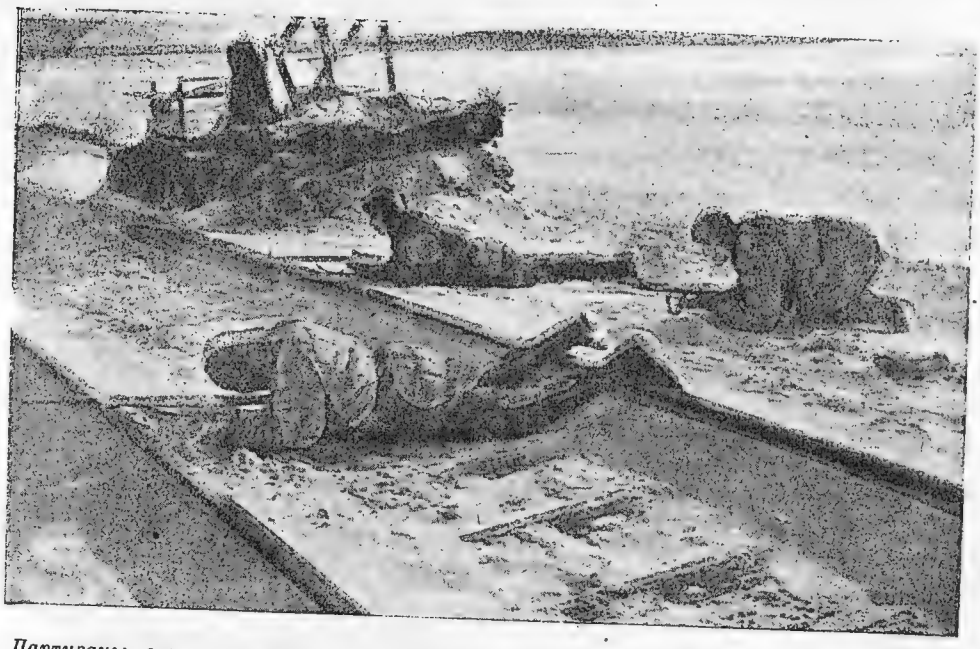
(Приказ по 162-й пех. див. немецкой армии.)

«...Всех расстрелянных отмечать знаком «СС» на лбу, их класть вблизи дорог, чтобы они были устрашающим примером для населения».

«...В районе действий партизан нужно все мужское население от 10 лет и старше расстрелять, деревни сжечь, женщин и детей оставить на произвол судьбы».

(Приказ по отд. вело-развед. батальону немецкой армии.)

Убивайте! Истребляйте! Уничтожайте всех русских, белоруссов, украинцев, все народы Советского Союза! — вот смысл приказов Гитлера и его кровавых генералов.



Партизаны отряда товарища Р. минируют железнодорожное полотно. Фашистский эшелон взлетит на воздух.

Но народ неистребим. Народ бессмертен. Народ непримирим к врагу. У белорусского народа и его молодежи есть только один путь — путь беспощадного мщения немецко-фашистским зверям. Иного пути нет.

Народ нельзя запугать. Все мучения и страдания, которые он переносит, лишь множат его силы, его ненависть к врагу.

Сталь закаляется в огне. Преданность и любовь к партии и родине, уверенность в правоте нашего дела и его победе, презрение к смерти во имя родины, во имя победы руководят сыновьями белорусского народа, ведущими борьбу с гитлеровским зверьем не на жизнь, а на смерть.

И фашистские вояки начинают сами сознавать безнадежность гитлеровской авантюры. Предсмертная тоска и страх охватывают их. Они начинают проклинать сумасшедшего палача, пославшего их на восток.

Они дрались раньше, движимые жаждой грабежа, наглые, самоуверенные.

Сейчас они дерутся, движимые силой отчаяния, страхом перед неизбежной расплатой за свои кровавые преступления.

В дни, когда пишутся эти строки, Красная Армия вступила на белорусскую землю. Великая армия-освободительница сокрушает и истребляет самых подлых, самых хищных захватчиков, каких только видел наш народ.

С каждым новым ударом, который наносит Красная Армия врагу, растет и ширится всенародная война белоруссов в тылу врага. С наро-

дом — его молодежь. Армию советского народа ведет товарищ Сталин. Со сталинским благословением рвутся в бой воины священной освободительной войны:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Так говорил великий Сталин на Красной площади 7 ноября 1941 года.

И каждый воин могучей нашей армии хранит в своем сердце эти слова своего вождя.

В. СТАВСКИЙ

ПЛАМЕННЫЙ БОЕЦ

Памяти
ИВАНА МАРТЫНОВА

1

Бывают люди кипучей, бьющей ключом энергии. Стоит такому человеку появиться, и становится шумно, весело, и дело идет быстро и хорошо.

Мартынов был иным. Невысокого роста, с чистым приятным лицом, был он всегда очень спокойным. Синие глаза его смотрели на товарищей внимательно и доброжелательно, и это сразу располагало людей в его пользу. Но и в спокойной негромкой его речи, и в плавных и точных движениях — во всем его облике чувствовалась сила, чувствовалась уверенность. И там, где он появлялся, не было шума, но дело шло быстро и хорошо.

Он был членом ЦК комсомола Белоруссии, потом председателем ревизионной комиссии белорусского ЦК ЛКСМ. Он пошел на войну, как старший инструктор Политуправления Западного фронта.

Коротко и метко говорил товарищ Мартынов, — воля, непоколебимая воля к достижению поставленной цели была в его словах и голосе, — и люди на фронте начинали действовать целесообразнее и решительнее.

Я помню наши встречи на Днепре, за Смоленском. Высокие колонны сосен. Шум хвои. Рев самолетов. Грохот орудий. Голубоватый след за пикирующим на станцию немецким бомбардировщиком, треск пулеметов.

Товарищ Мартынов пишет статью в «Красноармейскую правду», очень мягко и безобидно подсмеивается над моим беспомощным состоянием — правая кисть моя в гипсе, писать нельзя.

Мы вспоминаем про Карельский перешеек. Мартынов называет десятки имен Героев Советского Союза и орденоносцев славной 100-й ордена Ленина дивизии. Ныне эта дивизия — 1-я Гвардейская стрелковая.

В феврале 1940 года полки дивизии взломали «прославленную» линию Маннергейма. Это было в узле Сумма — Хаттинен, сильнее всего укрепленном районе.

Мартынов рассказывает о подвигах Сиповича, Ватагина, Кириллова. Он переживает их, эти богатырские дела.

На запад! Автоматчики-лыжники подразделения капитана Ярославского, преодолев перевал, идут в атаку на врага.

На груди у Мартынова горит орден Красного Знамени.

Но напрасно было бы спрашивать его самого, что он делал в боях и в разведках. Только товарищи его и бывшие с ним расскажут, что комиссар батальона Мартынов водил своих бойцов в атаку на финские доты, блокировал железобетонные берлоги белофиннов, отражал контратаки — впятером против многих десятков.

Вот и теперь — разве узнаешь от него, как он сам зажигал бутылками с бензином немецкие танки на реке Волме?

Он пишет статью, он прославляет героев, уничтожавших танки зажигательными бутылками. Капитан Тыртычный, лейтенант Коржинский, наводчик Петров, секретарь комсомольского бюро Шнейдерман, политрук Оськин. И еще многие другие. Как отважно действовали они! Впервые тут было доказано в массовом масштабе, что можно выйти против фашистского танка с бутылкой и уничтожить его. 100-я ордена Ленина дивизия в боях от Осрошицкого городка до Березины уничтожила больше трехсот немецких танков и броневиков. И это же святая истина: в руках отважного бойца бутылка с бензином — неотразимо грозное оружие. Дорогие товарищи фронтовики, жгите по примеру героев немецкие танки! Закидывайте их бутылками с зажигательной жидкостью, а когда их нехватит — пускайте в дело стеклянные фляжки!

О себе Мартынов не пишет.

Но недалеко от Ельни под вой и грохот немецких мин — это было

уже в августе — товарищи из 100-й дивизии рассказали мне про Мартынова. Они рассказали, как сражался он вместе с одним из первых отрядов истребителей танков и сам зажег немецкий танк, швырнув бутылку из своего одиночного окопа. Они говорили о Мартынове с любовью и тем проникновенным теплом, которое приходит и крепнет только в общении на поле боя, в борьбе против врагов.

И так ясно встает со слов товарищей картина:

Наши части оборонялись. Немцы бросили в атаку танки. Не у одного товарища сжалось сердце при виде грохочущих и лязгающих громад. Мартынов был здесь, среди бойцов. Он был спокоен, он шутил, подбадривал людей.

И когда танки подошли, он, укрывшийся до этого в своем окопчике, мужественно поднялся и почти в упор бросил бутылку. Вдребезги разбилось о броню стекло. И танк запылал, и в небо повалил, клубясь, густой черный дым.

Тех фашистов, которые успели выпрыгнуть из люков, догнали меткие пули.

2

Мне очень хотелось повидаться с товарищем Мартыновым и поговорить с ним по душам. Мы встретились под Вязьмой и... условились о встрече в ближайшее же время. У нас обоих в тот день не было ни одного часа свободного.

А спустя две недели в Политуправлении Западного фронта мне сказали, что Мартынов погиб.

Вместе с группой политработников он был послан на один из самых горячих участков. Как и всегда, он находился в гуще боя, в самом пекле огня.

Он помогал снайперу установить прицел, пулеметчику — устранить задержку, минометчикам — вложить очередной снаряд.

Он повел батальон в атаку. И в этой атаке он погиб. Вражеская пуля попала в его сердце. Фашистский снайпер целился в сверкавший на груди Мартынова орден.

Старший политрук Панов и комсомольцы Ильин, Воскобойников и Северихин вынесли тело Мартынова. Они ползли с ним около четырех километров под огнем.

★

Ему было всего двадцать восемь лет. И он только развертывал в полной мере свои способности, свой организаторский талант. Все, кто встречался с ним, сохранят его светлый образ в своей памяти навсегда.

В. СТАВСКИЙ

КОМАНДИР ТАНКА

Незабываемо навсегда — до последнего вздоха: пять с небольшим лет тому назад в Большом Кремлевском дворце прозвучали проникновенные слова вождя, учителя, друга.

В этих словах, в докладе творца Конституции вся страна, весь советский народ и его друзья за нашими рубежами услышали, реально ощутили грандиозные итоги созидательной деятельности, чудесный, захватывающий пафос строительства нового общественного уклада в нашей стране.

Прошло пять лет и несколько месяцев с того исторического дня, когда с всемирной кремлевской трибуны прозвучал голос вождя. Еще более могучей стала наша страна. Поднялись к активной жизни миллионы новых сознательных строителей нового человеческого общества.

Но вот грозная опасность нависла над нашей страной. Гитлеровская Германия напала на нашу родину. Нашей жизни угрожает смертельная мгла фашизма.

И снова мы слышим голос вождя. И могучий, монолитный советский народ встает на защиту своих завоеваний, на защиту своих кровных прав, записанных в Сталинской Конституции. В рядах славных защитников родины, героев великой отечественной войны мы видим и старых борцов-революционеров, и миллионы молодых людей — ровесников Октября и родившихся после Октября. Они беззаветно служат родине, своему народу под руководством своего друга и вождя.

Вчера, морозной ночью, под грохот артиллерийского огня в лесу, на позиции танков мы вели задушевную беседу с товарищами.

А накануне было вот что.

★

Вправо от гулкого асфальтированного шоссе, всего метрах в ста, чернеет небольшая еловая рощица — узкий мысок угрюмого лесного массива.

Рощица как рощица. И ни от шоссе, ни от большой деревни,

что седлает шоссе, не видно, что среди елок стоит стальная громадина нашего танка. Зато от него очень хорошо видны и поляны и опушки леса по обе стороны шоссе.

А само шоссе, — вон оно, стремительно метнувшись в лощинку, взлетает на бугор и исчезает за низкой линией горизонта, всего метрах в восьмистах от танка. Там — враги; оттуда в любое мгновенье могут выскочить фашистские танки. Враг усиливает нажим, стремясь прорваться к Москве. Отсюда, вот от этой деревни Большие Ржавки, до Москвы всего-навсего километров сорок. Вчера немцы зацепились за окраину Крюкова и захватили перекресток дорог за тем бугром, в полутора километрах. Да, в любое мгновенье надо ждать сюда врага.

Утро красит нежным светом
стены древнего Кремля... —

запевает башенный стрелок Алексей Патаев и умолкает: на плечо его строго легла рука командира танка замполитрука Седлецкого. И оба они и еще двое — механик-водитель Георгий Панасов и стрелок-радист Михаил Халецкий — настороженно прислушиваются. Издалека слышен гул моторов.

Танк уже второй день стоит здесь, в засаде. Вчера другой танк ушел. Его командир сказал Седлецкому:

— В моей машине неисправности, надо ехать на ремонт.

— Езжай, я буду здесь!

Гул моторов нарастает. Седлецкий осматривает в оптический прибор всю округу. С невыразимой ясностью входят в сознание и деревянные дома деревни, и опушенные серебристым инеем березы, и тревожно-поспешное движение на шоссе.

— Бомбардировщики! — вскрикивает Халецкий.

В звонкой синеве неба восемнадцать немецких бомбардировщиков разворачиваются над деревней, образуя огромный ревущий круг. Один за другим они пикируют, набирают высоту, вновь пикируют и вновь поднимаются вверх — серые, отвратительные. Земля гневно вздрагивает от ударов бомб. Над деревушкой вздымаются каштаново-огненные столбы разрывов.

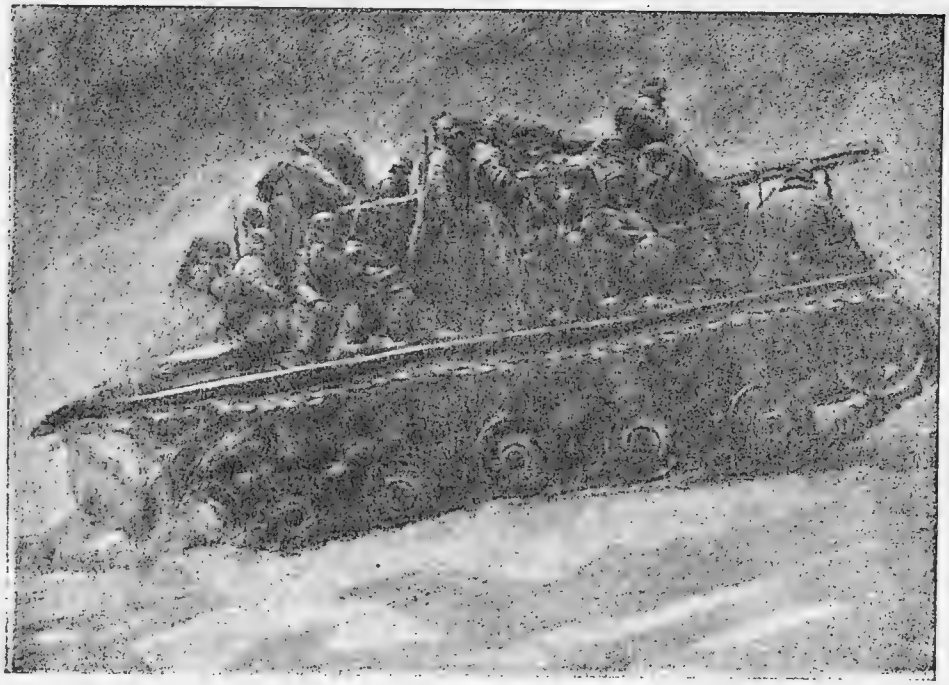
Руки Седлецкого застывают на механизме пушки. Крепкое слово срывается у него:

— Падло проклятое!

Он переглядывается с товарищами. И в их глазах то же: неистребимая и бесконечная ненависть к врагу. Этот молчаливый и такой красноречивый разговор четырех танкистов еще крепче сплачивает их.

Лишь вчера они встретились в своем батальоне. Вчера приняли эту боевую машину и тотчас по приказу заняли здесь оборону. За эти часы напряженного ожидания каждый из них уже успел рассказать про себя, про свою жизнь, про борьбу с фашистами.

У каждого сильно бьется сердце советского патриота. У каждого свой смертельный счет с заклятым врагом — за родину, за родные дома, за близких. И каждый удар вражеской авиабомбы, каждый разрыв вражеского снаряда лишь увеличивает смертельный счет...



На запад! Танковый десант отправляется на штурм вражеских укреплений.

★

Смолк вдали гул немецких бомбардировщиков. Пылают дома и строения в деревне. Сизый дым клубится в морозном воздухе. Иссиня-черные глаза Владимира Седлецкого подергиваются влажным туманцем: может быть, вот так отпылали родные места — и Котовск, что близ Днестра на Молдавии, и неподалеку МТС имени Котовского...

Родные бескрайные степи, мреющие, оплывающие жидким переливным стеклом под жарким солнцем, в золоте пшеницы, в оранжевом сиянии подсолнухов, в темной густой зелени кукурузы и клещевины.

Родные места: и пламень прудов на закате, и трепетные тополя, и вишневые сады, и хаты, и, словно добрый и зоркий часовой, силосная башня, видная за десятки километров. Сама просится из сердца песня, и вот он, бригадир тракторной бригады, садится на ступеньку фургона, берет гармонику...

В грозный восемнадцатый год родился в семье бойца-котовца Владимир Седлецкий. Две сестры и два брата росли без родителей, сиротами.

Владимир Седлецкий батрачил у куркулей до 1929 года — пас гусей, индеек, свиней. Он учился в вечерней школе. Комсомольцы устроили его на работу в «Военстрой». Через полтора года он вернулся в колхоз,

Танковый десант на боевом марше.

работал на молочной ферме. Здесь в 1937 году он вступил в комсомол и вскоре стал трактористом. Перед уходом в армию в 1939 году Владимир Седлецкий был уже бригадиром, и тракторная его бригада выделялась успехами, дисциплинированностью, дружной, веселой спайкой. Вечерами на стану бригады звенели песни, сюда собиралась молодежь.

Какая это была жизнь! Любимая работа. Любимая семья. Жена и сын Валя — ему сейчас уже три года. Где они? Что с ними? Где сестренки и брат?.. Украину топчут немецкие сапоги. Дым пожарищ стелется над матерью-родиной. Стоны мучеников в фашистской неволе слышны по городам и селам, и кровь народа кричит об отмщении.

— Та не буде по-вашему, лютые враги! — одними губами истово, как клятву, говорит Владимир Седлецкий.

Смуглое лицо его сурово и гневно. В нитку сжались черные брови. Пламенеют глаза. И снова настораживается он. Слух его ловит нарастающее гуденье самолетов, такое же, как и прежде. Стало быть, опять идут бомбардировщики. А после бомбежки обязательно пойдут в атаку танки. Так было под Ельней, так было под Рославлем. В памяти Седлецкого горячей чередой проносятся схватки, атаки...

Под Рославлем танковый полк, в составе которого действовал

Подразделение сержанта А. Селиванского вступает в бой за населенный пункт.

Седлецкий, ринулся в атаку, прорвался в тылы врага. Три танка, восемь орудий и склад артиллерийских боеприпасов уничтожил тогда Седлецкий. Немало немецких офицеров сдалось тогда в плен танкистам.

А позднее полк оказался в немецком окружении, сомкнувшемся огневым и стальным кольцом. Танкисты прорвали две линии окружения. Танкисты семнадцать раз бросались в атаку на врага. Владимир Седлецкий четырнадцать раз атаковал врага с исправной пушкой на своем танке. Когда пушка была подбита, он бросался на фашистов, расстреливая их из пулемета, давя их гусеницами.

В последний раз, атакуя деревню, занятую врагом, Седлецкий напоролся на огонь противотанковой пушки. Она была укрыта в доме. Фашисты разбили наш первый танк с дистанции в 150 метров и перенесли огонь на машину Седлецкого. От удара снаряда в броню заглох мотор. Танк остановился. Седлецкий, оглушенный и озлобившийся, расстрелял из пулемета расчет немецкой пушки. Потом вернулся к своим. Дорогой мотор работал неправильно, еле тянул.. Когда его осмотрели, то оказалось, что четыре цилиндра вышли из строя от того удара.

Враг опять наседал. Снаряды и мины рвались вблизи, вздымая зловеще черные султаны. Надо было отходить. И Седлецкий, приказав

Еще один населенный пункт освобожден от фашистских захватчиков.

экипажу снять пулеметы и забрать гранаты, сам, своими руками зажег свою боевую машину. Танкисты уходили кустарником к большому лесу. Вот уже начались березы и елки. Только тут Седлецкий оглянулся. Сердце мучительно сжалось. Над кустами ревело густое красное пламя...

Пробираясь лесом к своим, Седлецкий собрал отряд в сто двадцать пять человек. И все они признали старшинство Седлецкого, признали вожака в нем, мальчишески юном, закопченном, но со стальным блеском в глазах и непреклонной волей в тоненьком тенорке...

Вскоре по выходе к своим Владимир Седлецкий снова пошел в бой — на новом, другом танке. Это было под Большим Павловым. Два боя были победными. В третий раз фашистский снаряд попал прямо в танк. Машина содрогнулась. Сквозь все щели внутрь танка брызнул огонь. Седлецкий успел закрыть глаза. Брови его сгорели. Мотор запылал. Танкисты выскочили через передний люк — в башенный люк выходить было невозможно: вокруг были немцы.

Танкисты ползком скрылись в лесу. До своих было четыре километра. Но вскоре танкистов окружили немцы. Четыре автоматчика, стреляя, подбегали к ним. Седлецкий, припав на колено, швырнул гранату. И в этот же миг швырнул гранату механик-водитель. Три

автоматчика упали мертвыми. Последний остановился ошалело. И танкисты расстреляли его из наганов. А потом — дальше, ползком на животе. Вот тут Седлецкому пришлось задержаться. Указательный палец на правой руке висел сломанный. Башенный стрелок взял две палочки, приложил их к пальцу, вытянул его и туго забинтовал. Потом они тронулись дальше. И палец потом сросся...

★

Грохочут разрывы, вздрагивает земля, и с елок сыплется иней. Прильнув к прибору, Седлецкий смотрит в сторону врага, на шоссе. Над линией горизонта возникает башня, показывается танк. Затем возникает вторая башня.

— Механик-водитель, завести машину! Движутся немецкие танки!

— Есть завести машину!

Твердая, опытная рука тотчас запускает мотор. По шоссе идут к деревне уже шесть танков. За ними — две колонны немецкой пехоты.

— Экипаж, к бою!

Седлецкий старательно и спокойно наводит перекрестие прицела на люк водителя переднего немецкого танка. Грохочет выстрел. Передний танк, вздрогнув, останавливается, окутанный дымом от разрыва снаряда. Немцы, словно черные обезьяны, быстро вываливаются через боковые и башенные люки и прячутся за машину.

Снова гремит выстрел.

— Горит! — кричит механик-водитель.

Радист-стрелок ударяет из пулемета по пехоте. Солдаты в панике разбегаются, падают, копошатся и застывают на снегу. Живые хотят укрыться на опушке леса. Но до нее — белоснежная поляна, а пулемет Халецкого хлещет и хлещет огненными смертельными струями.

Над вторым немецким танком вздымается огромное пламя, зловеще черные клубы дыма. Остальные машины разворачиваются, идут вправо и влево от дороги. Одна из них уже начинает стрелять. Вот вздрагивает наш танк, гудит броня. Седлецкий так же спокойно ловит в перекрестие лоб третьего танка. Механик-водитель громко докладывает:

— Товарищ командир, прямым попаданием фашистского снаряда разбит триплекс!

— Закрыть лючок, переменить триплекс!

Вот в перекрестии и третья цель. Опять выстрел. Цель поражена.

И в ту же минуту удар по башне. Сами закрываются на мгновенье глаза. Живы? Да, все живы!

— Попало под башню. Разбило пулемет. Осколки залетели ко мне, — звонко докладывает радист-стрелок.

— Зацепило?

— Нет!

— Помогайте башенному стрелку!

— Есть помогать башенному стрелку!

Седлецкий стреляет по четвертому танку, и он останавливается, объятый яростным пламенем и смрадным дымом.

Пятый фашистский танк, развернувшись, удирает назад прямо по шоссе. Шестой танк удирает по-над опушкой леса, сминая молодые елочки.

Седлецкий стреляет по пятому танку, но тот успевает скрыться за бугром. Надо бить по шестому, но башня в эту сторону не вращается: пушка заклинилась.

Бой окончен. На шоссе и около него полыхают два немецких танка, угрюмо чернеют еще два — подбитых.

— И надо же ей было заклиниться! — негодует Седлецкий на пушку.

Механик-водитель докладывает, что под линией управления появилась вода, стало быть, пробит радиатор. А может быть, повреждено еще что-нибудь.

— Включи скорость.

Скорость включается. Танк послушно трогается с места. Маскировочные елочки падают. Седлецкий радостно улыбается. Машина в порядке. Теперь скорее отремонтировать, привести в порядок оружие. Потом — снова в бой.

★

В деревне он выскакивает из башенного люка. И тотчас наводит полный боевой порядок среди замешкавшихся артиллеристов. Голос его звонок и властен. Ему подчиняются. На него поглядывают с уважением и горделивой радостью.

В сумерках, озаренный отблесками пожаров, Владимир Седлецкий стоит около своего танка. Он совсем маленького роста, и смуглый пушок на верхней губе лишь подчеркивает его юность — яркую, боевую и победную, как вся наша жизнь.

Арк. ГАЙДАР

МОСТ

Прямой и узкий, как лезвие штыка, лег через реку железный мост. И на нем высоко, между водой и небом, через каждые двадцать-тридцать метров стоят наши часовые.

Вправо по берегу, за камышами, — а где точно, знают только болотные кулики да длинноногие цапли,— спрятан прикрывающий мост батальон пехоты. На другом берегу на горе, в кустарнике — артиллеристы-зенитчики.

По мосту к линиям боя беспрерывно движутся машины с войсками, оружием и боеприпасами. По мосту проходят и проезжают в город на рынок окрестные колхозники.

Внизу по реке снуют в челнах рыбаки, вылавливая оглушенную бомбами немецких «Хейнкелей» рыбу.

По песчаной косе маленький колесный трактор, зацепив веревкой за ногу, тянет, оставляя глубокий след, случайно убитого осколком вола.

Перед изъеденной, как оспой, осколками избой-караулкой со сдвинутой набекрень крышей возникает связной от батальонной пехоты красноармеец Федор Ефимкин. Он пробрался напрямик, осокой и топью. Поэтому нижняя половина его почти до пояса мокро-черная, гимнастерка же и пилотка на солнце выгорели и покрылись сухой светлосерой пылью. Рыжий ремень до того густо увешан ручными гранатами, что при быстрых поворотах Ефимкина они отходят и топорщатся во все стороны.

Он останавливается возле старшины Дворникова, который пытливо исследует рваные дыры смятого, пробитого котелка и, козырнув, спрашивает:

— Разрешите, товарищ старшина, обратиться по вопросу неофициальному? Котелок, который имеет все попадания от полутонной фугасной бомбы, вследствие сжатия образует трещины, а также различные дыры, и его можно выбросить через перила в реку. Но если вы, товарищ старшина, на час-два одолжите мне вот ту плетеную корзинку, то, вот мое слово, пойду назад, принесу вам котелок новый, трофейный, крашенный во все голубое.

Старшина Дворников оборачивается:

— На что тебе корзина?

— Не могу сказать, товарищ старшина, военная тайна.

— Не дам корзины,— заявляет старшина.— Вы у нас мешок взяли и не вернули.

— Мешок, товарищ старшина, готов был к возврату. Но тут случился факт, что наши захватили в плен трех немцев, а в сумках у них был обнаружен грабленный материал: четыре колоды игральных карт, трусы для обоего пола, полотенца, кофты, какао и кружевные пододеяльники. Все означенное, кроме какао, было сложено в ваш мешок и отправлено как доказательство в штаб дивизии, откуда вполне можно мешок истребовать по закону.

— Ты мне зубы не заговаривай, — невольно улыбнувшись, сказал старшина.— Ты мне лучше скажи, зачем столько гранат на пояс навесил. Что у тебя тут — арсенал, цейхгауз?

— Ходил вчера в разведку, товарищ старшина, шесть бросил, двух даже нехватило. У меня еще пара круглых лимонов лежит в кармане. Хорошая это штука для ночной разведки! Огонь яркий, звук резкий: который немец и не помрет, так все равно от страха обалдеет. Дайте, товарищ старшина, корзину. Вот нужно! Иначе срывается вся моя операция.

— Какая операция?— недоумевает старшина.— Ты, друг, что-то заболтался.

Старшина смотрит на Ефимкина.

Ох, и хитер, задорен! Но молодец этот парень. Всегда он мокрый или пыльный, промасленный, но глянешь на его прямые угловатые плечи, на его добродушную, лукавую улыбку, на то, как он стоит, как ловко скручивает тугую махорочную цыгарку, и сразу скажешь: «Это боевой парень».

— Возьми, — говорит старшина. — Да скажи вашему лейтенанту: что же, мол, нас бомбят, а вы на самом деле внизу себе рыбу промышляете, и попроси у него — пусть пришлет на уху щурят или ершей и на нашу долю.

— Вот еще! Из-за каких-то там ершей буду я лейтенанта беспокоить,— поспешно забирая корзину, говорит Ефимкин.— Вас, наверное, сегодня опять бомбить будут, так я к вечеру за пропуском приду — целую корзину свежих лещей принесу. Высокий у вас пост, товарищ старшина,— со вздохом добавляет Ефимкин.— Мы что — у нас трава, канавы, земля, кустарники. А вы... стоите на глазах у всего света.

Ефимкин берет корзину и, грязно-сизый, пыльный сверху, побрякивая своими нацепленными гранатами, идет через мост мимо ряда часовых, которые молча провожают его любопытными взглядами. Многих из них он знает уже по фамилиям. Вот Нестеренко, Курбатов. Молча, сощурив узкие глаза, стоит туркмен Бекетов. Этого человека вначале назначили было в разведку. Ночью в лесу он отстал, растерялся, запутался. На следующий раз то же самое. Уже решили было, что он трус. Командование хотело наложить дисциплинарное взыскание. Но комиссар

быстро понял, в чем дело. Бекетов вырос и жил в бескрайных песках Туркмении. Леса он никогда не видел и ориентировался в нем плохо. А сейчас он гордо стоит на самом опасном посту. Тридцать метров над водой! На самой середине моста. На той самой точке, куда с воем и ревом вот уже три недели ожесточенно, но неудачно бьют бомбами фашистские самолеты.

Ефимкину нравится спокойное, невозмутимое лицо этого часового. Он хотел бы сказать ему что-нибудь приятное по-туркменски, но Ефимкин знает только русский язык да несколько нужных в разведке немецких слов: «хальт» (стой), «хэнде хох» (руки вверх), «вафэн хинлэгэн» (бросай оружие). И поэтому он, прищелкнув языком, подмигнув, хлопает одобрительно рука об руку и, оставив туркмена в полном недоумении, хватает на руки маленькую девчурку, сажает ее в корзину и мимо улыбающихся часовых, покачивая, несет ее до самого конца моста.

Там он отдает ребенка на руки матери, а сам, осторожно оглядываясь, лезет под крутой откос к болоту.

Старшине Дворникову, который наблюдает за Ефимкиным в бинокль, теперь ясна и военная тайна и вся операция Ефимкина. Утром снарядом разбило фургон со сливами. По дороге шли бойцы и подобрали, но часть слив осталась, и Ефимкин набирает в корзину, чтобы отнести их своим товарищам и командирам. Старшина оглядывается. Кругом ширь и покой. Правда, за холмами где-то идет война, гудят взрывы, но это далекая и не опасная для моста музыка.

Старшина еще раз смотрит на помятый, продырявленный котелок и решительно швыряет его через перила.

Но прежде чем котелок успевает пролететь и бухнуться в теплую сонную воду, раздается отрывистый, хватающий за сердце вой ручной сирены, и от конца к концу моста летит тревожный окрик: «Воздух!»

Стремительно мчатся прочь застигнутые на мосту машины, повозки, люди. Они прячутся под насыпь, в канавы, сворачивают на луга к стогам сена, ползут в ямы, скрываются в кустарнике.

Еще одна, две... три минуты! И вот он, как сверкающий клинок, острый, прямой, безмолвно зажат над водой у земли в ладонях — грозный железный мост.

Честь и слава смелым, мужественным часовым всех военных дорог нашего великого советского края: и тем, что стоят в дремучих лесах, и тем, что на высоких горах, и тем, кто в селениях, в селах, в больших городах, у ворот, на углах, на перекрестках, — но ярче всех горит суровая слава часового, стоящего на том мосту, через который идут груженные патронами и снарядами поезда и шагают запыленные мужественные войска, направляясь к решительному бою.

Он стоит на узкой и длинной полоске железа, и над его головой открытое, ревущее гулом моторов и грозящее смертью небо. Под его ногами тридцать метров пустоты, под которыми блещут темные волны. В волнах ревут сброшенные с самолетов бомбы, по небу грохочут взрывы зениток, и с визгом, скрежетом и лязгом, ударяясь о туго натянутые металлические фермы, вкривь и вкось летят раскаленные осколки.

Юго-западный фронт. По фашистскому стервятнику из противотанковых ружей.

Два шага направо, два — налево. Вот и весь ход у часового.

Луга — пехота — молчат и напряженно наблюдают за боем.

Но гора — зенитчики — в гневе. Гора защищает мост всей мощью и силой своего огромного шквала.

Протяжно воют «Мессершмитты». Тяжело ревут бомбардировщики. Они бросаются на мост стаями. Их много — тридцать-сорок. Вот они один за другим ложатся на боевой курс. И кажется, что уже нет силы, которая помешает им броситься вниз и швырять бомбы на самый центр моста, туда, где, прислонившись спиной к железу и сдвинув на лоб тяжелую каску, молча стоит часовой Бекетов. Но гора яростно вздымает к небу грозную завесу из огня и стали.

Один вражеский самолет покачнулся, подпрыгнул, зашатался и как-то тяжело пошел вниз на луг, а там обрадованно его подхватила на свой станковый пулемет пехота.

И тотчас же соседний самолет, который стремительно ринулся на цель книзу, поспешно бросив бомбы раньше, чем надо, выравнивается, ложится на крыло и уходит.

Бомбы летят, как каменный дождь, но они падают в воду, в песок, в болото, потому что строй самолетов разбит и разорван.

Несколько десятков ярко светящих «зажигалок» падают на настил

моста, но, не дожидаясь пожарников, ударом тяжелого, окованного железом носка, прикладом винтовки часовые сшибают их с моста в воду.

Преследуемые подоспевшим ястребком, самолеты противника беспорядочно отходят.

И вот, прежде чем связисты успеют наладить порванный воздушной волной полевой провод, прежде чем начальник охраны поста лейтенант Меркулов донесет по телефону в штаб о результатах бомбежки, много-много людей, заслонив ладонью глаза от солнца, напряженно смотрят сейчас в сторону моста.

Семьсот самолето-налетов сделал уже противник и больше пяти тысяч бомб бросил за неделю в районе моста.

Проходят долгие, томительные минуты... Пять... десять... И вдруг...

Сверху вниз, с крыш, из окон, с деревьев, заборов несутся радостные крики:

— Пошли, пошли! Наши тронулись!..

Это обрадованные люди увидели, что двинулись через мост наши машины. Значит, все в порядке!

К старшине Дворникову, который стоит возле группы красноармейцев, подходит связной Ефимкин. Он протягивает старшине новый железный котелок. Ставит на землю корзину со свежей, глушенной немецкими бомбами рыбой и говорит:

— Добрый вечер! Все целы?

Ему наперебой сообщают:

— Акимов ранен. Емельянов толкал бомбу, прожег сапог, обжег ногу...

Старшина берет корзину, ведет Ефимкина в помещение и получает у лейтенанта ночной пропуск.

Перед тем как спуститься под насыпь, оба они оборачиваются. Через железный, кажущийся сейчас ажурным переплет моста светится луна.

Далеко на горизонте вспыхивает и медленно плывет по небу голубая ракета.

Слева из деревушки доносится хоровая песня. Да, песня. Да, здесь вскоре после огня и гула громко поют девчата.

Ефимкин удерживает старшину за рукав.

— Высокий у вас пост, товарищ старшина,— опять повторяет он.— Днем на двадцать километров вокруг видно, ночью — на десять все слышно.

В. КОЖЕВНИКОВ

ЛУКА МУРАВИЦКИЙ

С некоторого времени на одном из участков Западного фронта стали странно вести себя вражеские самолеты. Пролетая над линией фронта, они забирались в облака и крались, приглушив моторы, словно под ними была не обычная линия окопов, а мощный зенитный дивизион.

Что касается германских бомбардировщиков, то их стали провожать через фронт целые соединения «Мессершмиттов».

Наши бойцы в окопах удивлялись наступившему затишью в воздухе. И чтобы, как говорится, не терять времени даром, яростно пробивали себе путь снарядами, штыками и гранатами, вышибая немцев из земляных укрытий.

Когда немецкое командование, отчаявшись отбить эти атаки, взывало к своей авиации, стоило только появиться фашистам в воздухе, как мгновенно навстречу им выскакивали наши истребители, и бомбардировщики удирали, роняя куда попало бомбы на своей стороне.

Откуда выскакивали эти истребители? Как они узнавали, что противник готовит налет? Почему так внезапно появлялись над передним краем? Все это казалось тайной.

А тайна была очень простой.

Два наших летчика, два друга, устроили авиазасаду. Они выбрали в мелколесье небольшую полянку, лежащую позади участка стрелкового батальона.

Замаскировав машины, они вели наблюдение с вершины высокой сосны. Смелые летчики всегда имели возможность внезапно вылететь навстречу противнику, не дать ему бомбить наш передний край, не дать разведывать наши войска и корректировать артобстрел.

Внезапными и быстрыми, как молния, вылетами они терроризовали воздушного врага. Отсюда и робость его, и вороватая осторожность, с которой враг пытался перебираться за линию фронта.

Кроме основной площадки, для засад приготовили пару запасных. И когда сильно била артиллерия, летчики перелетали на соседнюю полянку.

Однажды немцы решили продвинуться вперед на этом участке

фронта. Собрав большие силы, не считаясь ни с какими потерями, они начали наступление.

Огнем артиллерии накрывались уже все площадки, годные для работы. Но летчики попрежнему взлетали и били врага, несмотря на то, что на земле и в воздухе было уже одинаково горячо.

Враг наступал все яростнее. Все оборудование аэродрома-засады пришлось эвакуировать. Но Лука — так звали одного из отважных летчиков-комсомольцев — решил нанести еще один удар противнику.

На аэродроме с Лукой остался техник Баранов. Пулеметы на взлетах забило песком и снегом, и Баранов чистил оружие, намереваясь потом уехать на автомашине. Но автомашину разбило снарядом. Спустя несколько минут на краю аэродрома показались немецкие танки.

Старший лейтенант Лука Муравицкий приказал Баранову разобранные пулеметы закатать в плащ-палатку и положить в кабину. Самого Баранова он усадил за бронированную спинку сиденья. Дав газ, Муравицкий взлетел над вражескими танками. Брошенная им бомба поразила один танк, другая, к сожалению, взорвалась в стороне.

Через несколько минут Муравицкий посадил машину на своей базе. Техник Баранов быстро закончил сборку пулеметов, и старший лейтенант отправился разыскивать новое место для авиазасады.

Были грозные дни, когда на подступах к Москве шла великая битва. Враг полз по дорогам, стуча железом. Он был и в небе.

И снова на командный пункт сообщили, что двадцать восемь «Юнкерсов» в сопровождении нескольких «Мессершмиттов» идут на Москву.

Полчаса назад эскадрилья вернулась со штурмовки, и, пока машины заправлялись горючим, летчики обедали, не выходя из кабин, не отстегивая ремней.

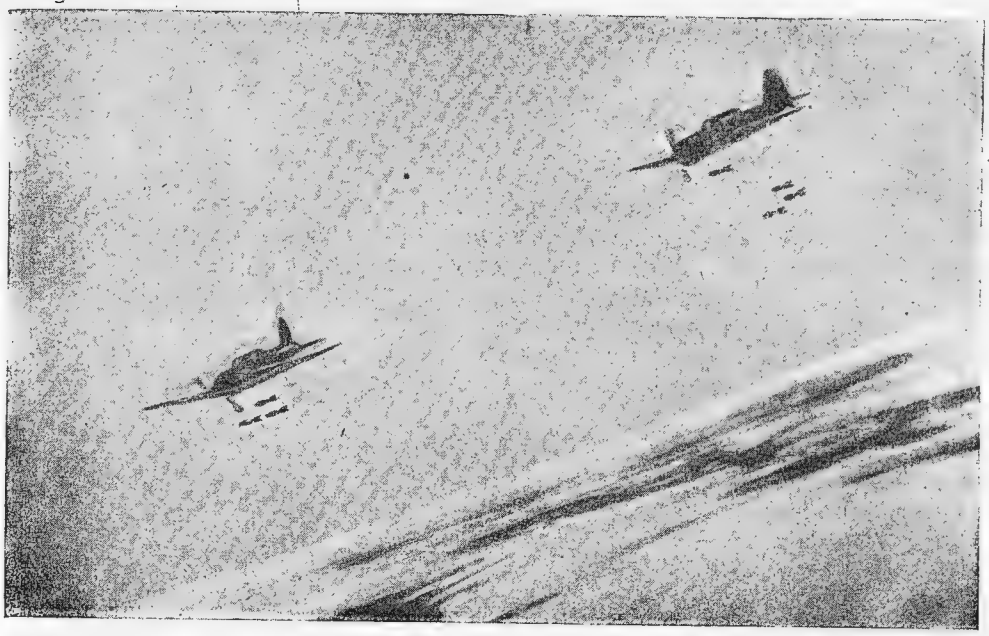
Миски — на землю. Очки. Газ. Ручку на себя. И эскадрилья с короткого разбега ушла в небо.

Когда самолеты разворачивались, было видно, как на их вытянутых фюзеляжах сверкнули золотом и пурпуром изображения ордена Красного Знамени.

Это была Чкаловская эскадрилья орденоносного Первого гвардейского авиаполка. В головном звене эскадрильи шли старший лейтенант Лука Муравицкий, старший лейтенант Попов. Это право — быть первым в строю — добыто в сражениях: Муравицкий сбил 12, Попов — 10.

Надо думать, маститый же это товарищ — Лука Захарович Муравицкий, если он и в созвездии пилотов краснознаменного Первого гвардейского полка слывет богатырем!

Муравицкий — ровесник Октября. Родился он в 1917 году. Пятнадцати лет приехал в Москву к дяде. Дядя решил сделать из него повара. Но Лука отказался. Он хотел стать металлистом, поступил в ФЗУ и очень огорчил своего дядю. Комсомольская организация рекомендовала Луку Муравицкого в члены аэроклуба. Он совершил там тридцать восемь прыжков с парашютом. В 1938 году окончил авиационную школу. Пришел к дяде в новой летной форме.



Бомбовый залп.

Шеф-повар устроил для своего племянника роскошный обед, словно мстительно желал потрясти его своим искусством. Когда пообедали, дядя не выдержал и сказал:

— Все-таки молодец ты, Лука! Нам хорошие летчики тоже нужны.

Вдумчивый, спокойный, уравновешенный, Лука продолжал в полку терпеливо учиться летному искусству у мастеров пилотажа. В упорстве он превосходил учителей.

Ему говорили: «Довольно, хорошо». А он снова лез в небо и повторял труднейшие фигуры.

Он знал, что в воздушной битве главное — обнаружить слабейшие места противника.

Он изматывал в воздушных боях сильнейших пилотов, заставлял их принять выгодную ему тактику боя—и побеждал. Он не любил говорить о себе, но всегда настойчиво расспрашивал о других пилотах. Узнав об особенностях тактики, он прикидывал, — а как бы сам поступил в таком случае? Побежденных в учебном бою он также расспрашивал. Он хотел знать о себе плохое. Хорошее он знал и так.

Он пришел на войну зрелым пилотом. На войне в двадцати четырех воздушных боях он сбил двенадцать самолетов, то есть на каждые два боя — по одной вражеской машине. Два самолета таранил.

В разгаре боев жена прислала письмо: «Родился сын, назвала его Валерий, как звали Чкалова».

Вылетая в тот же день, Лука Муравицкий сказал товарищам:

— Сегодня я добуду сыну подарок.

И добыл — сбросил на землю черную фашистскую машину.

Когда ночью фашистские самолеты крались в тучах к столице, Лука Муравицкий бил их отвесными огненными очередями. Возвращаясь, он шутил:

— Я покажу им, как моему Вальке спать не давать.

Он — хитрый и лукавый воздушный боец. Но в те мгновенья, когда надо выручить товарища, не думает о себе.

На Морозова напали три «Мессершмитта». Дюралевые осколки летели от машины Морозова во все стороны. Еще секунда... Но Муравицкий ринулся на фашистов; он заслонил собой друга, дал ему, израненному, уйти, а сам отбивался от трех в бешеном клубке тесного воздушного боя.

Приземлился. Сквозь плоскости его машины можно было, как сквозь решето, просеивать гравий. И самому досталось: левая рука пробита, лицо рассечено.

Когда Луку Муравицкого, славного сына ленинского комсомола, принимали в партию, он волновался, глухим голосом рассказывая свою короткую биографию. Он родился в 1917 году, когда наши отцы совершали подвиги, равные бессмертию. Теперь он — двадцатичетырехлетний юноша. Советская страна снова переживает великие дни борьбы за свободу и независимость своего народа. И дело каждого — найти свое место в этой величайшей из всех битв, какие знала история. Лука Муравицкий нашел свое место.

В. КОЖЕВНИКОВ

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПЕРЕПРАВОЙ

Он держался с необыкновенным достоинством, этот рыжеватый худенький паренек с темными от пыли босыми ногами. Даже веснушки на его лице приобрели какой-то воинственный медный оттенок, когда он отдавал пионерский салют командиру.

Отрекомендовался он внушительно и лаконично:

— Алексей Андреич! — Потом, значительно кашлянув, добавил тише: — Занимаемся переправой.

В командирском шалаше, за чаем и жареной картошкой, он стал более снисходительным и разговорился.

Вот уже одиннадцать дней, как он, Алексей, житель поселка Н., стал командиром ребячьей команды и заведующим переправой.

Их восемь человек. Самому старшему — четырнадцать, самому младшему — девять лет. У них имеется самодельный плот. На нем уже переправили трех раненых бойцов.

Палочкой он пробовал начертить расположение немцев в лесу. А когда командир спросил, какие у фашистов огневые силы, Алексей вынул из кармана горсть черных и белых камешков и разложил их. Белые камешки означали пулеметы, черные — пушки. Количество бронеавиков было обозначено узелками на веревочке.

— А мать и отец у тебя есть? — спросил командир.

Алексей обидчиво надулся, потом гордо сказал:

— Я вас про ваши семейные дела не спрашиваю. Я к вам для дела пришел. Винтовки вам хорошие надо?

И строго добавил:

— Вечером к переправе несколько бойцов пришлите.

Вечером на указанном месте бойцы нашли восемьдесят мокрых винтовок.

На следующий день утром Алексей явился к командиру еще более надменный и важный. Нетерпеливо выслушав слова благодарности, он сказал пренебрежительно:

— Винтовки у немцев таскать, когда они пьяные, всякий может. Вот пушку притащить — это интересно.

— А можно? — спросил командир.

— Если с умом взяться. — И тут паренек не выдержал своей роли невозмутимого заведующего переправой. Жестикулируя, размахивая руками, он изобразил, как немцы пытались вытащить увязшую в тине пушку, как офицер хлестал солдат плетью.

Ночью ребята переправили семь бойцов на тот берег на своем плоту. И на рассвете покрытая илом пушка и 82-миллиметровый миномет находились уже в нашем расположении.

Ребята, уморившись за ночь, спали в шалаше командира.

Части нужно было уходить на новые позиции. Командир бродил возле шалаша, все не решаясь будить ребят. Наконец, дотронувшись до плеча Алексея, он сказал тихо:

— Алеша, я с тобой проститься хочу. Уходим мы. Что тебе на память оставить?

Алексей улыбнулся и, жадно осмотрев с ног до головы командира, остановил свой взгляд на нагане.

Командир молча отстегнул револьвер и подал мальчику. Алеша взял наган в руки; лицо его сияло. Он умело вынул из барабана патроны, попробовал «на спуск», но потом вдруг печально вздохнул, протянул револьвер обратно командиру и сказал:

— Возьмите. Мне нельзя его при себе иметь. Немцы обыщут и догадаются, что я разведчик. Тогда и других ребят найдут и расстреляют.

И он вернул наган командиру.

Они молча попрощались, крепко пожав друг другу руки.

Командир долго еще оглядывался на зеленый шалаш, где сладко спали его разведчики.

Сегодня после боя, после разгрома сводного фашистского батальона с приданными танками и двумя взводами мотоциклистов командир, составляя список бойцов, представленных к правительственным наградам, первым в этом списке поставил имя пионера Алексея, заведующего Н-ской переправой: он представлен к ордену Красной Звезды.

В. КОЖЕВНИКОВ

ТАНКИСТ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВ

Танк был поврежден. Мотор дотянул стальную машину до белого, обмороженного березового леска — и сдал.

И сразу стало тихо. Смеркалось. Зеленое безмолвное небо висело над землей.

Танк остывал. Стальные стены покрылись изнутри пушистым инеем. Холодно так, что дышать больно, и металл прилипал к телу, жег.

Всю ночь механик-водитель Виктор Григорьев исправлял мотор. Изнемогая от стужи, он ни разу не забрался внутрь танка, чтобы погреться возле паяльной лампы. К утру повреждение было устранено. Мотор работал, и по машине разлилась живительная теплота. Виктор Григорьев привел машину на базу. Когда Григорьев вышел из танка, товарищи увидели лицо его — оно было покрыто сухими темными пятнами ожогов стужи. Когда Григорьев снял перчатки, товарищи увидели его руки — они опухли, изодранная кожа запеклась кровью.

— Люди на курорте солнцем обжигались, — сказал Григорьев, — а на морозе — чего ж тут удивительного?

На следующий день подразделение снова готовилось к бою. К Григорьеву подошел знакомый танкист и сказал:

— По приказу командира машину поведу я.

Григорьев побледнел бы, если бы обмороженное лицо могло бледнеть.

Григорьев пришел к комиссару батальона Челомбитько и с горечью сказал ему:

— Товарищ комиссар, я свой «КВ» люблю и знаю, как никто. Не могу я доверить машину в чужие руки. А если у меня сейчас лицо некрасивое, так я не на такси кататься прошусь, а в бой.

— Нельзя, — сказал комиссар: — вы больны.

— Товарищ комиссар! Пустите. Я здоровый. Можно температуру смерить. — И в глазах Григорьева была такая обида, такая отчаянная скорбь, что комиссар отвернулся и тихо произнес:

— Хорошо, Григорьев. Вы пойдете.

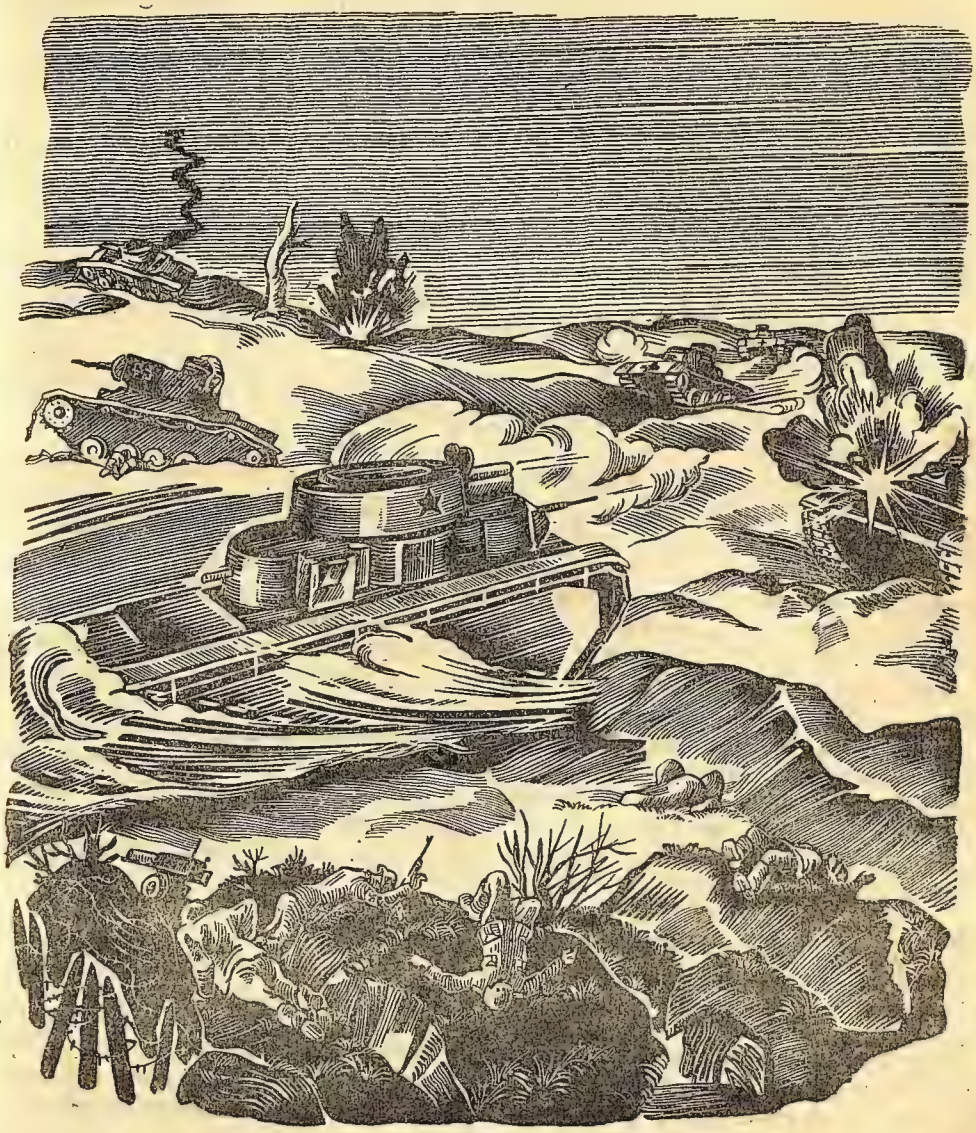
Первым, как всегда, в атаку пошел танк Григорьева. Немцы били из орудий. Осколки стучали по стальным плитам, как молоты. Припав к смотровой щели, Григорьев гнал машину вперед и чувствовал себя в эти мгновенья таким могущественным, таким сильным, как его машина.

Прямым попаданием покалечило башню танка, заклинило орудие. На онемевшую машину мчался вражеский танк. Но ведь это советские воины подняли впервые над головой врага еще невиданный ни в каких битвах, прославленный теперь навеки меч тарана.

Когда у летчика иссякают боеприпасы, он таранит врага. Когда у танкиста отказывает орудие, он идет на таран.

И Григорьев пошел на таран. Свой танк он превратил в разящий, грозный, тяжелый снаряд и обрушился им на фашистскую машину. Раздробленный немецкий танк, полувдавленный в землю, остался гореть на поле боя, а танк Григорьева мчался дальше с победным ревом. Он втоптал в землю два орудия, ворвался в транспортную автоколонну противника, разметав в щепы двадцать автомашин.

Так дерется и побеждает воин русского народа, парень из города Рязани, двадцатилетний сын ленинского комсомола — танкист Виктор Григорьев.



Это было осенью 1941 года. В одном из боев танк комсомольца Любушкина окружили тринадцать вражеских танков. Любушкин мог выйти из боя. Он принял бой. Броня его танка накалилась и гудела от прямых попаданий снарядов, от ливня пуль. Он уничтожил несколько вражеских танков. Победителю в этом неравном бою комсомольцу Любушкину присвоено звание Героя Советского Союза.

М. ЛАРИОНОВ
Секретарь Тульского обкома ВЛКСМ

МОЛОДЫЕ ЗАЩИТНИКИ ТУЛЫ

ТУЛА ОРУЖЕЙНАЯ

По этим улицам победоносно шагала история русского оружия. Улицы Дульная, Штыковая, Пороховая, Курковая — это Заречье, Оружейная слобода. Здесь искусные мастера ковали грозное оружие, отлично известное многим иноземным захватчикам. Тульское ружье и тульская винтовка были верными друзьями русского воина.

У рек Непрядва и Красивая Мечь раскинулось Куликово поле. Тут Дмитрий Донской разбил в XIV веке татарские полчища. Дружины Донского дрались бердышами и мечами, выкованными тульскими кузнецами.

В XVII веке отряды Минина и Пожарского защищали Россию от нашествия иноземцев. Они изгнали врага, вооруженные тульскими самопалами и пищалями. В ту пору искусство тульских оружейников восхищало мир — их ружья были ничуть не хуже французских, немецких, английских. И Петр Первый, высоко оценивший мастерство оружейников, решил построить в Туле оружейный завод.

Тула вооружала фузеями полки Петра. Ими дрались русские воины в знаменитой Полтавской битве.

Тульское оружие верно служило отечеству и в дни нашествия Наполеона. Больше столетия прошло с тех пор, и оно вновь помогло разбить врага во времена гражданской войны. Когда полчища Деникина устремились на Тулу, оружейники сутками не уходили с завода. Они собирали винтовки, которые из рук рабочих передавались в руки фронтовиков. Тула оружейная разделила тогда славу бойцов-красноармейцев и краснофлотцев.

Каждый туляк свято хранит в своем сердце пламенные слова Владимира Ильича Ленина, обращенные к съезду металлистов. Он звал современников Великой Октябрьской революции день и ночь ковать оружие для красных бойцов.

Тула — город-кузнец военной славы отечества, гигантский арсенал Красной Армии.

С годами этот арсенал совершенствовался. Наша партия, советское правительство повседневно заботятся о непрерывном развитии тульских

оборонных заводов. Новое, современное оружие начали производить туляки. Новые кадры технически подготовленных рабочих и работниц выросли на тульских заводах. Но боевые традиции старых тульских оружейников попрежнему жили в цехах наших предприятий, в рабочих кварталах Тулы. И когда началась великая отечественная война с германскими фашистами, туляки показали себя достойными наследниками своих славных предков. Под руководством Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина тульские большевики превратили свой город в неприступную крепость обороны.

Наступили грозные октябрьские дни 1941 года. Фашистские полчища черной тучей нависли над знаменитым городом оружейников. Тула ощетинилась баррикадами, надолбами, покрылась противотанковыми рвами. Враг близко! Фашистские войска прошли Орел, двигаются к Туле. Старинный город оружейников в опасности. Мы знали, что она нависла не только над нашим родным городом,— она угрожала и великой, любимой Москве. И каждый туляк твердо решил: города не отдадим, поможем Красной Армии разгромить немецких оккупантов на подступах к Туле! Умереть, но не пустить фашистов!

Не топтать иноземным захватчикам тульских улиц. Не довелось Наполеону повидать родину русской винтовки, не довелось проникнуть в город Деникину, не доведется и Гитлеру.

ТУЛА СТАНОВИТСЯ ФРОНТОМ

Конец октября 1941 года. Враг подходит все ближе к родному городу. Уже занято Щекино, захвачен после упорных боев Подмосковный угольный бассейн.

Город оружейников меняет свое лицо, он становится фронтом. По улицам стройными шеренгами проходят красные войска. Движутся тяжелые орудия, танки, автомашины с боеприпасами. Туляки берут оружие, сделанное собственными руками. Десятки тысяч молодых патриотов выходят на строительство укреплений. В их руках — топоры, пилы, лопаты; в сердцах — неугасимая ненависть к немецким захватчикам.

Плечом к плечу со своими старшими товарищами, презирая смерть, под ожесточенным обстрелом воздвигают они баррикады, ставят металлические ежи, роют противотанковые укрепления. Враг не пройдет в город!

В Тулу стягиваются добровольцы-шахтеры из Подмосковья, рабочие-химики из Сталиногорска, колхозники из окрестных районов.

Обком комсомола — на новом месте, в одном из домов Пролетарского района.

Поздняя осень. Не переставая, идет холодный дождь. Дуют по-зимнему суровые ветры. Кругом непроглядная тьма. Огни снарядов и бомб, светлые линии трассирующих пуль разрывают по временам этот мрак.

В темноте, по липкой грязи в обком и горком отовсюду приходят комсомольцы. Они знакомятся друг с другом. Берут оружие. Через час-два боевые друзья уже лежат в окопах перед линией, где расположился Тульский рабочий полк.

И вот наступает 29 октября. Эта дата никогда не сотрется из памяти. Фашистские войска генерала Гудериана — на пороге Тулы. Занята Косая гора. На южной окраине города появились колонны немецких танков. Было пять часов вечера. Уже слышен грохот машин, рев моторов.

Туляки приготовились встретить врага. Широкие улицы Тулы превратились в форты. Улица Коммунаров, как и многие другие, уже не делилась на кварталы, а представляла несколько укрепленных линий обороны.

Бойцы Тульского рабочего полка, дравшиеся рядом с частями Красной Армии, приняли и отбили ожесточенную танковую атаку врага. Фашистским танкам был прегражден доступ к городу.

Три раза в этот день враг рвался к Туле. Три сильных танковых штурма. А за танками уже заполоняли шоссе отряды моторизованной пехоты. Шквал минометного и пулеметного огня обрушился на улицы Тулы. Вспыхнули было первые пожары. Но быстро погасли. Их затушили зоркие защитники города. Они стойко дежурили на своих постах. За первый день героической обороны на подступах к городу было уничтожено 19 вражеских танков.

Назавтра враг ринулся в бой с еще большим ожесточением. Уже 60 танков сделали отчаянную попытку прорваться через линию обороны в город. Шесть раз кидались они в атаку — и все шесть раз отходили ни с чем. И второй день не принес немцам успеха. 34 фашистских танка уничтожили защитники Тулы, показав, что их не так легко обескуражить внезапностью нападения и оглушительным ревом моторов.

Враг был уверен в легкой победе. Он уже успел пустить в занятых им селах области слух о том, что Тула в его руках.

— Тула — капут! — хвастливо заявляли фрицы.

Колхозники не верили хвастливой брехне. Услышал о «падении» Тулы и колхозник-комсомолец Милованов. Он не поверил, ушел из захваченного немцами села, пробрался через линию фронта и пришел в Тулу. Земляки ждали его возвращения, чтобы узнать правду. Шел он мимо разоренных и стонущих деревень, прятался в лесах и оврагах, и однажды вечером мы увидели его в обкоме комсомола.

— Я пришел узнать правду о Туле, — сказал он.

И Милованов увидел, что крепко стоит Тула. Оружие, изготовленное руками туляков, служит верно.

Коммунисты и комсомольцы, все трудящиеся города слились в едином порыве, в одном стремлении — не пустить врага в город, нанести ему поражение, чтобы надолго он запомнил стойкость и неустрашимую отвагу тульских горожан.

На окраинах города шли бои, но Тула оставалась попрежнему большим культурным советским центром. Не было перебоев в снабжении жителей хлебом, овощами и продуктами. Нормально работал водопровод и электричество. Комсомольцы разносили газеты по улицам, расклеивали на стенах сводки Информбюро. Знаменитые тульские заводы

были эвакуированы в глубокий тыл, но город нуждался в минометах, гранатах, пулеметах, и туляки наладили их производство.

В эти дни — суровые и прекрасные — молодые туляки были всюду, где угрожала большая опасность. Они, отважные, решительные и умелые, показали себя достойными преемниками героических традиций тульских оружейников. Вместе с людьми старшего поколения громили они врага, изматывая его на подступах к родному городу. Мы гордимся юношами и девушками Тулы, умножившими славу отцов. Они вписали немало героических страниц в увлекательную летопись города.

Молодые патриоты отличились и в рядах Красной Армии, и в Тульском рабочем полку, и среди разведчиков, и в партизанских отрядах. Много славных поступков совершили они. Велика их доля в победе над врагом, повернувшим вспять от ворот Тулы. История должна знать имена тех, кто, не щадя молодой жизни, защищал родной город. Их очень много. Мы назовем лишь некоторых, чьи героические подвиги рисуют облик молодого жителя Тулы в дни ее суровых испытаний и побед.

БЕССТРАШНЫЕ

В ноябрьские дни бои шли под Тулой почти непрерывно. Не удавалась дневная атака — фашисты бросали танки в ночные битвы. Они рвались к городу, не считаясь с потерями. Решающие сражения происходили на Орловском шоссе.

Группа молодых бойцов ушла в далекий тыл врага, чтобы истреблять там фашистские танки, прежде чем они приблизятся к городу. Девять комсомольцев ночью заняли удобную позицию у шоссе. Смельчаками командовал сержант Василий Тришкин; среди них был истребитель танков Михаил Карпуков. У каждого из отважной девятки — противотанковое ружье. Вражеские танки могли пройти только мимо них. Недолгое ожидание — и семь средних вражеских танков появились на шоссе. Казалось, что они движутся прямо на смельчаков. Бойцы лежали неподвижно. Нельзя было обнаруживать себя раньше времени, пусть подойдут машины ближе. И только когда их отделяло не больше пятидесяти метров, сержант Тришкин скомандовал залп. Девять ружей выстрелили по танкам. Первая машина остановилась. Следующая наскочила на нее. Еще один дружный залп, и загорелся третий танк, а за ним остановился и четвертый. Остальные танки, не открывая огня, сползли с шоссе и укрылись в лесу.

Смелый поступок девяти комсомольцев приостановил наступление танковой колонны врага. А сколько таких неожиданных преград встретили немцы на пути к городу! Хитроумно расставленные засады смельчаков ломали планы фашистов, нарушали порядок танковых колонн.

Зорко охраняли южную окраину города противотанковые орудия командира-комсомольца Милованова. Бойцы его артиллерийского расчета били точно в цель. Десятки танков были подбиты прямыми попаданиями снарядов.

Много примеров беззаветной храбрости показали комсомольцы — участники грандиозных сражений, разыгравшихся на тульских землях. И в то время, как шли эти жестокие сражения, молодые транспортники и связисты героически, под непрерывным обстрелом восстанавливали пути и телефонную связь.

Дежурный по станции Тула Синицын по нескольку суток работал под снарядами и бомбежкой, порой и за дежурного и за стрелочника.

Секретарь узлового комитета комсомола Анатолий Поляков дежурил на станции Ревякино. Это было в начале декабря. На станции появились шесть вражеских танков. Он пошел к селектору, доложил начальнику отделения. В это время из одного танка вышли двое фашистов. Полагая, что фашисты приближаются к перрону, Поляков приготовил гранату. Пистолет у него также был наготове. Но послышался взрыв, и танки ушли. Оказалось, фашисты взорвали крестовину и путь.

А со станции Лаптево шел наш бронепоезд. Долго размышлять было некогда. Собрав рабочих, Поляков приступил к ремонту пути. Навстречу бронепоезду вышел путевой обходчик, чтобы предупредить машиниста.

Через сорок минут путь был исправлен, и бронепоезд, которому фашисты, как им казалось, приготовили гибель, благополучно подошел к станции Ревякино.

Бесстрашно и четко работали тульские связисты во время осады города. Директор телефонной станции комсомолец Слободенюк Александр умело и быстро восстанавливал разрушенную телефонную связь.

Однажды штаб воинской части переехал из Зареченского района в Пролетарский. Нужно было установить телефонную связь. Работы много, но нет ни столбов, ни линии. Александр Слободенюк мобилизовал не только монтеров, но и инженеров и техников. Каждый, независимо от образования и квалификации, выполнял любую работу: копали ямы, ставили столбы, натягивали кабель. Линия была подведена к штабу. Было протянуто 15 километров кабеля. На эту работу было затрачено только два дня, тогда как в обычных условиях потребовалось бы не меньше двух месяцев.

Так в дружном единении создавали победу тульские бойцы и токари, телефонисты и железнодорожники.

ГОРДОСТЬ ТУЛЯКОВ

В конце октября, когда враг угрожал городу, Тульский комитет обороны решил создать рабочий полк. Он возникал быстро, по-фронтовому. Едва заслышав о том, что формируется полк туляков, комсомольцы, комсомолки и их друзья пошли в райкомы комсомола.

Не умолкая, звонил телефон. И по телефону спрашивали всё о том же:

— Можно мне записаться в рабочий полк?

И с лестниц райкомов сбегали воодушевленные юноши и девушки, взволнованно разглядывая направление, подписанное секретарем райкома комсомола.

Из самых надежных и отважных создавали группы разведчиков, пулеметчиков, истребителей танков. Больше половины бойцов рабочего полка составили комсомольцы и молодые туляки, которые прошли в те дни через райкомы и обком комсомола.

Трудные дни, пережитые нами во время осады Тулы, раскрыли прекрасные моральные качества нашей молодежи, показали высокие нравственные силы многих скромных и незаметных до того юношей и девушек.

Помнится, вечером зашла к нам Зоя Владимирова со своими двумя подругами. Ей пообещали дать направление в полк, предложили приготовиться к отъезду и притти завтра, в двенадцать часов дня.

— Нет, нет, если можно — не завтра, а сегодня,— взволнованно просила Зоя. — Я отсюда никуда не уйду — только в полк.

И трудно было отказать девушке в ее горячей просьбе. Она стала санитаркой рабочего полка и работала, не зная ни усталости, ни страха. Она бывала в боях.

Во время одного боя Зоя вынесла двадцать восемь бойцов. Она

Вперед на запад! Советские разведчики у Ясной Поляны. Это последние часы хозяйничания фашистских варваров в усадьбе, где жил и творил великий писатель Л. Н. Толстой.

сделала им перевязки. Но дом, где она устроила походный медицинский пункт, обстреливала вражеская артиллерия. В дом ударил снаряд. В комнате, где лежали раненые, посыпалась штукатурка. Отважная девушка перенесла всех раненых в другую комнату. Но вторым снарядом убило двух бойцов и ранило Зою в лицо. Она не заметила боли, помнила только о раненых, которых нужно было немедленно переправить в безопасное место. И она это сделала. Двадцать шесть жизней спасла юная санитарка.

Это лишь один из многих боевых эпизодов, которыми заполнена яркая боевая жизнь санитарки рабочего полка Зои Владимировой.

Вместе с воинскими частями, в большой дружбе с ними действовали бойцы рабочего полка. И когда во взвод комсомольца Юрия Карева пришел комбат и предложил пойти в разведку, сразу нашлись добровольцы. С ними пошел и Карев. Через глубокий овраг и ручей пересекли линию фронта. Ползком и короткими перебежками достигли поселка. За одним из его домов было скрыто тяжелое немецкое орудие и два тягача. Важно было их обнаружить. Старательно маскируясь, разведчики проползли через поляну. Осторожно вошли в поселок.

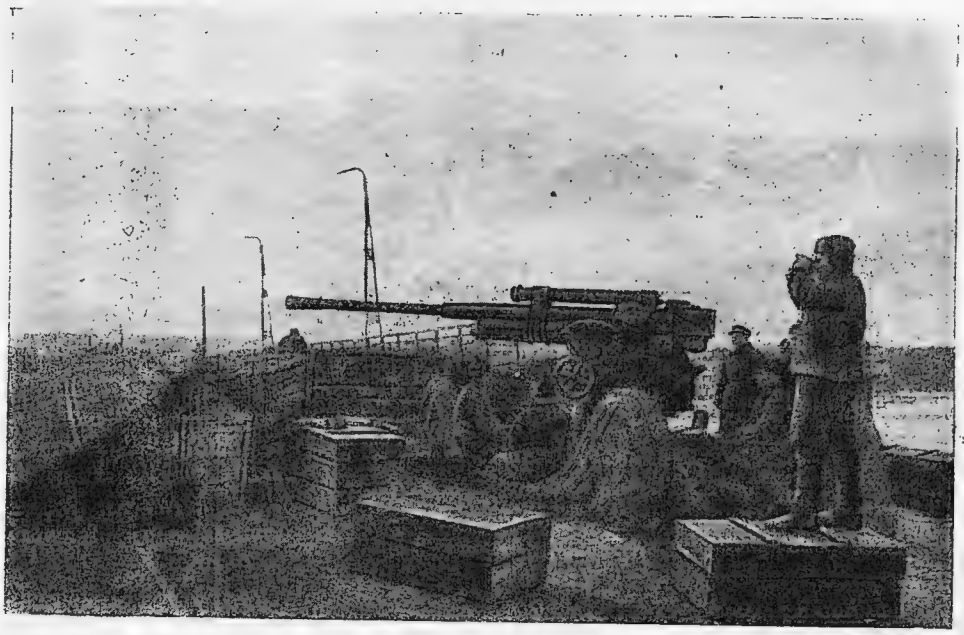
Близко послышалась немецкая речь. Спрятались. Увидели, как немцы складывают на тягачи ящики с боеприпасами. Командир разведки приказал комсомольцу Кареву пробраться к тягачам и сжечь их бутылками с горючей смесью.

Поднявшись на колено, боец бросил противотанковую гранату, а вслед за ней полетели бутылки с горючим. Сразу вспыхнуло пламя. Разведчик отполз. Послышались взрывы. Большой пожар осветил суетящихся немцев. Задача была решена. Разведчики вернулись в расположение наших войск. Так боец рабочего полка комсомолец Юрий Карев получил первое боевое крещение.

Желание пойти на фронт у шахтерки Клавы Чурляевой стало более осознанным, когда она узнала о гибели своего брата Василия. Было у нее еще три брата, и все на войне. И Клава не смогла больше оставаться дома. Отомстить за брата! Она пошла в рабочий полк.

Скоро девушка привыкла к суровой боевой жизни. Стойко переносила трудности и была всегда там, где дрались бойцы полка, в самом жарком месте боя. Вдвоем с подругой Тосей ползли они под пулеметным огнем. Перевязывали раненых, не обращая внимания на беспрерывный свист пуль. Но вот подруга ранена. Клава перевязала ее и продолжала помогать другим бойцам. Семьдесят раненых бойцов вынесла Клава Чурляева с поля боя. Орден Красной Звезды — высокая награда юной санитарке за ее доблестные дела.

Рабочий полк сражался героически за Тулу, за Москву, за Советскую страну. Он помогал частям Красной Армии очищать Тульскую область от немецких оккупантов. Он сражался под Калугой. Теперь он гонит немецких бандитов все дальше и дальше. Сейчас туляки слились



Зенитка в засаде. Она готова расстрелять и воздушного и ползущего по земле врага. Вместе с Красной Армией туляки превратили в могилу для фашистских орд подступы к Туле — славной кузнице русского оружия.

с армией, стали одной из ее составных частей, и они не хотят возвращаться домой, пока не добьются окончательной победы над врагом.

Недавно о героических делах Тульского рабочего полка мы узнали из письма красноармейца Когтева. Комсомолец Когтев в дни обороны Тулы был бойцом истребительного отряда. Потом он, как и сотни других истребителей танков, добровольно ушел в Красную Армию. Вот что он пишет:

«Я встретил на фронте Тульский рабочий полк. Его здесь хвалят. Он мужественно громит врага. Бойцы рабочего полка смело ходят на выполнение трудных задач. С криками «ура» захватывают один населенный пункт за другим. Наша часть стоит от рабочего полка километрах в трех. Мы хорошо слышим их дружный боевой клич. Если они крикнули «ура», значит наверняка взяли деревню».

ГОЛОС ВОЖДЯ

Этот день, 6 ноября, навсегда останется незабываемым. Мы слышали великого Сталина. И еще больше окрепла вера в победу, еще сильней стали удары по фашистским ордам.

Бойцы Красной Армии и отряды вооруженного народа, проходившие по улицам Тулы, видели, как украшался город к великому празднику. Он украшался и готовился встретить XXIV годовщину Великого Октября,

хотя непрерывно налетали на город фашистские самолеты и била по городу немецкая артиллерия.

Комсомольцы ходили от здания к зданию, вывешивали красные флаги, лозунги, украшали стены домов портретами вождей.

И вечером в городе, у ворот которого стоял враг, мы услышали голос вождя. Сталин делал в Москве доклад о XXIV годовщине социалистической революции. Знакомый, родной голос звал на решительный бой. Спокойный, уверенный голос звучал, заглушая артиллерийскую канонаду, свист пуль.

Голос великого Сталина поднимал нас на беспощадную борьбу с ненавистными фашистами.

Он призывал сокрушить тех, кто угрожал нашему родному городу.

Враг протягивал свою лапу к Туле; он хотел залить улицы и площади кровью советских патриотов, стремился превратить дома Тулы, ее школы, театры, клубы, библиотеки, больницы в груды развалин. Он хотел разрушить заводы и фабрики, уничтожить все, что создано нашим народом в течение многих лет, все, что так близко нам, так дорого.

Сталин призывал превратить всю страну в единый боевой лагерь. И туляки откликнулись на призыв вождя. У станков рождались герои, чья трудовая доблесть была достойна боевых подвигов фронтовиков.

Фронт проходил по каждому цеху, у каждого станка. Рабочие чувствовали себя бойцами. Большинство из них было вооружено. Токари и слесари готовы были в любую минуту оставить станок, положить инструмент и с винтовкой отправиться защищать родной город. Здесь не было тыла и тыловиков — был фронт и фронтовики. Работали по-военному. На заводские дворы и в цехи оружейного, патронного и других заводов вкатывали тяжелые танки. В единоборстве с превосходящим количеством фашистских машин они были тяжело ранены. Привозили мощные орудия, пулеметы, минометные батареи, десятки автоматов, своих и трофейных. Все это вооружение требовало починки. Нужны были запасные части, металл. Ни о каком подвозе материалов нечего было и думать. Стахановцы находили выход. Они осматривали каждый уголок цеха. Иногда, вооружившись, они выезжали на передовые линии фронта, подбирали там сломанные автомашины, груды изуродованного металла. Все это шло в дело.

Были оборудованы специальные цехи для ремонта танков, орудий, винтовок, автоматов. В одном из цехов патронного завода этой работой руководил секретарь заводского комитета ВЛКСМ и начальник цеха Василий Зенов. Вместе с техническим руководителем цеха тов. Пашориным осматривался заказ, определялось время, нужное для его выполнения. И молодежные бригады Маношина, Пронякина и других приступали к делу.

Стахановская бригада тов. Маношина — одна из передовых на этом заводе.

Когда во время ремонта танка бригада столкнулась с нехваткой запасных частей для ремонта мотора, молодые стахановцы тт. Филатов, Варюшин, Картуков и Денисов взяли винтовки и отправились на пере-

довую линию обороны. Там они нашли две исковерканные автомашины, разобрали их, сняли нужные части и поставили на танк.

На ремонт танка, по самым жестким подсчетам, требовалось 80 часов. Бригада Маношина 32 часа почти не отрывалась от работы, и за это время боевая машина была возвращена к жизни.

Принимая работу от бригады Маношина, военпред завода военинженер 2-го ранга тов. Краснов дал ей отличную оценку и горячо поблагодарил стахановцев. Танкисты, которым досталась эта машина, крепко пожали им руки. Прямо с заводского двора танк отправился на фронт, на южную окраину Тулы громить врага.

По-военному работала и бригада тов. Пронякина. Стахановцы до тех пор не уходили из цеха, пока не заканчивали ремонт. Молодые стахановцы тт. Зеленцов, Вагин, Скороходов ремонтировали артиллерийские орудия. Нередко они получали с фронта от командиров благодарность за отличный ремонт. Орудия, исправленные ими, действовали безотказно.

Много настойчивости, изобретательности и сообразительности проявляли молодые рабочие и конструкторы оружейного завода, когда к ним привозили трофейные автоматы, винтовки, пулеметы и минометы. Они восстанавливали их в рекордно-короткое время.

Здесь, в цехах заводов, стучали молотки, шелестели приводные ремни трансмиссий, а в полукилометре отсюда глухо ухали орудия, грозно гудели танки. Стахановцы оружейники и патронники плечом к плечу с Красной Армией защищали родную Тулу.

БЕССТРАШНЫЕ ИСТРЕБИТЕЛИ ТАНКОВ

Но вот, кажется, и для фашистов стало ясно, что Тулу им в лоб не взять. Части генерала Болдина нанесли им очень сильные удары. Они вывели из строя множество танков; тысячи немецких солдат нашли себе могилу на подступах к Туле. Тогда немецкое командование начало осуществлять план окружения Тулы. Войска врага обтекали ее со всех сторон, перерезая Воронежское и Веневское шоссе.

В конце ноября и в первых числах декабря для Тулы создалось напряженное положение. Враг рыскал во всех направлениях, стремясь найти слабый, незащищенный участок и просочиться через него в город.

Городской комитет обороны вынес решение: на угрожаемых участках выставить в помощь Красной Армии отряды истребителей танков.

К назначенному сроку двадцать семь комсомольских истребительных отрядов во главе с секретарями райкомов ВЛКСМ тт. Кузнецовым и Исайченковым выдвинулись на заставы и заняли свои посты.

Отряды истребителей были у нас и раньше, но в начале ноября нам пришлось пополнить их, создавать новые.

Нужно было создать заслон врагу на каждой улице, а для этого требовались энергичные, преданные люди.

Мы выбрали улицы и переулки, которым больше всего угрожал

враг. Заходили во дворы. Расскажешь пареньку-комсомольцу, как ему важно уметь оборонять свою улицу, как много для этого нужно отваги, какая нужна ловкость и сноровка; скажешь и о том, что вооружение дадим, — и у паренька так и заблестят глаза. Видно, готов сделать все, что нужно.

Самые смелые становились командирами отрядов; они же находили и других охотников и целыми группами, чуть ли не в тот же день, приходили в райком или обком комсомола. Так очень быстро мы создали 27 отрядов истребителей танков, в каждом из них по 10—15 бойцов.

Командиры проходили с ними очень короткий курс обучения: только самые основные навыки — знакомили с гранатой, с тем, какими приемами бросать бутылки с зажигательной смесью. Ходили стрелять в тир. И через несколько дней мы перевели отряды истребителей танков на казарменное положение, установили дежурства. Дальнейшее обучение бойцы уже проходили на постах, охраняя свои улицы и переулки. В отрядах были связные, поэтому любое наше начинание осуществлялось быстро и четко.

Довольно полное представление об истребителях танков дает рассказ Юрия Матушевского, командира отряда:

«Наш отряд состоял из молодежи. Юноши и девушки приходили в тяжелые дни, добровольно записывались в отряд, получали оружие, знакомились с ним. Затем обучались владеть боевым оружием. На стадионе проходили практические занятия по бросанию бутылок с горючей смесью.

В отряде была строгая военная дисциплина. Каждый боец являлся к 10 часам утра; производилась поверка.

После этого получали задание. В наиболее напряженные дни мы перешли на казарменное положение. Получили необходимое оружие: пистолеты, гранаты, бутылки с горючим.

Хорошие ребята были в нашем отряде.

Вот Митя Александров. Смелый, находчивый парень. Ходил на выполнение любого задания и всегда его выполнял.

Или вот Виктор Кунаев. Когда требовалось проявить сметку, изобретательность, никто не умел этого сделать лучше него.

А с каким огромным желанием шла молодежь в истребительные отряды! Бывало откажешь в приеме совсем еще юному пареньку, так у него даже слезы на глазах выступят. Однажды в райком пришел четырнадцатилетний Николай Борисов.

— Хочу быть бойцом отряда,— решительно заявил он.

Жалко было смотреть на него, когда он получил отказ...

В другой раз пришел тринадцатилетний Виктор Абрамов. Он тоже попросился в отряд.

— Примите меня в истребители,— бойко выпалил он.— У меня даже гранаты есть.

Но и ему отказали. Два часа стоял он около райкома, надеясь, что мы изменим решение.

Часто у нас бывали боевые тревоги. Тогда быстро, в несколько минут, собирались бойцы. Порядок связи был у нас такой. Ребята

В ноябре бои под Тулой шли непрерывно. Фашисты бросали свои танки в ночные «психические атаки» — с зажженными фарами, пытались подкрасться незаметно — с приглушенными моторами, стремились проломить оборону массированными ударами. И все они разбивались о доблесть героических частей Красной Армии, о несокрушимую стойкость Тульского рабочего полка, где комсомольцы, молодежь дрались бок о бок со старыми туляками.

с одной улицы собираются группами. В каждой группе — свой командир. Он передает приказ одному, тот сообщает другому, и так, по цепочке, доходит до каждого. Собрав отряд, ждем дальнейших распоряжений.

Хорошо помню одну из ночных тревог. Это было часа в три. Темная ночь, сильный ветер, снежная вьюга. Не умолкает гул артиллерии, свист пуль. Мы идем четким строем на восточную окраину города. В это время фашистские войска пытались взять город в кольцо. Самый тяжелый момент! Мы залегли в Щегловской засеке. Каждый на своем посту. Ожидали прорыва вражеских танков. Мы лежали в кустах, хорошо замаскированные. Страха не чувствовали. Только каждого комсомольца охватило волнение, которое бывает у бойца перед боем. С нетерпением выглядывали мы из своих амбразур: когда появится враг?

В пять часов командир той части, в которую входил наш отряд, дал сигнал — быть в боевой готовности. Гранаты, бутылки со смесью лежали около нас. Но потом вдруг нам объявили, что немецкие танки повернули назад, и нам не пришлось сразиться с ними.

После этого мы несли патрульную службу на улицах города. Наши бойцы зорко присматривались к подозрительным людям, проверяли документы, вылавливая шпионов и диверсантов.

Как-то к нам в штаб пришла одна женщина. Знаками объяснила, что она глухонемая. Здесь же был секретарь райкома тов. Исайченков.

— Зачем вы пришли?— спрашивает он.

И вдруг «немая» заговорила. Она объяснила, что только не слышит, и попросила, чтобы ей говорили громко. Исайченков начал говорить громко, но постепенно голос его стихал. «Немая» так увлеклась разговором, что отвечала на вопросы, заданные почти шопотом. Затем спохватилась: «говорите громче».

Но все было ясно. Мы отправили ее в штаб воинской части,— она оказалась шпионкой».

Бойцы отрядов истребителей танков на постах у баррикад и противотанковых рвов несли круглосуточную вахту.

Проследить все уловки врага! Не пустить его в город!— таков был боевой приказ.

И молодые истребители исполняли его со всем пылом юности. Многие из них в отрядах становились комсомольцами.

«Прошу принять меня в ряды ленинского комсомола. В это грозное для родины время хочу защищать нашу честь и свободу комсомольцем» — так писал боец истребительного отряда Александр Винокуров.

И число комсомольцев в районах города быстро росло. В дни осады Тулы было принято в ряды ВЛКСМ больше ста новых комсомольцев. В большинстве своем это были истребители танков. Самоотверженной борьбой с германским фашизмом они доказали, что достойны высокого звания.

Таков был Александр Винокуров, энергичный и изобретательный боец истребительного отряда. Его назначили командиром. Бойцы патрулировали Бухоновский переулок. Винокуров умел держать их в полной

боевой готовности. Если бы вражеским танкам и удалось прорваться на этот пост, они не застали бы Винокурова врасплох.

Как-то в один из дворов по улице Пирогова пришла комсомолка. Она собрала молодежь и сказала, что создаются отряды истребителей танков. Она призывала всех стать бойцами.

Первым откликнулся на это предложение восемнадцатилетний Николай Шавырин. Он быстро вспомнил и о своих друзьях, которые, конечно, также захотят вступить в отряд.

Николай Шавырин вместе с братом Михаилом пошел к друзьям, соседям, с которыми он вместе рос, играл, учился. Побывал у Жени Гайдукова. До войны тот был страстным юннатом, признанным «агрономом» пришкольного участка. Женя радостно согласился. И другие приятели — Мазов, Гаврилов, Балашов, Трушкин — не колебались ни минуты. Все гурьбой пошли в райком комсомола. Секретарь райкома Кузнецов сам научил ребят простейшим навыкам истребителей танков.

Толковый и решительный, Николай Шавырин стал начальником штаба истребительного отряда. Он сразу же завел военные порядки. Постоянно дежурили связные и разводящие. Начальник штаба давал оперативные задания, назначал дневальных, беседовал с бойцами. Часто обходил и проверял посты.

Однажды отряд патрулировал улицу Максима Горького и Комсомольский парк. В этом месте была расположена батарея. Истребители заметили, что при появлении фашистских самолетов в воздух неизменно взлетала ракета. Шавырин, Ренский, Авдеев и Чурочкин решили изловить ракетчика.

Они выследили диверсанта около парка. Он сидел со своей ракетницей в темном парке под деревом. Истребители доставили диверсанта в штаб воинской части.

Пришлось как-то Шавырину и его товарищам сходить в разведку. На одной из дорог они заложили мины, добыли важные сведения и вернулись в город.

В пору, самую тревожную для обороны Тулы, Николай Шавырин и его товарищи вступили в комсомол. Это было начало их комсомольского пути.

Под Тулой враг разгромлен. Юные друзья расстались. Николай Шавырин, Василий Белоусов и Сергей Ращупкин ушли добровольцами в Красную Армию; Женя Гайдуков вернулся в десятилетку и сел за книги; Мазов стал вновь учеником школы ФЗО, Балашов — рабочим оружейного завода.

— Но если потребуется,—говорят они,—все мы снова соберемся. Ребята теперь обстрелянные, понюхали пороху.

В дни осады Тулы комсомольские комитеты походили на боевые штабы. Жизнь в них никогда не прекращалась. Спали урывками, тут же на столах или диванах. В райкомы, горком и обком круглые сутки приходила молодежь. Одни работали по сбору лыж для Красной Армии, другие ежедневно доставляли на передовую линию обороны, на заводы газеты и сводки Советского информбюро; третьи работали на строительстве оборонительных сооружений, в госпиталях. Тут же соби-

рались, делились впечатлениями боевые разведчики, постоянно дежурили связные отрядов истребителей танков.

Работа строилась по принципу: получил задание — сделай в срок, доложи о выполнении.

ЮНЫЕ ПАРТИЗАНЫ И РАЗВЕДЧИКИ

Молодые патриоты сражались против немцев не только на фронте, но и в тылу у врага.

В ту тяжелую пору большинство районов области было захвачено гитлеровцами. Комсомольцы, оставшиеся в тылу у врага, прошли подлинно решающую проверку.

Они не склонили своих голов перед захватчиками. С честью несли они высокое звание гражданина Советского Союза. И недаром правительство наградило 24 юных партизан орденами и медалями.

Бесстрашные народные мстители в лесах и оврагах Тульской области наводили ужас на гитлеровских вояк, не давая им спокойно ездить по дорогам, проникая к их жилищам, оставаясь неуловимыми. Взорванные автомашины, пущенные под откос воинские поезда, тысячи убитых фашистских солдат и офицеров — дело рук партизан. Сложилась тогда и боевая песня тульских обитателей лесов:

Не страшна нам вьюга злая,
Ни метели, ни буран.
С нами песня боевая,
Песня тульских партизан.
Смерть фашистскому разгулу!
По волкам сильнее бей!
Не допустим в нашу Тулу
Оголтелых палачей!

Много героических страниц в историю отечественной войны вписали тульские комсомольцы-партизаны.

Восемь человек было в отряде под командованием Тетерчева — четыре коммуниста и четыре комсомольца. Все они награждены высокой правительственной наградой. Комсомольцам Ильичеву, Дмитрикову и Горбенко недавно вручили ордена боевого Красного Знамени. Четвертый комсомолец этого отряда, Шура Чекалин, получил звание Героя Советского Союза.

Он был самым юным в отряде. Его знали все как способного, ловкого паренька, который с увлечением читал книги о войне, был страстным радиолюбителем и, кроме того, завзятым пчеловодом. Даже позже, в партизанском отряде, он умел лучше всех добывать мед. Была у Шуры и еще страсть — лошади. К ним его влекло с самого раннего детства. Он любил проскакать на хорошем коне без седла, знал, когда лучше напоить и покормить его, как ухаживать за ним. И в отряде Шура был одним из лучших наездников.

Был он еще и незаменимым разведчиком. Он уходил один, бесстрашно совершал долгие рейды в тылу врага. И неизменно приносил коман-

Город был военным лагерем. На площадях, на перекрестках, на широких проспектах готовились встретить врага засады с ручными пулеметами, с противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючим.

диру самые подробные сведения о расположении немцев, об их настроениях, о том, что они делают в захваченных ими селах. Приносил Шура и оружие, и часто так много собирал трофеев, что едва доносил их до лагеря.

Был Чекалин и единственным, незаменимым радистом отряда. Только он умел наладить радиоприемник, и партизаны в глухом лесу, в землянке, в глубоком тылу врага, слушали сообщения Советского информбюро, не отрывались от жизни всей страны.

Но вот Шура серьезно заболел. Оставаться в землянке ему больше было нельзя — ни лекарств, ни помощи врача. Комсомолка Шура Горбенко умела хорошо перевязывать раны, но вылечить общего любимца она не смогла. Юноша не хотел расставаться с партизанами: он просил оставить его, крепился, старался не поддаваться болезни. Но, как ни жаль было всем расставаться с Шурой, партизаны отправили его в родное село Песковатское.

Нашелся в этом селе презренный холуй — он предал юного партизана, подвел немцев к дому больного юноши. И ночью двадцать немцев окружили избу. Вооруженные до зубов, они ворвались в комнату, где лежал Шура.

— Рус, сдавайся! — крикнули они ему.

Больной приподнялся на постели. Он не хотел добровольно итти в

плен к фашистам и твердо решил погибнуть сам, но уничтожить ненавистных захватчиков. Шура Чекалин бросил гранату под ноги обступившим его гитлеровцам, но граната не взорвалась.

Шуру отвезли в город Лихвин. Там изверги пытали юношу долго и мучительно. Ни одного слова о партизанах не сорвалось с уст стойкого комсомольца. Он героически перенес пытки. Фашисты повели его на публичную казнь.

Виселицу установили на площади. Смотреть на предстоящую трагедию насильно пригнали жителей города. Шуру Чекалина подвели к виселице. Он шел, высоко подняв голову, посмотрел на своих палачей с ненавистью и твердым голосом сказал слова, которые запомнили все свидетели казни:

— Нас много. Всех не перевешаете. Победа будет за нами.

И совсем уже окрепшим голосом запел «Интернационал».

Он не допел гимн до конца. Фашистская петля оборвала прекрасную жизнь бесстрашного юноши.

Восемь отважных партизан наводили ужас на немцев. Они обрывали провода, взрывали рельсы, выводили из строя паровозы, захватывали вагоны с боеприпасами и убивали немецких солдат и офицеров. Казалось, только многочисленный отряд может делать все это. А их было всего восемь отважных.

Много маленьких партизанских групп возникало в районах, захваченных немцами. И всегда в них находились смелые комсомольцы, сами решавшие, как поступить, сами выбиравшие пути. Их вдохновляло стремление помочь Красной Армии, им указывала путь ненависть к врагу.

Один комиссар дивизии рассказал трогательную историю о том, как его самого и тридцать раненых бойцов спасла сельская комсомолка Мария Силаева и ее смелые друзья.

Это было в деревне Большая Гурьевка Дубенского района. Бойцы выходили из окружения. Мария накормила товарищей, чем смогла, а потом предложила помочь выйти из окружения. Комиссар посмотрел на юное лицо девушки, усмехнулся и сначала недоверчиво отнесся к ее словам. Но девушка настаивала на своем, убеждая, что у нее есть надежные ребята, которые проведут их безопасным путем.

И действительно, Силаева разослала в разные концы своих верных гонцов — комсомольцев и пионеров. По сорок километров прошли они, зато отыскали безопасный путь, и тридцать раненых бойцов с комиссаром вернулись в расположение частей Красной Армии.

Так поступает Силаева не в первый раз. Ей удалось многим бойцам указать верный путь из немецкого тыла.

Почти в каждом селе, где побывали кровавые фашистские орды, сохранилась память о скромных, но героических делах сельских комсомольцев.

Вот в Крапивне остались в тылу у немцев комсомольцы Юрий Даев и Николай Залесский. Когда наши части отходили, они припрятали

две винтовки и много патронов. В ночь с 19 на 20 декабря Красная Армия снова подошла к Крапивне. Рядом с домом, где жили Даев и Залесский, фашисты установили пулемет. Немецкий расчет, которым командовал офицер, вел огонь по нашим бойцам. Здесь-то и пригодились крапивенским патриотам винтовки. Даев и Залесский в упор расстреляли пулеметный расчет. Вражеский огонь прекратился. Тогда юные патриоты захватили офицерскую сумку с документами, револьвер и несколько гранат и передали все трофеи Красной Армии. В сумке, кроме документов, оказалось и полковое знамя.

Михаил Алехин, получивший за боевую доблесть медаль «За отвагу», был комиссаром партизанского отряда. Этот отряд уничтожил пятьдесят немецких солдат и офицеров, захватил в плен пять фашистов, расстрелял пять предателей.

Однажды наши зенитчики подбили немецкий бомбардировщик. Отряд тов. Алехина взял в плен экипаж самолета. При этом были захвачены оперативные документы, в том числе карта с нанесенными на ней немецкими аэродромами.

Вряд ли фашисты, расположившиеся в деревне Кураково Белевского района, знали, что главой группы партизан, которых они так боялись, был шестнадцатилетний комсомолец Алеша Бурмистров. Юные герои не давали фашистам отдыха, держали их все время в состоянии тревоги и страха. Овладев немецким автоматом, Алеша убил двух фашистских офицеров, а третьего ранил.

Комсомолки, презирая смерть, прятали у себя раненых красноармейцев и заботливо ухаживали за ними. Ефремовские девушки — сестры Ряховские, Дроздова и Ганжа — двадцать три дня скрывали и оберегали от врага десять раненых красноармейцев. А в Дедиловском районе комсомолка Макарова спасла сорок шесть раненых бойцов.

В занятой немцами деревне Вознесенское комсомолка-библиотекарша Мария Жукова созвала подруг и предложила им помогать раненым. В лесу лежал раненный в плечо и ногу наводчик Пупыгин. Мария Жукова спрятала его и стала тайком ухаживать за ним. В село приполз еще один раненый красноармеец — Василий Тараско. Он сильно кашлял. Маруся заботливо и щедро поила его молоком, доставала для него сало. Она перевязывала раненых, скрытно бегала в соседнее село за врачом.

А между тем в доме Жуковых расквартировались немцы. Узнав о приближении наших, Маруся Жукова усадила гитлеровцев за стол, села сама с ними играть в карты. Долго чистила для них картошку, выбирая самую мелкую.

Расчет был простой: она старалась затянуть игру и приготовление завтрака. Час назад она послала в соседнее село двух учеников — Васю Завалишина и Колю Маркова — сообщить нашим, что в ее доме немцы. И когда пришли красноармейцы, Маруся передала в их руки трех пленников и вернула в нашу часть двух раненых бойцов, которых она сама выходила.

Этой девушке только семнадцать лет.

Таковы эпизоды, характеризующие молодых патриотов, рассказывающие о том, как они по зову родины делали свои скромные дела, не страшась опасности, рискуя жизнью. Когда-нибудь история восстановит имена всех беззаветных героев, и народ запомнит эти имена юных мстителей, о которых будут слагаться песни.

★

Тесно сдружилась группа молодых разведчиков под командованием Федора Александрова. Он — потомственный туляк. В этом городе жили его предки, и сам он вырос в Туле.

Отец его был страстный охотник, получал призы и дипломы. Он неутомимо бродил по лесам и оврагам. Иногда в этих охотничьих прогулках участвовал и юный Федор. С детства его влекло к оружию. С детства слышал он рассказы о замечательном мастерстве тульских оружейников. Часами, не чувствуя утомления, мог он разбирать и собирать ружья, учился стрелять. Ему было шестнадцать лет, и он окончил семилетку, когда над мирной страной разразилась война.

Тогда Александров со своим товарищем, который был старше его только на год, Владимиром Привезенцевым, решили стать в ряды защитников Тулы.

— Пошлите нас на передовые позиции, — попросились юноши.

Начальник штаба воинской части долго беседовал с ними. Он просил их серьезно продумать свое решение: ведь дело связано с огромной, смертельной опасностью. Но друзья твердо стояли на своем.

— Хотим участвовать в защите Тулы, — говорили они.

— Ну, хорошо, — сказал начштаба. — Идите, хлопцы, домой да подберите еще надежных ребят, а тогда приходите, что-нибудь придумаем...

Друзья живут в Туле, на Епифанской улице. Здесь много хороших ребят.

На следующий день Александров и Привезенцев побывали у своих приятелей. Долго, осторожно беседовали они, исподволь узнавая желания и настроения своих ровесников. Наконец кандидатуры были выбраны. Так создался партизанский отряд, в который, кроме Александрова и Привезенцева, вошли Куприн, Камерилов и Спиридонов.

Отряд перешел линию фронта и углубился в тыл врага. На дороге они заложили восемь мин. На одной из них взорвалась немецкая автомашина, следовавшая на фронт с продовольствием.

В другой раз на установленных партизанами минах подорвались два мотоцикла и идущая вслед грузовая машина.

Однажды, находясь в засаде, друзья заметили двух мотоциклистов: одного убили, а другого взяли в плен и доставили в штаб полка.

Часто после долгих и трудных походов по тылам врага разведчики возвращались в Тулу. Здесь они получали новые задания, заходили домой, а потом снова исчезали на несколько дней, неизменно возвращаясь с интересными и полезными сведениями.

За боевую деятельность в борьбе с фашистскими захватчиками Александров, Привезенцев и Куприн награждены медалями «За боевые заслуги».

★

В городе не было равнодушных. Его обороняли все, от мала до велика. Даже подростки — и те приносили защитникам Тулы свою посильную помощь.

Жили в одном дворе на улице имени Демонстрации 1903 года три друга, три юноши, и звали их Викторами. Когда Туле угрожала опасность, Захарову было 15 лет, Куприну — 16 и Фетисову — 17. И они не могли оставаться вдали от событий.

Друзья пришли в Привокзальный райком комсомола и сказали о своем страстном желании помогать фронту. В армию их не брали: еще молоды, говорят. Но не сидеть же им сложа руки, когда вражеские танки готовы ворваться на улицы родного города! Были они хорошо тренированными спортсменами, футболистами, прекрасными пловцами. В детстве мечтали о море и отважной жизни моряков. Эта мечта их сдружила. И вот, когда фронт подошел почти к дому, они просили комсомол найти достойное применение их юношеским силам.

Юношам дали работу. Прежде их хорошо подготовили, а потом доверили важное поручение. Они пойдут через линию фронта и добудут воинским частям ценные сведения. Это было именно то задание, которое отвечало желаниям друзей, — они стали разведчиками.

Виктор Куприн и Виктор Фетисов перешли линию фронта. Но их заметили немцы, обстреляли, а потом и задержали. Юношей повели на допрос. Фашистский офицер не добился от них ничего, дал им на размышления ночь и запер в избе. Но продолжить допрос ему помешал неожиданный приход воинов Красной Армии. Друзья снова были свободны и торопились наверстать упущенное время. Они теперь уже были хорошо вооружены трофейными бельгийскими винтовками. Быстро изучили их и отправились в путь.

В одной из деревень юные разведчики подожгли дом, где сгорели семь немцев. Они возвращались с обильными и ценными сведениями для Красной Армии. По дороге встретились с одной из частей и примкнули к ней. Хоть не надолго, им хотелось почувствовать себя настоящими бойцами. Рота подходила к селу Высокое. И когда нужно было узнать, занято ли оно немцами, ребята сами попросились в разведку. Командир роты дал Куприну и Фетисову задание:

— К селу подойти тихо, не шуметь, не курить...

Они всё исполнили точно. Приблизились незамеченными к селу и добрались до одного из домов. Тут они услышали немецкую речь.

Косая гора освобождена! Ворота Тулы — в наших руках. Жители обступили бойцов армии-освободительницы. Скоро оживут тульские заводы-гиганты.

Их заметили: в воздух взвилась ракета, началась стрельба. Виктор Куприн стал отстреливаться, а Виктор Фетисов бросил две гранаты. Вслед за этим ударили наши станковые пулеметы, и красноармейцы ворвались в деревню. В лагере немцев началась паника. Они бежали из горящего села.

Оба Виктора провели ночь вместе с бойцами роты, но потом они сожалели, что проснулись слишком поздно. Рота ушла преследовать врага. На столе была записка политрука:

«Спасибо вам, ребята. Возвращайтесь домой...»

Он просил также передать два письма. Исполнив это поручение, оба Виктора опять сдружились с партизанами и много раз ходили в разведку, отчаянные, веселые, бесстрашные.

Виктор Захаров — третий юноша из дружной тройки — действовал по другим заданиям. Он стал отличным разведчиком. Можно хорошо узнать повадки врага, если побываешь в сорока населенных пунктах, захваченных немцами. Можно научиться отлично маскироваться, хитро обманывать немцев, проползая с ними рядом, и запоминать расположение их пехоты, артиллерии, обозов, штабов. Всему этому и научился пятнадцатилетний Виктор. И добытыми им данными не раз пользовалось командование Красной Армии в своих боевых операциях.

За мужественную свою работу и преданность родине юный развед-

чик Виктор Захаров награжден правительством медалью «За боевые заслуги».

Так внесли в оборону Тулы свою маленькую долю три друга, три Виктора. Они отдали родине весь юношеский жар своего сердца. И в дни суровых испытаний они возмужали, окрепли, пройдя серьезную школу войны.

ГОРОД ВЫСТОЯЛ

Тула выстояла! Город стоял, как крепость, закрывая путь на Москву немецким полчищам, разрывая их фронт.

Сначала, в последних числах октября, фашистские войска пытались взять город в лоб. Им преградили путь части Красной Армии, Тульский рабочий полк и истребительные отряды. У ворот Тулы осталось множество разбитых немецких танков, машин, орудий, убитых офицеров и солдат. Планы гитлеровцев взять Тулу лобовым ударом сорвались. Они не смогли сделать ни шагу вперед.

В середине ноября немцы охватывают Тулу малыми клещами, стремясь продвинуться к городу, рыская во всех направлениях, выискивая слабое место в обороне города.

Сорвалось у фашистов и на этот раз. Доблестная Красная Армия

Баррикады перерезали главную артерию города — улицу Коммунаров. Но врагу не удалось прорваться в город: хребет армии захватчиков был сломлен на подступах к Туле.

стойко удерживает все линии обороны. В помощь ей город выдвигает на заставы истребительные отряды. Партизаны разрушают немецкий тыл; наша артиллерия, наши танки, наша пехота всюду останавливают врага.

Не удался план охвата города на ближних подступах, и немцы в декабре создают так называемые большие клещи. Все железные и шоссейные дороги, ведущие к Туле, перерезаны. Немецко-фашистские захватчики стремились замкнуть кольцо вокруг города.

Это были наиболее грозные дни, положение создалось исключительно тяжелое.

В эти дни председатель Городского комитета обороны секретарь обкома ВКП(б) товарищ Жаворонков созвал партийных, комсомольских и советских руководителей на оперативное совещание. Он рассказал о создавшейся обстановке, призывал усилить бдительность, удесятерить помощь Красной Армии.

Товарищ Жаворонков говорил и о том, как важно увеличить выпуск продукции, которая потребуется нам для восстановления хозяйства.

— Вы полагаете, — говорил он, — что если артели заготовили десяток тысяч скоб, то этого достаточно? Ошибаетесь, товарищи! Знаете ли вы, сколько нам потребуется скоб для восстановления одного только Плавского моста?

Он говорил о разрушенном мосте далеко от Тулы, на территории, временно занятой врагом. И слова Жаворонкова для всех нас, туляков, звучали вполне естественно. Мы ни на минуту не сомневались в победе и в том, что наша земля будет освобождена.

В напряженные дни, которые пережила Тула, трудящиеся города еще теснее сплотились вокруг боевой тульской партийной организации.

Организованность, стойкость трудящихся Тулы вдохновляла красных воинов, вселяла в них несокрушимую веру в победу над кровавым фашизмом.

С первого до последнего дня осады мы все время чувствовали помощь Москвы. Мы знали: за нами Москва, в Москве — Сталин, он с нами. Мы завоюем победу!

Так оно и вышло. В первые дни декабря войска генерала Белова ударили во вражеский фланг. Враг откатился далеко от Тулы, преследуемый москвичами, сибиряками и туляками. Зря мерещились немцам наши теплые квартиры, с кипящим на столе тульским самоваром. Тула устояла.

★

Все дальше и дальше на запад откатывались фашистские полчища. Район за районом освобождался от ненавистных захватчиков. И вот наконец наступил долгожданный день, когда мы смогли с гордостью сказать: вся Тульская область очищена от фашистского зверья!

Мы идем по спокойным знакомым улицам родного города. Оживленно торгуют магазины, около кинотеатров шумные группы молодежи. Проходим под древними сводами кремля. Вот и завод, знаменитый, известный всему миру Тульский оружейный...

Всюду кипит созидательная работа.

Тула, город-воин! Ты выдержала ожесточенные атаки до зубов вооруженного врага. Ты попрежнему остаешься кузницей оружия, гигантским арсеналом Красной Армии.

В славной истории обороны Тулы проверялись сила тульского оружия, стойкость туляков. Суровая боевая проверка блестяще выдержана. Враг не увидел Тулы!

А теперь — за труд, за фронтовую работу! Красной Армии для победы над врагом нужно много оружия, боеприпасов. Тульские оружейники, патронники, выросший и еще больше окрепший в борьбе тульский комсомол, под руководством партии большевиков, выполнят свой долг перед родиной.

Мы бодро смотрим вперед. Сквозь шквалы артиллерийского огня, сквозь ожесточенные воздушные бомбардировки мы видим победу.

Н. ЧЕКАЛИНА

МОЙ СЫН

Родился мой Шура 17 марта 1925 года в селе Песковатском Череповецкого района. Теперь ему исполнилось бы семнадцать лет.

Ничего, кроме радости, я от него не видела. Был он спокойный, здоровенький ребенок. Я не замечала, как он вырастал.

Игрушек я Шуре покупала много — ничего для него не жалела. У меня самой детство было тяжелое: я рано осталась сиротой с младшим братишкой да сестренкой. Пришлось работать на заводе. Платили копейки, и ходила я после работы по миру с протянутой рукой. Горькое было детство. Одни обиды и попреки. Вот и хотелось мне, чтобы мой Шура рос счастливым. Говорили много раз соседи: «Балуешь ты ребят, Самуиловна». Верно, баловала, как могла. Но от моего баловства они только лучше становились.

Шура был пытливый мальчик. Сломает игрушку и смотрит, что у нее внутри. Очень его занимало, почему кошка мотает головой, отчего у зайца лапки подымаются. Техникой, мастерством он рано начал интересоваться. В шесть лет у него молоток и нож из рук не выходили: лодочки вырезал, ружья, собаке будку построил.

Собак он очень любил, собак и лошадей. Четырехлетним малышом плачет бывало, чтобы его на лошадь верхом посадили. А собак у нас в доме всегда держали хороших: муж, Павел Николаевич, — страстный охотник, а охота в наших лесах замечательная.

И Шура, чуть подрос, стал с отцом ходить в лес. Сначала смотрел только, а там, глядишь, птицу принесет, а то и зайца. Стрелять он научился с малых лет — сначала баловался с самострелом, потом к отцовскому дробовику привык. Мы ему не мешали. Я ему ни в чем поперек не становилась.

Да он и не озорничал никогда так, как другие ребята. Бедовый, горячий, а дурного слова никому не скажет. Всем помогал, и всякое дело у него спорилось. Прямо даже удивительно. Примус ли испортится, кастрюля прохудится — Шура все сейчас же починит. Соседи и товарищи к нему за помощью обращались. Но это ему не очень нравилось: он точно стыдился перед ними этих своих хозяйственных занятий.

Все делал сам. Уедешь на несколько дней в командировку; отец тоже куда-нибудь выедет. Шура дома один, обед себе состряпает, корову подоит. Не любил других ни о чем просить. «Сам,—говорит,— сумею».

К технике у него было большое тяготение, все придумывал, строил. «Конструкторы» я ему покупала, но они скоро перестали его интересовать: он любил самостоятельно до всего доходить. Когда купила ему фотоаппарат, сам сделал увеличитель. Кинопередвижку собрал. Очень долго над ней сидел. Я ему из Москвы даже отдельные части привозила. Если электричество погаснет, у нас в доме все равно светло: Шура динамки сам делал.

И когда займется одной работой, весь в нее уйдет, серьезный ходит, насупленный, ни о чем другом не может думать. Всякое дело обязательно доводил до конца. Твердый был. Мы уже знали: Шура сказал — значит, так и будет: он от своего слова не отступится, герой наш.

Мы его в семье героем звали, шутя конечно. Уж очень быстро он вверх тянулся, высокий, стройный, широкоплечий. Скажут бывало: «Какой у тебя, Чекалина, сын герой растет». Улыбнешься: «Ну, что там...», а про себя подумаешь: «И верно». Гордилась я сыном.

Учился он отлично. Все на лету хватал — такая у него была память. Учителя удивлялись. Точно отпечатывался у него в мозгу урок. Раз прослушает — и все. Дома он только читал, помогал учиться товарищам.

Вот сейчас подошли весенние дни, и у меня сердце сжимается, все вспоминаю. В это время у нас в доме всегда гомон стоял. Набьются к Шуре в комнату ребята, а он их учит. Все покажет, все растолкует, как взрослый, и не успокоится до тех пор, пока не почувствует, что товарищ выдержит экзамен. Вовку Кузнецова он, Шура мой, три года перетаскивал из класса в класс.

Уважали его ребята. У нас в доме всегда целый отряд собирался, сначала малышей, потом подростков. Соседи смеялись: «У тебя, Чекалина, детплощадка. И не надоест тебе? Ведь шум от них, сор». Ну и что ж, сор? Сор убрать можно. У меня, глядя на них, душа радовалась. А Шура среди них вожак.

Случалось, и они мне помогали. Вернешься иной раз под вечер с работы, ничего в доме не сделано: воды нет, печка не топлена. Шура взглянет на меня, скажет: «Ты, мама, не беспокойся. Сейчас все будет готово». И начнет командовать: одного по воду пошлет, других — дрова пилить, сам за работу возьмется. Не успеешь оглянуться — все дела сделаны, все в порядке.

Шура очень младших ребят любил, Витькиных сверстников. Подшучивает над ними, поддразнивает, а сам во всем помогает. С Витей — младшим братом — они душа в душу жили. Комната у них, у двоих, была отдельная. Постельки их там стояли, Шурины инструменты, книжная полка.

Шура читал очень много технических книг — по радиотехнике, по механике, выписывал журналы. Из литературы увлекался Толстым,

Он видел, как фашистские мерзавцы выпороли розгами его старую мать. Он бежал из села, поклявшись отомстить. Когда Красная Армия освободила родное село, Вася Афанасьев вернулся домой воином, сержантом Красной Армии.

Горьким, Фурмановым. Любил «Три мушкетера» Дюма. Эти книги я сама ему покупала. Я три класса сельской школы только и кончила, всю жизнь хотелось мне больше знать, и училась я самоучкой, урывками, как могла. Бывало просят ребята денег на кино. Отец иной раз разворчится: «Больно много на них тратишь». А я ему говорю: «Мы с тобой неученые, так пусть хоть дети больше видят, больше знают. Не надо на них жалеть».

Крепко запомнились Шуре «Чапаев», «Александр Невский», «Суворов». Виктора дразнит: «Что у тебя за имя такое: Витька, Витюшка. Вот Александр — другое дело. Александр Невский, Александр Суворов. Это имя!»

Шутя, конечно, говорил. Но, думается, он и в самом деле гордился, что вот и его зовут Александр. Была в нем гордость. Хорошая, настоящая, внутри себя.

Из сверстников дружил он с Андреем Изотовым. Жил Андрюша в деревне Зеленый Лужок, но часто гостил у нас в Песковатском, а позже в Лихвине—мы туда переехали. Летом они с Шурой часто далеко уходили гулять: в лес по ягоды, к отцу на пасеку, на рыбалку. Рыбалку Шура любил не меньше охоты. Рыбачили удочками, сетью, а весной Шура щук из ружья бил. Меткий был стрелок.

В жаркое время ребята спали на чердаке в сарае. Заберутся туда и все о чем-то спорят, смеются, песни поют. Шура — тот больше слушал, а Витька у нас музыкант, он и на гармони и на балалайке.

Шура с Андреем там, на чердаке, обо всем толковали, книги читали вместе. Шура из книг часто делал выписки. Все эти бумаги его теперь пропали, и книги тоже. Все уничтожили проклятые немцы. Сына убили и все, что после него осталось, точно хотели стереть. Да не удалось это им!

Конечно, Шура мне — сын. Матери всякий сын дорог. Но ведь мне совсем посторонние люди, учителя, соседи, говорили: «Шура у тебя — талант». Жадность у него к жизни большая была, пристальный ум, смелость. Настоящий бы вырос из него человек.

Началась война, и не было у Шуры другой мысли, как пойти немцев бить. Говорит мне: «Война, мама, тяжелая будет. Ничего. Пойдем с папкой воевать».

С малых лет он играл в войну. Дом наш стоял на горочке, на отлете. Ребята под горой вырыли землянку, забивались туда на целый день; это у них называлось: «сидеть в засаде». Играли в красных и белых. Шура всегда был красным. Ружья он из дерева понарезал, раскрасил; пистолеты — на вид совсем настоящие. Потом пулемет-трещотку сделал. Золотые были руки!

Этакий стрелок, охотник, смельчак — мог разве он утерпеть и оставаться в стороне? Да и комсомолец он был образцовый. Правда, —

Вася Афанасьев опять в родительском доме. Он выполнил клятву. На его боевом счету 28 убитых гитлеровцев. Он награжден орденом Красной Звезды.

что греха таить, — когда в комсомол вступал, схитрил немного: прибавил себе год, очень уж ему хотелось скорей стать комсомольцем. Единственный раз в жизни, по-моему, схитрил — всегда был прямой на редкость парень, честный, правдивый.

Знала я: все равно пойдет воевать мой Шура, и не мне ему в этом препятствовать. Я в партии с 1931 года, сама сроду не трусила и детей тому не учила. Шесть лет работала председателем сельсовета, много пришлось повозиться с кулачьем да подкулачниками; иные из них меня крепко ненавидели, грозились отомстить. Но я от правды не отступала. Мне ли Шуру от опасности оттоваривать? А все же ноет материнское сердце, болит за любимого сына.

Как только создали у нас истребительный отряд, Шура побежал записываться. Отказали ему: молод. Вернулся домой и заплакал, а я его в слезах и не видела почти никогда. Очень уж ему обидно показалось.

Стали люди в ополчение собираться. Гляжу, марширует мой Шура рядом с бородачами, учится вместе с ними военному делу. Присмотрелись к нему командиры — даром что шестнадцать лет, выйдет из парня толк. «Ладно, — говорят, — ступай в истребительный, примем».

Сделался мой Шура истребителем. Отправятся они бывало в леса, вылавливать диверсантов. Ждешь их дня три-четыре, а то и пять. Чего только не передумаешь за это время!.. Но вот заслышалась издали песня:

Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой...

Скачут домой наши! Веселые, обветренные... Все — молодежь. Недавно слушала я красноармейский ансамбль, все глаза проплакала — эти песни Шура со своими товарищами пел.

Он мне никогда ничего про свою работу не рассказывал: умел хранить тайну. И когда в лес собирается, тоже ничего не объясняет. Скажет спокойно: «Мама, приготовь харчишек, надо ехать».

Я и не расспрашивала его ни о чем. А другим, коли пристанут, он отвечал: «Едем на маневры».

Как-то говорит мне Шура:

— Помогла бы ты мне, мама, автобиографию написать.

— Зачем тебе?

— Кружок организуется. В помощь милиции.

Я ему помогла. Написал он автобиографию, заявление. Сфотографировался. Единственная эта карточка у меня и осталась. Смуглый был парень, черноглазый, черноволосый — красавец.

Теперь-то я знаю, что требовалось это вовсе не для милицейского кружка. Он мне ничего не говорил про партизан, но я скоро догадалась.

Немцы все ближе подступали к нашему Лихвину. Как-то приходит Шура домой молчаливый. Вижу: на душе у него тревожно.

— Ну, — говорит, — собери меня как следует. Я, наверно, уйду на всю зиму.

«Охотником за танками» прозвали товарищи по оружию младшего сержанта комсомольца Владимира Николаева. В одном из боев он смело подобрался к вражеской колонне и зажигательными бутылками уничтожил два фашистских танка.

Западный фронт. Восемьдесят раз ходил на разведку во вражеский тыл гвардеец боец комсомолец Григорий Погибельный. За доблесть и отвагу мужественный воин награжден орденом Красного Знамени.

Упало у меня сердце. Собрала я ему белье, теплые вещи, валенки. Три буханки хлеба дала. Хотела мяса положить. Он говорит:

— Не надо. Нам папка уже все достал. Свинью целую. Два пуда меда.

Ушли они вместе с отцом.

Остались мы вдвоем с Витей. У того, конечно, тоже глаза горят, рад бы за старшими увязаться, да кто тринадцатилетнего возьмет? Живем с ним, скучаем. А дней через пять началась эвакуация.

Побежала я в райком. «Как хотите, — говорю, — вызывайте сына. Я знаю, он в партизанском отряде. Вызовите хоть на час. Проститься хочу».

Такое у меня было решение: если не увижу его — не уеду. В этого сына я все вложила: всю надежду мою, всю радость. Гордостью моей был Шура. И осталось мне одно счастье — хоть раз еще на него посмотреть.

Губы я до крови изгрызла, его дожидаясь. Приехал. Вошел хмурый.

— Зачем ты меня вызвала, мать? Ведь ты от дела меня оторвала.

— Шурочка, — говорю, — неужели ты проститься со мной не хочешь?

Посмотрел на меня, лицо прояснилось.

— Очень хочу, мама. Только я не хочу, чтобы ты плакала. Ты же у меня умная, смелая. Проводи меня весело.

Я, конечно, заплакала. Дала ему еще продуктов. Убеждаю: «Возьми новый костюм». Я ему незадолго перед тем справила хороший костюм. Он одевался всегда чистенько, только галстуков не любил. Смеется: «На что мне галстук? Я ж еще школьник».

Не взял он костюма.

— Не к чему, мама. Вернемся — достанем себе все. А в лесу, что мне с костюмом делать?

Простились мы.

— Ну, — говорю, — сын, иди, защищай нашу родину, крепко защищай. Только смотри: ты ведь не учен военному делу, будь аккуратней.

— Что ты, мама? Я лучше старших стреляю.

Прижала я его к себе, расцеловала.

Больше я не видела своего Шуру...

Далеко я решила не уезжать. Поселились мы с Витей в Токареве, в сорока пяти километрах от Лихвина. Я там всем говорила, что работаю на шахте, а сама держала связь с партизанским отрядом. Помогала им, чем могла: доставала белье, пищу, передавала сведения.

Навестил меня муж, рассказал про Шуру. Наш сын партизанит хорошо, ходит в разведку: недаром он в лесах наших охотился, ему всякая тропа известна. В отряде он единственный радиотехник, установил аппаратуру. Начальник им не нахвалится.

И позднее доходили слухи о Шуре — самом молодом партизане отряда. Рассказывали, как напали на него десять фрицев. Шестерых он взорвал гранатой, троих уложил из винтовки, десятый убежал. Передавали еще, что Шура с товарищами ходил в разведку. Пришли они в

избу, где жили наши родные, легли спать. Ночью в тот же дом нагрянули немцы. Спрашивают: «Кто у вас?» — «Начальство ваше», отвечают хозяева. Легли фрицы спать. Шура с товарищами хотели их прикончить, да пожалели стариков-хозяев: им бы фашисты непременно отомстили. Утром наши вернулись в отряд, узнав все, что нужно о расположении врага.

Много еще рассказов ходило про моего Шуру. Есть чем гордиться матери, есть о ком плакать.

Прошла неделя, две, три... Нет вестей ни от мужа, ни от сына. Места я себе не нахожу. В голову лезут черные мысли. Не стерпела, решилась пойти сама разузнать, что́ с отрядом. И Витя, понятно, со мной: не одному же ему оставаться?

Мы обогнули Лихвин, зашли в деревню, где жила свекровь. Недаром меня грызла тоска. Свекровь рассказала: взяли моего мужа, взяли сына.

— Шура, — говорит свекровь, — зашел в Песковатское, в наш старый дом, лег там на печку. Ночью пришли немцы, двенадцать солдат. Он бросил в них гранату. Граната не разорвалась. Его схватили, повели. На улице старуха спрашивает: «Как же ты попался?» А он ей: «Я с предателями песковатскими разговаривать не хочу!»

Выдали его, проклятые. Верно, те самые гады, что против меня камень за пазухой держали, отомстили мне.

Темным-темно стало у меня на душе. Чувствую: не видеть мне больше радостного моего сына. Свекровь говорит:

— Уходи отсюда. О Шуре все знают. Заберут они тебя.

Но я устала и тяжко мне было очень. Осталась ночевать.

А утром пришел в избу староста и говорит с ухмылкой:

— Пойдем, Чекалина, сына выручать.

Я разом поняла, какая это выручка, да ничего не поделаешь, пришлось послушаться. Повел он меня в штаб, и Витя за нами следом побежал с собакой. Она за нами с самого Токарева увязалась.

Вошла я в штаб. Сидит там Шутенков из Лихвина, предатель.

— Хоть одна коммунистка лихвинская попалась. А то все скрылись.

Я ему отвечаю:

— Нет, мы, коммунистки, не скрываемся, мы дело делаем.

Он брови сдвинул.

— Ишь ты какая. Тебе, верно, не известен наш закон: всех коммунистов истреблять...

— Зато, — говорю, — тебе фашистский закон хорошо известен. Давно ли это фашистский закон твоим законом стал?

Тут вмешался староста.

— Дело,— говорит,— ясное. Сын у нее — партизан. Муж — партизан. И сама, раз не ушла никуда, значит тоже где-нибудь партизанит. Что с ней канителиться!

Тут заговорили они между собой о расстрелянных партизанах. Шутенков советует старосте:

— Коли не брезгуете, снимите с них валенки, разденьте и заройте их в землю, как собак.

У меня от злости дух захватило. Вижу, стоит на столе тяжеленная чернильница. «Схвачу, — думаю, — да ахну этого подлеца, чтобы сдох, проклятый пес, тут же на месте». Рука так и тянется сама к чернильнице, и нет у меня никакого страха — легкость такая. Тут вспомнила я про Витьку.

— Ладно, — кричу, — убивайте меня! Истребляйте всех до корня. Мужа моего вы убили, любимого сына убили. Убивайте уж и младшего сына, казните меня вместе с ним! Я сама вам его приведу!

Должно быть, отчаянно я говорила. Большая сила во мне в те минуты была. Поверили. Староста кивнул головой.

— Ладно, веди сына.

Не поняли они, гады, что не сдамся, не лягу костьми, пока им не отомщу за их подлость. Не знали они большевистской души. Вышла из штаба. Вижу, Витя стоит, понурый.

— Текаем, сын.

И мы с ним за машины, за дома, да все дальше... Смешались с людьми, — тут как раз немецкая пехота проходила, — выбрались кое-как из деревни. Увела я от лютой смерти моего младшего сына.

А о старшем, о Шуре моем, рассказали мне в соседнем селе. Слух о его смерти шел впереди меня. Шопотом сообщали об этом люди друг другу и удивлялись великой силе, что таилась в шестнадцатилетнем мальчике.

...Привели Шуру на допрос. Стал выспрашивать его немецкий комендант, начал грубо ругать большевиков и партизан. Не стерпел Шура. Схватил он чернильницу со стола и двинул ею в переносицу коменданту. И приговорили моего сына к страшной казни.

Как сказали мне об этом, сжалось у меня сердце. «Так, — думаю, — Шурочка. Сделал ты то, что мамка твоя собиралась сделать. Точно сговорились мы с тобой. Так их, Шурочка!»

И хоть не была я с ним в последние его минутки, но я их вместе с ним сотни раз пережила, потому что он — сын мне и потому что я сама сквозь все это прошла — сквозь эту злобу к негодяям, и гордость, и отчаянное бесстрашие.

Знаю, как брел он, больной, в родное село Песковатское, как лежал там ночью один в доме на печке, где отец с матерью ему сказки рассказывали. Помнится, любил он слушать про путешественников, которые открывали новые страны, про победителей, про людей, которые не умеют сдаваться. Он не сдался.

Когда он шел на казнь, фашистские сволочи штыками кололи ему ноги — полные валенки крови были у моего Шуры. Но он шел твердо: он решил умереть хорошо.

Люди видели, как он, смеясь, глядел в лицо своим палачам. Они велели ему написать на фанерной дощечке: «Такой конец ждет всех партизан». А он взял карандаш и написал крупными буквами во всю

фанеру: «Сотрем с лица земли фашистскую гадину!» и бросил дощечку в народ.

Они хотели повесить ему на спину винтовку: партизан должен качаться в петле во всем своем вооружении. Он выхватил эту винтовку и ударил прикладом немецкого солдата. Говорят, сломал ему ребро. Ударил и крикнул:

— Что вы мне ржавую винтовку даете? Мы не с такими воюем!

А когда его подвели к виселице, он звонким голосом воскликнул:

— Эх, гады! Всех нас не перевешаете! Нас много!

Тут они накинули ему на шею петлю.

Тогда Шура запел «Интернационал». Петля была у него на шее, а он пел. Пел про последний, решительный свой смертный бой.

— Отбрось табурет, — приказали ему палачи.

Шура отказался. Он ни в чем не хотел им помогать. Только трусы ускоряют свою гибель. Немец выбил из-под его ног табуретку.

Повисая в петле, Шура что есть сил ударил гада ногой. Так и умер, сопротивляясь.

...Я брела с Витей из деревни в деревню, точно меня оглушили. Ничего я не слышала, кроме боли. Такая тьма была вокруг, столько ужасов встречалось нам на пути, столько расстрелянных, сожженных, повешенных немцами людей.

Шурина мука смотрела на меня отовсюду. Я шла, перевязывала раненых и все отдавала им: Шурину рубашку, — для него приготовила, кружку свою, все вещи. Не моя сила меня вела, заставляла прятаться, обходить опасные места. Раненый лейтенант указал нам, как перейти линию фронта. Выбрались мы с Витей из немецкого ада. Увидела наших — отогрелось сердце. В первый раз за все время мне стало легче. Мы остались в части. Я просила, чтобы взяли меня на службу в армию, хотя бы санитаркой. Рассказала комиссару о сыне и муже. Он согласился. И начала работать.

Когда освободили наш район, пришло мне письмо от мужа, — ему удалось убежать от немцев. Муж писал, что Шурино тело нашли возле виселицы в снегу. Наверно, перервалась веревка. Обмыли его, одели и похоронили на площади.

Эта площадь теперь называется площадью имени Александра Чекалина. И Песковатское тоже теперь село имени Шуры Чекалина, моего сына.

Ю. НЕЙМАН

КАЛИНИНЦЫ

ГОРОД

Две девушки шли по улицам родного города, захваченного врагом.

Город был неузнаваем. Тротуары были усыпаны осколками кирпича, кусками штукатурки. Стены домов разворочены, размозжены. Точно огромное чудовище проползло по городу, железным брюхом раздавило дома и закоптило развалины смрадным дыханием.

Девушки спешили. Командир отряда, направляя их в немецкий тыл, дал адрес комсомольца, оставшегося в Калинине. Нужно было как можно скорее добраться до Кости Елисеева.

Город был страшен. Трамваи стояли на перекрестках. Со столбов свисали оборванные провода. Между двумя крайними столбами провод уцелел; на нем, в дымном небе, покачивался повешенный. На груди мертвеца болталась надпись — крупные буквы на оторванном переплете книги: «Я — партизан».

Люба и Шура, так звали комсомолок, прошли мимо не останавливаясь. На Почтовой площади они все же замедлили шаг,— так поразила их уродливая чернота развалин. Площадь была пустынна.

Милый город, родной Калинин, во что они превратили его!

Девушки дошли до угла Советской. Надпись «Советская» была сбита, на месте дощечки нарисована стрелка и что-то написано на немецком языке.

По Советской девушки дошли до площади Ленина.

Памятник еще стоял, но вокруг статуи копошились фигурки в зеленом. Это были первые германские солдаты, которых увидели девушки. Зеленые фигурки казались очень маленькими по сравнению с высокой статуей. Один из солдат подставлял к памятнику лестницу, другой хлопотливо тащил веревку, третий с кривым и злобным лицом прицеливался из револьвера. Точно они примеривались, соображали и не могли решить, как оскорбительнее и гаже расправиться с тем, кто стоял на пьедестале.

Чувствовалось: не просто памятник уничтожали на площади, — с дикой ненавистью попиралась здесь душа города, уничтожалась святыня народа.

У Любы сжалось сердце. Выхватить бы револьвер у этого куцего да разрядить обойму прямо в его наглую морду! Отрывок немецкой речи донесся до слуха девушек. Нелепой, жуткой показалась им чужая самоуверенная речь. Люба взяла Шуру под руку. Так, вдвоем, они спустились вниз мимо дымящихся развалин. Навстречу попалась женщина с ведрами. Они попросили воды.

— Пейте, девчата. — Женщина говорила тихо и все время озиралась по сторонам.— Пейте, да только поскорей. Не то загрызут. Им несу, окаянным.

— На квартире стоят?

— Стоят. Шестеро. С утра орут: «Матка, воды!» Носишь им с Волги, водопровод-то разбит. Живем, как затравленные. Отца угнали, брата... Рассказывали раньше — не верила. Думали, немцы тоже люди. Да разве ж люди эти вшивые? Рассядутся вшей искать, разденутся при тебе голяком. Смотри на них, точно ты и не женщина, а вроде мебели. Детей не любят. Ночью заплачет ребенок — затыкай ему рот. Того и гляди, ударят о печку головой. Разве ж это люди?

Домик, где жил Елисеев, сохранился. Только стекла были побиты. Девушки постучали. Им долго не отворяли. Наконец в щелку приотворившейся двери просунулась голова девочки.

— Нету здесь такого,— сказала девочка,— не живет у нас.

Дверь захлопнулась. Девушки растерянно поглядели друг на друга.

— Куда же итти, Люба?

Люба подумала.

— Знаешь, к Марье Ивановне пойдем, к уборщице. Она как будто осталась в городе. Она бабка славная. Домой итти никак нельзя.

Девушки повернули обратно.

КТО БЫЛИ ДЕВУШКИ

Люба рано привыкла полностью отвечать за свои поступки. Школа-семилетка была в соседнем селе, и Люба от матери перебралась туда, к дальним родственникам, людям, мало ее замечавшим. Когда Люба перешла в старший класс, ей назначили стипендию. Так она стала совсем самостоятельной.

Подруги ее уважали. Если требовался совет в важных делах, шли к Любе. Очень хорошо она слушала. Ее узкие, глубоко сидящие глаза расширялись и теплели. И подруга с удовольствием чувствовала, что Люба понимает не только слова, но и невысказанное, то, что за словами.

О себе она не любила говорить, и сложилось так, что к ней шли, как к старшей, не ожидая ответных признаний. Подразумевалось, что ей это ни к чему. А она чувствовала себя иногда одинокой.

С Шурой они познакомились в Калининском обкоме комсомола. Они работали вместе, работали дружно, хорошо. Шура была старше Любы на два года и не нуждалась в опеке. Их потянуло друг к другу, и Люба впервые почувствовала себя в дружбе равной и поняла, что впервые встретила друга.

О многом говорили они длинными вечерами. Шура была мечтательница. Люба умела наблюдать. Больше всего их занимало будущее. Они были молоды, и перед обеими впереди была целая жизнь.

Так их застала война.

Надвинулись события, огромные, грозные.

«Что ты можешь сделать?» спросила каждого родина. И обе девушки-комсомолки, как миллионы других наших юношей и девушек, ответили, взвешивая каждое слово: «Отдать все, а если потребуется — и жизнь».

Им хотелось действовать сейчас же, немедленно. Услышав, что требуются доноры, Люба в тот же день, не успев повидать Шуру, побежала в Институт переливания крови. У нее оказалась первая группа, и она даже испытала некоторую гордость при мысли, что ее кровь пригодна для всех. Но с медосмотром вышла неприятность. Выслушав Любино сердце, врач сказал, что ей вредно быть донором. В детстве Люба часто болела ангиной, и теперь стоило ей быстро взбежать по лестнице, как она начинала задыхаться. Но это были такие пустяки, и она так горячо убеждала в этом врача, — он сдался и разрешил ей дать кровь.

Вместе с Шурой они ходили на курсы сестер-дружинниц. Шуре трудно давалась латынь, а Любу втайне беспокоило то, что у нее неловкие руки и она может причинить боль раненому. Такие же опасения были у многих девушек; некоторые даже ушли с курсов. Но Люба и Шура остались до конца и непременно сдали бы отлично экзамены, если бы не это нагрянувшее на их город тяжкое несчастье.

Враг подступал. Красная Армия вынуждена была временно отойти. Население спешно покидало Калинин.

Никогда не забудут девушки этих черных дней, дыма над городом, едкой печали и клокочущей ненависти к врагу!

Они решили далеко не уходить. Пришла пора сдержать слово. «Если потребуется, то и жизнь — родине...» Теперь настал час великой проверки. Вместе с группой комсомольцев девушки остались в ближнем лесу. Их отрядом командовал Алеша Баскаков, серьезный, живой, энергичный.

Если бы полгода назад кто-нибудь показал Любе и Шуре теперешнюю их жизнь,— осеннюю черную ночь, сумрачные, сырые, замшелые деревья, — они сказали бы, что так бывает только в кино или в книгах. Но сейчас у них не было времени смотреть на себя со стороны. Они учились, как лучше копать землянку, как ходить по болотным тропам, как спать без костра на сырой земле.

На третий день вечером Баскаков собрал отряд. Он сказал, что нужно кому-то вернуться в Калинин, высмотреть, где у врага огневые точки, поговорить с жителями. Лучше, пожалуй, чтобы пошли девчата. Едва он спросил: «Есть ли желающие?» — Шура сказала: «Я». Люба чуть-чуть помедлила («Справлюсь ли?») и тоже сказала: «Я». Раздались еще голоса, но командир остановился на двух, вызвавшихся первыми.

Он посоветовал девушкам, как им лучше себя вести, сказал, что в Калинине остались свои и они, конечно, не бездействуют. Назвал комсомольцев — Нефедова и Костю Елисеева. Костя поможет в передаче сведений.

Той же ночью подруги повязали шали по самые брови, надели котомки и попрощались с друзьями.

Выйдя из лесу, они огляделись. За рекой, над дальним городом стояло зарево. Сзади все было мирное: лес спускался в ложбинку, чернела вдали деревня. Все было свое, русское, пожалуй, еще более русское, чем раньше. Так бывает с лицом человека: после пережитых испытаний с особой силой проступают в нем национальные черты.

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Позднее, когда они отправлялись во вражеский тыл в третий, четвертый, пятый раз, это ощущение несколько притупилось. Но в первый раз оно было очень сильным. Как определить это ощущение? Собранность, окрыленность, и, главное, нет страха. Не страшны снаряды. Не страшны немцы. Не страшна смерть. Это было почти вдохновение. Должно быть, поэтому им так везло.

У Волги валялась старая лодка. Весел не было, но Шура хорошо управляла досками. Люба выросла вдали от воды, грести не умела, и Шура посмеивалась над ее неловкостью. Потом обеим стало не до смеха. Волга казалась куда шире обычного. В их «душегубку» набиралась осенняя ледяная вода, лодка кренилась, коченели ноги. Руки болели так, что взять бы да бросить к чорту проклятые доски. И все-таки в тот раз им очень повезло. При выходе на берег их никто не заметил. Будь иначе — они бы влипли. Только позже выработалась у них обостренность чувств, свойственная разведчику, у которого слух необычайно тонок, глаза — зорки, а память... в памяти — весь смысл, все богатства, приобретенные ценою смертельного риска.

Ночевали они в комнате, стоящей посреди поля. Дом был разрушен, осталась одна комната; оголенные стены ее сотрясались от грохота разрывов. Стреляли здóрово, но девушки не спали по другим причинам: от холода и волнения. До света нельзя было выходить: русскому населению позволено передвигаться только днем.

Вот они уже — «русское население». Как дико это звучит! Они вступили в другой мир.

Утром девушки пришли в Калинин. Бабка Марья Ивановна, у которой девушки решили остановиться, открыла им дверь, перепуганная насмерть. Разглядев, кто это, она несколько успокоилась.

— Я-то думала опять их несет. А это вы... От сердца отлегло. Откуда, голубушки?

Девушки сказали, что им не удалось уехать из Калинина. Вышли, мол, из города, побродили по деревням и вернулись.

— Как-нибудь проживем...

— Ох, милые вы мои! И зачем это вы пришли? Лучше в поле

Калининский фронт. Отвагой и мужеством славится в своей части летчик-комсомолец И. Хромович. На снимке: бюро ВЛКСМ части дает тов. Хромовичу рекомендацию для вступления в ряды ВКП(б).

замерзнуть, чем здесь, с ними. Уж на что стара я, и то думаю: «Не уйти ли, пока жива?» И чего вернулись, глупые?

Она долго еще причитала, вздыхая и кряхтя. Потом забеспокоилась: верно, они голоднёхоньки...

— И что мне дать вам, миленькие? Все у меня обчистили. Самоваром, и тем не побрезговали. Осталось вот в подполе чуть мерзлой картошки. Сейчас сварю.

Вода бурлила в котелке, и картофель уже можно было проткнуть вилкой, когда дверь затряслась от ударов. Оттолкнув бабку, в комнату вошел долговязый офицер. Лицо у него было тощее, горбоносое. «Прямо из «Крокодила», шепнула Шура Любе, но не улыбнулась. Журавлиным шагом офицер прошел на кухню, осмотрел стенные полки и стол. Открыл шкаф, подошел к печке. Людей он не замечал, точно в кухне не было никого. Сел к огню, подвинул котелок. Воткнул лезвие ножа в картошку, откусил. Обращаясь в воздух, крикнул:

— Salz![1]

Никто не шевельнулся.

— Salz! Schnell![2]

Он схватился за кобуру.

---

[1] Соли!

[2] Соли! Скоро!

— Чего это он?— растерянно прошептала бабка.

— Соли просит.

Бабка принесла соль в тряпочке. Долговязый взял щепоть и отшвырнул остальное. Соль попала старухе в лицо.

Доев картофель, офицер вышел, все так же глядя перед собой, будто комната была пуста.

Смешно? Нет, смеяться не хотелось. Невидящие глаза офицера показались девушкам едва ли не самым мерзким из всего, что им встретилось за день. На что только не способно существо с такими глазами! И позднее, когда Любе и Шуре случалось присутствовать при чудовищных сценах или слушать рассказы очевидцев, поседевших от ужаса при виде фашистских зверств, они вспоминали тощее слепое лицо — наглядное воплощение того, что эти выродки называли своей «системой».

НЕФЕДОВ

Комсомолец Нефедов, о котором командир отряда говорил девушкам, наблюдал эту «систему» с первых дней прихода немцев. Уничтожение человеческого в человеке — вот на чем была основана их «система». С болью и гневом видел Нефедов, как захватчики пытаются превратить в рабов людей, еще вчера свободных.

Город менялся на глазах. Прохожие кутались в какие-то отрепья. У бойни стояли бледные женщины в очереди у жолоба, по которому стекала кровь. Немцы резали скот, и озябшие, голодные люди вылавливали кусочки требухи, изредка попадавшей в сток.

И возле мельницы тоже толпились женщины. Здесь иногда давали работу. Немецкие солдаты прикладами разгоняли ожидающих. В этом не было никакого смысла. Это было все то же стремление — унизить.

Работа... Нефедов слышал про эту работу. Пригородные колхозники рассказывали, как их в телеги впрягали вместо лошадей. А то еще — это было, пожалуй, унизительнее всего — их заставляли перекладывать солому из одного сарая в другой просто так, без смысла.

Комсомолец Нефедов с детства знал: «Человек — это звучит гордо». Книги, товарищи, вся его прошлая жизнь учили уважению к человеку и его труду. «Эти» пытались заплевать все, чем жил Нефедов и миллионы его сверстников. Нефедов стискивал зубы. Не бывать этому!

Нефедов внимательно прислушивался к тихим разговорам, которые вели между собой соседи, прохожие, те, с кем он встречался. Негодовали все: кто яростнее, кто боязливее.

Однажды на Инструкторской улице Нефедов встретил знакомых ребят — Виктора Пылаева и Хохлова. Они обрадовались друг другу. Поговорили, стоя у ворот дома. Мимо ворот, шатаясь, прошли два пьяных ефрейтора. Комсомолец Хохлов посмотрел им вслед, задыхаясь от злобы.

— Сволочи! Что ж, так и будем на них любоваться? Сидеть сложа руки?

Ребята жили вместе на одной квартире. Нефедов зашел к ним ве-

чером. Да, пожалуй, это были подходящие парни. С ними можно было начинать.

Оказалось, у них есть еще один надежный друг — Боря Полев. В день прихода немцев Борис ушел из дому, надеясь пристать к партизанскому отряду. Но ему не удалось выбраться из Калинина. Горячая голова, смельчак, рискач, Борис Полев первый предложил добыть у «фрицев» оружие.

Нефедов решил, что это будет первой проверкой, и согласился. Свою вылазку ребята должны были провести одни, без него.

Это было неосторожно, но Полев проводил Нефедова до самого дома. Полев так и сиял.

— Не боишься?— спросил Нефедов.

Борис свистнул:

— Дадим им жару! Попомнят они нас.

На этом друзья расстались.

ШУРА И ЛЮБА

Задание нужно было выполнить как можно скорее. Немного отдохнув у бабки, Шура и Люба отправились в город. Они шли по улицам с безразличными лицами, будто гуляли. Так они дошли до района, откуда немецкие власти выселили всех жителей. Тут «рассеянность» девушек исчезла. С кошачьей осторожностью крались они вдоль заборов. Здесь было много немецких солдат и орудий. Девушки смотрели, запоминая, в каких местах стоят орудия.

У ворот узкого двора они едва не столкнулись с фигурой в зеленом френче. К счастью, немец их не заметил. Девушки спрятались за грудой досок.

На аэродроме было много немецких самолетов. Ипподром тоже представлял интерес: там стояла пехота и танки.

Девушки тщательно обследовали город. На площади Метростроя, на месте былого уютного сквера, пугающе ровными рядами тянулись кресты. Люба и Шура здесь несколько задержались. Отправляя их в город, Баскаков советовал внимательно читать надписи на могилах немецких офицеров: в надписях нередко указывались номера полка, батальона.

К вечеру вернулись домой. У бабки был гость — племянник Коля. Марья Ивановна радовалась:

— Думала, погиб парень. Убили, проклятые. А он, вот, вернулся.

Оказалось, что Коля провел несколько дней в немецкой комендатуре. Он рассказывал страшные вещи. На его глазах погибла девушка с черными косичками, совсем молоденькая. Палачи вывернули ей руки и ноги. Медленно умирала она на грязном полу. Коля не знал ее имени. Может быть, она тоже была партизанкой.

Коле удалось выбраться из комендатуры: он прикинулся дурачком. На самом деле это был живой, сметливый мальчуган. Он был знаком со многими калининскими комсомольцами, знал Костю Елисеева.

— В деревню ушел Костя,— сказал мальчик Любе и Шуре.— Здесь его заприметили, вот он и ушел из Калинина.

Девушки задумались: Кости нет, значит нужно немедленно возвратиться в отряд и самим передать сведения. Но сегодня итти было поздно, у заставы их непременно задержат. Приходилось ночевать в Калинине. Не хотелось бездействовать, так и подмывало показать обнаглевшим мерзавцам, что не все боятся их.

Гуляя по городу, они с отвращением читали висящие на перекрестках наглые «обращения к населению». Палачи и мародеры смели величать себя освободителями. Девушки решили сорвать «обращения».

Эту ночь они провели, прячась в развалинах здания, стоящего неподалеку от площади. Было очень холодно. Черная темнота и чувство одиночества охватили их. Сидеть было трудно: застывали руки и ноги. Прижимаясь к стенам, девушки вышли на площадь.

Немецкие солдаты копали землю. Глухо звенели заступы. Возле разрушенного дома чернел силуэт грузовой машины. Солдаты разгружали грузовик, сбрасывая тюки странной формы. Присмотревшись, подруги догадались: немцы хоронили своих мертвецов. Днем они избегали это делать: к чему населению знать, сколько верных слуг Гитлера погибает ежедневно? Вот они, мерзлые гансы и фрицы. Навалом лежат они на ненавидящей их земле.

Девушки скользнули вдоль стены.

Перекресток. На заборе — «обращение» на двух языках. Плакат с немецким текстом они решили оставить: «все равно его никто не читает». Но то, что написано по-русски, Люба содрала и сунула в карман пальто.

Пока Люба срывала объявление, Шура стояла на страже. Отсюда они побежали к базарной площади, там тоже висела «афишка». На этот раз караулила Люба, действовала Шура.

Становилось все холоднее, близился рассвет. Нужно было спешить. Когда они шли к последнему объявлению, — это было около химической школы, — Люба замешкалась, ударившись в темноте о какой-то предмет. Вдруг тишину прорезал ружейный выстрел, за ним еще несколько. Топот шагов, люди... Задыхаясь, Люба догнала Шуру, схватила за руку, втиснула в ближайший подъезд. Мимо них, топоча, пробежало несколько человек. Слышались крики. Девушкам показалось, что немцы кричат:

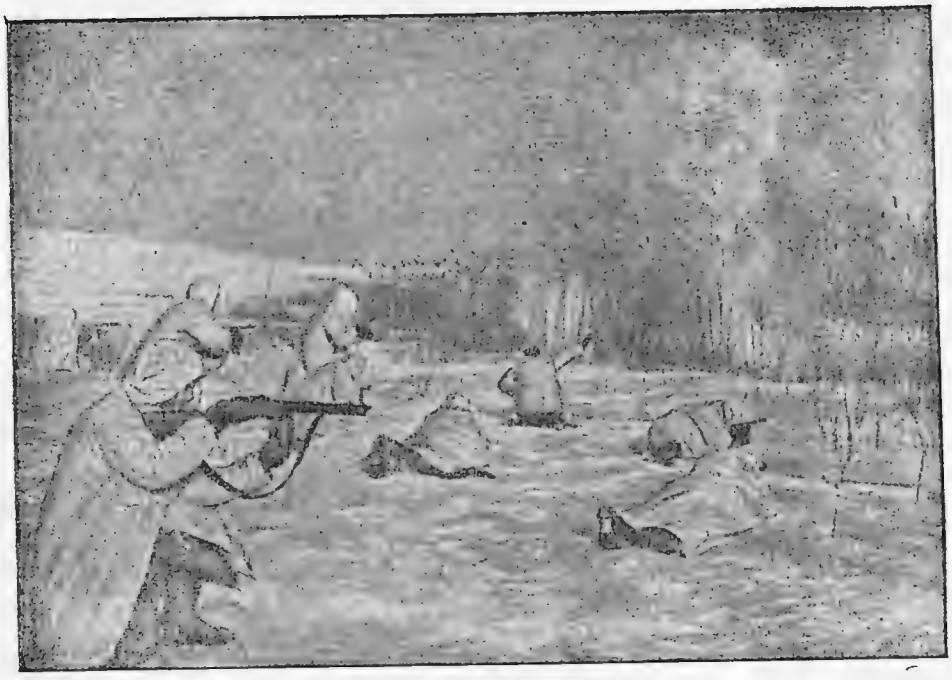
— Партизаны, партизаны!

В подъезде они простояли, должно быть, около часа. На улице все стихло. Девушки выглянули. Задворками добрались до дому.

Бабка рассказала, со слов соседей: ночью неизвестные обстреляли химшколу, где стояла немецкая часть.

...В тот же день ребята принесли Нефедову два автомата и много патронов.

— Первого часового финкой сняли, а второго уже из их собственного фашистского оружия,— сказал Хохлов.— Обновили, значит.



Вперед на запад! Атака автоматчиков.

ПРАЗДНИК

Обстрел химшколы оказался первым в ряду происшествий, крайне неприятных для обнаглевших «хозяев» города Калинина. Через несколько дней после первого «налета партизан» на перекрестке снова был найден труп немецкого солдата. Затем еще два. А через неделю во дворе казармы с грохотом взлетела на воздух полковая кухня.

Кухни стали «специальностью» Бориса Полева. Он умел удивительно удачно выбрать минуту, когда никого нет и можно ловко всунуть взрывчатую «начинку» между поленьями. Три полковые кухни взорвались в самом Калинине, а две уехали из города в часть. «Поели горяченького фрицы», радовался Борис.

Взрывы и поджоги в городе не прекращались. Среди немцев ходили легенды о неуловимых мстителях; предполагалось, что в городе орудует одна группа. А между тем в Калинине действовали не одни нефедовцы. Склад мотоциклов и общежитие немецких солдат взорвали комсомолки Карасева и Моисеева, отважно пробравшиеся в тыл врага.

Особенно смело действовали партизаны в окрестностях города. Немецкому командованию донесли, что на колонну автомашин напал «многочисленный отряд партизан и в результате нападения убито 27 немецких солдат, уничтожено 3 автомашины и 6 бочек горючего. Задержать партизан не удалось». Вторая часть донесения была совер-

шенно точной, но в первую вкралось некоторое преувеличение. «Многочисленный» отряд партизан на самом деле состоял из девяти человек. Ими командовал Алексей Баскаков. Он первый бросил бутылку в немецкую машину.

Впрочем, в этой операции принимали заочное участие еще двое. Это были Шура и Люба, разведавшие, что в районе села Огурцова скопилось много немецких автомашин.

...Наступил ноябрь. Близился праздник, октябрьский праздник в захваченном фашистами городе. Печально и торжественно ощущалось его приближение.

Ребята собрались у Нефедова. Говорили о том, как по-настоящему встретить Октябрь.

— Помните, ребята, прошлый год? Праздничные костюмы, вечер в клубе, отдых, веселье... Как-то встретим мы Октябрь в этом году?

— Мы его отпразднуем,— сказал Нефедов.— Мы встретим его, как надо. Над нашим городом тоже взовьется красное знамя.

Юноши встали. Это было совсем непохоже на обычный канун октябрьского праздника. Это было грустно, и все-таки было в этом что-то прекрасное. Нефедов взглянул на Хохлова; тот показался ему выше ростом, чем обычно. И маленький хромой Нефедов тоже как будто вырос. Они с гордостью смотрели друг на друга — четыре советских парня, четыре товарища.

А 5 ноября, когда Нефедов заглянул на Инструкторскую к друзьям, он уже не нашел их. Квартира была разгромлена. Перепуганные соседи сообщили, что ночью у ребят был обыск и их увели.

7 ноября 1941 года. В Сушкове, деревне около Калинина, этот день прошел так. Крестьян собрали в семь утра, всех, включая четырнадцатилетних подростков. По обыкновению, была устроена перекличка: все ли на месте. Строем их повели, как обычно, на работу.

Но работа сегодня оказалась необычной. Им дали лопаты и приказали копать яму. Потом заставили врывать в землю столбы, к столбам прибили перекладину.

Два дюжих немецких солдата подвели к виселице человека с изуродованным, распухшим лицом. В глаза человека было страшно смотреть,— столько в них жгучей, обнаженной муки. На шее висела надпись: «За непокорность».

Многие знали этого человека. Это был простой русский парень, рабочий вагонного завода — Илья Мухин.

Его повесили.

Вокруг, потупив головы, стояли старики, женщины, мальчишки. Среди них калининский комсомолец Костя Елисеев. Он плотно сжал губы: только бы не крикнуть, он не имеет права выдавать себя. Люди стояли потупясь.

Им приказали хоронить повешенного. Костя хотел снять с мертвого петлю, но немецкий ефрейтор оттолкнул его — веревка должна остаться. Потом ефрейтор снял с мертвеца калоши. В глубоком молчании крестьяне засыпали казненного землей.

7 ноября 1941 года. В подвале на улице Софьи Перовской, где

помещалось гестапо, в ужасающей тесноте стояли люди. Сесть некуда. Даже умирая, ты должен стоять.

Хохлов не смотрел на Виктора. Все равно говорить нельзя. У этих стен, несомненно, есть уши. Да и нет сил говорить. Сколько может перенести человек? Сегодня его, Хохлова, раздетого догола, водили по краю рва с холодной водой. Как закроешь глаза, — вот он снова этот ров... А Борис все не возвращается. Что они держат его так долго? Как изменился Виктор Пылаев за эти два дня! Приободрись, Витя! С праздником, Витя... Почему нет Бориса? Как бы узнать, вывесил ли Нефедов знамя? Нет, одному ему не под силу. Девочки — слабые помощницы. С какой любовью сшивали они красные полотнища! Хорошо бы лечь. Больше всего на свете хочется лечь! Старуха в правом углу сегодня не стонет. Померла, должно быть. Борис просил передать своим, чтобы уходили из города. С кем передать? Может, все-таки отпустят?.. При обыске ничего не нашли. А на допросе — как ни мучьте — ничего не добьетесь. Комсомольцы умеют молчать. Где же Борис?..

В этот день Борис Полев так и не вернулся с допроса.

...Красный флаг все-таки взвился над городом. Его вывесил не Нефедов — одному это было не под силу. Несколько школьников во главе с Колей, племянником Марьи Ивановны, сделали и подняли на крыше лыжной базы праздничный красный флаг.

ДРУЖБА

Мир знает чудесные предания о женской любви, о самоотверженности жены и матери. Но о женщине-друге еще мало рассказано.

...Это случилось в середине ноября, когда Люба и Шура в шестой раз побывали в Калинине и возвращались в отряд, к своим. Они собрали ценные сведения о подходе новых сил противника, установили, какие части находятся в Калинине.

В отряде с нетерпением ждали разведчиц. Нужно было спешить.

Выйдя из города, девушки увидели, что по Волоколамскому шоссе густо идут немецкие войска. Поговорили с жителями пригорода. Те сообщили интересные новости. Надо было непременно попасть в отряд не позже завтрашнего утра и рассказать обо всем.

Повязанные большими платками две «погорелицы» благополучно дошли до ближайшей деревни. Здесь стояли немецкие части. От внимательных глаз разведчиц не укрылась лихорадочная озабоченность солдат и офицеров.

— Собирается германец куда-то, — сказала колхозница, к которой зашли Шура и Люба.— Ночью солдат переправляли к лощине. Халаты белые напасли.

Ту же суету и поспешные приготовления Люба и Шура увидели в следующей деревне. Свои люди, хозяева дома, где стояли немецкие офицеры, рассказали, что немцы получили какой-то приказ и собираются выступать.

Девушки пошли дальше. На пути им встретилась небольшая рощица. За деревьями скрывались немецкие машины и орудия. Их было

очень много. Но как сообщить нашим летчикам об этой германской технике? Как сказать им, чтобы разбомбили, стерли с лица земли?

И, словно в ответ, внезапно низко-низко прогудели три бомбардировщика. Пулемет застрочил по роще, чуть ли не по тому месту, где проходили девушки. Наши самолеты, советские! Как ни странно, у девушек и мысли не появилось о себе, о том, что они сами чуть не погибли. Только радость.

— Люба, Любанька, наши знают!

Темнело. Девушки шли болотцем, припорошенным снегом. Ползли по мерзлой земле. Нужно было притти в отряд как можно скорее. Может быть, немцы выступают завтра.

Подруги доползли до железнодорожной насыпи. Здесь стояла будка. Девушки не знали — немецкая или наша. Из будки раздался голос:

— Хальт!

Пришлось остановиться. Часовой не слушал или не хотел понимать объяснений. Двух русских «маток» повели в штаб. Толкнув Любу в спину, солдат срезал ножом котомку, искромсал ее — тряпки.

— Откуда, рус?

Девушки привычно объяснили:

— Дом сгорел. Идем к лесу. Там наши старики.

В ответ раздалась немецкая ругань вперемежку с русской:

— Расстреливать вас надо, russische Schweine, чтобы не шлялись здесь!

Но, видимо, заниматься ими всерьез было некогда. Девушки отделались синяками. Их вытолкали из будки.

— Пошли дальше, Шура, пошли.

Теперь девушки шли с еще большей осторожностью, далеко огибая каждую подозрительную будку. Артиллерийская стрельба усиливалась. Приходилось заползать в канавки, пережидать. Рядом, взметнув снег, разорвался снаряд. До деревни добрались с трудом.

Колхозники сбились в одну избу: вместе не так страшно. Лежат вповалку. В духоте плачут дети.

Всю эту ночь Люба и Шура не могли уснуть. Как же это они не добрались? Присоединилось ли к немцам подкрепление?

Чем свет вышли из деревни. Стрельба стихла. Болотце, хрустящие сучки, снежок...

Откуда взялся он, этот шалый снаряд?

Любу отбросило в сторону, оглушило. Мелькнуло в сознании: «Как неожиданно и легко — смерть!» И вдруг в ушах глухой, печальный голос Шуры: «Любушка, ты жива? А у меня, вот, нога...»

Стало быть, живы. Люба подняла голову. Шура лежала метрах в десяти, засыпанная землей. Люба хотела встать, но рядом просвистела пуля, и Люба поползла к Шуре, стараясь не поднимать голову. Посмотрела Шурину ногу.

Пятка вырвана, торчит белая кость. Люба порылась в котомке. Хорошо, что немцы оставили часть пожитков: простынку и матрац.

Бесперебойно действует связь, проложенная гвардии сержантами комсомольцами Родным и Притулой.

Сотни вражеских мин обезвредил комсомолец Б. Арапов. Военный совет фронта наградил смелого сапера медалью «За отвагу».

— Потерпи, потерпи, Шурочка.

Вот где пригодился опыт санитарки-дружинницы. Люба перевязала ногу, замотала матрацем, чтобы не было холодно.

Надо дальше двигаться, но как?..

— Погоди, Шурочка, может, найду что-нибудь. Полежи.

Люба по снежному полю проползла с полкилометра и встала на ноги. Невдалеке будка. Подошла к ней тихонько, заглянула: пусто, никого нет.

Что же теперь делать? Там, позади, — Шура, одна, может замерзнуть.

Люба вернулась и связала вместе все, что нашла: ремни, пояса, тряпки. Шурины ноги сложила так, чтобы больная нога была сверху. Надо двигаться, пока Шура еще в силах.

— Не увезти тебе меня, Любушка.

Шура — рослая, большая. Маленькая Люба тянет ремни, шагая по снегу. Шура помогает ей, чем может, цепляется за кусты, подтягивается на руках. Так движутся они по мерзлому болоту. Мороз, холодный снежный ветер, а у Любы на лбу каплями проступает пот.

Шаг за шагом. Трудно итти. У насыпи — вторая будка. Люба заглянула в нее. Никого в ней не было, но в углу стояли детские салазки.

Не уместиться на таких салазках взрослому человеку, но все-таки с ними легче. Кое-как уложила Шуру на саночки, привязала ремнем. А у той потемнели и запали глаза. Видно, ей очень больно.

Люба тащится дальше.

— Холодно, Саша?

Шура ничего не сказала. Люба сняла с себя пальто и шаль.

— Что ты делаешь, Люба? Не смей! Сейчас же забирай обратно!

— Так легче, Шурочка. Жарко.

Верно, было жарко. Но теперь холодный ветер пронизывал ее насквозь. И так трудно было итти. Сердце билось, плохое сердце — прав был тогда, в институте, врач.

— Оставь меня, Люба, иди одна.

Любу шатает. Молча она идет вперед. Губы сжаты. Ветер развевает волосы.

— Перестань! Ты бы оставила меня?

Итти надо. Передать сведения. Шуру довезти.

Какой это был трудный путь! Пить смерть как хотелось. Снежка бы глотнуть. Но если остановишься, так уже нехватит сил двигаться дальше, упадешь — не встанешь.

На дороге показались люди. Может быть, свои? Люба ускорила шаг. Она услышала чужие голоса и грубый смех.

Должно быть, очень забавна показалась им русская девчонка, бегущая в одном платьишке по морозу, ее растрепанные волосы и красное лицо.

— Эй, матка, что везешь?

Трудно понять, что за тряпье навалено на детские салазки. У Любы упало сердце.

— Сестру везу. Швестер. Жили в будке. Хаус. Разбомбило. Бум-бум. Швестер ранило в ногу. К врачу везу.

Они снова смеются, рыжие обезьяны. Ладно. Только бы не задержали.

— Германский войско далеко?

— Не знаю. Не видела.

Может быть, это они и есть, из того самого пополнения? Люба пошла дальше. Наверно, в следующей деревне наши. Еще немного потерпеть. Шура стонет все громче. А у Любы нет больше сил утешить ее, поддержать. Одна мысль в голове: «Как-нибудь добраться!»

Вот и деревня. И на первом же шагу видит Люба, что усилия были напрасными. В деревне — немцы. Отчаяние охватило ее. Ноги подкосились. Семь километров везла, надеялась, что встретят, помогут. А вокруг опять злые, враждебные лица.

Кое-как добралась до крайней избы. Навстречу — женщина.

— Что это? Что с девушкой-то?

Люба повторила то же, что рассказывала немцам: разбомбили дом, ранило сестру.

— Пойдем ко мне, девушка, и мне лучше будет. Десятка два их ко мне нашло. Шныряют из угла в угол. Все обобрали. Боюсь их досмерти. Пойдем ко мне.

Кое-как внесли Шуру, положили ее на кровать. Верно, в доме — человек двадцать немцев. Беспокойными глазами обвела их Люба.

Шура застонала: «Воды!»

— Нет воды. Терпи, Шурочка.

Потом Шура начала бредить. Немецкого солдата она принимала за товарища, партизана. Еще немного, и слова — слова, за которые пытают и расстреливают,— сорвутся с ее губ.

Люба наклонилась над ней. Прижала Шурину голову к себе.

— Молчи, слышишь, молчи!

И Шура узнала Любу. Сквозь бред, сквозь беспамятство услышала голос друга. Замолчала.

В избу вошел офицер. Мутными, пьяными глазами обвел он комнату, женщин, больную на постели. Выхватил револьвер.

— Рус, матка, вон на улица!

— Куда же с больной-то?

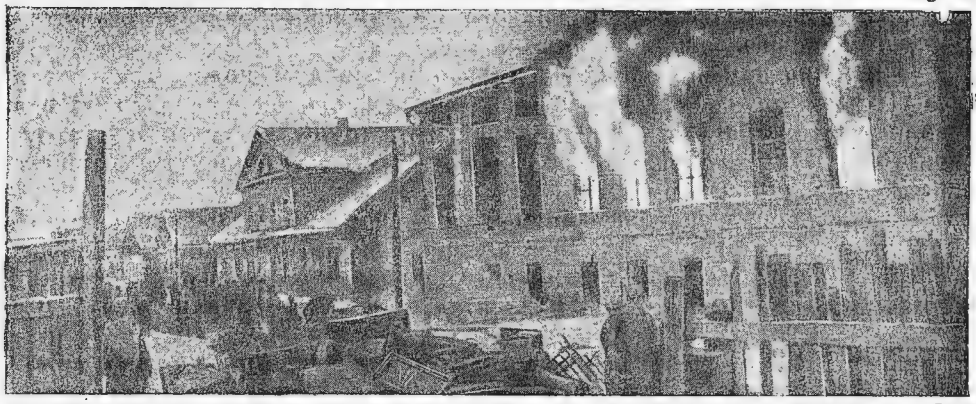
— Вон! Буду стрелять!

Он схватил Шуру за плечи, стащил с постели. Шура закричала. Люба бросилась к ней.

И вот они снова на морозе: больная Шура, Люба, у которой мутится в глазах от усталости, Ольга Павловна — хозяйка. Три русские женщины бредут по русской деревне, ища приюта. Во всех домах — немецкие солдаты. Их гонят отовсюду. Снег, ветер...

Избавление пришло неожиданно. Немцы, повидимому, получили приказ выступить из деревни. Наспех оделись, стали в строй. Как ни была измучена Люба, от глаз ее не ускользнула смешная и дикая сцена. Один солдат украл у другого крепдешиновый женский платок. Обнаружив пропажу, первый вор взволновался. Воры вступили в драку под смех остальных. Наконец они ушли.

Много ночей подряд дежурила Люба у Шуриной постели. Больной становилось все хуже. Врача достать было невозможно. Как помочь подруге?



Вперед на запад! Калинин освобожден от немецких оккупантов. Убегая, гитлеровские мерзавцы подожгли город.

Перебинтовывая Шурину ногу, Люба все сильнее чувствовала трупный запах. Может быть, это начиналась гангрена?

Пробраться с Шурой к своим, за Волгу, нечего было и думать. Оставалось одно — вернуться в Калинин. После бесконечных мытарств Любе удалось раздобыть сани с лошадью. Скрипят полозья.

— Кого везешь? — спрашивает встречный старик.

— Раненую сестру в больницу.

— Ну что ж, бог помощь. Я вот не довез старуху. Ранило ее, повез я вот так же к доктору, а на дороге — немец. «Стой, рус!» Выпряг лошадь. Прошу его, плачу — не слушает. Оставил я старуху. Сверху своей шубой прикрыл. Пошел обратно в деревню — хоть салазки привезти. А проехали мы никак с полпути. Вернулся обратно — нет моей шубы. И с нее, окаянные, всё сняли. Мертвая лежит старуха на снегу. Замерзла.

...В Калинине подруги простились. Люба поцеловала Шуру в сухие губы. И раньше были они дружны. Но только теперь, после бессонных ночей у постели подруги, поняла Люба, что такое для нее Шура.

Но расстаться необходимо: Любе надо в отряд.

— Я скоро вернусь, Шурочка. Мы все придем. Скоро наступит этот день.

ПРОВОДЫ

Этот день наступил. Грабьармия удирала, путаясь в краденых вещах. Жалкое и гнусное зрелище: пестрые женские шали вокруг небритых лиц, меховые горжетки на шинелях, разноцветные валенки. Шура узнала об этом чудовищном карнавале от других — она лежала в постели: рана никак не затягивалась.

Нефедов тоже был болен — чорт, до чего не повезло! Столько ждал этой минуты, и вот все происходит без него. Зато он хорошенько

снарядил друзей — Пылаева и Хохлова. Вооруженные финками и винтовками, отправились юноши в пригород устраивать немцам проводы.

Они были там не одни. Не только нефедовцы дожидались этого часа. Ненависть, накопившаяся за дни унижений, жажда отмщения искали выхода. Захватчики покидали город, душу которого они пытались убить. Но израненный город был жив. Со всей силой своего гнева он мстил уходящим.

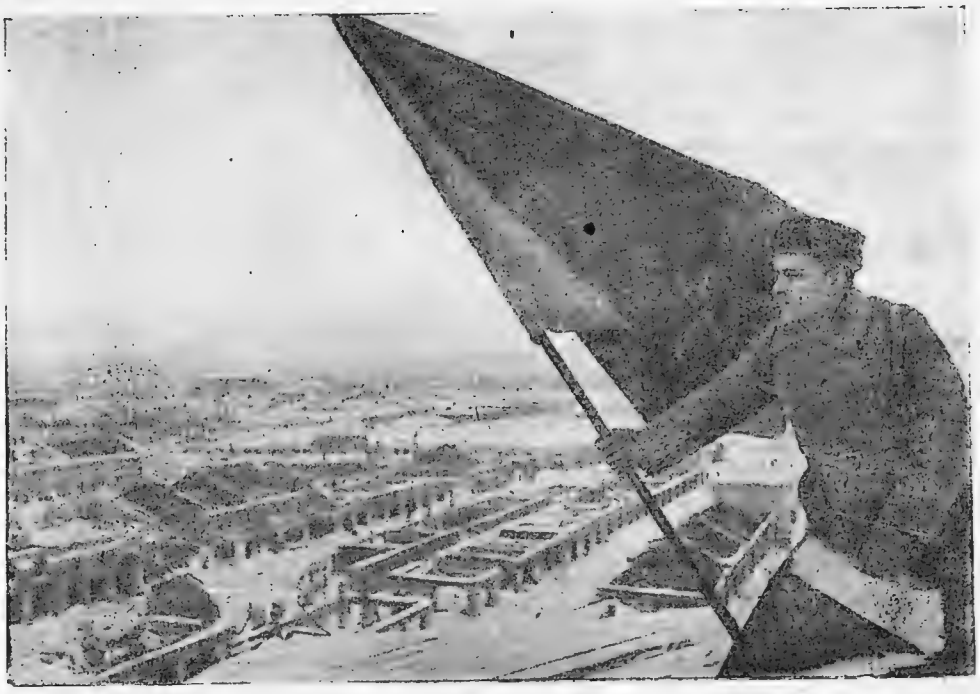
С трусливой поспешностью двигались неровные ряды немцев мимо домов, которые они превратили в слепых калек. Дома обдавали врагов яростной ненавистью. Из зияющих окон градом сыпались на бегущих камни, куски железа; тяжело падали на головы убийц мешки, набитые землей.

Русские женщины бросали в захватчиков все, что осталось тяжелого в их опустошенных, выстуженных домах. Русские дети, чьи отцы и матери погибли в фашистских застенках, швыряли в палачей кирпичи и камни.

Как затравленные волки, бежали они мимо деревьев, протягивающих им вслед обгорелые ветви. Оттуда, из переплета черных веток, которые никогда больше не зазеленеют, свистели вдогонку бегущим меткие пули.

Мимо изуродованных ими мостов спешили немцы вдоль великой русской реки, воды которой обагрились горячей русской кровью. Об-

Прекрасные площади Калинина гитлеровские разбойники изуродовали черными рядами могильных крестов.



Над советским Калининым снова реет красное знамя.

рубки мостов таили гибель. Отважные русские люди, советские люди, мстили отсюда за товарищей, за оскверненные свои поля.

А когда смешавшиеся германские колонны выбрались за город и лязгающие танки поползли по лесным, по сказочным серебряным русским дорогам, навстречу им из-за толстых стволов вышли храбрецы и забросали чудовища бутылками с огненной смесью.

Каждый камень советской земли таил в себе смерть, каждое дерево советской земли таило в себе смерть — и некуда было укрыться от нее ворам и убийцам, хотевшим поработить свободных людей.

...Из-за выступа дома Виктор Пылаев с ненавистью смотрел на грязно-серые спины. Эта, с лисьим воротником, показалась ему особенно противной. Виктор нажал курок. Есть. Девятый фриц за этот день. К сожалению, последний. Больше нет патронов.

Он окликнул Хохлова. У Хохлова тоже «кончились боеприпасы». Но винтовка его была заряжена.

— Побереги заряд,— сказал Виктор.— Сохраним его на особый случай.

Они выбрались из-за дома и пошли, стараясь держаться поближе к стенам. Канонада свирепела, все ближе подкатывался к стенам Калинина грохочущий вал русского наступления.

Когда Хохлов и Пылаев вышли к больнице, уже стемнело. Посередине площади на снегу валялся, раскинув руки, труп. Немец лежал

лицом вниз, подстреленный на бегу. Ветер шевелил плоские пряди его волос.

Друзья поровнялись со зданием больницы. У ворот метнулись какие-то черные тени. Пылаев и Хохлов подошли ближе. Два немца возились с чем-то у стен больницы. Чиркнула спичка. В ту же минуту выстрелил Хохлов. Поджигатель свалился набок. Второй немец побежал. Виктор бросился к мертвому, вытащил из его кобуры револьвер, выстрелил вслед бегущему. Совсем стемнело. Виктор так и не узнал, убил ли он в тот день десятого немца.

Так они спасли больницу от пожара.

...Стрельба усиливалась. Тяжко сотрясались стены. Но жителей радовала эта канонада: все ближе подходили свои, освободители.

В эту ночь кончилась калининская трагедия. В ночь на 16 декабря Красная Армия заняла город Калинин.

*

Никогда, никогда больше не бывать им здесь! В этом порукой ненависть тех, чьи дома сожжены, чьи дети убиты, чье сердце пронизано скорбью и гневом. В этом порукой память тех, кто увидел вплотную звериное лицо фашизма, кто узнал его повадки, в которых нет ничего человеческого.

1 февраля на Смоленском кладбище города Калинина предавали земле прах тридцати четырех страдальцев. Их поруганные тела были найдены в подвалах домов и в ямах. В одном из чудовищно изуродованных трупов, обнаруженных в яме на улице Софьи Перовской, гражданка Полева узнала своего сына Бориса.

Руки его были скручены веревкой, лицо носило следы страшных побоев, тело прострелено в нескольких местах и изрезано ножом. Но как ни неистовствовали палачи, не вымолвил Борис предательского слова, сохранив жизнь своим друзьям.

Хохлов и Пылаев сейчас в Красной Армии. С оружием в руках мстят они за своего товарища. Нефедов — в Калинине. Он присутствовал на похоронах своего друга.

До Шуриной палаты доносились печальные звуки похоронной музыки, а Люба с подругами из обкома проводила мертвых товарищей до самой могилы. Над открытой братской могилой взволнованно звучали краткие речи. И люди не забудут гневного голоса матери, проклявшей утробу тех, кто породил на свет бешеных чудовищ, детоубийц, заливших мир кровью. Никто не забудет звонкого голоса комсомолки Виноградовой, поклявшейся вместе со своими друзьями отомстить за кровь товарищей.

Калинин освобожден навсегда. Близок час, когда над всеми советскими городами, временно захваченными фашистами, снова взовьются красные знамена. И могилой станет наша земля для тех, кто хотел ее поработить.

Этот бой длился восемь часов. Замполитрука комсомолец Арнольд Мери и двадцать молодых необстрелянных бойцов на открытой, незащищенной позиции противостояли натиску сотни фашистов. «Ни шагу назад!» приказал Мери бойцам. Позади был штаб нашего корпуса. Двадцать человек прикрывали его от прорвавшегося врага. Фашисты лезли в лоб. Их отбивали. Они вели бешеный огонь из пулеметов и минометов и атаковали снова. Ничто не могло сломить стойкости горстки храбрецов. Мери был трижды ранен. Только четвертое ранение в конце боя, когда натиск гитлеровцев был сломлен, вывело его из строя. Это был первый бой доблестного сына эстонского народа Героя Советского Союза Арнольда Мери.

Н. БОГДАНОВ

ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСАНДР НОСОВ

Первые грамоты Героев Советского Союза доверили перевести с рисунка художника на литографский камень комсомольцу Саше Носову. Прилежный, вдумчивый ученик радовал старых гравировальщиков фабрики Гознак.

Носов работал с душой: и глаз был зоркий, и рука верная. Когда делали почтовые марки, посвященные Пушкину, Носов читал старым мастерам чудесные стихи поэта. Когда делали марки, посвященные спасению челюскинцев, он рассказывал товарищам о тайнах Ледовитого океана, о покорении русскими людьми суровой Арктики.

С ним работалось веселей, как с песней. Сашу любили в граверном цехе. И он любил этот таинственный цех, где рождались новые деньги, марки, драгоценные гравюры для избранных книг.

И все же тесным для жизни казался комсомольцу Носову этот уютный цех. Воспитываясь в пионерской и затем в комсомольской организации, Носов мечтал о более активном участии в строительстве нового мира, о славных подвигах во имя родины. И когда вырезал на камне грамоты для первых героев, невольно мечтал быть таким же бесстрашным воином и сильным человеком.

Он был небольшого роста и хрупкого сложения. Друзья рассмеялись бы, узнав про его мечты. Родной отец подтрунивал над ним, когда Саша стал похаживать в аэроклуб.

— Слабоват ты для летчика, хватки у тебя мало.

Отец работал на авиазаводе и считал себя знатоком в самолетах и в летчиках.

Саша смущался и в ответ только крепче принимался за гимнастику. Отец был несколько озадачен, когда Сашу в числе лучших приняли в военную авиашколу.

Мастер по сборке самолетов, Андрей Михайлович Носов старался внушить сыну уважение к машине, втолковать ему, что современный самолет — это сгусток передовой техники, это сложнейший механизм. Он любил рассказывать о том, что такое самолет. И по-своему, по-рабочему любил начать с того, чтобы удивить непосвященных:

— Самолет — это легко выговорить: са-мо-лет. А ты знаешь, что в нем одних лишь проводов тридцать километров?

Надо сказать, что Александр Носов на всю жизнь усвоил уважение к машине, в которую вложено громадное количество человеческого труда. Никто бережней его не относился к самолету. На войне он не разбил и не повредил ни одной машины. Он приводил их целыми, несмотря на множество боевых пробоин. Сажал мягко и аккуратно, не покидал, не проверив вместе с воентехниками и мотористами состояния самолета.

Вырвавшись из самого адского огня противника, его машина после небольшого ремонта снова летела в бой.

Товарищи не боялись доверить ему свои машины для сложных охотничьих полетов в одиночку. Товарищи говорили:

— У Носова машины ведут себя умно: они обходят снаряды.

И верно, Носов лучше других постиг опасное искусство штурмовика. А все это искусство в конце концов сводится к тому, чтобы поразить врага, а самому остаться целым.

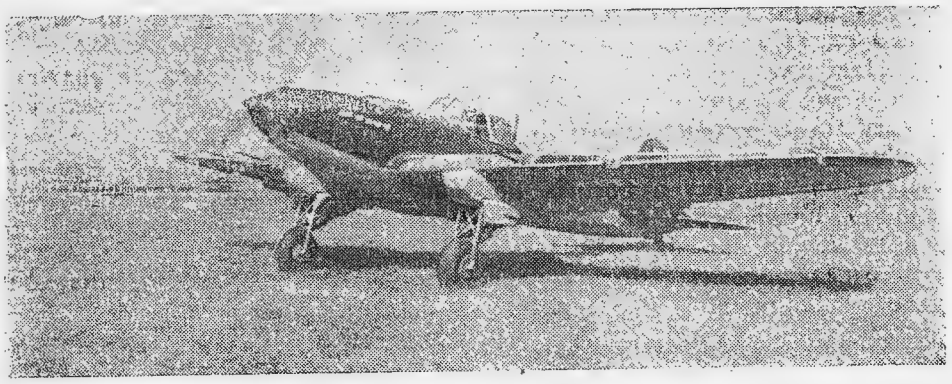
От многих самоуверенных и задорных отличало Носова то, что он умел думать. Напористость, дерзость, отличная техника пилотирования — все это необходимо штурмовику. Но если он воюет бездумно и бесхитростно, он, вероятно, сократит свою боевую жизнь.

Не случайно, что из многих геройских и сильных летчиков полка первым достиг шестидесяти боевых вылетов именно такой не видный на взгляд и скромный Александр Носов. Его победы зарождались в тесной деревенской избе, при свете керосиновой лампы, над картой маршрута. Так же внимательно, как в граверном цехе, он склонялся над сложным рисунком карты, обдумывая боевой полет. Его зрительная память была так сильна и тренирована, что он наизусть знал все леса и перелески своего фронта, все извилины рек и оврагов, всю путаницу дорог. Как хороший шахматист, он продумывал игру на много ходов вперед, учитывая не только свои возможности, но и возможности противника.

Особенно он занимался подходом к цели и отходом от нее. От этих двух элементов зависит успех. После второго десятка вылетов он приобрел такой опыт, что при любом срочном задании с первых же слов командира быстро схватывал идею операции и создавал план исполнения. Набирая высоту, он уже знал, каким ключом действовать, какой ход применить.

Разведка донесла: по дороге к фронту вышла из города автоколонна в сопровождении броневиков и танков. По приказу командира лейтенант Носов идет ведущим. Местность холмистая. Дорога, сбегая с одного холма, поднимается на другой. В долинах — мостики через ручьи. На холмах стоят фашистские зенитные батареи, охраняя этот важный и очень уязвимый из-за мостов участок дороги.

Как лучше напасть на колонну? Кажется, что очень выгодно штурмовать колонны прямо вдоль дороги, с хвоста или с головы. И все же Носов принимает решение разъединиться с товарищами и первый



Гроза фашистских танков — советский штурмовик.

заход делать на низких высотах, нанося удар по мостам. При втором заходе опять выходить к мостам, бить по скоплению машин, но уходить не прежним путем, а перетянув над дорогой через холм. Носов оказался прав: при первом заходе фашистские зенитчики не смогли открыть огня с холмов в долины, боясь поразить своих. При втором заходе штурмовиков зенитчики ждали повторения маневра, но ошиблись и пропустили время для прицельной стрельбы.

Нанеся колонне большой ущерб и задержав ее продвижение, штурмовики вернулись не только без потерь, но даже без пробоин.

Вылетая на штурмовку мото-мехколонны, Носов предпочитал нападать с хвоста, зная, что в движении всегда внимательнее смотрят вперед. Вылетая на обозы, Носов предпочитал нападать в лоб, сбивая и поднимая на дыбы лошадей, создавая давку и панику.

Зная скорость движения пехотных, танковых и конных колонн, он всегда рассчитывал, сколько они могут пройти с момента их засечки до его прилета. По этому расчету он даже без лидера мог точно выйти на колонну.

Кроме того, он знал места, удобные для штурмовки, и предпочитал сделать более дальний заход, дать время колонне втянуться в узкое облюбованное им дефиле, чтобы разбить ее как следует, не дать разбежаться.

Однажды он застиг фашистский поезд на подъеме. После нескольких попаданий бомб поезд разорвался, и часть вагонов, покатившись под уклон, разбилась в щепы.

Постоянно угощать врага чем-нибудь новым и неожиданным — любимое занятие Носова. От истребителей он уходит обычно бреющим полетом, используя лес и холмы. Но иногда разворачивается и идет в атаку, обрушивая на врага могучий огневой таран штурмовика. Он все время думает, изобретает. Когда нужно, Носов упрям. Уж если дело пошло на выдержку, тут его не обойдешь!

Недавно его послали для удара по вражеским резервам. Лейтенант знал, что по дороге к фронту едут фашистские молодчики прямо из Франции. Кому-кому, а уж этим-то надо сбить спесь! Да так, чтобы они сразу разуверились и в своих зенитках и в автоматах и дрожали бы при появлении штурмовика. Движимый такими «педагогическими» мотивами, он ударил по колонне прямо с головы. Потом зашел с хвоста. Потом снова с головы. При подходе Носов заметил двух стервятников, охраняющих фашистских головорезов в пути. Фашистские самолеты понеслись за ним, они осыпали его градом свинца. Носов, не обращая внимания, «утюжил» колонну. А когда подошли к концу боеприпасы, он развернулся на фашистские самолеты, отогнал их и, пройдясь еще над колонной, покачал крыльями: «До следующей встречи, фрицы!»

Конечно, в самолете оказалось много пробоин. Носов с трудом дотянул до родного аэродрома.

Он доложил командиру все, как было, и в оправдание чрезмерного риска добавил:

— Понимаете, товарищ майор, из Франции приехали! Будь это обычная колонна — дело другое.

За время войны Носов стал шире в плечах, вырос, возмужал. После двадцати вылетов он вступил в кандидаты партии. А когда его принимали в партию, Носов имел шестьдесят три вылета. Но жалко комсомольцам отпускать его на партийную работу, и до сих пор Носов ведает в полку комсомольскими делами.

Недавно он получил от отца письмо. Старик за время войны тоже вырос: теперь он собирает богатырские «Ил-2». И, вспоминая старого мастера и его любовь к крылатым машинам, Носов гордится тем, что он за шестьдесят три вылета ни разу не повредил самолета. Когда его спрашивают, почему так сохранна у него машина, он в шутку отвечает:

— Отец собирает, а я берегу.

Старые граверы с Гознака могут быть довольны своим учеником. За шестьдесят три успешных штурмовых вылета Носов уничтожил не меньше тысячи фашистских солдат и офицеров, разбил и сжег больше двухсот автомашин, два железнодорожных эшелона, шестнадцать самолетов. И, может быть, скоро придет время, когда ему будет вручена красивая золотая грамота Героя Советского Союза, такая же, как и те, которые он переводил некогда с рисунка художника на литографский камень.

А. ПИСЬМЕННЫЙ

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

В жестоких и беспощадных боях с немецкими захватчиками рождаются великие ценности — дружба, сцементированная кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.

Эта дружба родилась под огнем врага, на лесной финской высоте, у которой не было названия. Сердца двух воинов бились рядом в течение двадцати часов, и кровь скрепила их братство навеки. Старший был коммунистом, младший — комсомольцем. С беззаветной отвагой они выполнили свой долг. В одном указе присвоено им звание Героев — мертвому и живому.

Вот простой рассказ о величии их мужества и дружбы.

Николай Матвеевич Руденко, старший политрук, в ту ночь был нездоров. Он участвовал в операции против вражеских автоматчиков, проникших к нам в тыл, вымок под дождем и простудился. Но когда Руденко узнал, что значительная группа фашистских войск прорвалась между нашими армиями, он вызвался итти в бой. Начальник санитарной части усмехнулся и сказал:

— Вас, видно, сильно знобит, раз так хочется подраться?

— Задача серьезная, — заметил комиссар полка.

— Ну что ж, наведем порядок, — ответил Руденко.

С ротой пограничников поехал Анатолий Кокорин. Это был веселый, спокойный, приветливый человек, очень молодой, красивый, как девушка. Вечерами, когда взгрустнется на сердце у бойца, когда вспомнится родной дом, семья, любимая девушка, высокий голос Кокорина радовал людей и разгонял уныние.

А Руденко знал Кокорина как очень дисциплинированного комсомольца. Где родился Кокорин, где учился или работал до службы в погранчастях, холост он или женат, есть ли у него родные — это Руденко не было известно. Но в ту ночь старший политрук убедился в безграничном мужестве этого человека, беспредельной отваге и преданности его души. В ту ночь Кокорин стал для Руденко самым близким и дорогим существом, и славный образ комсомольца навсегда запечатлелся в его памяти.

К высоте Безымянной, которой завладели фашисты, пограничники двинулись на машинах. Сведения о противнике имелись недостаточные, обстановка была неясной, и командир роты лейтенант Кононенко, опасаясь ловушки, приказал километрах в двух от высоты оставить машины и дальше итти пешком. Два взвода он направил вперед левее дороги, а с третьим взводом пошел вправо, прямо на высоту. Руденко и Кокорин также отправились с этим взводом. Моросил надоедливый дождик. Было очень холодно.

Противник встретил ураганным огнем. Командир роты поднял взвод в атаку, и коротким штыковым ударом пограничники отбросили врага. Кононенко был ранен.

Фашисты отошли за поляну, отделяющую высоту от леса, и открыли минометный огонь.

Пограничники залегли на высоте. Место было удобное. Мелкий лес — ельник, сосны и березы — густо покрывал Безымянную высоту. Между деревьев торчали дикие замшелые финские валуны. Бойцы улеглись за ними в ожидании, когда минует минометный шквал. Под этим первым огневым налетом состоялось боевое знакомство старшего политрука и комсомольца Кокорина. Осколком мины Руденко ранило в бедро. Кокорин подполз к комиссару.

— Вас ранило? Перевязать?

Кокорин знал санитарное дело, и бойцы даже называли его, в знак особенного уважения, «военфельдшером».

— Я оцарапался, — ответил Руденко. — Тут сучки, камни, всякая чертовщина...

Кокорин внимательно поглядел на старшего политрука и отполз в сторону.

Под утро надоедливый дождик сменился ливнем. Потоки воды лились с неба, обрушиваясь на деревья, на камни, на бойцов. От воды некуда было скрыться. Почва размокла, поплыла; люди лежали в холодных ручьях; локти разъезжались, когда бойцы опирались на них для стрельбы лежа; винтовки соскальзывали с валунов.

В это время фашисты пошли в контратаку. Они высыпали из леса и побежали к подножию высоты через поляну с протяжным криком: «Алля-ля!..» Руденко еще по финской войне хорошо знал этот крик шюцкоровцев. Сквозь сетку дождя комиссар видел фигуры офицеров в немецких мундирах и финских солдат. Их было около двух рот. По приказу Руденко наши бойцы подпустили врагов ближе и тогда открыли огонь. Нужно было экономить патроны и бить наверняка. Никто не мог учесть, сколько времени придется держаться в обороне.

На нашей стороне появились раненые. Не выпуская из рук винтовки, Кокорин переползал за деревьями и камнями от одного раненого к другому, оказывая первую помощь. Руденко невольно все поглядывал на него. Молодой боец, заменивший санитара, работал превосходно.

Фашистская контратака быстро выдохлась. Враги откатились к лесу, но вскоре снова пошли вперед. Безымянная высота была важным рубежом. Она находилась у пересечения дорог, контролировала окрестность

и могла служить фашистам удобным исходным пунктом для широкого наступления. Поэтому они стремились во что бы то ни стало отбить эту высоту.

Короткими очередями советские пулеметчики сдерживали натиск фашистов. Неожиданно замолчал правый пулемет. Из него стрелял комсомолец Мусатов. Зная Мусатова, Руденко был уверен, что его пулемет не мог просто отказать. Пока Мусатов жив, он не прекратит огня. Руденко покинул свое укрытие и пополз на фланг. Пулемет стоял на месте, возле него без движения лежал Мусатов. Он был мертв. Руденко остался у пулемета и сам повел огонь.

Фашисты залегли у подножия высоты.

Тогда Руденко решил штыковым ударом отбросить врагов. Он знал на опыте, что фашисты не выносят штыковой атаки.

Поднявшись во весь рост, старший политрук закричал:

— За пулеметчика Мусатова, за родину, за Сталина — вперед!

И рядом с ним тотчас же очутился Кокорин.

Тяжелое дыхание бегущих бойцов, свист пуль и ветра, неясные отрывистые крики фашистов, глухие удары, странное ощущение, когда штык мягко входит в тело врага...

Но слишком велик был численный перевес фашистов. Один взвод не имел возможности преодолеть сопротивление двух рот. Пограничники отступили на Безымянную высоту, и здесь Руденко получил второе ранение. Пуля поразила его в плечо. От боли и неожиданности он на секунду выпустил винтовку. Тут же он подхватил ее и продолжал стрелять. Но от Кокорина это мимолетное движение не ускользнуло. Не спрашивая о ранении, он предложил старшему политруку сделать перевязку.

— Меня нечего перевязывать, — ответил Руденко. — Вон перевяжите бойца. Видите, человек ранен в ногу.

И тогда простой боец не захотел уступить в мужестве своему комиссару.

— Я не ранен, — проговорил он, сверкая глазами и закусывая от боли губу, — просто ударило меня разок.

Вскоре и Кокорину пришлось испытать первое ранение. Он находился вблизи Руденко, и старший политрук заметил, как он пошатнулся и побледнел.

— Что, Кокорин? — спросил Руденко.

— Все в порядке, — ответил комсомолец и пополз на левый фланг, где только что разорвалась новая мина.

Так держалась против многочисленного врага горстка советских бойцов, вписывая еще одну героическую строку в историю своего народа.

Немного погодя дождь уменьшился, но попрежнему низкая серая пелена покрывала небо, и на лица бойцов садилась мелкая водяная пыль. Ветер раскачивал деревья, скрипели ветви, по склонам Безымянной высоты бежали дождевые ручьи. Руденко лежал у разбитого миной пулемета, с винтовкой в руках, сторожил противника и думал. Нет, он не вспоминал своей жизни, своего детства. Родной Донец, дубняк в

глубоких оврагах, голубые отвалы пустой породы у мелких шахт кустарей, бескрайная донбасская степь с величественными терриконами[1] на горизонте, освещенная серебристым светом неба, — эти картины родных мест не вставали перед ним. Правда, он подумал об отце. Его отец, донецкий горняк, на старости лет стал колхозным сторожем. Отец сторожит колхоз, а он, старший политрук Руденко, сейчас также охраняет от врага пограничный рубеж родины. И он думал о себе, о своих товарищах и о том, что здесь, на угрюмой земле, среди диких камней и корявых деревьев, придется встречать смерть. Другого выхода не было. Много лет Руденко служил в пограничных частях, и профессия чекиста выработала в нем особое чувство долга. В его мозгу не оставалось места для мысли о сдаче в плен. Это просто не приходило ему в голову. Отступить, чтобы спасти раненых товарищей, — об этом он думал. Но это был бы плохой маневр. Отступая, они наверняка обнаружили бы перед противником свою малочисленность, и фашисты уничтожили бы их всех до одного. А жить даже под этим чужим небом хотелось так же, как хочется жить, когда над тобой небо родного края. И он думал о Кокорине, об этом еще совсем юном бойце, смелом и мужественном воине. И ему приятно было, что на смену старшим растет такая молодежь. И ему стало грустно, что многие из них погибнут на этой войне...

Фашисты пошли в «психическую атаку» на пулеметный расчет комсомольца-балтийца Н. А. Тихомирова. Тихомиров и краснофлотец П. И. Кононов встретили врага ураганным огнем. Гитлеровские вояки бежали, оставив на поле боя десятки убитых.

[1] Терриконы — отвалы пустой породы.

...Подполз Кокорин и попросил закурить. Руденко знал, что Кокорин не курит. Но он не удивился неожиданному желанию бойца. За пазухой, под гимнастеркой, Руденко уберег пачку папирос и несколько спичек, завернутых в промасленную бумагу. Он дал бойцу закурить и закурил сам.

— Ну, как, Кокорин? — спросил он. — Как настроение?

— Ничего, — ответил боец.

— Хорошо жить на белом свете, — сказал Руденко. — Верно, Кокорин? Жить бы нам до ста лет...

Кокорин ответил не сразу. Он посмотрел в сторону противника и затем сказал:

— За такую жизнь и бороться надо.

Сейчас эта фраза звучит несколько книжно, несколько холодно. Но там, на высоте, перед лицом смерти, произнесенная обыкновенным голосом, человеком, который поступал в полном соответствии со смыслом своих слов, она прозвучала значительно и страстно. Руденко вздохнул, кивнул головой и подумал о том, что на всю жизнь запомнится ему эта фраза и тон, каким она произнесена.

...Дождь снова усилился. Вероятно, давно уже наступил день, но попрежнему на лесной высоте держался рассветный сумрак, и от холода у бойцов зуб на зуб не попадал. Среди пограничников не осталось ни одного невредимого. Командира роты Кононенко и командира взвода уже не было в живых. Из кустов на обратном скате слышались стоны тяжело раненных. У Руденко оставалось семь патронов, у Кокорина — пять.

— Слушай приказ, — сказал Руденко, принимая решение, которое казалось ему теперь единственно правильным, после всего, что он передумал, лежа с винтовкой под дождем. — Пусть все бойцы, которые могут ходить, возьмут тяжело раненных и уходят. Мне оставите ручной пулемет и всеми наличными патронами зарядите диски.

— Слушаю, — ответил Кокорин, но не торопился выполнять приказ.

— Что же вы? — спросил Руденко подозрительно.

— На основании присяги я не имею права оставлять командира одного, — ответил Кокорин.

Руденко повернул к нему лицо и сердито проговорил:

— На основании присяги вы обязаны выполнять распоряжения командира беспрекословно.

Кокорин скрылся за валунами. Руденко остался один.

Он лежал на Безымянной высоте, прильнув к прицельной рамке дегтяревского пулемета, продрогший от холода, мокрый от дождя, и одиночными выстрелами, экономя патроны, поражал видимые цели. Он вспомнил прочитанную где-то фразу: «Жить пресмыкаясь, как лягушка в болоте, глупо и бессмысленно». Дальше в той книге говорилось о том, что тяжело умирать, когда сознаешь, что жил ты неверно, что памяти после тебя не останется, что не успеют тебя похоронить, как забудут тебя самые близкие. Но геройской смертью (там она называлась

«красивой») не страшно умирать, говорилось в той книге. Имя твое не умрет вместе с твоим телом. Такой смерти можно не бояться: это бессмертие, а не смерть.

Он лежал и думал об этом. Начала ныть рана на бедре, и он подумал, что теперь все равно у него нет выхода. В этой грязи, в мокрой одежде его доконает гангрена, даже если фашисты не сумеют его убить. Да, гангрена обеспечена. А рана так высоко, что ампутация невозможна. Рваная рана. Загрязненная рана. Непромытая, не перевязанная рана. Пустяковая рана, и она его убьет...

Превозмогая тупую, ноющую боль в бедре, он передвигался с ручным пулеметом по всей высоте, по всему «фронту», обманывая врага. Фашисты не должны были заподозрить, что на высоте остался только один боец.

Часа через два он услышал позади себя высокий голос Кокорина.

«Вернулся, вот чорт!» радостно подумал Руденко, потому что, как ни безгранично мужество человека, страшно ему умирать в одиночестве.

Кокорин доложил, что, отправив раненых в тыл, он вернулся на свое место, потому что не может оставить комиссара. Руденко промолчал, а потом произнес глухо:

— Ну что ж, составляй тогда левый фланг моей дивизии.

То, что Кокорин, уведя раненых в безопасное место, вернулся,

Фашистский дзот мешает продвижению наступающей части. Саперы получили задание взорвать дзот и расчистить путь пехоте.

сильно взволновало Руденко. Он почувствовал непривычную нежность к этому человеку. И оттого, что подобное чувство приходилось редко испытывать, Руденко было радостно и немного стыдно.

И вот Руденко и Кокорин вдвоем стали продолжать неравную борьбу. Они боролись не за свою личную жизнь — их личная судьба казалась предрешенной. Их борьба была частицей борьбы за судьбу страны, за свободу народа, и они шли на гибель во имя его жизни.

Так, в бою крепла их дружба — дружба воинов, омытая кровью, закаленная огнем.

Спустя некоторое время Руденко заметил в лесу за поляной какое-то оживление. Сквозь мерный шум дождя ничего нельзя было расслышать, но старшему политруку казалось, что он различает короткие резкие фразы на немецком языке — слова выговора или команды. Затем за стволами берез замелькали темные фигуры, и к высоте Безымянной долетел знакомый угрюмый крик: «Алля-ля!..»

Фашисты пошли в новую атаку. Они не осмелились лезть прямо в лоб. У подножья высоты они остановились. На высоту полетели гранаты. Это были немецкие гранаты. Приятной особенностью отличались они: они рвались на полторы секунды позднее, чем нужно было, чтобы наверняка поразить цель. Руденко поймал на лету первую гранату и изо всей силы швырнул ее во врагов.

— Отгружай обратно! — крикнул он своему единственному бойцу, заменявшему теперь «дивизию».

Когда граната рвалась на земле, ее осколки поражали пространство в виде опрокинутого конуса. Задержанная в воздухе и отправленная обратно, граната разрывалась, не достигнув земли, и покрывала площадь вокруг себя параллельным земле смертоносным веером.

Руденко переадресовал врагу и вторую гранату. Третью он поймать не успел. Граната шлепнулась за его спиной. Судорожным, инстинктивным движением Руденко отшвырнул ее в сторону и всем телом прижался к мокрой и холодной земле. Взрыв словно все оборвал в его груди. Комья грязи, сбитые ветви, хвоя посыпались на него. Но он был жив и даже не ранен. Осколки взлетели в виде конуса, и ни один не задел его. В ту же минуту, точно спеша исправить неточность гранатометчика, мина взорвалась перед старшим политруком и разбила ручной пулемет. Острые осколки впились Руденко в руку. Он не обратил внимания на это ранение. Он знал, что главное впереди.

А финны и немцы всё не осмеливались итти на штурм. Фашистские цепи остались у подножья высоты, а из лесу заговорила полевая пушка. Первый ее снаряд угодил в дерево. С сухим и печальным треском сломался его ствол. «Плохо дело», подумал старший политрук. Но он пошутил, чтобы приободрить Кокорина.

— Это не жизнь — без пулемета, а взять негде. До управления военного снабжения шагать далеко.

И вдруг справа, метрах в пятидесяти от него, он увидел финнов в черных мундирах — они втаскивали на высоту станковый пулемет;

Смерть или плен! Иного выбора не будет захватчикам. Эти избрали: плен.

жирно блестела под мелким дождем вороненая сталь его затвора. Очевидно, они рассчитывали фланговым огнем уничтожить живую силу предполагаемого противника. Удивленные безмолвием на высоте, пулеметчики замешкались.

Никто из них не мог и предположить, что этот рубеж защищают только двое.

Когда Руденко увидел вблизи себя финнов, он крикнул Кокорину:

— Анатолий, есть пулемет!

И бросился к пулемету.

— Что вы делаете, товарищ комиссар! — закричал Кокорин.

— Поддерживай огнем! — на ходу заорал Руденко.

Финский пулеметчик успел только поднести руки к своему оружию.

Руденко прыгнул вперед и, выхватив пистолет, выстрелил трижды. Когда подоспел Кокорин, трое финнов лежали мертвыми у своего пулемета.

— Видишь, обошлись без УВС, — сказал Руденко, переводя дух. Он повернул пулемет в сторону фашистов и дал для пробы короткую очередь.

Фашисты притихли. Шумел дождь. Ветер ворошил мокрую листву деревьев.

— Готовься, Кокорин, — сказал Руденко своему товарищу. Не понравилась ему эта тишина.

И действительно, едва Кокорин вернулся на свое место, как из кустов бросились на него немецкие и финские офицеры.

— Держись! — закричал старший политрук.

Он подбежал и с разбегу вогнал штык в живот офицеру. Запомнилось удивленное лицо немца и его точно разодранный рот, когда он повернул голову. Штыком Руденко приколол второго и третьего офицера. Двое других, смешно припадая к земле, побежали вниз с холма. Кокорин с колена уложил их из винтовки.

В лесу застучал автомат, и тонкая очередь прошила кусты позади пограничников. Последняя пуля попала комиссару в живот. Он упал.

— Вот теперь ранен. Наверняка, — с трудом проговорил Руденко и сплюнул кровавым сгустком в кусты.

Кокорин вытащил последний кусочек бинта, который он все время сохранял для своего комиссара. Бинта хватило, чтобы только два раза обернуть вокруг живота.

— Валяй, валяй, Толя. Живот все-таки не мусорный ящик. Всякой дряни понабьется — нехорошо, — говорил Руденко, потому что боялся молчать. Его тряс озноб. Ему казалось, что он теряет силы. Он говорил, чтобы удержать сознание.

«Выдержит ли Кокорин один?» Пробуя улыбнуться, старший политрук сказал:

— Обрати внимание на математику, Анатолий. Простой подсчет: если взять, например, футболистов, то они сыграют, и результат — 2 : 3 или 3 : 5. И вопрос, в чью пользу. А мы сыграли со счетом 8 : 0, если взять только результат наличный.

Он считал только тех, что лежали возле станкового пулемета, и тех, которые пали от руки Кокорина. Убитых на подступе к высоте он не считал.

— Товарищ старший политрук, я вот что хочу сказать, — проговорил Кокорин и покраснел.

— Давай говори, — ответил Руденко.

— Видите ли, я хочу сказать, вот если вы останетесь живы, а я погибну... — Кокорин замолчал.

— Ну? — спросил Руденко.

— Так вот, считайте меня коммунистом...

Кокорин точно выдохнул эти слова.

Руденко затянулся папиросой, посмотрел в сторону противника и выпустил дым. Он сказал, помолчав:

— Вот ты как! Только что ж у тебя получается — какой-то загробный вопрос: хоронишь себя. Мы еще поживем. Воюем во имя жизни — значит, поживем...

Докурив, Руденко повернулся и с трудом пополз на свое место — к фашистскому пулемету.

Немного погодя Кокорин подполз к комиссару и спросил, как он себя чувствует. Руденко чувствовал себя лучше.

— Слушай, Толя, — сказал он своему другу, — давай уговоримся. Если меня убьют, помирай... красиво. Помни, что ты — чекист. В плен не сдавайся и в одиночку старайся не помирать. Прихватывай за компанию попутчиков. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Кокорин. — Только ведь и это — загробный вопрос, товарищ старший политрук.

Руденко улыбнулся.

— Ладно. Твой вопрос будем считать принятым. Принимай теперь мой вопрос. И вот тебе совет: из винтовки не застрелишься, сохрани напоследок гранату. Веселей будет помирать.

— Понимаю, — серьезно сказал Кокорин.

...Приближался вечер. Дождь то немного утихал, то припускал сильнее. В сумерках фашисты снова усилили огонь. Видимо, они хотели до темноты овладеть высотой, но овладеть так, чтобы понести поменьше жертв: вот почему они не лезли на высоту напролом.

Кокорин отполз на свое место. Ни он, ни Руденко не говорили проникновенных или чувствительных слов, но они оба теперь чувствовали кровную близость. В сумерках наступающего вечера они видели друг друга между деревьями, за рябящей пеленой дождя.

...Последняя финская мина ударила в станковый пулемет Руденко и разбила его вдребезги. Осколки поразили старшего политрука в голову и в лицо, он упал навзничь и потерял сознание.

Он лежал на спине, раскинув руки, с разбитым, окровавленным лицом. Неизвестно, сколько времени провел он в таком положении. Сознание медленно возвращалось к нему. Первым вернулся слух. Он услышал выстрелы, услышал шум борьбы. Тогда он понял, что он жив. Не поднимая головы, он провел рукой по лицу. Теплая влага заливала его глаза. Но он был жив, только не мог еще двигаться. И до его сознания дошел охрипший от ярости, странно измененный голос Кокорина.

— Нет, не возьмешь! Чекиста легко не возьмешь! — слышал он странный, натруженный голос товарища.

Не сразу Руденко понял, о чем Кокорин кричит. А когда сознание его постигло, наконец, смысл происходящего, Кокорин выкрикнул свою последнюю фразу:

— Прощай, боевой политрук!

И замолк.

— Не смей, Кокорин! — закричал Руденко насколько хватило сил.

Раздался взрыв, и все стихло...

...Превозмогая слабость и боль, Руденко пополз к тому месту, где сражался его товарищ. Кокорин лежал мертвый. Рядом валялись искореженные тела двух немцев. У одного была начисто снесена верхушка черепа, другой лежал, подмяв под себя руку и плечо, вскинув ногу, как футболист, ударивший на бегу высокий мяч. Трое фашистов в черных мундирах бежали вниз с холма с удивительной живостью, раз-

махивая руками. Еще звенели в ушах Руденко прощальные слова Кокорина, еще сгустившаяся кровь покрывала его лицо, а он уже мстил за своего друга. Лежа на боку, с трудом различая бегущих, он посылал им вдогонку пулю за пулей. И по мере того как он полнее постигал происшедшее, ширилась его ярость. Голос Кокорина звучал в его ушах. Плача от ярости и горя, он нажимал и нажимал спусковой крючок, пока крики там, внизу, не перестали заглушать голос его друга.

Потом он лежал, обессилев, подле тела Кокорина. Когда совсем стемнело, он подтащил это тело к сосне и забросал хвоей. Лучшей могилы сделать сейчас он не мог.

Никто не тревожил Руденко. Ночью фашисты не решались атаковать — они боялись темноты в лесу. Потери при последних неудачных попытках захватить высоту заставили их отложить до утра новые наскоки. И как могли предположить враги, что всего два бойца отбивали и истребляли их целый день, а теперь на высоте остался только один израненный защитник!

Короткая летняя ночь приближалась к концу, когда Руденко снова накопил силы для дальнейшей борьбы. На мутном, дождливом небе обозначились верхушки деревьев.

Рассветало. Руденко оперся спиной о ствол сосны и с мучительной медленностью поднялся во весь рост.

Послышался шум моторов. Он был в таком состоянии, что не мог разобрать точно, где они шумят. Он понял: это движутся наши части — моторизованная пехота, или артиллерия, или танки. Как бы там ни было, задача выполнена. Высота, эта исключительно важная для общих действий наших частей высота, куда нельзя пускать врага, осталась за нами. Враг не прошел. Руденко шагнул и упал снова. Опять ему пришлось вставать с помощью дерева. Он закинул гимнастерку и при слабом предутреннем свете оглядел рану на животе. Все место вокруг нее посинело. Опять он сделал несколько шагов и упал. Тогда он пополз. Он полз по мокрой, холодной земле, не замечая острых камней и колючих веток. Началась орудийная канонада — это заработала наша артиллерия. Старший политрук Руденко мог выйти из боя.

Но прежде чем его подобрали свои, он проделал долгий и трудный путь по лесу, дорогам и реке. На перекрестке дорог он увидел вражеского автоматчика. Они всегда сидят на деревьях у пересечения дорог. Автоматчик дремал. На груди его висел «суоми». Руденко встал на колени и вынул пистолет. В правой руке совсем не было силы. С трудом он поднял ее левой рукой и спустил курок. Автоматчик на дереве качнулся, опрокинулся, но не упал. Он был привязан. Автомат сполз и повис на ремне на его шее, потом дрогнул еще раз — ремень сорвался с шеи финна, и оружие упало к подножию дерева.

Теперь у Руденко был автомат. Но силы иссякали. Он решил плыть по реке — ему казалось, что плыть будет легче. Автомат и пистолет он придерживал раненой рукой.

...Его нашел наш патруль. Руденко лежал без сознания на берегу. Ноги комиссара омывала речная вода.

Он очнулся, когда его несли на плащ-палатке в санитарный батальон. С горькой мыслью: «Кокорину говорил: чекисты в плен не сдаются, а сам попал», он потянулся к пистолету. Его остановил командир патруля...

И дальше — койки, госпитали, врачи... И вот он сидит в своем кабинете, много времени спустя после той ночи, и звание старшего батальонного комиссара сменило прежнее звание старшего политрука, и орден Ленина и Золотая Звезда Героя украсили его грудь, и хорошо зарубцевались швы его десяти ранений, — и вот он слышит голос нового дневального в коридоре. Голос Кокорина! Тонкий, высокий, девичий голос. Руденко вскочил со стула и распахнул дверь. Перед ним стоял молодой боец. И лицом он очень походил на Кокорина. Молодое, внимательное, веселое лицо.

— Как ваша фамилия? — спросил Руденко, слыша звон крови в ушах.

— Смирнов, товарищ старший батальонный комиссар, — по-кокорински звонко ответил дневальный и покраснел. Так всегда краснел и Кокорин.

Руденко стоял перед ним, опустив голову, прислушиваясь к шуму своего сердца, и молчал. С мучительной ясностью встал перед ним образ его погибшего друга... Он повернулся и закрыл дверь.

Он сидел за своим столом и думал о той ночи и об отважном комсомольце, преданном родине, человеке кристальной души и ясного чувства долга, — о Герое Советского Союза Кокорине.

В жестоких, беспощадных боях с немецкими захватчиками рождаются великие ценности — дружба, сцементированная кровью и огнем, и мужество, о котором возникают легенды.

Батальонный комиссар
Л. ЛОМАЗОВ

ОБЛИК ГЕРОЯ

Вечерело. Вдали виднелись легкие дымки финских землянок. Десять финских патрулей охраняли мост. С противоположной стороны бесшумно двигались наши бойцы. Когда до моста осталось сто пятьдесят метров, начальник штаба батальона приказал остановиться и быстро окопаться.

Василий Полещук рыл землю малой лопатой. Два бойца следили за шоссейной дорогой. Построили землянку в два наката. Поставили станковый пулемет, установили связь с артиллеристами, и сержант Полещук стал корректировать их огонь:

— Двести метров недолет!

Падал пушистый снег, прикрывая свежевырытую землю. Впереди — чистое место, там враг; позади — сосновый лес, за ним свои. Но до них шесть километров. Одиннадцать бойцов должны удержать эту позицию, этот «пятачок», устояв против батальона белофиннов. Сержант был горд, что командование именно ему доверило это.

— Хороша высотка, хороша! — повторял он про себя.

Три дня враг нес большие потери. Его усиленная разведка наконец обнаружила Полещука. Зайдя в его тыл, перерезала связь со штабом. Обстреляла бойцов, варивших кашу в густом ельнике. Потом финские разведчики приблизились к окопам и открыли огонь. Василий Полещук прыгнул в траншею.

— Ну, ребята, теперь держись!

Прошла тревожная ночь. Обеспокоенный наблюдатель возвестил:

— Финны обходят нас!

Их было человек двадцать пять. Прямо на комсомольца Полещука лезли восемь бандитов. Вся группа шла в лоб.

— Пулемету молчать! — приказал сержант.

Когда враги подошли, он первым открыл огонь. Финны в белых халатах, падая, обозначали места, где их нашла советская пуля, красными пятнами. Полещук уложил из автомата четырех в ста метрах от окопа. Он дал еще одну длинную прицельную очередь и прекратил стрельбу. Вражеская разведка, едва успев захватить трупы, скрылась. Удар в лоб не получился.

— Теперь они нас будут беспокоить часто. Из окопов не вылезать. Зарыться еще глубже.

Только это сказал командир, как около трех отделений белофиннов с флангов бросились вперед. Подняли крики и шум:

— Рус, сдавайся!

— Погоди, не спеши, — ответил снайпер Лисицын и подтвердил свои слова выстрелом. Он выбирал тех, кто был ближе. Девять белофиннов уничтожил боец. Враг, встретив дружный отпор, опять отошел.

Но на этот раз только казалось, что враг отступил. Атака трех отделений была маневром, чтобы выведать силу огня наших бойцов. Вот уже три финских взвода двинулись с флангов на «пятачок» Полещука. Пулеметчик Попов попросил разрешения открыть огонь из пулемета.

— Нельзя! — сказал сержант. — Не спеши, пусть они не знают про пулемет.

Финны подползали к трупам своих, залегали за ними и оттуда вели огонь. И много раз пулеметчик Попов просил:

— Товарищ сержант, разрешите!

— Рано.

Враг торопился отбить высоту. Финны то ползли, то бежали вперед. Многие из них падали. Видно было, как финны зацепляли трупы крючками и тащили по снегу, оставляя кровавые следы.

Только когда в восьмой раз повторил Попов свою просьбу, Полещук сказал:

— А теперь можно.

И пулеметчик стал косить бандитов. Он прижал их к земле и так держал несколько минут. Нарочито сделав паузу, дал им подняться и снова приковал к земле. В трех метрах упала граната. Ранило второго номера — Шибеко. Но опять застрочил пулемет, и враг откатился в лес.

Василий Полещук вытер рукавом обильно выступивший пот. Впервые за время боя закурил. Он был моряк, старшина катера из Владивостока; теперь он отдыхал словно после шторма. Светлые глаза искрились радостью. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Живьем мы не сдадимся. Выйдут патроны — колоть штыками, бить прикладами, глушить гранатами. Будем драться, продержимся, придет подкрепление. Раз связи нет, значит командование догадается, в чем дело, выручит.

И прибавил:

— Останусь жив — подам заявление в партию.

Взвизгнула пуля финского снайпера и обожгла сержанту лицо. Он наклонился, захватил снега и приложил его к обожженному месту.

— А убьют — командовать будет Попов. Его убьют — слушаться Рубцова.

Потом он проверил наган и пересчитал патроны. Их было двадцать один.

Теперь вокруг загрохотали взрывы. Враг начал обстрел из миномета и скорострельной пушки.

Но это означало во всяком случае, что пока, до времени, финны отошли. Может быть, они возлагали надежды на ночь. И Полещук послал двух самых лучших бойцов за помощью и патронами.

А финны были кругом. Они залегли и позади позиции Полещука, на дороге к нашему штабу. Они отрыли себе ячейки в снегу. Их патрули несколько раз обстреляли обоих связных, посланных сержантом, и те возвратились.

Все же ночь прошла спокойно. Бой разгорелся утром. Сержант принадлежал к людям с твердым характером, у которых, чем ближе опасность, тем больше возрастают силы. Он вошел в землянку, достал приказы, тетрадь с личными записями и спокойно сжег их.

Теперь около двухсот финнов шли на «пятачок» кольцом.

Сержант, стреляя, перебегал по ходу сообщения из одного окопа в другой.

— Держись, ребята, держись!

Был всего один автомат. Но Полещук творил им чудеса. Согнувшись, он перебегал по траншее, создавая видимость большого огня. Тридцать двух гадов истребил он один. Белофинны стали вести бой мелкими группами. Их ручные пулеметы и автоматы особенно досаждали. Изредка боец кричал Полещуку:

— Товарищ сержант, сюда!

— Держись, ребята, держись!

Где было туго, там появлялся Полещук. Пуля ранила его в спину, но он продолжал стрелять и повторял:

— Держаться!

Легко сказать — держаться! Трое суток никто глаз не смыкал. Многие простудились. Не было пищи. Патроны на исходе. Убили лучшего снайпера Лисицына. Враг наседает. В этот момент только твердая командирская воля поддерживала и направляла бойцов. Бесстрашный командир цементировал их волю.

Красноармеец Николаенко, прижатый бешеным огнем автоматчиков, растерялся. Стал стрелять без надобности по деревьям и вверх. Он больше всех израсходовал патронов. Бойцы стали наседать на него за малодушие, но он их не слушал. Тогда быстро вмешался Полещук:

— Николаенко, сейчас долго разговаривать некогда. Или ты в фашистов будешь стрелять, или я в тебя. Одно из двух. Умри, но чтоб было выполнено!

Николаенко взял себя в руки. Командир следил за ним. Пули его стали находить врага. Покраснев, он сказал командиру:

— Товарищ сержант, вы уходите. Если убьют, пусть меня одного. А за меня теперь можете быть спокойны.

И Полещук со своим автоматом перебежал в другую траншею. По его примеру меняли места и бойцы. Они были неуловимы для врага и на ходу разгадывали его уловки.

Бой ослабевал и снова возрастал. Враг понимал, что перед ним горсточка бойцов, и упорно лез вперед.

— Товарищ сержант, осталось десять патронов,— доложил один из бойцов.

Другие подтвердили, что и у них то же самое. Двое погибли. В траншеях было девять человек, некоторые ранены. Полещуку осколком рассекло щеку. Он сказал:

Фашистский танк полз, поливая огнем наших бойцов. Комсомолец Середа, подкравшись, на ходу вскочил на танк и несколькими ударами топора вывел из строя пулемет врага. С криком «ура» кинулись вперед наши бойцы, захватили танк и отбросили фашистскую пехоту. Отважному воину Ивану Середе правительство присвоило звание Героя Советского Союза.

— Тут, друзья, дело такое: или отобьемся, или все погибнем. Приказ исполним. Держись крепче, ничего...

Финский автоматчик пробил кожух станкового пулемета. Финны заулюлюкали.

— Товарищ сержант...— нервно сказал Рубцов.

— Ну что? — ответил Полещук.—Биться будем до последнего, не слышал?! Левый фланг, смотри!..

Враги были совсем близко. Они улюлюкали.

И вдруг несколько финнов схватились за животы. Снова послышался разговор пулемета. Он завел длинную речь. То наводчик Ермаков устранил неисправность оружия. И сразу, как сметенные, поредели цепи финнов. Но разрывная пуля выбила из рук Полещука автомат. Сержант с трудом поднялся и взял винтовку. Потом нагнулся, схватил снегу и жадно проглотил его.

Передние цепи финнов залегли, а в тылу их началась какая-то возня.

Наши! То наши шли, спешили на выручку к осажденным!

В десять часов вечера два взвода с боем прорвались к Полещуку. Эти взводы вели лейтенанты Маслов и Никулин.

Три дня подряд дрались Василий Полещук и его герои одни. Еще пять дней пришлось им драться вместе со взводами Маслова и Никулина, но занятой высоты не отдали врагу. Вокруг нее снаряды изрыли десятки ям, лес превратился в завалы, и на снегу валялось сто пятьдесят финских трупов.

★

Прошло два месяца после этих боев. В землянке стояли две керосиновые лампы. Огонь подпрыгивал, когда вместе с входящими людьми в землянку врывался холодный воздух. Бригадный комиссар Семенов выдавал партийные документы. К столу подошел Василий Полещук. Комиссар сказал наставительно:

— Вы вышли из красноармейской среды. От сержанта, командира отделения дошли до старшего лейтенанта. Стали заместителем командира роты автоматчиков. У вас есть все задатки для того, чтобы стать еще лучшим командиром. Делитесь своим опытом, помогайте товарищам. Вами гордится вся дивизия.

— Понимаю. Обещаю быть достойным партии большевиков. Буду уничтожать фашистов, не щадя жизни. Знаю, что главные бои еще впереди. Клянусь свято хранить боевые традиции нашей краснознаменной дивизии.

И вышел из землянки коммунист Василий Лукьянович Полещук, двадцатитрехлетний сын советского народа.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. ОРЛОВ

ОДИН ПРОТИВ СТА

Группа наших разведчиков натолкнулась на немецкий дозор. Спускался вечер. Немцы не подозревали об опасности. Какая могла быть опасность здесь, в глубоком тылу? Стояла мягкая, успокаивающая тишина. Фашистский дозор лениво поглядывал по сторонам. А разведчики скользили бесшумно, почти сливаясь с землей.

Старший сержант Василий Кисляков почувствовал, как бьется у него сердце. Так было всегда перед смелым броском, перед возможным смертельным риском. Потом жар волнения схлынул. Кисляков взвесил все, принял решение — оставалось действовать, и спокойствие возвратилось к нему. Еще раз он мысленно проверил свой план. План был дерзкий, но старший сержант знал: смелость берет города. В нем жила какая-то пламенная уверенность, что произойдет все так, как он себе рисовал. И еще он знал, что самое главное — не колебаться ни одной мыслью, ни одним чувством в бою.

Фашисты изредка смотрели и в сторону разведчиков, но, очевидно, ничего не замечали. Бойцы подползали ближе. Уже они ясно слышали голоса,— фашисты передвигались, разговаривали, чистили оружие, курили; некоторые лежали; несколько человек возились с пулеметом. Невдалеке, вытянувшись строем, стояли броневики.

Сюда, на броневики, нужно было направить первый удар. Кисляков приказал нескольким бойцам ползти к машинам.

Он шопотом объяснил задачу:

— Как только услышите «ура» — действуйте. Забросайте броневики гранатами, выведите из строя. Пошли, товарищи!

И бойцы снова «пошли» вперед, ползком на животе, медленно и бесшумно, напрягаясь до предела и стараясь в самую последнюю минуту не выдать себя. Два-три десятка метров отделяло их от фашистов...

И вот прозвучало громкое, неожиданное, стремительное «ура», и тотчас же все смешалось: гранаты подбили неподвижные броневики; люди закричали, заметались в панике; загремели взрывы и выстрелы, и только что царившая тишина обернулась внезапным хаосом и смятением...

Какие были шансы у небольшой группы советских разведчиков опрокинуть и смять целое фашистское подразделение, подбить грозные броневые машины и заставить немцев бежать? Казалось бы, никаких... Но смелый расчет, но русское бесстрашие, но мужество и находчивость героических наших бойцов легли на чашу весов и перевесили. Старший сержант Кисляков хорошо рассчитал. Внезапность удара, стремительность и смелость атаки сделали свое дело. Немцы даже не успели понять, что произошло. Фашистские вояки бежали, бросая оружие, сдаваясь в плен, не оглядываясь назад.

Кисляков знал, что нужно действовать быстро, решительно, прежде чем фашисты опомнятся и придут в себя. Он вбежал в палатку, оставленную врагом. Там он увидел железный ящик. В нем лежали секретные документы врага. Захватив ящик, Кисляков вернулся к бойцам.

— Все в порядке, товарищи!

Боевое задание командования было выполнено. Отважные советские разведчики пустились в обратный путь.

Сколько таких смелых, бесстрашных рейсов в глубокий тыл врага совершил комсомолец-краснофлотец Василий Кисляков! В дни войны он сразу проявил свои прекрасные боевые качества. Особенно искусным он оказался в разведке. Это сразу стало его стихией: по узким каменистым тропам, по скатам холмов и сопок, в жесткой траве тундры Кольского полуострова пробираться одному или вместе с бойцами своего отделения в расположение немецких и белофинских частей, являться «незваным гостем» и, пользуясь паникой, захватывать секретные документы, добывать «языка», громить обозы врага...

Каждая его разведка стала подвигом, доблестным, героическим. Он резал телефонные и телеграфные провода прямо перед носом противника. Свинцовый ливень пуль не раз хлестал вокруг храбреца. Кисляков из самых трудных положений умел выходить невредимым. Искусство разведки тянуло его к себе так же, как тянет пилота искусство летать. Он вновь и вновь уходил в разведку. Он устраивал засады там, где двигались фашистские части. Он смело вдруг вставал на их пути с небольшой группой таких же, как он, храбрецов и первым бросался в атаку. Он безошибочно выбирал момент, когда нужно было напасть на врага. Он всегда появлялся нежданно-негаданно и, прежде чем фашисты успевали опомниться, наносил им жестокий удар.

Он обнаружил настоящий военный дар. Никто лучше его не умел так ловко, так незаметно и тайно пробираться к врагу, чтобы потом с невиданной смелостью, с настоящим бесстрашием воспользоваться внезапностью своего появления. Это самое характерное в Кислякове — прекрасное мастерство разведки, соединенное с беззаветной отвагой, с искусством внезапного нападения на врага.

Таков Василий Кисляков. И одинок ли он? Черты, которые поражают нас в его облике, это черты, которые мы находим у тысяч бойцов нашей армии, у моряков Красного флота; мы встречаем их, эти черты, во всем нашем народе. Василий Кисляков — сын своей родины. Мужество, осторожность, решительность, быстрота, находчивость —

Герой Советского Союза старший сержант В. Кисляков на огневой позиции.

таковы эти черты героя. Отвага сочетается с точным и смелым расчетом. Военную смекалку и мастерство дополняет бесстрашный, беззаветный порыв, а беспредельную самоотверженность укрепляет твердая, неколебимая вера в себя, в свой народ и победу.

Именно таким проявил себя Василий Кисляков в самом героическом, в самом славном своем подвиге.

Отделению Василия Кислякова поручили занять высоту Н. Высота имела важное стратегическое значение. Сейчас она была ничья. Ее нужно было захватить до того, как это сделает враг, и затем оборонять до последней возможности.

— Держитесь как можно упорней, — сказал командир Кислякову. — До последнего патрона, до последних сил. Сопка должна быть у нас.

Он ответил просто:

— Есть, товарищ командир.

Отряд двинулся к высоте. Они пришли во-время. Как раз в этот момент показалась полурота фашистских солдат. Спустившись с соседней сопки, она двинулась к высоте Н. Отделение Кислякова опередило ее.

Кисляков отдал команду — замаскироваться, спрятаться в камнях. Бойцы окопались. Лязгнул один винтовочный затвор, другой...

— Не торопитесь, — предупредил Кисляков.

Он был спокоен. Он знал, что бой будет упорный, жестокий:

он видел, что силы далеко не равны. Но это не пугало. Он твердо был уверен, что сопки не сдаст, что в самую трудную минуту найдет выход.

— Есть приказ, — сказал он почти строго, — сопку не сдавать ни под каким видом... Костьми лечь, но удержать сопку... Слышали?

Бойцы дружно ответили:

— Есть удержать сопку!

Они любили своего командира и верили в него, несмотря на его молодость. Одно присутствие старшего сержанта подбадривало и сплачивало всех.

Темные каски фашистов уже мелькнули на скате.

Начинался бой.

Немцы и белофинны открыли жесточайший огонь из орудий, минометов и пулеметов по гребню сопки.

Сопка молчала.

— Не торопитесь, — еще раз предупредил отделение Кисляков.

Решив, что наступление подготовлено, фашисты полезли в атаку.

Сопка молчала.

Только подпустив вражеские цепи на несколько десятков метров, Кисляков коротко бросил:

— Вот теперь время.

И скомандовал:

— Огонь!

Человеческие тела покатились по склону сопки. В строю фашистских солдат сразу образовалась брешь. Застонали раненые. Замешательство охватило немецко-финских солдат. Некоторые повернули назад. Перед ними выросли офицеры. Фашисты снова полезли вверх.

Кисляков стиснул зубы:

— Подбавить чертям, если им мало... Огонь по зверью!

Фашистская полурота не выдержала и стремительно покатилась вниз.

Первая атака была отбита.

Но за ней последовала вторая. Немцы стали обходить сопку, стараясь взять горсточку краснофлотцев в кольцо.

Сопка снова ответила дружным и метким огнем. Вражеские цепи расстроились вновь и покатились назад.

— Так-то, гады! — довольно сказал Кисляков.

Но неожиданно ему доложили:

— Патроны кончились.

Этого он боялся больше всего. Было совершенно ясно, что фашистская полурота возобновит штурм сопки. Кольцо постепенно сжималось.

Кисляков отдал приказ:

— Приготовить гранаты!

Пристроив между камней пулемет, он поливал огнем цепи противника. По скату сопки снова карабкались немцы. Вниз полетели гранаты. Огненный ураган разметал шеренги фашистов. Немцы не выдержали и залегли.

Прошел час, другой. Бой продолжался. Неравный, но упорный, жестокий бой. Кислякову сказали:

— Гранаты тоже кончились.

Кисляков быстро взглянул на бойцов. Он еще раз соразмерил свои силы и силы фашистов. Он тут же принял решение: если нет патронов и винтовки уже не в силах говорить с врагом, если нет гранат, надо сохранить бойцов, живую силу, товарищей, друзей. Он коротко приказал бойцам отойти.

Бойцы заколебались.

— Отходите! — повторил Кисляков и добавил: — А я сумею прикрыть отступление.

Все ближе и ближе мелькали в кустарнике фашистские каски. Откатывались, исчезали одни, но тут же появлялись другие. Медленно, но упорно ползла вверх линия темных касок.

Неужели сопка будет сдана?

Нет, ни на одну секунду не допускал этой мысли отважный комсомолец. Он продолжал разгоряченно и в то же время расчетливо бить врага. Рядом с ним стреляли Кухарев и Занозин. Но скоро и тот и другой расстреляли весь свой запас. Они лежали молча, бессильные чем-либо помочь командиру. Кисляков приказал отойти и им.

Теперь он остался один — один против семидесяти, может быть восьмидесяти, может быть ста фашистов. Им овладело какое-то упоение, вдохновение боя. Он зорко следил за каждым движением врага. Немцы появлялись на одном фланге — он бил их тут. Выскакивали на другом — он переносил огонь туда. Казалось, он дерется за все свое отделение, за всех своих бойцов — и тех, что уцелели в бою, и тех, что уснули на сопке, пустынной северной сопке, последним, смертным сном...

Четыре вражеских пулемета поливали жестоким огнем героического защитника сопки. Но Кисляков оставался невредим. Внезапно прямо у ног его упала мина. Кисляков вздрогнул: «Неужели конец?»

Но мина не разорвалась.

Старший сержант продолжал один героически отстаивать сопку. Кисляковский пулемет ожесточенно бил по врагу. Казалось, сама ярость и ненависть к вражеским полчищам хлещет вокруг неукротимым огнем. Все больше редела фашистская полурота. Диск за диском расходовал смелый герой. Отстоять, сохранить сопку, задержать натиск врага! Только одна эта мысль владела старшим сержантом. Он продолжал самозабвенно бороться, пока не заметил, что пулеметные диски кончились. Пулемет отслужил.

Чтобы не оставить его врагу, он, воспользовавшись краткой передышкой, зарыл его в камни и щебень.

Пулемет отслужил, но была еще винтовка. Не спеша, методически точно расстреливал он врагов. Несколько раз они пытались окружить Кислякова и взять его живым. Не тут-то было! Один за другим падали фашисты на серые холодные камни холма. Тот, кто хоть немного выдвигался вперед, тут же прощался с жизнью: у старшего сержанта был верный глаз.

Наконец кончились и патроны. Вслед за пулеметом отслужила винтовка. Теперь у Кислякова осталось всего пять-шесть гранат. Что же делать? Отступать? Он вспомнил приказ командования — держать сопку до последней возможности. Раз так — значит надо бороться до последней гранаты, до последней пули, до последнего удара штыком.

Но вот и гранаты все. Кажется, уже теперь все кончено, исчерпаны все средства защиты, и выхода нет. Но выход есть, и Кисляков находит его. С лихорадочной быстротой, пока немцы еще внизу, пока они еще не доползли до вершины сопки, он ощупывает карманы погибших товарищей — и находит патроны... Значит, есть еще чем защищать сопку, есть чем громить и крошить врага!

И бесстрашный комсомолец-моряк снова берет винтовку. Пули изрешетили его плащ, пробили походную сумку, обожгли ногу. Он продолжал стрелять. Он продолжал держаться один против нескольких десятков фашистов.

Сопка попрежнему была нашей.

Наконец он расстрелял последний патрон. Фашистские головорезы были в каких-нибудь десяти-пятнадцати метрах от верхней площадки сопки. Винтовка Кислякова молчала. Он был, по существу, безоружен. Впереди была смерть.

И все-таки он нашел еще одно оружие! Последнее оружие, решившее исход борьбы.

Пламенный мгновенный порыв охватил Кислякова. Он поднялся во весь рост и громко, чтобы его слышали внизу, на всех скатах сопки, крикнул:

— Взвод, за мной в атаку!

Это было последнее усилие героя, вдохновенный, самоотверженный шаг, в котором было все: и пламенное чувство к родине, и упоение боем, и героическое презрение к смерти, и русская прекрасная доблесть, и славная военная хитрость бойца.

Несуществующий взвод привел врага в трепет. Ужас перед штыковой атакой магически подействовал на фашистов. Все, кто был впереди, в замешательстве покатились назад. И в ту же минуту где-то внизу, со стороны, по немецкой фашистской части и в самом деле ударили дружные выстрелы. Кисляков взглянул вниз и увидел своих. Группа наших бойцов обрушилась на врага.

— Ура! — прозвучало внизу.

— Ура! — прозвучало на сопке.

Могучий восторг победы охватил Кислякова. Немцы и белофинны бежали, бросая на ходу все: оружие, патроны, — все, что мешало бежать. Некоторые даже бросали одежду. Фашистская полурота, штурмовавшая сопку, потерпела жестокий урон.

Сопка осталась у нас.

Правительство присвоило Василию Кислякову за его благородную доблесть, за его изумительное бесстрашие звание Героя Советского Союза.

Он остался один на высоте — против сотни фашистов. Он зорко следил за каждым их движением. Его пробовали взять прямыми атаками спереди, с боков, с тыла. И откатывались, оставляя десятки убитых. Четыре пулемета поливали его свинцом. Возле него рвались мины. Но герой-комсомолец Кисляков удерживал сопку до тех пор, пока не подошло наше подкрепление.

А. ПЕТРОВ

СЫН МОРЯ

1

Когда подводная лодка уходила на глубину, акустик Федор Быков ничего не мог видеть — он только слушал, слушал часами, иногда сутками напролет. В наушниках звучала мерная, однотонная музыка моря. В нее незаметно вплетались различные лодочные шумы — гудение электромоторов и еще многое другое. Все эти шумы означали, что море пустынно, и Федор знал, что сигнальщик Кривошеев уже не раз докладывал командиру лодки капитану 3-го ранга Лунину: «Чист горизонт», и снова жадно припадал к окулярам бинокля.

«Чист горизонт»... Эти два слова, все одни и те же, заставляли краснофлотцев раздраженно переглядываться и вызывали короткие реплики, вроде: «опять пусто», или: «чортов аквариум».

Длинные стальные тела торпед, надежно укрытые в широких трубах аппаратов, каждую минуту готовы были с шумом вырваться из заточения навстречу вражескому кораблю. Но вокруг не было ничего, кроме волн, и торпедисты Бойчук и Злоказов снова и снова драили чистолью большие медные номера на крышах аппаратов, как будто это каким-то непостижимым путем могло ускорить момент атаки.

То всплывая, то погружаясь, подводная лодка шла в водах противника, под небом, пронизанным неярким светом северного солнца. Ни мотобота, ни рыболовного траулера! Только вверху возникал далекий звук авиационного мотора: низкий, прерывающийся, точно от астмы — у «Юнкерсов», высокий, звенящий, металлический — у «Мессершмиттов». Длиннохвостые хищники с черными крестами на широких крыльях появлялись сперва в виде маленькой черной точки, потом быстро вырастали и шли бреющим полетом над самой водой. Сигнальщики всегда замечали их еще издали. «Срочное погружение!» раздавался тогда спокойный приказ командира лодки, быстро задраивались все люки, и в цистерны подводного корабля с плеском врывалась вода.

За четыре года плавания комсомолец Быков хорошо изучил эти звуки ухода в глубину, и всегда при погружении всем своим телом он

ощущал диферент лодки и, не видя, ясно представлял себе, как боцман перекладывает горизонтальные рули, а штурман, склонившись над маленьким стсликом, прокладывает курс.

Вот и сейчас ушли под воду от самолета.

Федор Быков прошел по отсекам. Электрический свет искрился и сверкал на полированном металле бесчисленных механизмов. Штурманский электрик поднял для проверки перископы, и, словно длинные стальные копья, устремились они к безмятежному синему небу. Кружилась голова, нестерпимо хотелось спать.

И снова и снова акустик, как опытный врач, выслушивал море, тщетно пытаясь уловить шум винтов вражеского транспорта. Не может быть, чтобы не встретился ни один корабль! Ведь лодка ходила на самых бойких путях врага, у самых его берегов! Утомительно это длительное напряжение постоянного ожидания. И, может быть, это от усталости кажется Быкову, что все товарищи смотрят на него с упреком. Даже в вопросе комиссара, когда тот заглянул в рубку и спросил: «Ну, как дела, секретарь комсомола?» — послышался ему какой-то особый оттенок.

С первого же дня строительства лодки комсомолец Быков находился на ней, помогал ее строить. Тогда можно было только угадывать, как она будет выглядеть в будущем. А в скольких штормовых походах был он на своем славном подводном корабле! Здесь Быков окреп, вырос, здесь его приняли в партию, три раза избирали секретарем комсомольской организации. И вот теперь, когда настала боевая проверка, когда надо все отдать для родины и сделать так, чтобы каждый поход стал крепким ударом по врагу, все складывается как-то иначе, чем раньше думалось Быкову.

Он не спал уже около суток. Он физически чувствует тяжесть своих век. Поймав себя на том, что он думает об этом, акустик с усилием поднимает голову. Слишком много света в этой тесной рубке! Федор зажег маленькую лампочку и выключил основное освещение. Резь в глазах пропала. Отпотевший в подводном положении борт сверкал десятками крошечных бисеринок. Из цистерн раздался характерный шум: со звоном преодолевая сопротивление воды, туда врывался воздух. Лодка слегка качнулась и стала медленно подниматься наверх.

Попросив разрешения у вахтенного командира, Быков вышел на мостик. В небе и в море извивались мутно-белые складки утреннего тумана, сквозь который временами проглядывал матовый диск солнца. У бортов подымалась мелкая серебристая пыль, и в ней вспыхивали и вновь пропадали маленькие радуги.

Холодные капли покрыли лицо Быкова, со лба они медленно ползли на щеки, задерживаясь на ресницах. И стало так чудесно хорошо, словно не было бессонных суток. Федор затянулся папироской. Капитан 3-го ранга Лунин, высокий, широкоплечий, с открытым широким лицом, всматривался в туман. Вдруг Лунин повернулся к Быкову и окинул его суровым взглядом. Командир заметил всё: и опухшие от

бессонницы веки акустика, и то, что Федор еле держался на ногах от усталости, а за всем этим командир отметил про себя страстное ожидание, сквозившее в каждом движении младшего командира.

— Приказываю итти спать, — сказал Лунин. И добавил уже мягче: — Пользуйтесь случаем. Мы, пожалуй, долго еще не будем погружаться...

2

Федор лежал в своей рубке, просунув ноги сквозь небольшое отверстие в переборке, отделяющей рубку от каюты комиссара. Дверь рубки открылась.

— Быков, вставайте, — сказал чей-то голос.

Акустик сразу вскочил с койки. Он надел наушники. Там громко булькало, и по быстроте, с которой лодка уходила под воду, по большему, чем обычно, диференту Быков понял, что погружение было срочным. И вдруг ко всем знакомым звукам примешались новые, довольно частые пошлепывания по воде — они доносились справа и слева. Конечно, это не были шумы своих винтов. Странное, необычайное волнение охватило Быкова. Но громким, отчетливым, только необычно звенящим голосом он крикнул в переговорную трубку:

— По пеленгам слышу шум винтов двух кораблей!

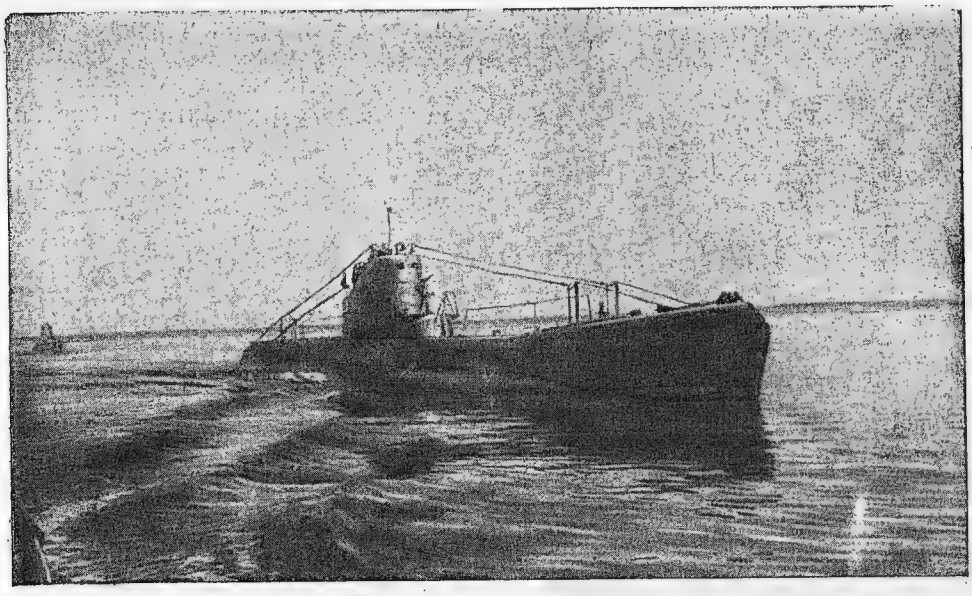
И сразу в наушниках что-то загрохотало, заухало, дрогнул корпус лодки, и над ней прокатился глухой, зловещий, никогда до того не слышанный гул. «Глубинные бомбы», мгновенно догадался акустик. Два фашистских тральщика охотились за лодкой. Один за другим докладывал Быков пеленги на вражеские корабли, и командир уводил лодку от смертельной опасности. Как только наступала тишина, лодка застывала в напряженном ожидании, чтобы снова немного продвинуться при очередном разрыве. Фашисты бомбили ожесточенно. Вот опять раздался раскатистый грохот, загудели электромоторы, и Федор уловил смутный шум винтов. Вот еще ухнуло, теперь уже далеко. Все дальше и шумы винтов. Минута, вторая, третья... Все тихо. И вдруг разом заработали моторы, лодка набрала ход...

Когда после всплытия Быков снова вышел из рубки, он увидел, что в каждом движении его товарищей сквозила какая-то особенная уверенность и сила, точно все вдруг возмужали. И он подумал, что, пожалуй, такое же изменение произошло и в нем самом. Пройдя в торпедный отсек, Федор весело спросил товарищей, как дела. Бойчук быстро взглянул на него и сказал как бы нехотя:

— Да ничего... — И вдруг с сердцем добавил: — Аппараты-то у нас «на товсе» — хоть сейчас в дело, да вот сам видишь...

А Злоказов подошел к Быкову и подал аккуратно сложенный листок бумаги.

— Я подумал, — сказал он, — и решил, что правильно будет... Словом, хочу заявление в комсомол подавать...



Прощай, советский берег! Подводники Севера уходят в боевую операцию.

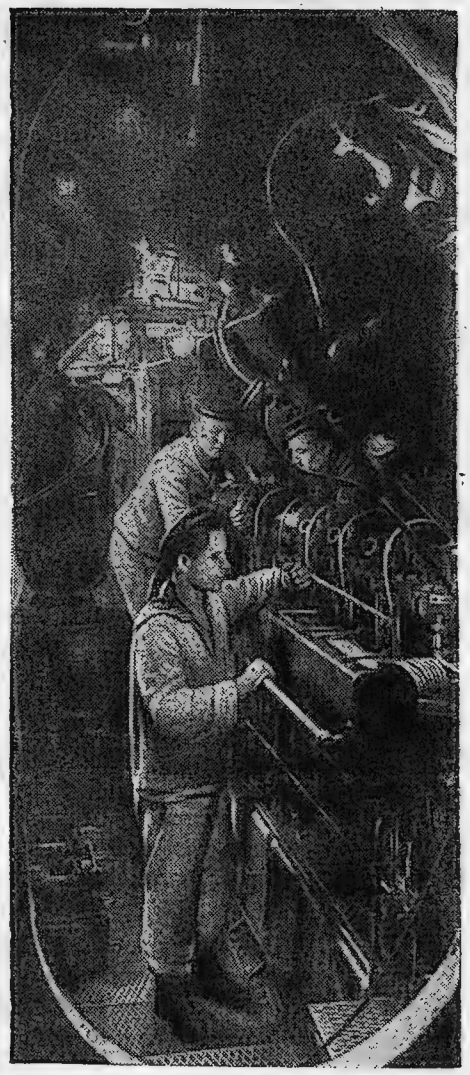
3

Однажды, когда лодка была на базе, принесли газету. В ней был напечатан список награжденных моряков. Федор Быков нашел фамилии командиров-подводников, чьи лодки пробрались в хорошо защищенные вражеские фиорды и утопили там груженые транспорты, стоявшие у причалов.

Вот она, доблесть героев!

Глаза Быкова скользнули ниже по строкам списка, и вдруг он увидел свою фамилию!.. Да, это он, старшина 2-й статьи Федор Николаевич Быков, награжден медалью «За боевые заслуги». Значит, и о его, Быкова, скромной работе знают и помнят там, в Кремле.

...Когда лодка вышла в свой новый боевой поход, море встретило ее штормами. Как не похож был этот поход на летние рейды подводников! Огромные черные волны с белой шумящей гривой перекатывались через мостик каждую минуту. И через ревущее море лодка шла к вражеским берегам. Вот уже, казалось, совсем недалеко — протяни руку и достанешь — замерцали огоньки в окнах маленьких домишек. Штормовая волна с гигантской силой ударила в лодку и вывела из строя один из важных механизмов. Быков видел, как мимо его рубки быстро прошли к люку инженер-капитан 3-го ранга Славинский, моторист Михеев, старшина 2-й статьи Степанов, краснофлотец Лысенко. Лодку



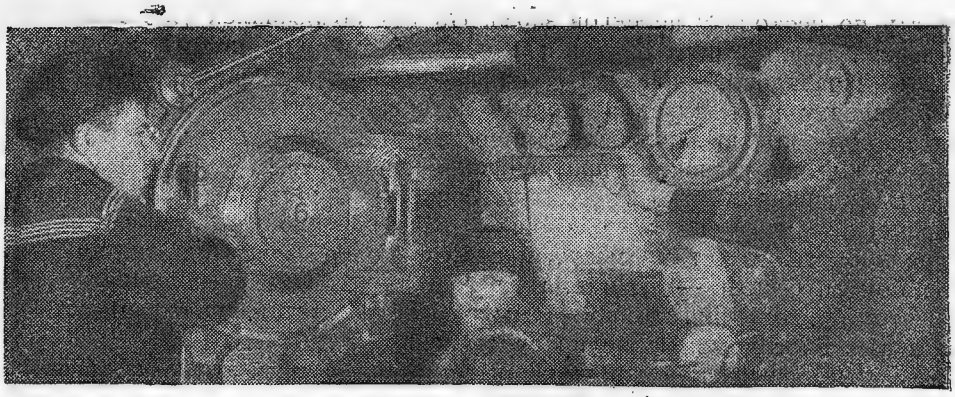
Ни пылинки не должно быть на этих умных, сложных механизмах. На поверхности, под водой, в стремительной атаке они должны работать с точностью хронометра. Балтийцы-мотористы комсомольцы Калябин, Себко и кандидат партии Тюгин готовят машины подводной лодки к боевому рейсу.

взад и вперед, вверх и вниз кидало волнами. Надо было спасать корабль.

Казалось, что много часов пробыла наверху ремонтная партия. В томительном ожидании тянулось время. На самом деле прошло всего полтора часа. Сперва мокрый, усталый, но довольный, спустился вниз инженер-механик, за ним — мотористы. Девяносто минут адской работы под ударами океанских волн, когда каждую минуту можно было очутиться за бортом. Зато теперь лодка могла итти куда угодно — повреждение устранено!

...Это случилось в один из дней, когда вся страна со страстной надеждой ждала исхода великих боев за красную столицу. Люди обступили радиста, принимавшего сообщения Советского информбюро. Федор прочел товарищам напечатанные во флотской газете стихи о Москве, написанные Александром Жаровым:

Мне сказал командир-подводник:
— Не во сне я, а наяву
Повидать бы хотел сегодня
Дорогую мою Москву,
Грудью встать на ее защиту
Там, где к ней подползает враг...
Только с севера до Москвы-то
Расстояние — не пустяк.
Я кричу ей через пространство:
—'Не в твою ли, столица, честь
Многотонный фашистский транспорт
Мы вчера потопили здесь?
Бьют по фронту, громят по тылу
Немцев с неба мои друзья,
Каждый день умножая силу
Не твою ли, Москва моя?
По ночам, затаив дыханье,
Каждый наш заполярный пост
В блеске северного сиянья
Видит грани кремлевских звезд.
Светят всполохи огневые,
Моряков увлекая в бой.
Бейся, сердце родной России,
Нашей доблестью боевой!
Больше яростного дерзанья,
Флота северного сыны!
Мы ничем, кроме расстоянья,
От Москвы не отделены!



На подводной лодке. Момент торпедной атаки. Через мгновение торпеда, направленная вернымн руками, помчится на вражеский транспорт. У торпедного аппарата — главный старшина, кандидат партии М. Н. Винюков (справа) и комсомольцы С. Г. Киселев и А. В. Козлов.

Да, тут, в холодных пространствах Северного океана, уже погруженного в долгие полярные сумерки, в Баренцовом море, в водах вражеской земли краснофлотцы Севера тоже вели борьбу с проклятым врагом за Москву.

И вот утром, когда на вражеский фиорд наползал с моря туман, на лодке заметили в глазок перископа приближение фашистского транспорта. Он был не меньше чем на шесть тысяч тонн. Командир Лунин приказал начать атаку. Старшина группы торпедистов Дряпиков, затаив дыхание, стиснул спусковые рычаги торпедных аппаратов и, как только прозвучала команда «пли», резко потянул их на себя.

Быков почувствовал сильный толчок и услышал в наушниках как бы сильный тяжелый выдох. Затем до его слуха донеслась работа винтов устремившихся на врага торпед. Все тише, тише шум, шорох винтов — и наконец глухой мощный удар. Торпеды попали в цель!

Федор высунулся из рубки и радостно спросил всех находившихся в отсеке:

— Слышали?

— Слышали!

Снова поднялся глазок перископа. Туман уже лежал плотно и на море, но вскоре порыв ветра разорвал белесую пелену. И командир увидел суда, подбиравшие тонущих фашистов. Акустик слушал, напрягая все свое внимание. Сейчас начнут бомбить. В наушниках что-то загудело. Быков доложил о пеленгах на немецкие катера-охотники. Раздалось несколько взрывов, но потом все стихло. Враги не сумели обнаружить лодки, и, не замеченная, она продолжала ходить у берегов.

Прошло несколько дней. В глубине одного из фиордов североморцы-подводники терпеливо подстерегали появление вражеских кораблей. Быков часто докладывал командиру о ритмичных стуках бесчисленного множества сновавших по заливу ботишек — акустику приходилось

давать по нескольку пеленгов зараз. Но вот послышался уже знакомый, сильный, мерный шум винтов тральщика. Командир поднял перископ.

— Правильно, — сказал Лунин, — действительно тралец!

Наверху промчалось несколько катеров-охотников. Потом в наушниках неторопливо зашлепало, точно двигался кто-то большой и грузный.

— Слышу транспорт противника! — кричал в трубу Быков.

В сумерках смутно вырисовывался силуэт огромного транспорта в охранении миноносца типа «Вольф». Вдруг миноносец резко изменил курс и бросился к тому месту, где была лодка. Заметили, видно! Бомбы, бомбы, бомбы — фашисты не жалели их. Они рассчитывали если не утопить, то запугать подводный корабль, заставить его отказаться от атаки. Рассчитывали, но просчитались!

Лодка, осыпаемая глубинными бомбами, шла в атаку на фашистский транспорт.

У торпедных аппаратов, напрягшись, как для прыжка, ждали сигнала Бойчук и Злоказов. Четыре брата Бойчука сражались на фронтах отечественной войны — стрелок-радист, танкист, артиллерист и сапер, — и все они мстили за мать, оставшуюся на захваченной немцами земле. Какая страшная судьба постигла там старуху? Двух братьев потерял Злоказов — Ивана и Виктора: оба они пали в боях за родину, а третий, раненный, лежал в госпитале. Мчитесь же, торпеды, бейте в борт ненавистного вражеского транспорта, перевозящего разбойничьи орды и оружие для них! Мчитесь, торпеды, уничтожайте, топите проклятых зверей! За радяньску Украину, за мать, за братив!

Взрыв торпед услышали все, находившиеся в отсеках. Транспорт в десять тысяч тонн водоизмещением перестал существовать. И вот загрохотало, зазвенело в наушниках Быкова. Все свои силы бросили гитлеровцы на один подводный корабль. Но и на этот раз лодка ушла невредимой...

Еще день у вражеской земли, на море, окутанном туманом. Акустик то и дело докладывал о немецких тральщиках. Но вот он снова поймал знакомое пошлепывание. Транспорт! Лодка открыла свой «глаз» — перископ. Стали видны торчащие в тумане мачты.

— Держите точнее, — приказал командир Быкову. — Будем атаковать по пеленгу.

Справа был транспорт, слева — миноносец. Акустик непрерывно давал пеленги на оба корабля. Акустик точно указывал путь к цели, и через несколько минут тяжкая масса транспорта как будто дернулась вверх, грузно осела. И, накренившись, фашистский корабль стал стремительно погружаться.

Но все ближе, все громче частая звенящая работа винтов. Это миноносец, это его пеленг. Бомбы, бомбы, бомбы...

4

Большая светлая комната госпиталя. Быков очнулся и приподнялся на локтях. До чего все-таки обидно, что угодил он сюда! Врачи говорят, что ему надо еще оставаться здесь. А лодка? Лодка ушла в

море без него... И Быков вспоминает о последнем походе, в котором был потоплен четвертый транспорт. Фашисты опять крепко бомбили и опять тщетно... Три радости было теперь у Быкова: одна радость — весть о разгроме врага под Москвой, другая — что неплохо поработали в походе и вернулись с победой, и третья — он узнал, что награжден орденом Красного Знамени. И надо было случиться так, чтобы он попал в госпиталь!

И тянутся дни... Он лежит, ест, спит, смотрит кинокартины. А товарищи его? А друзья? И, томясь на своей койке в просторной светлой палате, Быков думает: сравняла ли лодка свой боевой счет со «старушкой» — краснознаменной «Д-3», которая потопила семь транспортов противника?

Сейчас зима, сильный мороз — значит, у лодки обледенела надстройка, антенна стала толщиной с кулак. Как же они там? Как?.. Тихо рассказывает о чем-то радиорепродуктор. И вдруг все внимание Быкова напрягается; он слушает так, как слушал недавно шум моря. «Слушайте известия по Северному флоту! Слушайте известия по Северному флоту! Потоплено еще три транспорта врага... На боевом счету капитана третьего ранга Лунина — семь кораблей противника».

И Федор спрыгивает с койки. Он не слышит упреков сестры. Лодка, его родная лодка догнала краснознаменную «Д-3»!

...Быков оправился. В следующий поход он пойдет с боевыми друзьями-комсомольцами. Семь — только начало. Восьмой, девятый, десятый и другие транспорты последуют за первыми семью на дно океана от торпед лунинской подводной лодки. В Северном океане она бьется за победу над гнусными поработителями и захватчиками, за светлый завтрашний день народа, за счастье, за нашу жизнь!

...Сейчас в Северном флоте среди подводников родилось новое почетное слово: лунинцы.

И во всех морях и океанах мира знают сейчас о капитане 2-го ранга Лунине и его подводной лодке. Это она торпедировала германский линкор «Тирпиц», шедший под охраной восьми миноносцев.

В. РУДНЫЙ

В СЕКРЕТНОМ ОКОПЕ

Два комсомольца жили в окопе. Окоп находился за линией границы. Граница проходила по просеке на перешейке, где полуостров Ханко соединяется с материком.

Позади окопа — колючая проволока. У проволоки — наш пограничный столб. За пограничным столбом — сосновая роща, такая же, как в Отдыхе под Москвой. Из рощи выходят шоссе и железная дорога.

До войны из городка Гангэ ежедневно уходил поезд дальнего следования. Последняя на полуострове станция — Лапвик. Поезд пересекал просеку и останавливался уже в Финляндии, у станции Таммисаари. Отсюда через Хельсинки он шел к Выборгу и дальше к Ленинграду.

Последний поезд ушел с Ханко в первый день войны. Этот последний поезд принес в Ленинград много цветов — цветы бросали в вагоны ночью, когда он проходил по Финляндии.

В ту ночь по перешейку протянулись ряды колючей проволоки. За проволокой стали воздвигать полевые укрепления. Саперы строили блиндажи и окопы.

Вперед, за проволоку, на этот песчаный перешеек, поливаемый огнем с двух сторон, гангутцы вынесли наблюдательный пункт. Окоп трудно заметить врагу. Сверху посмотришь — груда камней, тут всюду на перешейке нагромождение гранита. Над камнями — в беспорядке кустарник и сучья. Нельзя же под каждой веткой подозревать людей!

Камни скрывали бревенчатый накат. Сквозь бревна в глубокую яму проникал свет. Днем видно кусочек солнца. Ночью в яму смотрят звезды. Яма тесна — два метра на метр. Сырая земля посыпана песочком с берега. На песке — пара досок и солома. Поверх соломы — две красноармейские шинели: одна — Петра Сокура, другая — Николая Андриенко.

Ветками скрыта узкая амбразура. В амбразуру всегда смотрели два глаза: то черные — Сокура, то серые — его товарища. Они следили за врагом, за той стороной.

На той стороне тоже проволока, и перед нею заложенные мины. За проволокой — высокая скала. У скалы стояло одинокое дерево.

Два наблюдателя жили в окопе уже неделю. Они изучили в подробности землю перед окопом. Их мозг фотографически запечатлел даже углубления в скале. Они знали, где какой камень лежит. Они видели появлявшихся у границы финских солдат и офицеров. Многим из них они уже дали клички и имена. Любая перемена за финской проволокой настораживала их внимание.

За ночь на дереве у скалы как будто гуще стала крона. Шапка тощей лиственницы выглядела подозрительно пышной.

— Кукушку подсадили, — сказал Сокур товарищу, — будет куковать. Доложи командиру.

— Тут и полпатрона хватило бы,— тоскливо сказал Андриенко, докладывая по телефону о финском автоматчике. — Может, разрешите, товарищ командир?

Телефон что-то захрипел. Сокур строго глянул на товарища: зачем возвращаться к уже решенному делу! Нельзя же стрелять из секретного окопа.

В кроне дерева вспышки. «Кукушка» постреливала, и пули посвистывали над секретным окопом. Сокур терпел и не трогал «кукушку».

Он знал свою службу, свой долг: сиди, смотри, замечай и докладывай.

— Петро,— говорил ему иногда Андриенко,— на войне мы или в учебной роте? Кругом стреляют, а мы за две недели патрона не потратили. В тире и то лучше.

Сокуру не по душе была эта позиция. Действительно, на войне, в самом пекле, а как будто вне войны. Но товарищу он отвечал:

— На охоте я бывало целую ночь на болоте вылеживаю, чтобы не спугнуть птицу. В костях ломит — и то молчу. А тут не охота, Микола, тут война. Можно и не такое потерпеть.

Сокур редко уходил из окопа. К лесу вела узкая канава — по ней был протянут телефонный провод. Сверху канаву прикрыли ветками, чтобы финны не обнаружили движения. Под ветками можно было пройти согнувшись.

Сокуру приходилось ползти: сапер Репня сделал канаву не по его росту.

Сокур вытягивал в канаве свое длинное тело и полз. В колючей проволоке он знал безопасный проход. За проволокой залезет и встанет у дерева. Посмотрит оттуда на финскую сторону, на свой окоп — и кажется странным: отчего это финны его окоп не замечают? Ведь вот он, под теми камешками. Но врагам секрет этот невдомек. Все камни для них одинаковы.

Сокур уходил лесом к ротным блиндажам. Доложит бывало командиру о своем прибытии и уходит к пулеметным гнездам. Там ждут прихода Петра Сокура. В каждом гнезде есть у него друзья.

Сокур — комсомольский секретарь. А вся рота — коммунисты и комсомольцы.

Потом Сокур возвращается к своему товарищу и сменяет его у амбразуры.

Два комсомольца несли тяжелую службу. День и ночь следили они за врагом. Они приучили себя к молчанию, смирились с невольной тишиной.

Бывало возникнет у них острое желание песню запеть, закричать изо всех сил. Желание, разумеется, неисполнимое, и потому, быть может, оно становилось жгучим и неутоленным.

Ночью в окоп заходили гости. И те больше молчали — разговаривать тут не стоило: на той стороне могли услышать.

Политрук Кузьмин молча протягивал Сокуру листок: в нем все новости из последнего номера газеты.

Комвзвода Емельянов шопотом говорил:

— Исайчев вчера снял у проволоки финна. С тысячи метров, между прочим.

И как будто тут же об этом забывал.

Сокур понимал, к чему этот разговор. Комвзвода нарочно говорил о конкуренте: Сокур тоже снайпер, у него свой снайперский счет. Но что поделаешь, если из этой ямы нельзя стрелять!

Он лениво осведомился, какой счет Исайчева.

Комвзвода ответил:

— Двадцать. До него двух вам нехватает, товарищ Сокур.

Посмотреть со стороны, — кажется, Сокур не обратил на это внимания. Он лишь тихо заметил командиру, что на той стороне погустела крона дерева.

— Андриенко жалуется, что стрелять не разрешаете, — с усмешкой сказал Сокур.— Неприятно смотреть, как кукушка безнаказанно действует.

— Дело ваше,— ответил Емельянов,— только отсюда все равно стрелять не разрешаю. Пожалуйста, из любого места.

Они уходили из окопа, политрук и комвзвода, а Сокур и Андриенко оставались.

И долго тянулась напряженная ночь.

Утром в окоп приходил Мандебура. Роста он маленького, канава ему нипочем, идет — почти не сгибается.

Мандебура приносил котелок с борщом и манерку с кашей.

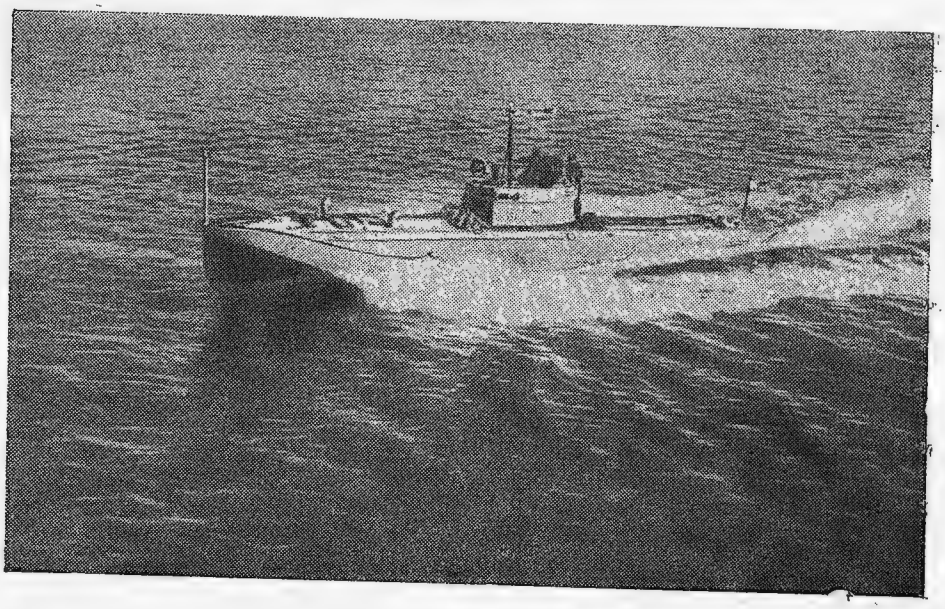
В это утро Мандебура запоздал. Капли пота выступили на его красном лице.

— Что ты сегодня красный, как бурак?— спросил его Сокур.

Мандебура молча передал бойцам кашу и флотский борщ.

Обедали по очереди. Кончил Андриенко, взялся за борщ Сокур. Мандебура все кряхтел что-то и не выдержал:

— Петро Трофимович, я не хотел вам аппетита портить. Думал, что сегодня вы будете без борща и без Мандебуры. Та погана финска собака, що на дереве под скалой, стреляет и стреляет.



В боевой рейс!

Это уже сверх всякого терпения.

Сокур передал котелок Мандебуре.

— Подержи маленько борщ, я мигом вернусь.

Он взял снайперскую винтовку и пополз по канаве из окопа в лес. Осторожно вылез на шоссе. Быстро по-пластунски пересек его. Тихонько подтянулся к железнодорожной насыпи. Под насыпью лег на живот и стал смотреть в оптический прибор.

До скалы отсюда дальше, чем из окопа. Но дерево хорошо видно. Крона на нем попрежнему густа.

Сокур прищурился, вгляделся в стеклышко прицела...

И крона на дереве снова обеднела.

Тем же путем он вернулся в окоп.

Мандебура смотрел на него с восхищением.

— Вот борщ остыл, Петро Трофимович.— Мандебура подал снайперу остывший котелок. — Мы с Андриенко видели, как он покатился под скалу, финик этот.

Борщ остыл — это, конечно, плохо. Флотский борщ хорош «с дымом». Можно было съесть борщ, а потом заниматься делом. Немного, пожалуй, погорячился.

Сокур ворчал и ел остывший борщ.

В ту ночь Сокур гостей не принимал: он был занят важным делом. В окопе остался один Андриенко. Сокур снова пополз к лесу, к железной дороге. Оттуда он резко свернул к границе. Неслышно пересек

снайпер «ничейную» землю. Андриенко через амбразуру всматривался, но и он не заметил ничего подозрительного.

«Хитро робит, — подумал Андриенко. — С этим хлопцем не пропадешь».

Сокур подполз к скале. Под деревом ничком лежал финн, сбитый Сокуром. Враги побоялись днем притти за трупом, но могут пожаловать ночью.

Сокур снял с финна автомат, пистолет и набрал полную каску разрывных патронов. С этими трофеями он повернул назад. Дополз до шоссе, лег на камнях, ожидая, что будет. Не ночью, так под утро, но притти должны.

Перед рассветом у скалы — движение. Сокур выстрелил в темноту у скалы.

Короткий захлебнувшийся крик подсказал Сокуру, что снайперский счет сравнялся: Сокур догнал Исайчева.

Однажды Сокур ушел в тыл — за газетами и поговорить с комсомольцами по разным делам.

В блиндаже его встретил Мандебура.

— Кипяток у нас есть, — обрадовал Мандебура, — можем баню устроить, Петро Трофимович.

Сокур стал мыться горячей водой. Но Мандебура опять не вытерпел.

— Петро Трофимович, — сказал он Сокуру, — против нашей точки десять финнов ходят. Я так думаю, не сегодня — завтра вы Мандебуру не увидите. Кто же вам борщ принесет? Поглядели бы в свою оптику.

Сокур поскорее кончил баню и вышел на высотку. Он залег за сосной и стал наблюдать.

За проволокой, действительно, находились финны. Только не десять, а всего трое. Сокур снял их по одному — вот это война!

Он вернулся и сказал Мандебуре:

— Ночью ползи за оружием. Чтобы все забрать. Это мой личный подарок тебе. Не заберешь — борща больше не носи.

И снова Сокур пошел в свой окоп.

Два комсомольца жили в окопе. Жили за проволокой рядом с врагом. Все, что замечали, докладывали командиру.

Второй день у финнов суета. На станции Таммисаари дымят паровозы. У границы скопляются эшелоны с войсками. Ходят офицеры в незнакомой форме.

— Кто такие? — спросил Андриенко.

— Немцы, — ответил Сокур. — Отец про них мне рассказывал. Были на Украине в восемнадцатом году, в нашем Тростянецком районе. Идем бывало с отцом на базар по Демковке — обязательно надо мост перейти. Как к мосту подходим, отец говорит: «Вот тут моя кровь, здесь немец меня ранил». Раз сорок, а то и больше говорил он мне это. Никак не мог старик забыть.

Немцы смотрели на просеку в бинокли. Они искали за маскировкой гангутские пулеметы.

Стекла бинокля уставились в окоп. На мгновение — они против амбразуры, но бинокль медленно повернулся в сторону. Наблюдатель ничего не увидел под грудой камней.

Два комсомольца сидели в окопе. Светлая ночь стояла над границей. В щели между бревен смотрело бледное небо.

У амбразуры дежурил Петр Сокур.

Николай Андриенко лег на шинель.

Он лежал на спине и смотрел сквозь бревна рассеянным взглядом. Он считал звезды, что видны в щелях. Промеж средних бревен — двенадцать звезд. В щели над головой — одна крупная.

— Петро, — сказал он тихо, — а на Украине звезды такие же?

— На Украине крупнее, — рассмеялся Сокур. — Неужели, Микола, ты думаешь, что над Ханко другие звезды подвешены?

Петро отвечал Миколе иронически — всегда его друг любит почудить.

Петро смотрел в амбразуру и думал о родной Украине. Странная тут местность, в этой Финляндии! Нет ни рек, ни степной травы. Будто все переломано гремучим штормом, навалено одно на другое. Украина — та куда лучше. На Украине хорошие песни поют. Только сейчас в Демковке тоже не поют, там немцы стоят. Да цела ли Дем-

Гранитная расщелина — снайперская позиция Григория Исакова. Доблестный защитник Ханко Исаков истребил 118 фашистов. Тут, на советском Гангуте, молодой краснофлотец вступил в комсомол.

Фото В. Рудного

ковка-то? Может, сожгли, как жгут они всю Украину? И писем оттуда давно нет.

Тихо над просекой на узком перешейке. Тихо, как до войны. Ветер упрятался куда-то в небеса. Только с залива, с двух сторон, шелестит волна.

И Андриенко что-то бормочет про звезды.

Увидел Сокур на перешейке тени — семь сломанных теней падали от скалы.

— Довольно про звезды, — толкнул он ногой товарища. — Доложи командиру: вижу семерых разведчиков.

— Семеро разведчиков у финской проволоки, — тихо сказал в телефон Николай Андриенко.

— Хорошо, — ответил комвзвода Емельянов. — Пропустить свободно, продолжать наблюдение.

Забыты звезды и далекая Украина. Забыты все лишние, праздные думы. Два комсомольца насторожились в окопе. Четыре глаза глядят в амбразуру: два черных — Сокура, два серых — его товарища.

Затишье над просекой лопнуло грохотом. Земля за окопом вздыбилась от взрыва. Упала высокая сосна в лесу.

На финской стороне горели зарницы. Снаряды рубили за просекой лес. Мины летели с визгом и рвали проволоку.

— Держитесь спокойно, — говорил из телефона голос Емельянова. — Продолжайте наблюдение и себя не обнаруживайте.

На камнях разорвались фосфористые мины. Слепящим каскадом они вспыхнули вдоль границы. Горел кустарник и сучья, длинной лентой огонь разливался по всему перешейку. Финны расчищали пространство перед проволокой.

Два комсомольца таились в окопе. Над окопом в один ряд лежали бревна. Над бревнами в беспорядке набросан камень. На камнях трещал подожженный хворост. Два комсомольца сидели в огне. Огонь не мешал им исполнять свой долг.

Сокур и Андриенко посмотрели вверх.

Дым затуманил звезды на небе. Душно и горько стало дышать в окопе.

Бойцы глотали дым. Они задыхались и вытирали слезы на глазах.

— Выкуривают, — говорил сквозь зубы Андриенко.

— Не выкурят, — шептал Сокур.

Над амбразурой горела маскировка. Желтое пламя застилало кругозор. Грохотали орудия. У границы началось сражение.

Звуки разрывов ушли далеко в глубь леса. Финские снаряды летели за просеку на полуостров. На границе трещали автоматы и пулеметы.

Хворост над окопом догорал. Дымились камни, пламя стихало. В окоп шел чистый, свежий воздух.

Два комсомольца продолжали наблюдение.

Сгорел весь хворост и обнажил амбразуру. Сокур и Андриенко увидели финских солдат, они бежали к просеке.

— Два взвода финнов, — доложил Сокур по телефону. — Маскировка над окопом сгорела. Будем держаться и вести оборону. Разрешите в случае надобности стрелять?

— Разрешаю, — ответил Емельянов.

Тут в амбразуру брызнула земля. Финны бросили к окопу мину. Два наблюдателя видели теперь только небо над собой и узкий проход к лесу, в тыл.

Сокур сбросил с доски шинель. Доской он стал буравить амбразуру. Снова впереди появился просвет.

Бледное небо светлело к утру. Сокур и Андриенко сидели в окопе. Окоп окружали финские стрелки.

Свободен остался только ход сообщения.

— Отходить не будем? — спросил Андриенко.

— Остаемся здесь, — ответил Сокур.

Два друга-бойца вышли из окопа.

— Закроем проход, — сказал Сокур: — могут пройти к нам по канаве.

Может, и не то хотел он сказать. Может, Сокуру хотелось закрыть этот последний путь отхода? Хмурый, он подтащил к канаве бревна. Бревно на бревно — и ход закрыт.

— Одни остались, — вздохнул Андриенко. — Может, помирать придется, Петро Трофимович.

— Поживем еще, друг, — ответил Сокур и впервые обнял юного товарища. — Жить, Микола, и мне хочется.

Никогда Микола не слышал такого ясного голоса. Никогда еще от слов не густели его серые глаза. Это прорвалось невольно. Тут же стал Сокур прежним — спокойным и деловым.

— Ты стой тут, у баррикады, и смотри по сторонам, — сказал он. — А я пойду в окоп и гляну в амбразуру.

Финны побежали в атаку мимо окопа. Гитлер дал им сроку всего три дня — за три дня захватить полуостров. Они спешили наступать.

Шум боя уходил в глубь леса. Фронт отдалялся от Сокура и Андриенко.

— Остались мы в тылу, — сказал Андриенко.

— Солнышко встанет — наши вернутся, — успокоил его Петр Сокур.

— Я тоже думаю, что наши вернутся, — согласился Микола Андриенко. — Сейчас наша артиллерия их встретит.

У скалы постукивал финский пулемет. Он прочесывал перешеек и просеку. По каске Андриенко рикошетом шлепнула пуля.

— Войди в окоп, — предложил Сокур.

Андриенко встал у выхода из окопа.

— У скалы справа крупнокалиберный, — сказал Сокур в телефон.

Над окопом визжали мины, свистели снаряды, рвалась шрапнель.

— Козлов стреляет! — обрадовался Андриенко. — Говорил я, что наша артиллерия сейчас их встретит. Теперь наши начнут наступать.

Зарницы горели уже не только в Финляндии. В лесу на полуострове тоже блистали огни выстрелов. Гангутская артиллерия вела огонь по врагу. Снаряды рвались на финской стороне.

Над окопом метались два встречных шквала.

— Финики, — мрачно фиксировал Андриенко полет снаряда с материка и поворачивал ухо в сторону леса.

— О це наши! — радостно восклицал он, когда из лесу вырывался встречный шквал.

Между скалой и окопом упал наш снаряд. Осколки зарылись в песок. Кусочки металла прошумели над наблюдателями.

— Метра бы на четыре правее, — сказал Петр Сокур, — как раз угодил бы в пулемет.

— Жаль, нельзя поправить. — Андриенко зло посмотрел на безмолвный аппарат.

Второй снаряд попал прямо в скалу. Металл и камень каскадом взметнулись над перешейком. Тощая лиственница полетела к заливу корнями вперед. Захлебнулся крупнокалиберный пулемет.

— Деревцо жаль, — заметил Сокур: — хороша была ловушка для финских кукушек.

Не было уже дерева у скалы. Там оседало поднятое взрывом облако.

В окопе вдруг сразу стемнело. Исчезло небо в просвете бревен. Что-то наглухо прикрыло щели.

Над головой застучал автомат.

— Финн! — взволнованно шепнул Андриенко и схватил Сокура за руку. — Петро, финн над нами!

— Следи за тылом, — прошептал Сокур. — Я его сейчас из зенитки.

Он лег на спину и к животу прижал приклад. Короткая очередь стеганула по бревнам. Сокур вновь увидел в щели над головой чистое небо.

Финны уже не очень спешили наступать. Гангутская артиллерия била крепко. Финны пытались закрепиться на перешейке и решили уничтожить окоп Сокура. Им мешало это препятствие в тылу. Они снова взяли окоп в кольцо.

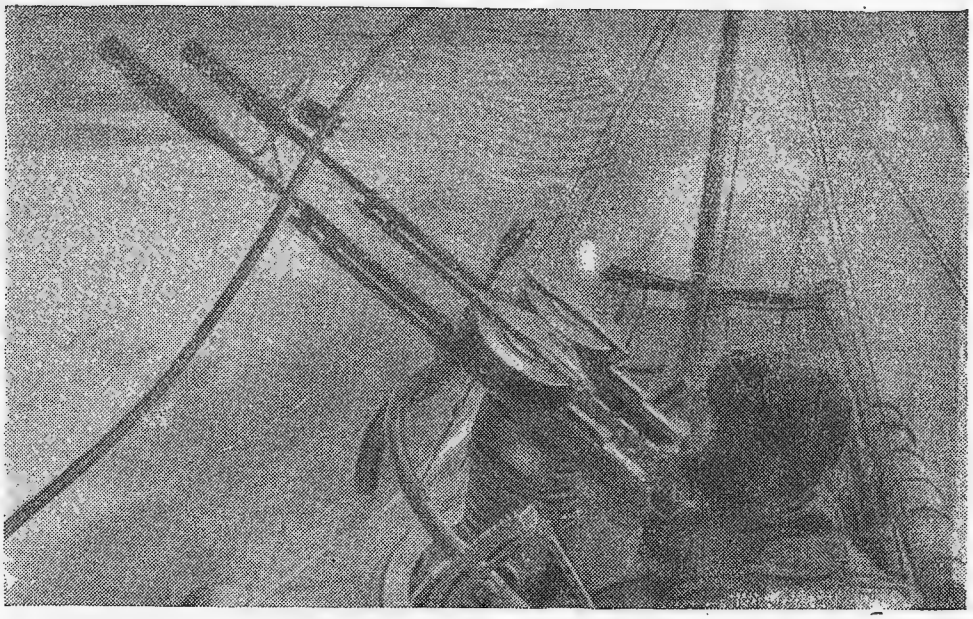
По ходу сообщения бежали трое. Один — в офицерской форме — катил впереди себя станковый пулемет, двое — в солдатских шинелях — с автоматами.

У комсомольцев остались только две гранаты и пистолет. Патроны в дисках автоматов были на исходе.

— Доставай лопатки, — приказал Сокур: — будем отбиваться лопатками.

Андриенко приготовил две саперные лопатки.

Офицер дал очередь из станкового пулемета по баррикаде. Финны осторожно приближались к окопу. Пулеметом и автоматами они прощупывали темный лаз окопа.



На торпедном катере в боевом дозоре. У пулемета боцман П. И. Алексеев.

Сокур и Андриенко плотно прижались друг к другу. Они не отвечали, будто уж тут их нет в живых.

— Троих бояться не будем, Петро, — шепнул Андриенко.

— В плен возьмем, — ответил Сокур.

Финны подошли к баррикаде вплотную. Тогда Сокур поднялся во весь рост, вскинул над головой гранату и неожиданно загрохотал:

— Ложись!..

Война гремела над перешейком. Пули свистали, снаряды рвались. Но возглас гиганта перекрыл войну, и грозную решимость почувствовал в нем враг. Этот огромный русский не шутит. Если не подчиниться, он бросит гранату под себя. Он погибнет вместе с ними.

Двое тут же пали наземь перед баррикадой.

Третий — офицер с пулеметом — крикнул по-русски:

— Огонь! — но сам страшился открыть огонь.

Петро Сокур охотно исполнил его команду. Левой рукой выстрелил в офицера из пистолета. Он не хотел его убивать — он ранил его и положил рядом с солдатами.

— Так-то лучше, — сказал Сокур, — будет трое пленных. А ну, перевернуться на спину!

Финны как будто не поняли приказа: не знают, мол, русского языка.

— Микола, переведи-ка им на финский!

Андриенко угрожающе поднял автомат. У автомата был пустой диск, но финны, увидев зловещий ствол, тут же уразумели, что от них требуют: легли на спину.

Сокур просунул руку сквозь бревна баррикады. Нащупав автоматы, он подтянул их к себе. Сокур хотел перетащить через баррикаду и станковый пулемет, но к окопу бежали еще четверо финнов.

Сокур и Андриенко легли у баррикады.

Между ними и финнами — два препятствия: одно — из бревен, другое — живое. Живая баррикада не шевелилась. Двойной огонь приковал финнов к земле.

Внезапно за баррикадой стало тихо. Наступавшие финны исчезли.

Кто-то бежал из лесу.

— Мандебура! — гремел над перешейком голос Емельянова. — Доставить мне Сокура с Андриенко живыми или мертвыми. До Хельсинок дойти, но чтобы были найдены!

— Так мы здесь, — громко произнес Сокур, он старался скрыть волнение. — У нас все в порядке. Есть пленные и трофеи.

К окопу бежали Емельянов и Мандебура.

— Петро Трофимович! — кричал Мандебура. — А мы думали, вы зовсим убитые.

— Осторожно, Мандебура, — предупредил Сокур, — тут по дороге кое-какое хозяйство дышит.

В канаве поднялись трое белофиннов — двое солдат и офицер. Вид у них был неказистый.

Сокур и Андриенко разгородили баррикаду. В окоп вошли бойцы их взвода.

Остальные взводы ушли вперед. Над просекой уже вставало утреннее солнце.

Мандебура насчитал возле окопа тринадцать убитых врагов.

— Наверху еще один — четырнадцатый. — Сокур показал на камни над окопом, где лежал убитый им автоматчик.

— Это его Петро из зенитки снял, — весело пояснил Микола Андриенко. — Лег на спину и стреляет вперед из ППД.

— А ты говорил, что в тире лучше, — усмехнулся Сокур. — Вот, брат, и дождался настоящей войны.

И Сокур повел пленных по канаве к лесу.

В. РУДНЫЙ

БАЛТИЙСКИЙ ОРЛЕНОК

Ночью на Хорсене было тревожно. Финские батареи вели беспокоящий огонь по заливу и по всем островам к западу от полуострова Ханко. В отряде уже знали, что произошло на Эльмхольме, и ждали приказа итти на помощь шестерым бойцам, закрепившимся на островке.

Алексей Гриденко в тревоге бродил возле командного пункта. Комвзвода и политрук Гончаренко вышли от Гранина к рассвету. Гриденко пошел за ними.

— Товарищ политрук, — робко окликнул он политрука, — пойдем?

— Не терпится? — сухо сказал политрук. — Вот возьмем и оставим в резерве...

Гриденко заскочил в блиндаж за карабином и шерстяной вязаной шапочкой, которую он обычно надевал под бескозырку. В полном вооружении он сел на камне возле капонира взвода, где собрались уже все краснофлотцы. Он решил быть наготове.

Командиры отделений вполголоса спорили между собой: кого же лейтенант Фетисов решит оставить в резерве?

— В-вот увидите, — заикаясь, говорил Иван Петрович Щербановский, небрежно развалившийся на камнях, доброволец из запасников, — дело решит м-мое отделение. К-капитан Гранин так и сказал: п-поручить Ив-вану Щербановскому — и к-крышка!

— Брось травить, Иван Петрович, — насмешливо возразил командир другого отделения, Борис Бархатов, краснофлотец с умными озорными глазами. — Капитан этого не говорил, и одно отделение в таком деле все равно не решает.

— Смотря к-какое отделение, — настаивал Щербановский, носивший такую же густую черную бородку, как капитан Гранин. — От-тделение Щ-щербановского стоит роты; у м-меня один только Гриденко в-всех вас за пояс заткнет!

Гриденко в спор не вмешивался, обдумывая угрозу политрука: неужели и верно его оставят в резерве?

Связной принес от Гранина приказ выступать. Фетисов разделил бойцов взвода на три группы: одна — с командиром, в нее вошло и

отделение Бориса Бархатова; вторая — с политруком; Щербановский назначался в резерв.

— Шары! — браво произнес Щербановский. — Щ-щербановский остается для ос-собого задания. Сынку! — окликнул он худенького краснофлотца Забавного, своего «адъютанта», следовавшего всюду за командиром. — За мной! — И важно удалился в капонир.

Гриденко нехотя побрел за командиром, но его остановил политрук:

— Пойдете со мной.

На Эльмхольме в это время из шестерых бойцов, защищавших скалу, в живых остались двое. Финны смелее лезли в лощину, собираясь, видимо, захватить южную часть островка. Высадившись на островке, краснофлотцы залегли цепью от берега до берега, и лощина вновь стала непроходимой. Борис Бархатов со своим отделением проник за скалу, вперед. Гриденко обстреливал кустарник за лощиной, лежа на граните поблизости от политрука.

Гранин приказал оставить до вечера эту часть острова, чтобы отсюда, когда стемнеет, повести наступление. Капитан рассчитывал в течение дня подбросить подкрепление на катерах и шлюпках.

В полдень к Эльмхольму подошел катер с группой краснофлотцев. Он проскочил огневую завесу, но почему-то свернул несколько правее, в сторону берега, где находилась белофинская засада.

— Левее возьмите! Левее! Там засада! — кричал лейтенант Фетисов. Он не мог встать во весь рост: под скалой свистели пули.

На катере не слышали Фетисова и шли прежним курсом, — трудно было перекричать шум моря и боя.

Тогда Фетисов вскочил во весь рост, по флотскому обычаю руками просемафорил, объясняя, где нужно пристать.

«Ясно видим!» ответили с катера и повернули к тому месту, где стоял Фетисов.

Командир радостно улыбнулся. И тут же упал.

Когда политрук подполз к командиру, тот уже не дышал. Рука была вольно откинута на камень, та рука, которой он подавал сигналы.

— Слушай мою команду! — крикнул политрук. — За командира остаюсь я. Заместителем назначаю Бориса Бархатова.

Настоящая дружба связывала Гончаренко с Фетисовым. Больно было политруку видеть, как погиб этот молодой, полный сил и энергии человек; но сейчас ему было не до переживаний.

Связь с Хорсеном оборвалась. Финны подтягивались к лощине для атаки.

— Гриденко, ко мне! — тихо сказал политрук.

— Я здесь! — откликнулся Гриденко, подтягиваясь ближе к Гончаренко.

— Плавать умеете?

— Да.

— Хорошо?

— Так я ж с торпедных катеров.

— Ныряете?

На островах Балтики действовали бесстрашные моряки-десантники части капитана Гранина. Они в шутку называли себя «дети капитана Гранина». Вот четверо из них на маленьком острове Хорсен, близ Ханко. В центре — Иван Петрович Щербановский, командир роты разведчиков, человек легендарной храбрости.

Фото В. Рудного

— С детства.

— Поручение опасное, могут убить.

— Вы же меня знаете, товарищ политрук.

Гончаренко знал, что этот молодой и горячий комсомолец не пропустил еще ни одной десантной операции, пристраиваясь к бою всеми правдами и неправдами.

— Волна большая. Надо плыть до Хорсена и сообщить капитану Гранину обстановку. Видите, как стреляют по заливу?

Гриденко уже расстегивал бушлат и раздевался.

— Снимите тельняшку, — сказал политрук: — лишняя нагрузка в воде.

Гриденко сложил одежду возле телефонного аппарата на скале. Из бушлата он достал комсомольский билет, вручил его политруку и пополз к заливу.

— Погоди! Поди сюда.

Голос Гончаренко от волнения стал хриплым.

Гриденко обернулся.

Политрук притянул его к себе, обнял, крепко расцеловал и махнул рукой.

Юноша быстро дополз до воды. Волна за волной несли на берег

взбитую пену и мелкую хлесткую гальку. В заливе вздымались столбы смерча, брошенные к небу гремучими ударами снарядов.

Гриденко метнул вперед быстрый взгляд и прыгнул в воду.

Финны заметили его, когда он дошел до глубины и поплыл. С деревьев стреляли из автоматов, но Гриденко ничего не слышал. Он плыл, чувствуя, что по нему стреляют и за ним следят и свои и чужие.

С Эльмхольма краснофлотцы и политрук следили за пловцом. Борис Бархатов не мог видеть его из лощины. Но он приказал бойцам усилить обстрел деревьев, на которых засели финские автоматчики.

Гриденко отплывал все дальше и дальше. Лишь только он почувствовал, что за ним охотятся, он нырнул и долго не показывался на поверхности. Финны перенесли огонь вперед, но пловец вынырнул еще дальше.

Сильный накат прибоя и частые разрывы над заливом мешали политруку следить за пловцом. Редко мелькала на гребнях волн все удаляющаяся голова краснофлотца, и чем ближе подплывал он к Старкерну, тем труднее было его отыскать.

— Сиваш, — обратился политрук к сидевшему возле безмолвного телефона краснофлотцу, — дайте бинокль.

В бинокль политрук снова отыскал Гриденко уже почти у острова Старкерн, который стоял на пути к Хорсену.

Гриденко вынырнул у отвесной скалы Старкерна. Стать на ноги нельзя — слишком глубоко. Уцепиться не за что. Рука скользила по мокрому граниту.

Гриденко вспомнил, что в этой скале немного левее должны быть трещины — недели две назад он пролежал на Старкерне восемнадцать часов без пищи и воды, скрываясь от высадившихся на остров финнов, и тогда изучил скалу.

Он собрал последние силы, отплыл в сторону и отыскал трещину в граните. Он кое-как подтянулся на руках и вскарабкался на скалу.

Тут силы его оставили. Он упал.

«Убит, — дрогнуло сердце политрука, наблюдавшего за краснофлотцем в бинокль. — Погиб Гриденко».

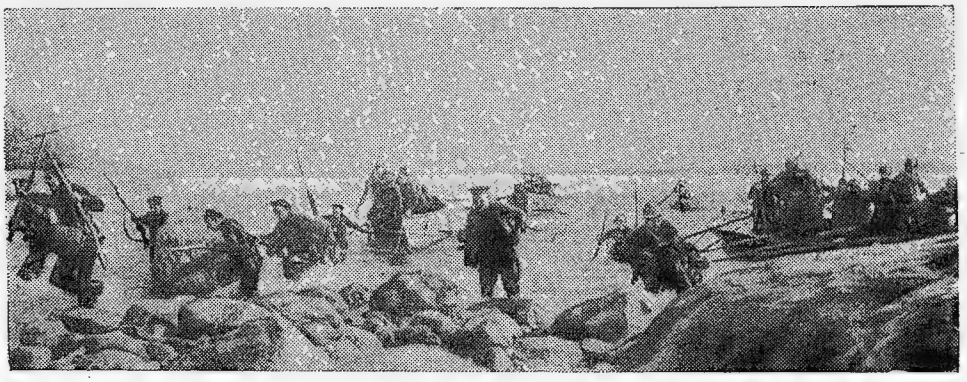
Но Гриденко вскочил и побежал через Старкерн к противоположному берегу.

Старкерн от Хорсена отделял узкий пролив, куда уже не залетали пули и мины.

Обессиленный вылез Гриденко на берег Хорсена и, шатаясь, пошел по тропинке вверх мимо санчасти. Его окружили бойцы из отделения Щербановского. Они с тревогой расспрашивали его, что случилось.

Но Гриденко лишь на минуту присел, перевел дух и, не отвечая на вопросы товарищей, побрел к командному пункту.

Перед Граниным стоял посиневший от холода высокий юноша в одних трусах, с ногами, израненными об острые камни.



На море и на суше одинаково отважно сражаются доблестные краснофлотцы. На снимке: десант моряков краснознаменного Балтфлота высаживается на остров, занятый фашистами.

Капитан вытащил из-под койки сундучок, достал брюки, тельняшку и ботинки.

— Надевай. Ну, живо!

Капитан налил из своей фляги в «порционный стаканчик» спирта. Гриденко оделся, выпил, и ему стало сразу тепло.

Когда краснофлотец рассказал капитану о положении на Эльмхольме, Гранин послал на Старкерн сигнальщика, чтобы тот просемафорил Гончаренко приказ держаться во что бы то ни стало до вечера.

— Пивоваров! — позвал Гранин начальника штаба. — Направь на Эльмхольм телефониста на резиновой шлюпке, пусть восстановит связь.

Начштаба послал с катушкой смелого телефониста комсомольца Червонцева, а Гриденко вышел из капонира командного пункта.

Кружилась голова. Он пошел в блиндаж своего взвода, лег и уснул.

...Он проснулся, когда в амбразуру уже не падал свет. Кто-то рядом копошился в темноте.

— Товарищ командир, вы куда? — спросил Гриденко Щербановского, заряжавшего диск финского автомата.

— Ос-собое задание, — ответил командир отделения. — Не зря к-капитан держал нас в резерве. П-пойдем на Эльмхольм с тыла.

Гриденко вскочил с койки.

— Что же вы меня не будите?

— Лежи, лежи. Тебя капитан п-приказал не брать. «Пусть, — говорит, — отдыхает».

Гриденко выскочил из блиндажа и побежал к командному пункту.

...Несколько времени спустя я встретил Алексея Гриденко на полуострове, на Утином мысу, где лес почему-то меньше тронут снарядами, чем всюду на Ханко.

Надо преодолеть бурелом, обойти глубокую воронку от бомбы, перескочить через вырытые случайными снарядами ямы, и тогда попа-

дешь к палисаднику, за которым стоит белая двухэтажная дача с вывеской «Дом отдыха».

На этой даче встретил я балтийского краснофлотца — высокого худощавого юношу, как будто природой скроенного для флотской формы — до того ладно на нем она сидит.

Гриденко вышел из дачи, чуть прихрамывая, опираясь на толстую суковатую палку. После эльмхольмской операции он успел побывать еще в одном бою и подцепить шальную пулю.

— Вы были на Хорсене? — всполошился Гриденко. — Ну, как там, никуда не собираются? Про операцию на Подваландет ничего не слыхали?

Я успокоил его, сказав, что на Хорсене, кроме небольших разведывательных вылазок, ничего не происходит.

— Сижу тут на сливках, — сказал Гриденко. — Золотое время проходит, могу все прозевать.

На другой день я поехал в артиллерийскую часть на восточном побережье. Там готовилась вылазка разведчиков на финские острова. За день у артиллеристов перебывало много народа. Мелькнул и Гриденко со своей палочкой. Я хотел его остановить, но он скрылся в блиндаже.

— Разве Гриденко тоже идет? — спросил я командира части капитана Кудряшева.

— Нет. Он в госпитале, ранен.

Я промолчал.

Когда стемнело, катеры вышли на остров Хестэ-Бюссэ.

В слабо освещенной сводчатой комнате старинного подземелья отдыхала группа Ивана Петровича Щербановского. Она состояла из краснофлотцев с Хорсена, но много тут было и средних командиров из добровольцев.

В ожидании сигнала все лежали на койках, одетые по-походному и вооруженные автоматами. Спалось неважно; некоторые тихо разговаривали. На одной из коек, уткнувшись лицом в подушку, лежал какой-то краснофлотец, видимо, силившийся уснуть.

В комнату вошел капитан Кудряшев. Он шел от койки к койке и вдруг остановился.

— Товарищ Филиппов, как вы сюда попали?

Худощавый молодой интендант с черной бородкой, обрамлявшей бледное лицо, вскочил с койки и вытянулся перед командиром.

— Так я же сменился с дежурства, — лепетал он, — я же давно вас просил, товарищ капитан, вы же обещали послать меня в операцию.

— Обещать — обещал, не спорю, но кто разрешил вам отправиться сегодня? — Кудряшев разговаривал с начпродом своей части сердито и строго, хотя, наверно, был доволен, что под его командованием находятся настоящие воины.

— Так вы уж разрешите, товарищ капитан, — умолял Филиппов.

— А кто вас берет с собой?

Филиппов молчал, не желая подводить Щербановского.

— Сознайся, начпрод, — подал со своей койки голос Щербановский. — С Ив-ваном Щербановским п-пожелал пойти в бой!

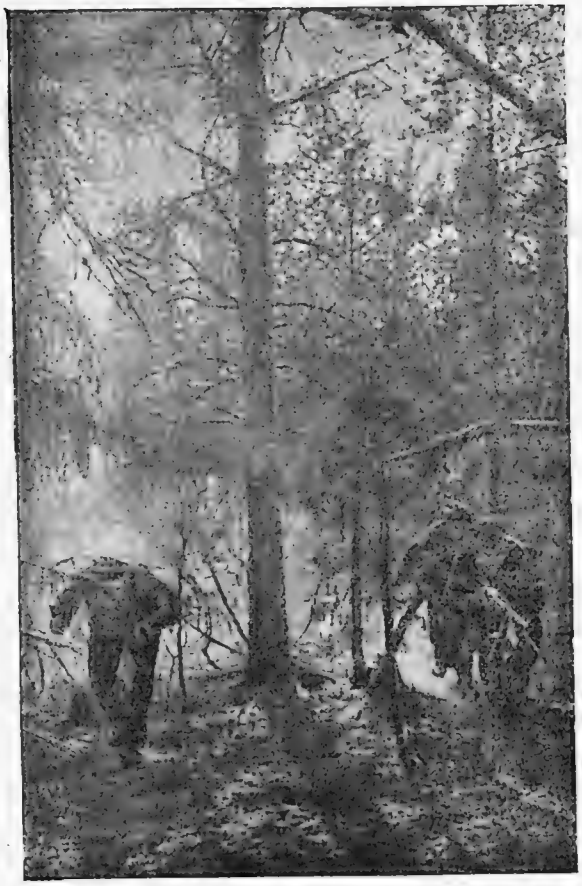
— Хорошо, — согласился Кудряшев.—Сходите на операцию, потом отсидите на гауптвахте трое суток за нарушение дисциплины. Ясно?

Все рассмеялись. Филиппов стоял ни жив, ни мертв.

— А винтовка есть?— смягчил тон Кудряшев.

— Есть, товарищ капитан. — Филиппов подхватил с койки автомат ППД и протянул командиру.

— Вот вояка!—повеселел Кудряшев. — Даже автомат раздобыл. Ай да начпрод! Надо пойти поглядеть, нет ли там у Егорова зайцев.



Десантники-балтийцы прочесывают лес на острове, отбитом у немецких оккупантов.

Капитан открыл дверь в следующую комнату и с порога крикнул:

— А ну, войско, сознавайся, кто тут зайцы?

Никто не откликался. Капитан покачал головой и ушел.

— Шары! — провозгласил Щербановский. — Орленок, можешь перевернуть ф-фотографию.

Я посмотрел, к кому это он обращается.

Краснофлотец, уткнувшийся лицом в подушку, перевернулся на спину и сел на постели, весело улыбаясь. Это был Гриденко.

— Ну, заяц, — сказал Щербановский, — г-говори спасибо Ивану Петровичу. Иван Щербановский, если захочет, целую роту спрячет. Иван Щербановский по всем морям плавал, на всех купцах, обошел весь мир, исключая Ал-лбанию и К-китай.

Никто уже не спал в комнате. Краснофлотцы, прибывшие вместе с Щербановским, с удовольствием слушали, как здорово «травит» их

бесстрашный командир, и гордо посматривали на всех остальных, еще не привыкших к бурному нраву Ивана Петровича. Гриденко сидел на койке и улыбался.

Я подошел к Алексею Гриденко.

— А палочка?

— Вот! — сказал Гриденко, потрясая карабином.—Отличная палочка!

И ушел вслед за всеми на берег.

А. ХАМАДАН

СУДЬБА НИНЫ ОНИЛОВОЙ

Худенькая невысокая девушка в легком платьице, раскрасневшаяся и взволнованная, переступила порог военкомата.

— Ну вот, еще одна пришла, — ворчливо сказал военком. — Девушки хорошие, войдите в мое положение: мне не нужны медсестры. Бойцы, пулеметчики, командиры, артиллеристы, саперы — вот кто нужен.

Военкому было жарко. Он отстегнул крючки гимнастерки, вытер мокрую шею платком, вздохнул. Еще раз посмотрел на девушек. Их было несколько; они не хотели уходить и стояли молчаливые, с влажными от обиды глазами. Военком пожалел их. Но война есть война. Если всем им уступать, то скоро в армии медсестер будет больше, чем бойцов и командиров!

А эту, худенькую, переступившую порог, он узнал сразу. Фанговщица одесской трикотажной фабрики. Военорг комсомола. Тихая, но упорная, как чорт. Так вот и будет стоять у окна целый день и молчать. Военком еще раз вздохнул.

— Вот если бы кто из вас был пулеметчиком!..

Он хотел сказать еще что-то такое, как ему казалось, удивительно ловкое, чтобы выпроводить, наконец, девушек и заняться работой. Но фанговщица Нина Онилова вдруг подошла к нему вплотную:

— Так я же пулеметчица. Всю программу прошла. Вот и значки, справка...

Опешивший военком махнул рукой и, обращаясь к остальным девушкам, строго сказал:

— Ну, а вы, товарищи, возвращайтесь на производство. Это тоже фронтовое дело.

Нина Онилова добилась своего. Страстная мечта стала явью. Вот так и приходят счастье, радость. Образ чапаевской Анки-пулеметчицы, образ, с которым она сроднилась по книгам, по кино, казался ей недосягаемым. И чем больше лелеяла она тайную мечту об Анке, тем лучезарней и недосягаемей казалась эта судьба бесстрашной русской женщины.

«Неужели теперь это со мной? Неужели я, как Анка?!.»

Нина вышла и несколько мгновений постояла на тротуаре. Она слышала удары собственного сердца. Августовский полдень в Одессе зноен. Дома, улицы плывут в душном мареве.

Словно очнувшись, Нина заторопилась, побежала, и ветер движения обвеял ее лицо.

Она ушла на фронт в тот же день. На фабрике наскоро простилась с друзьями. У Нины Ониловой не было родной семьи — круглая сирота, но друзей было много. Ее любили в комсомольской организации, любили на фабрике.

— Ты, Нинка, помни, не подкачай там. Тебя одну только и взяли, — провожали подруги-комсомолки.

— А их, гадов, бей, пощады не давай, дочка, — сказала старая работница. Она поцеловала Нину в губы, по-стариковски перекрестила ее.

...Люди на фронте быстро привыкают к грохоту, лязгу стали, каскадам огня, дыма, земли. Привыкла и Нина Онилова. Не вздрагивают больше плечи от внезапного артиллерийского залпа. Не ищут глаза, куда упал снаряд, где разорвалась хрякающая, визжащая мина.

И сама Онилова, девушка-пулеметчица, сноровистая, меткая, аккуратная, смелая, пришлась по душе бойцам и командирам. Ее сразу прозвали «нашей Анкой». Так судьба ее стала подобна судьбе той, о которой она мечтала, — чапаевской Анки. Весть о том, что в таком-то батальоне есть Анка-пулеметчица, вскоре облетела всю армию. Многие хотели видеть ее. Спрашивали и Нину: «Где у вас тут Анка чапаевская?» Нина смеялась и показывала рукой куда-то в неопределенную сторону, иногда задорно отвечала песней: «Кто ищет, тот всегда найдет!»

Но и тем, кто раньше знал Онилову, сейчас было бы нелегко узнать ее. Юноша в гимнастерке, в шароварах, сапогах, с коротко, по-мальчишески остриженными волосами не был похож на девушку Нину. Только голос выдавал ее да вечная улыбка, обнажавшая маленькие белые зубы.

...Была ночь, косые струи дождя хлестали землю. Она делалась липкой, тягучей. Нина набросила плащ-палатку на себя и своего «максимчика». Она припала к нему, устремив взгляд вперед, в темную, непроглядную ночь. Далеко позади раскинулась родная красавица Одесса. Враг, жестокий, хищный, рвется к ней. Варварски бомбят ее немецкие, румынские, итальянские летчики. Подло, по-бандитски швыряет снаряд за снарядом на прекрасные улицы города фашистская артиллерия. И, оглядываясь, Нина видит всплески пламени, длинные языки огня, вскидывающиеся к небу. Нина до боли стискивает зубы, ее маленькие ладони крепче сжимают ручки пулемета. Там, впереди, за этой темной мутью, притаился враг.

— Ой, не будет тебе пощады, фашистская сволочь! Клянусь, не будет! — цедит сквозь зубы пулеметчица.

И вдруг тишину на этом участке фронта, вот на этом маленьком кусочке земли, где лежит Онилова со своим пулеметом, нарушают

Медицинские сестры подразделения морской пехоты Северного флота комсомолки Мария Олейникова и Дуся Бросалина. Десятки раненых советских воинов с их оружием вынесли они из-под огня врага.

Много атак фашистских стервятников отбила зенитная батарея лейтенанта Ю. Леоненко. Умелый и отважный комсомолец-моряк награжден орденом Красного Знамени.

тяжелые немецкие минометы. Значит, скоро оттуда пойдут в атаку... И Онилова чувствует, как все напрягается в ней, и частыми-частыми делаются удары сердца. Не фанговщица одесской трикотажной фабрики «Друзья детей», но боец Красной Армии, готовый к смертельному бою с ненавистным, заклятым врагом, лежит здесь, сжавшись в комок, припав к пулемету.

Огонь минометов перекатывается дальше, в глубь расположения наших войск. Сейчас, сейчас начнется атака. Сейчас пойдут они.

Впереди застрекотали автоматы. Уже слышны крики — чужие, незнакомые.

— Ну, давай начинай! — нетерпеливо кричит Ониловой один из бойцов пулеметного расчета.

Но она не отвечает бойцу и не стреляет. Чужие голоса все ближе. Кто-то оттуда, из темноты, выкрикивает пьяным голосом грубое ругательство на ломаном русском языке Очереди автоматов стучат громко, точно стреляют над ухом. А пулеметчица все еще молчит. И только когда глаз выхватил из темноты контуры силуэтов идущих в атаку врагов, внезапным сильным огнем начала свой первый настоящий бой комсомолка Нина Онилова. Очередь за очередью — то длинная, то короткая. Огненные струи яростно хлещут в вопящих, падающих и все еще бегущих вперед врагов. Бойцы расчета с трудом поспевают за пулеметчицей.

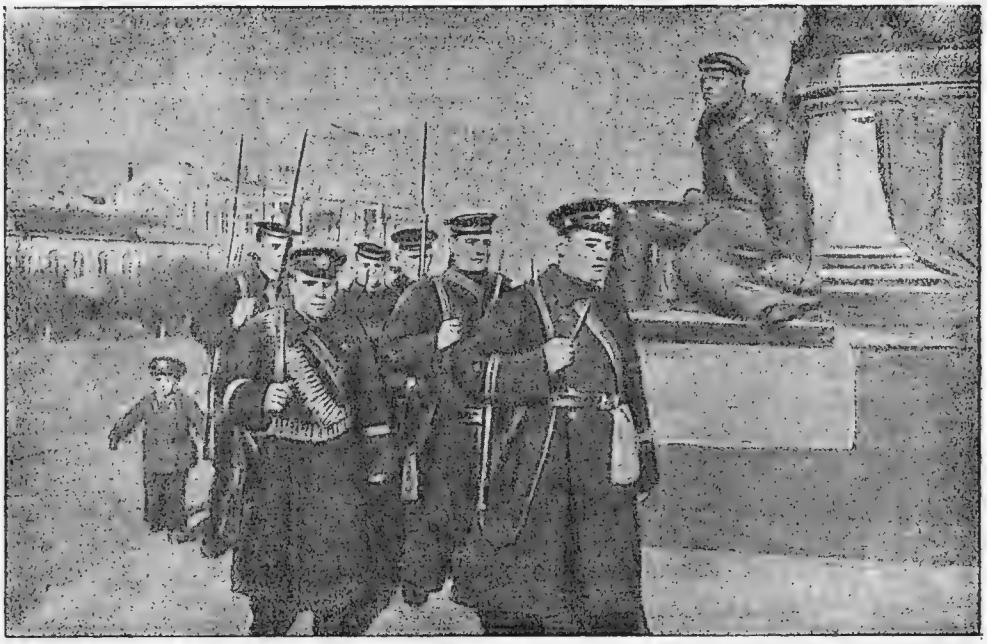
Утихают автоматы, не слышно больше чужих голосов. Только «максимчик» все так же гневно, яростно вышивает на черном бархате ночи узорную огненную строчку...

Утром Нина увидела свою работу: десятка три солдат и офицеров валялись в лощине.

Этот ночной бой был строгим экзаменом для юной пулеметчицы. Она с честью выдержала боевое испытание. Многие в батальоне, по совести говоря, до этого ночного боя не верили, хоть и называли ее «Анкой-пулеметчицей, что эта худенькая, маленькая двадцатилетняя девушка может быть стойким, суровым воином. А теперь подлинная боевая слава осенила своим крылом юную пулеметчицу. Она обрела доверие бойцов и командиров — самый драгоценный подарок фронтовиков. Теперь об «Анке-пулеметчице» говорили с гордостью, с большим уважением.

Случилось так, что батальон, в рядах которого сражалась Нина, включили в состав легендарной Чапаевской дивизии. «Анка-пулеметчица» была узаконена. Молодая фанговщица вошла в прославленную чапаевскую боевую семью.

Дни и ночи продолжались тяжелые, упорные бои. Огромные полчища врагов наседали на части Красной Армии. Сжималось вражеское кольцо вокруг Одессы. Но сломить упорство советских бойцов и командиров, защищавших Одессу, фашистские бандиты не могли. Чудеса доблести, героизма, подвиги великого мужества вписали защитники Одессы в историю великой отечественной войны. Новой бессмертной славой покрыла себя Чапаевская дивизия. И среди чапаевцев



Патрули черноморцев на улицах Севастополя.

с беззаветной храбростью сражалась новая «Анка-пулеметчица» — комсомолка Нина Онилова.

Однажды, когда сама земля, казалось, дрожала, гудела от артиллерийской и минометной стрельбы и воздух был горьким от порохового дыма, боец Забродин, лежавший рядом, прильнул к уху Нины:

— Спой хорошую песню. Веселей будет.

И Нина запела мягко, по-женски:

Письмо в Москву, в любимую столицу,
Я другу сердца нежно написал...

Может быть, один Забродин, лежавший рядом, слышал ее. Она вдруг забыла слова песни, но не хотела оборвать ее и с каким-то нахлынувшим на нее вдохновением стала к старым словам прибавлять новые:

Хранить страну, семью свою родную
Я кровью сердца милой обещал...

А мины ложились все ближе и лопались, противно хрякая. Неподалеку был ранен лейтенант. Нина быстро оттащила его за куст и перевязала. Но лейтенант умирал. Он взял ее руку и пожал. Потом отстегнул кобуру, передал ей пистолет.

— Храни, Анка, не забывай, — чуть слышно прошептал он.

Нина погладила его по голове и, склонившись к нему, поцеловала в губы. Ползком она вернулась к своему пулемету. В это время со стороны лесного насаждения показалась фашистская цепь. Сперва они шли в рост. Видно было, что они пьяны.

— Анка, стегни их, — сказал кто-то из бойцов.

И Анка «стегнула». И опять, как в ту памятную ночь, «максимчик» без устали метко хлестал убийственным огнем. Вражеская атака захлебнулась. Пулеметчица облегченно вздохнула. Она услышала воющий звук мины, подняла голову. Что-то тяжело ударилось рядом. Нину засыпало. Она быстро стряхнула с себя землю и хотела подняться. Но встать она почему-то не смогла, и сама улыбнулась своей слабости. Забродин крикнул:

— Анка, жива?

— Вполне, — сказала она. Но кровь бежала по ее лицу. Один осколок попал в голову, другой — в ухо.

Ее отправили в госпиталь. Потом вывезли из осажденной Одессы. Любовно лечили. Она поправилась.

Она всегда была на линии огня, ее руки заботливо перевязывали раненых, на своих плечах она уносила их с передовых позиций. Не один десяток раненых защитников Севастополя вынесла комсомолка М. С. Антипова с поля боя.

Повсюду она искала свою дивизию, свой полк. Это было трудно. Но характер, упорство, бесстрашие Ониловой привели ее на правильный путь, тот путь, на который звала ее судьба Анки-пулеметчицы.

...Холодный ветер обдувает ее лицо. Она лежит на холме, на подступах к Севастополю. Маленькие, но крепкие руки попрежнему поглаживают «максимчика». Чапаевцы других полков и батальонов приходят к ней «на побывку» — посидеть полчасика, послушать хорошую песню, оценить ухом знатока ровный ход пулеметной очереди, быстрым взглядом посмотреть вперед, на скаты холма: там результат ее работы — десятки новых трупов румын, немцев.

На этих холмах, на славных севастопольских холмах Онилова — не единственная девушка. Многие советские патриотки встали в эти грозные месяцы в ряды защитников города. Наталья Величко, которая на военной машине доставляет на передовые линии боеприпасы и продовольствие. Любовь Харитонская и Анна Дрябкина, вынесшие из огня десятки раненых. Анна Новикова, электросварщица, ремонтирующая орудия на передовых позициях. Студентка Галина Маленко, надевшая бушлат краснофлотца, — «наша Галочка», как называют ее бойцы. Комсомолка Анастасия Чаус, потерявшая руку во время налета вражеской авиации и вернувшаяся из госпиталя на завод, чтобы там, работая одной рукой на старом своем станке, выполнять по три нормы...

И были среди этих героических защитниц Севастополя потомки тех, кто уже отстаивал со славой свой родной город от подступившего врага 87 лет назад. Такова Евгения Гора, внучка знаменитого матроса Макарова, героя Крымской войны.

Вот Нина Онилова уже сержант, командир пулеметного расчета. На ее боевом счету более пятисот сраженных солдат и офицеров. Молодые пулеметчики ходили к ней подучиться. «Анку-пулеметчицу» вызвали в Военный совет, ее наградили боевым орденом Красного Знамени. Принимая награду, сержант Красной Армии комсомолка Нина Онилова кратко, убедительно заявила:

— Я не умею говорить речи, но с фашистскими собаками я умею хорошо разговаривать языком моего пулемета.

В распахнутой шинели, во флотской тельняшке с синими переливами стоит перед нами прославленная пулеметчица одесской и севастопольской обороны — двух городов-героев. Она стоит перед нами веселая, задорная. Ее окружают боевые товарищи. Она запевает на мотив «Раскинулось море широко» новую боевую песню:

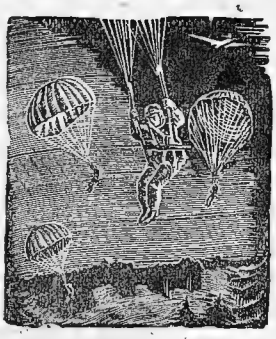
Солдатские песни Суворов любил.
Бойцы помнят песни Чапая.
Споем же, друзья!
Пусть в боях прозвенит
Победная песня родная!

И могуче гремел над севастопольскими холмами подхваченный всеми припев:

Споем же, друзья!
Пусть в боях прозвенит
Победная песня родная!

— За родину! За Сталина!

Так ходили в атаку, так стремительными ударами отбрасывали и выбивали врага с его позиций моряки-черноморцы в месяцы беспримерной по героизму обороны Севастополя.



С. КРУШИНСКИЙ

В ЛАГЕРЕ БЕССТРАШНЫХ

Куда ни обернись — фронт. На востоке и на западе, на севере и на юге можно увидеть над лесом черные хлопья шрапнельных разрывов, ночью — осветительные ракеты. Это советский район в тылу врага. Он был очищен от немцев десантниками. Отбивая все атаки немцев, нанося тяжелые удары по немецким гарнизонам, десантники при поддержке всего местного населения прочно удерживают район в своих руках. Вместе со всей страной этот район встретил в труде и боях первомайский праздник.

1. НА СПИНЕ ПРОТИВНИКА

Еще вчера юноша танцовал в клубе своей части. Гудела музыка, ярко горел электрический свет, пахло духами.

Сегодня он приехал на аэродром, вошел в кабину большого воздушного корабля и поднялся в воздух. В раскрытые двери кабины врывался вихрь. Парни с парашютами на груди сидели на корточках вдоль стен кабины. Несмотря на рев моторов, казалось, что здесь царит торжественная тишина.

Близкие разрывы снарядов, удары осколков о плоскости. Парни тесней прижимаются друг к другу. Потом облака. Светлое пятно—луч вражеского прожектора — ползает по облаку, как по экрану. Но самолет — по другую сторону экрана, в безопасности.

Команда. Парашютисты один за другим подходят к раскрытой дверце и бросаются в белую бездну, навстречу всему, что только способно представить человеческое воображение, на землю, занятую врагом. Кольцо. Раскрывшийся парашют встряхивает тело юноши. Купол над головой светлый, как второе небо.

Ожидание этого рывка занимало все внимание юноши. Теперь он с облегчением вздыхает и вспоминает о враге.

Автомат, который висел вниз стволом вдоль тела, он передвигает на грудь. Удивительная, ошеломляющая тишина царит в мире. Юноше кажется, что он оглох, и он вполголоса произносит несколько слов, для

себя. Мягкий толчок о заснеженную землю. Погасив парашют, юноша ложится и прежде всего осматривает снежное поле вокруг себя. Он отстегивает стропы, еще раз осматривается. Деревни не видно, только снежное поле и вдали лес. Он дает несколько миганий фонариком и, не получив ответа, решает переждать до утра. Он зарывается в снегу. Ему еще мерещится музыка, что гремела тогда в клубе. Электрический огонь озаряет и вспугивает его дремоту. Нет теперь музыки. Нет электрического света. Нет улыбающейся девушки. Пурга, поле... Мягкое белое покрывало снега. И ожидание: в любую минуту из-за любого куста может появиться враг. Время от времени юноша шевелит в валенках пальцами ног, чтобы не обморозить их.

На рассвете, стряхнув снег, он видит бредущего по полю человека. Мигание фонариком помогает ему опознать товарища.

Двое — это, по понятиям парашютистов, уже сила. Они идут по глубокому снегу опушкой леса к деревне, что темнеет на горизонте, и по дороге в течение дня встречают еще несколько товарищей. В сумерках юношу посылают в разведку. Он входит в село. Охраны нет. Он стучится в оконце самой неказистой избенки: заранее известно, что в таких реже всего останавливаются фрицы.

Испуганный женский голос:

— Кто там?

— Русский. Выйди, хозяйка.

В сенцах:

— Немцы в деревне есть?

— Ох, сидят, немые дьяволы. Беги отсюда, сыночек.

— Сколько?

— Много. Гляди, человек двадцать. Как же ты, родненький, попался-то сюда? Люди ушли из окружения, а ты не сумел? Ты заходи, обогреешься, поесть дам: картошка пока вольная, припрятали. Да иди-ка отсюда! Ох, беды наживешь...

— В каких домах живут немцы?

Закон парашютистов — действовать внезапно и дерзко.

Устроив засаду около домов, занятых немцами, они зажигают сарай и бросают в окна по гранате. В домах переполох. Немцы выбегают и падают под огнем автоматов. Трескотня автоматов создает впечатление большого боя. И когда бой утихает, когда произведен осмотр домов и из-под полов, с чердаков извлечены перепуганные фрицы—эти сытые тыловые хари, разъевшиеся на чужих хлебах, — юноша ложится спать в освобожденной деревне. Подростки и старики с немецкими винтовками охраняют его сон.

Кто этот юноша, этот бесстрашный воин? Как его имя?

У него тысячи имен. Это советский парашютист-десантник — гордость нашей молодежи, краса комсомола.

Лишь подробности первых шагов различны.

Если это младший лейтенант Клочков, то он уже во время спуска увидел летящие к нему цветные иглы трассирующих пуль, а внизу черные фигуры немцев. Приблизившись к ним, пролетая над ними, он

бросил одну за другой две гранаты. Вторая взорвалась на цели, и две фигуры повалились на снег. Торопливая стрельба остальных перепуганных фашистов не помешала Клочкову уйти в лес, хотя во время перестрелки пуля выбила из его руки наган.

Если это политработник Лютов, то он, выполнив свою первую задачу с группой в четыре человека, прошел для соединения с ядром десанта 50 километров по компасу. Поход растянулся на неделю. Чтобы облегчить передвижение по снегу, комсомольцы сделали себе снегоступы из досок. Но потом, когда они вошли в одну не занятую немцами деревню, крестьяне смастерили им настоящие лыжи.

Если это лейтенант-разведчик Шурубей, то он с двадцатью автоматчиками по всем правилам атаковал большой вражеский гарнизон в деревне О. Ночной уличный бой продолжался четыре часа. Немцы оставили 18 убитыми и 11 пленными. Парашютисты потеряли троих, но при этом спасли одного своего товарища, который спустился прямо в эту деревню, в палисадник занятого немцами дома, был схвачен раньше, чем успел отцепить парашют, перенес зверские пытки гестаповцев и, раздетый, разутый, ждал смерти. Фашисты хотели повесить его на стропах парашюта, но не успели. Он выбежал на улицу босой и принял участие в бою. Когда немцев выбили, были найдены и его оружие и его сапоги.

В деревне О. парашютисты захватили артиллерийский склад, пушку, 10 автомашин, винтовки, автоматы и генеральскую шинель.

Кровь, пролитая на родную землю во имя вызволения ее из плена, скрепляла клятву бойцов отстоять свою родину. И они шли в новые бои с еще большей отвагой, выказывая сверхчеловеческую стойкость и выносливость.

Они совершали многодневные походы по лесам, ночевали в шалашах или рыли в снегу яму, края ее застилали ветками, в середине раскладывали костер и сидели вокруг костра живым венком, положив голову друг другу на плечо и протянув ноги к огню.

Каждому случалось съесть в походе последний сухарь.

А представьте раненого, которому только успех наступления сулит тепло и сохранение жизни. Раненый не выходит из сражения, пока держится на ногах.

Красноармеец Р. был ранен разрывной пулей в лицо. Перебитая нижняя челюсть повисла. Р. показал командиру, что хочет подорвать себя гранатой. Командир ответил:

— Нет.

Сжав гранату в руке, боец пошел в атаку.

Группы парашютистов соединялись с боями и уже в ходе этих боев освободили от врага значительную территорию.

Крестьяне передавали из села в село: «К нам слетели парашютисты». И, вооружившись, шли на помощь. Мальчишки высылали в поле свои дозоры.

Опускается парашютист и вдруг слышит детский, дрожащий от страха голосок:

— Свои?

— Свои, — отвечает парашютист. — А ты, малец, что тут делаешь?

Приосанившись, малец отвечает:

— Вот чего. Ваши сбираются на КП. Так и быть, провожу.

КП — это командный пункт. Мальчишки отлично владеют военной терминологией.

Такие дозоры встречались даже меж деревнями, занятыми врагом, причем мальчишки выводили парашютистов к своим и иногда дарили что-нибудь вроде немецкого пистолета.

В одном сражении парашютисты получили неожиданную поддержку со стороны партизан, пришедших из леса на шум боя.

Стихийно возникали новые отряды.

Здешние партизаны и теперь с гордостью говорят:

— Я в отряде с того дня, как слетели первые парашютисты.

Слова эти, «первые парашютисты», произносятся с особым выражением, как «первый дождь», как «первая любовь».

Это был подлинный праздник во всей округе. Ликовали люди не только оттого, что вот изгнаны из деревни фашисты — насильники, убийцы, грабители, но еще от сознания, что, значит, у немцев силушки поубавилось, а у нас прибыло.

Так и говорили парашютистам:

— Ведь раньше наши всё уходили из окружения, а теперь вот сами прилетели в окружение и распугали немцев.

Фрицы постепенно приходили в себя; начались их контрнаступления. Парашютисты отбрасывают одну атакующую часть за другой. Они крепко держатся на спине врага. Стойкость в обороне и при проведении дальнейших операций делает десантникам еще больше чести, чем успехи первых внезапных дерзких ударов.

А немцы снова и снова организуют экспедиции на уничтожение десанта.

Мы прилетели к парашютистам в дни, когда начался один из таких походов.

Развернув карту, командир Казанкин показал красные и синие скобки наших и немецких гарнизонов, синюю стрелку, обозначающую направление их удара.

Принесли радиограмму. Казанкин пробежал ее и отпустил десантника-радиста с наказом:

— Смотри, сынок, все время держи связь.

И, вернувшись к карте, продолжал:

— Вот тут наблюдается движение. Фашисты под прикрытием танка по целине, рядом с дорогой, двигаются к деревне Б., которую им удалось занять. Их цель — расчленить наши силы и уничтожить. В лесу, близ дороги, вот здесь, действует капитан Поборцев со своими людьми. Это отличный командир. И участок его сейчас очень ответственный. Он находится у порога деревень, откуда немцы развивают наступление.

2. ВЕСНА ИДЕТ...

Еще не отощали сугробы, еще оружие смазывается незастывающим веретенным маслом, но уже по утрам похрустывает под ногами ледок на тропинках, и оживающие ветки берез стряхивают снежную бахрому, а дым канонады подолгу висит над кустарником в теплом и влажном воздухе.

Прилетели скворцы, щебечут на крылечках скворешен, укрепленных на развилках дерев. Только нынче не любуются ими детские глаза из окон: нет ни окна, ни дома, — деревню спалил немец. И боец проходит мимо играющих скворцов с замкнутым, сжавшимся сердцем.

Усталый разведчик, стоя по пояс в снегу, сорвет бархатистую почку вербы, разотрет между пальцами. Весна! И решительно бредет дальше, чтобы поскорее с родным ароматом набухающих почек смешать едкий запах порохового дыма.

Путь к передовым позициям идет по весенней израненной земле. На ослепительно белом поле чернеют воронки с рваными приподнятыми краями. Вот впереди взметнулся кверху черный фонтан. Следующий снаряд прилетит через несколько минут и разорвется где-нибудь рядом. Успеем ли проехать? Медленно тянутся мгновения. Проехали.

Деревня, разбитая немецкой артиллерией. Вот вырвана целая стенка; подушка на дороге. Красноармеец везет на санях раненых детей на перевязку к врачу.

Лес с искалеченными деревьями. Лежит тополь, срубленный миной, а все-таки почки на голых ветвях набухают, наполняются весенними соками.

А вот наконец и Поборцев. Он полулежит у костра, в шалаше из еловых ветвей. Здоровается, произносит несколько слов и снова молчит. Отдыхает? Нет, он работает. Это один из тех командиров, которые работают всегда.

Творческий труд командира.

Вот он посмотрел карту, отложил, подбросил прутьев в костер. Опять посмотрел. Вызывает начальника разведки. Показывает на карту.

— Послушай, Сафончик, вот к этому повороту дороги кустарник близко подходит? Укрыться можно?

— Можно, можно.

Опять о чем-то думает Поборцев.

— Разрешите итти?— спрашивает разведчик.

— Ступай, Сафончик, ступай.

Сафончик — фамилия лейтенанта, но Поборцев так мягко ее называет, как будто это ласкательное прозвище, как будто на самом деле лейтенанта зовут Сафоновым.

Они оба — белоруссы. Их роднит затаенная общая скорбь. О чем бы ни шел разговор, они помнят о родном народе, стонущем в неволе.

Поблизости рвутся снаряды; время от времени, исступленно визжа, пролетает шальная пуля.

Выстрел орудия. Свистит снаряд.

— Мимо, перелет,— спокойно отмечает Поборцев.

Парашютисты только что спустились на землю. Они собрались к назначенному месту. Командир Казанкин объясняет им обстановку.

Такой продолжительный свист можно услышать только при перелетах.

Еще, еще, еще. Бьет пулемет. Это по нашей опушке.

Поборцев вызывает по телефону минометчиков:

— Сосна? Что-то фрицы завозились. Дай штук пять беглым. Ты там пулемет засек?

Один за другим слышны пять хлопков. Над деревьями с шелестом летит стая мин. Пять разрывов.

Наблюдатель доносит: разрывом мины пулемет выброшен из блиндажа, немцы волокут убитых к дому.

Опять:

— Сосна? Дай пять по дому. Через десять минут повтори. Для насыщенности.

Поет зуммер наподобие закипающего чайника. Поборцев берет трубку. Засада на опушке леса сообщает, что из деревни вышел обоз. Десять подвод. Ведут одну корову. Движение по направлению к Б. По обыкновению, обоз сопровождают пехотинцы. Впереди танков противоминная разведка — саперы.

Поборцев командует в трубку:

— Огневое нападение всеми средствами! Танки? Знаю. Приказание понято?

Томительное ожидание.

— Вот как ходят немецкие обозы в их собственном тылу,— отмечает Поборцев безучастно. Он ждет. Лежит, опершись на локоть, прислушивается.

Внятно и гулко заговорил пулемет. Вперебой торопливо вторят ему автоматы.

Поборцев с облегчением вздыхает:

— Наши.

Действительно, бойцы засады открыли огонь по обозу. Немцы не знали, что засада подкралась по лесу так близко к дороге. Минута — и перебиты все лошади, упала корова, падают или разбегаются пехотинцы.

Тогда разворачивается один танк и идет целиной к опушке, обстреливая лес из орудия. Пулеметчик Иванов продолжает свое дело. Рядом с ним падает раненный осколком второй номер. Подползают бойцы, укладывают его на плащ-палатку и по соединительному ходу несут в тыл.

Иванов продолжает стрелять.

Стреляет также противотанковое ружье. Танк не решается приблизиться. Он бьет из орудия.

Засада умолкает. Иванов сидит один в парной ячейке, за снежным бруствером, прикрыв еловыми ветками лужу крови.

Но когда из деревни выходят новые подводы и немцы начинают переваливать груз из саней в сани. Иванов вновь открывает огонь. Вновь падают убитые немцы. Вновь бьет из орудия танк. Снег, подымаемый близкими разрывами, то и дело осыпает Иванова.

Немцы не решаются тянуть обоз в Б. Под прикрытием танков обоз на новых лошадях уползает назад, в деревню.

Иванов уходит в глубь лесочка, в шалаш, и, повалившись на еловые лапки, тут же засыпает. Напрасно тормошит его товарищ, комсомолец Денисов.

— Да ты не ранен ли?— спрашивает Денисов встревоженно. Иванов не отзывается.— Вставай, вставай, я хлебом поделюсь.

Иванов просыпается лишь в полночь.

К нему подсаживается Семенов, секретарь комсомольского бюро.

— Как ты думаешь, не пора тебе вступать в комсомол?

— Теперь пора,— отвечает Иванов,— мне хотелось после удачного боя.

Он берет карандаш и неровными буквами пишет:

«Прошу принять меня членом комсомола. Я оправдаю звание ленинца, буду драться с врагом так же, как 8/IV-42: уничтожил до 15 фрицев.

Иванов Вячеслав».

— Откуда родом?— спрашивают Иванова.

— Из Чувашии.

На фронте люди отлично знают друг друга, но редко интересуются прошлым. Здесь человек так полно проявляется за один час боя, что к этому ничего не добавишь.

— У тебя дрожит рука?

Оказывается, пулеметчик нездоров. Утром с трудом поднялся. Хотел сказать, а тут вскоре бой. Пошел к пулемету. Не стал говорить.

Приносят градусник. Иванов меряет температуру: сорок. Его отправляют в тыл.

На командном пункте на прощанье Поборцев дает Иванову часть своего ужина.

Все так же потрескивает костер. Поборцев любит, чтобы около был веселый огонь. Глянув на часы, он говорит дежурному телефонисту:

— Я отдохну. Через тридцать минут разбудишь.

Но через пять минут подымает голову и вызывает разведчика:

— Ты слышал?

— Сова.

— Она прокричала третий раз. Надо разведать. Сова ли?

Пора. Вместе с Поборцевым идем через лес мимо часовых и забираемся в наблюдательный блиндажик впереди переднего края. Нас четверо здесь. Сверху сеется в тумане мелкий дождь-снегоед.

Свежеет ветерок, угоняет туман. Проступают звезды.

Сидит Поборцев, прислушивается к шорохам ночи. И видно, что каждый шорох он понимает, — все ему тут родное.

За бугром сидят немцы. Непонятной и зловещей кажется им ночь на чужой земле. Потому и бросают они каждую минуту осветительные ракеты.

Фронтовое небо — это целая книга. Слышен рокот моторов, качаются на горизонте белые столбы прожекторов, медленно-медленно, нехотя ползет там к зениту череда разноцветных трассирующих пуль; постепенно вереница распадается и гаснет. Медлительным полет их кажется потому, что это далеко.

— Тс-с-с! Летит! — говорит Поборцев шопотом.

— Немецкий?

— Наш, не мешай. Бусел!..

Бусел — это по-белорусски аист.

Приподнялся Поборцев, слушает редкие вскрики, роняемые с высоты стаей аистов. Они летят в Беларусь.

Может быть, Поборцев думает о родной деревне. Он оставил семью у стариков. Пожалуй, проклятый немец сжег деревню. Очень уж в деревне хороший народ. Небось, партизанят. Прилетит прошлогодний аист — нет старого гнезда. Нет деревянной бороны на крыше, нет и самой крыши. Долго будет пара аистов с криком летать над пустырем. Со слезами будут слушать этот крик дети Поборцева, приютившиеся где-нибудь неподалеку на хуторке.

За бугром сидят немцы. Не слышат они полета чужих птиц. Не глядят на чужое небо. Шипя, взлетают над ними ослепительные ракеты.

Но наши ползут и ползут по снегу, под родным небом, ближе и ближе к вражеским окопам. И вот винтовочный выстрел. И тотчас — хлоп! хлоп! хлоп! И из нашего тыла летит, шелестя, стая мин. Ба-а! Ба-а! Ба-а!

Пулемет, автоматы. Зарево — что-то горит там, у немцев, в трехстах метрах от мокрого блиндажика.

— Так, хорошо! — приговаривает Поборцев.

Это не атака, это только демонстрация наступления. Чтобы каждую минуту помнил немец, что здесь, на чужой земле, его ждет смерть, только смерть.

— Так, хорошо!

Полусогнувшись, по склону бугра идет человек. Поровнявшись с блиндажиком, он говорит:

— Там один боец выбыл из строя. Было пять.

— А кто выбыл?

— Я.

— Какие люди! — говорит капитан любовно. — Думает не о ране, а о том, что выбыл один из пяти.

Близится утро. Приходят саперы, и Поборцев ползет с ними вперед, к дороге. Он сам хочет указать, где заложить мины.

Помнишь ли ты, притаившаяся во тьме Беларусь, о своих нежных сыновьях, о Поборцевых? О тех, кто ползет навстречу врагу, кто даже отдыхает с автоматом в изголовье?

К рассвету Поборцев возвращается. Он очень доволен. Ловушка поставлена. Уничтожать танки — вот самая трудная, но и самая святая задача десантников в обороне.

Имеются сведения, что немцы развивают наступление. Они вклинились в советский район. Бить их, не давая ни минуты отдыха! Охотиться за танками по примеру героев, которых немало уже породили сражения в тылу врага! Сейчас, когда немцы идут в наступление, каждый помнит происшедший недавно необычный поединок человека с танком. Перед глазами десантников подвиг комсомольца Карпова...

3. ПОЕДИНОК

Мыслимо ли это? В состоянии ли человеческий разум принять такое решение, а человеческие нервы выдержать напряжение такого поединка? Да, в состоянии. С двумя минами, прижатыми к бокам, Карпов выбежал из-за угла дома навстречу черному вражескому танку, который мчался по улице, вздымая снежную пыль. Человек и танк сошлись на короткой дистанции, так что уже не могли разминуться, тем более, что с обеих сторон были дома. Танк не успел бы даже выстрелить. Его оружие на такой дистанции — это гусеницы. Танк сделал рывок вперед: стальная громада спешила накрыть человека, которого водитель, разумеется, считал неудачливым беглецом. На самом же деле человек вышел на смертельный поединок.

Бойцы подразделения лейтенанта Шугая осматривают уничтоженный ими немецкий танк.

Поединок продолжался всего лишь несколько мгновений. Впрочем, нет — он начался давно, этот поединок.

Карпов знал, что в мире существуют силы, ставящие целью своей унизить и поработить свободные народы.

Когда фашистские самолеты клевали и терзали живое тело республиканской Испании, кулаки мальчика сжимались от гнева. Как и многие дети в деревнях Салтыковского района, под Пензой, да и по всей стране, Карпов тогда носил шапочку испанского республиканца. Несомненно, уже тогда внутренне он готовился к поединку с черным смертоносным смерчем фашизма, который гулял по далекой земле.

С тех пор представление Карпова о добре и зле стало более полным. Мускулы его окрепли. Он был трактористом, когда смерч войны вступил с запада на нашу землю. Не согнулись наши дубравы перед чужим ветром. И никому не заставить Волгу побежать вспять.

Карпов идет в райком комсомола, идет в райвоенкомат, и вот самолет несет его, добровольца-парашютиста, на запад, и он, скользнув по плоскости самолета, летит в белую снежную пропасть. Затем с бесстрашными своими товарищами он входит в села, изгоняя фашистов. Он видит столько человеческого горя, что если бы даже в груди его был камень, а не живое сердце, то и камень расплавился бы от гнева и ненависти. Немцы убивают детей за то, что те плачут по ночам,

матерей—за то, что они утешают детей. В одной деревне Карпов узнает историю чахоточного крестьянина. Чахоточный кашляет кровью, его не взяли в армию. Он остался около своих детей, смирившись с мыслью, что весной он все равно умрет. Он хотел, чтобы дети слышали последние его слова. Приходит один немецкий грабительский отряд. Отобрана корова, а без молока больной протянет меньше, чем рассчитывал. По ночам он бессильно рыдает один на печи, прячась от детей. Приходит второй отряд. Немцы не расквартированы в этом селе, они бывают здесь налетами. Приходит третий отряд. «Матка, молоко!» опять кричит немец. Молока нет. «Матка, никс хорошо». Немец стреляет из автомата в потолок. И затем грабители начинают выметать, выгребать все съестное, что находят в доме.

И вот чахоточный сполз с печки. Руки его и ноги дрожали не только от слабости.

— Уйдите, — сказал он. — Себя не пожалею, уйдите! Ох, зачем же я не ушел к партизанам! У меня дети. Не трожьте последнее, уйдите!— И чахоточный вырвал у немца мешок с картошкой.

Немцы оживились. Бунт? Рус — партизан? Они сорвали с чахоточного одежду, связали его, вынесли на улицу и, бросив на дорогу под окнами, стали обливать водой. Дети видели все это из избы. Их не выпускали. На их глазах тело больного их отца покрывалось ледяной коркой.

Не удалось отцу высказать предсмертный наказ. Но самые его мучения, самая смерть были страстным, незабываемым наказом, который может быть выражен одним словом: месть! Ни один человек, который узнает эту историю, не останется равнодушным к этому наказу.

Поход по растерзанным, сожженным деревням подготовил комсомольца Карпова к поединку.

К этому поединку вели Карпова самые лучшие его, самые благородные чувства и привязанности. Он хотел счастья своей семье и потому не знал страха в бою. Он хотел быть достойным своих товарищей, а десантники — народ безупречной храбрости.

Бывало в первые недели отдыхает Карпов после боя, лежа на снегу, и что-нибудь тихонько напевает. Остановится командир, спросит:

— Поешь?

— Пою.

— Это хорошо. Значит, крепкий духом.

Карпов был душевный парень, любимец подрывников. И на этот раз перед боем он говорил своему другу Тыщенко:

— Если останемся живы, будем друг другу родней братьев.

И это чувство дружбы тоже подтолкнуло Карпова в решительный момент: иди на подвиг.

Нет, поединок продолжался не мгновенья! Уже давно десантники вступили в схватку с врагом в его собственном логове, уже прошли не одно испытание.

Около 10 марта на участке, где действовал сапер-подрывник Карпов,

В глубоком вражеском тылу бесстрашно действовал отряд истребителей, где военкомом тов. Золотаревич. Сверху: комсомольский организатор группы истребителей И. Аксютин читает бойцам свежие газеты. Внизу: зам. политрука П. Рензяев возвращается с боевого задания.

Самые лучшие, самые отважные вступают в ряды ВКП(б). Бюро ВЛКСМ бронепоезда дает рекомендацию для вступления в партию большевиков командиру орудия, комсомольцу Г. Водопьянову. Справа налево: секретарь *бюро ВЛКСМ, зам. политрука И. Попов; член бюро, зам. политрука Н. Кравченко; сержанты П. Ковырялкин, Г. Водопьянов и комиссар бронепоезда В. Спирин.*

создалось особенно напряженное положение. Противник повел очередное наступление на уничтожение десанта.

В ночь на 13-е он вел методический артиллерийский и минометный огонь по деревне Н., огонь на изнурение. В 9 утра — шквальный артиллерийский налет. В 10, одновременно с нескольких направлений, пошла в наступление пехота противника: 400—450 человек со стороны деревни А., 100 — 150 — по дороге из Т. Около пятидесяти автоматчиков пробирались заброшенной дорогой в тыл нашему гарнизону.

У десантников крепкие нервы. Их было всего около сотни в обороне, но они не дрогнули, зная губительную силу огня своего оружия. В этой сотне был и Карпов. Заговорили пулеметы и автоматы десантников. Потеряв до семидесяти убитыми, немцы откатились на всех направлениях, но лишь для перегруппировки.

Около полудня немцы вновь пошли в наступление, на этот раз под прикрытием двух средних танков.

Десантники-саперы успели минировать дорогу в лесочке. Но они заложили мины там, где скользят полозья саней. А танк шел одной гусеницей посредине дороги, другой — по целине. Танки прошли. Правда, на минах подорвалась группа пехотинцев, но это не могло иметь решающего значения.

Уже в то время, когда танки преодолевали снежное поле перед деревней, два сапера, два товарища Карпова, ползком выдвинулись вперед и еще раз под огнем танков заложили свои самодельные мины, причем один — Тыщенко — был ранен.

Под ураганным пулеметным огнем немцы не могли разминировать дорогу или хотя бы произвести тщательную разведку. Один танк подорвался. Но другой уже входил на окраину села. Из-за угла дома открыл огонь расчет противотанкового ружья, но не достиг успеха. Танк прямым попаданием снаряда уничтожил расчет. Дом загорелся. Это был центр села. Отсюда основная группа десантников вела огонь по пехоте противника, вступившей в село вслед за танками. Танк шел в центр этой группы. Карпов ясно видел это из-за горящего дома.

У десантников особенно высоко развито чувство взаимосвязи, взаимовыручки. Ведь горстка храбрецов в тылу врага только до тех пор и представляет непобедимую силу, пока все они связаны общим планом, подчинены единой воле. Прорыв обороны у деревни Н. позволил бы немцам выйти в центр округа. И в данную минуту один танк решал судьбу многих и многих товарищей Карпова, быть может, судьбу всей сотни и еще других гарнизонов. И судьбу комсомольца Тыщенко вместе с другими.

Вот в такой обстановке человек вступил в поединок с танком. Ящички-мины стояли на снегу, только что вынесенные из горящего дома. Танк двигался к дому. Через минуту, когда он пройдет, расстреливая десантников из орудий и пулеметов, эти ящички уже станут ненужными. Но сейчас...

Карпов взял ящички подмышки. Танк должен был пройти в десятке метров от дома. В последний раз он взглянул на товарищей. Он

хотел что-то сказать, но вокруг гремел бой и танк приближался. Наклонившись вперед, как если бы навстречу дул ураган, Карпов бросился наперерез танку.

Раздался взрыв. Эхо этого взрыва разнеслось по всем блиндажам и окопам, призывая десантников к еще большему боевому бесстрашию. Это эхо слышит страна наша, народ, свято хранящий в сердце имена героев. Услышав этот взрыв, пусть содрогаются враги, видя свое бессилие покорить советские народы, видя близкий час отмщения. Эхо этого взрыва прокатится сквозь века. Притихнут наши правнуки, слушая былину про человека, про красноармейца, про комсомольца, который вступил в поединок с черным танком и, пожертвовав своей жизнью, победил танк и остановил наступающего врага.

4. ЗАСАДА

Сейчас центральные события развертываются на участке перед позициями Ануфриева.

На рассвете идем через поле в другой лес, к Ануфриеву.

Кажется, что стреляют со всех сторон, но встречающиеся десантники спокойны.

Десантники мастерски маскируют места расположения. На этот раз о близости шалашей можно узнать по раненому, которому молодой врач делает перевязку. Раненый сидит на срубленном дереве. Рукав телогрейки его разрезан, а рукав рубахи отрезан вовсе. Красная тряпка валяется тут же на дороге. Ранение разрывной пулей ниже локтя, кость повреждена.

Это сутуловатый здоровяк со смуглым лицом, которое от потери крови не побледнело, а как-то пожелтело. Здоровой рукой он берет горсти крупичатого снега. Комок сразу становится насквозь красным, потому что и здоровая рука в крови,— он поддерживал ею раненую руку. Он жадно ест красный снег и в то же время охотно и рассудительно, только с некоторой нервной поспешностью, отвечает на вопросы врача.

Его зовут Василий Легошин, он — комсомолец, наводчик противотанкового ружья.

— Много там немцев? — спрашивает врач.

— Много. Лезут и лезут.

— Потери им наносите?

— Кладем понемножку.

Легошин все время так говорит — не в прошедшем времени, а в настоящем: мыслями и сердцем он весь в бою. Пока он отвечает, врач, ловко орудуя пинцетом, очищает рану. Вот он срезал с рваной поверхности лоскут кожи. Приступив к перевязке, врач умолкает. Разговор о бое он вел с медико-педагогической целью. Нашего бойца ничто так не отвлекает от боли, как разговор о сражении.

Вот и землянка — командный пункт Ануфриева.

Здесь только что получили донесение оттуда, откуда доносится

сейчас отдаленный шум большого боя и откуда пришел Легошин. Это бьется наша засада в тылу врага, в нескольких километрах от своих позиций.

Здесь, у десантников, тоже ведь есть и свой тыл, — хотя весь район простреливается артиллерийским огнем, — есть и фронт, и тыл врага, воюющего с десантом, хотя в то же время весь десант находится в тылу врага, воюющего с нашей регулярной армией. Так вот, засада выслана в тыл врага, на дорогу, по которой ожидалось движение наступающего противника. За ночь отряд целиной преодолел лес, не будучи замечен противником, и оседлал дорогу, возведя по обеим ее сторонам укрепленные точки.

В засаде. Снайпер орденоносец Коновалов подкарауливает врага.

Ануфриев вызывает одного за другим нескольких командиров, отдает приказания.

Это немолодой уже, но размашисто-порывистый человек, сильный, решительный — настоящий русский офицер. Он — человек большой военной удачи, но удача эта не манна небесная, а дело его собственных рук, его воли, его ума. Даже вот и в землянке его как-то особенно уютно, тепло. Бойцы всегда во-время и хорошо, насколько это возможно в здешних условиях, накормлены. Лошади крепче, чем в других подразделениях.

Между тем там, на вражеской дороге, Петр Рева и его сорок бойцов после небольшого перерыва возобновляют бой.

Приходит новое донесение.

«Ануфриеву.

1. Противник до двух рот с двумя танками наступает из деревни В. Один танк нами подбит, убито много немцев. Дорогу удерживаю, несу потери.

2. Противник ведет по нашей позиции огонь из артиллерии и минометов.

3. Одной ротой обходит слева с целью уничтожить группу.

Буду держаться до последней капли крови.

Рева».

В обратный путь по лесной тропе связной уходит с запиской командира и комиссара:

«Р е в а.

Сражайтесь отлично. Бейте немцев всей силой оружия. Посылаю подкрепление. Ни шагу назад.

Ануфриев, Распопов».

Бой на дороге врага утихает лишь в сумерках.

5. ПО СЛЕДАМ ЗВЕРЯ

Десантники били врага по всей линии его наступления. И вот наконец фашисты стали отходить, отказавшись от своего плана расчленения и уничтожения десанта. Но десантники, разумеется, не отказались от своего плана — бить немца.

Продолжается бой на дорогах. Отряд Ануфриева идет в наступление на деревню, которую два дня назад заняли немцы.

Я направляюсь туда с политработником Цветовым. Когда мы выходим на опушку леса, деревня уже горит, подожженная немцами. Вслед за отходящим противником в нее входит наша разведка. Спешим и мы.

Вот немецкий блиндаж. Здесь стоял их пулемет. Стена забрызгана кровью.

Перед крайним горящим домом — труп замученного красноармейца. Два глубоких рубца пролегли через лицо, проломив нос; голова красноармейца была чем-то туго перетянута. Впоследствии удалось установить, что немцы затянули голову раненого бойца двойной проволочной петлей и волокли его по улице, привязав конец проволоки к танку.

Сжав зубы, бойцы проходят мимо замученного товарища.

Танки немцев только что скрылись в лесочке. Группа наших разведчиков уходит за танками.

Потрескивая, горят дома. Время от времени раздаются взрывы: немцы бросили часть своих боеприпасов, и теперь гранаты, патроны рвутся в огне. Тем не менее бойцы выносят из домов кое-что из имущества крестьян и бросают на дороге и в огородах. Если семья жива, если она прячется где-нибудь в лесу, то каждая спасенная вещь очень и очень пригодится.

Лишь два домика не охвачены огнем — они стоят в стороне, у леса: поджигатели не успели сбегать туда. Разведчики рассказывают, что в этих домах — расстрелянные немцами мирные жители. Они укрылись там от перестрелки. Когда немцы заняли село, то один их танк встал вот здесь, на улице, и стал стрелять из орудия в эти дома, в мирных жителей. Действительно, в серых крышах (дома покрыты дранкой) видны пробоины, местами пробиты и стены.

Вместе с одним из разведчиков иду к этим домам по тропинке. Тропинка кажется крепкой, но хорошо утоптанный снег раскис, проваливается под ногами.

Входим в дом. На полу — трупы женщин и детей, засыпанные щепками и щебнем. Трупы в открытом подполье: туда тоже угодил снаряд. Через оконную дыру дует ветер. В темном углу, за кадкой с отрубями, сидит ребенок в коротком пальтишке; лицо у него мертвенно-черное. Сначала кажется, что он застыл. Но нет, глаза поблескивают: живые. Ребенку, вероятно, третий годок.

Подхожу, опускаюсь на корточки:

— Деточка, как тебя зовут?

— Мама нетю, — отвечает ребенок слабым и безучастным голоском.

— Ты давно тут сидишь, детка?

— Мама нетю,— опять отвечает ребенок.

Теперь видно, что лицо его исцарапано мелкими осколками.

Даю ребенку кусок сухаря. Он сжимает его гибкими детскими пальчиками и хочет отправить в рот, но правая ручка не слушается. Рукав пиджачка порван, ручонка в крови: ранение.

Должно быть, ребенок не сознает боли—он полуживой. Не издает ни звука. Но вот он левой ручонкой берет сухарик из правой и несет ко рту.

В дом входят старик, молодая девушка, с ними четверо детей. Дети чужие, прибились в лесу.

Девушка подходит к раненому малышу и узнает его.

— Деда,— говорит она,— да ведь это Парфеновой сынок. А вот это Сладковы Толя и Витя — мертвенькие уже. И посмотреть ведь никого не пускали немцы — сиди в избе, и все. А потом угонять стали с собой. А мы уж спрятались в лесу. «Пусть,— говорим,— лучше сразу убьют». Господи, а вот она и сама, Парфениха!

Лежит на спине мертвая женщина, окровавленное лицо прикрыто платком. Это мать раненого ребенка.

Только теперь открывается во всей полноте трагедия этого дома. Раненый ребенок почти трое суток сидел среди мертвецов. На его глазах умерла мать, которая, конечно, уже во время обстрела спрятала дитя свое за кадку и тем спасла от смерти. А сама умерла на глазах ребенка, прикрывая свое окровавленное лицо, чтобы он не видел. Но он за эти трое суток все-таки понял: «Мама нетю». Больше он ничего не знает еще.

Но он вырастет, и тогда ему расскажут все.

Девушка берет ребенка на руки.

Выходим на улицу. Темно в глазах. Кажется, что день померк, хотя солнце все так же светит в лазоревом небе.

В этот же день отряд Ануфриева занимает еще одно село, а на другой день еще одно, которое немец крепко держал до своего наступления, а теперь вот сжег и оставил.

Теснят немца и на других участках.

Поборцев занимает деревню, откуда несколько дней назад вышел немецкий обоз.

На рассвете иду к Поборцеву. В лесу встречаю бойца, с которым уже разговаривал раньше.

— Как Поборцев?

— А вы не знаете? Умер сегодня на рассвете.

У бойца утомленное лицо. Он еще не умывался сегодня. Две розовые извилистые полоски идут через щеки: это бежали слезинки.

Ночью Поборцев атаковал еще одно село. Во время атаки он был смертельно ранен разрывной пулей в живот. Его повезли в тыл на санях.

— Положите меня к костру, — попросил Поборцев.— Положите меня на бок к костру.

Он очень любил костры.

Его, конечно, не сняли с саней и даже не повернули на бок, потому что раненным в живот полагается лежать на спине.

Он умер дорогой.

Вот шалашик, где был командный пункт Поборцева. Вот бугор, через который он пополз тогда с саперами. На дороге за бугром чернеют развалины немецкого танка. При отступлении танк пошел по этой дороге и наскочил на мину Поборцева.

На позициях, которые недавно были заняты врагом, теперь минометчики из подразделения Поборцева.

6. ЧЕЛОВЕК ИДЕТ В АТАКУ

Итак, провалилась еще одна попытка немцев сбросить десант со своей спины. Почему? Неужели немецкая армия не в состоянии собрать силы, достаточные для подавления парашютных и партизанских частей в своем тылу? Да, не в состоянии. Не в состоянии потому, что десантники умело организуют оборону, разрушая и преграждая дороги, владея лесами. Лес — это зеленая броня десантников и партизан. И еще потому бессильны немцы, что обстановка не позволяет им бросить против советских районов главные резервы, а районов таких в их тылу множество, и районы эти помогают друг другу, не позволяя немцам снимать гарнизоны в одном месте для наступления в другом.

Вот и на этот раз, отбросив наступающего противника, основательно раскровянив ему рыло, десантники уже в следующий день по приказу командования выступают в дальний поход.

В лес уходит разведка. У разведчиков — лопаты и топоры за поясом, компасы на руке. Разведчики должны проложить путь в глубину вражеского расположения. Вечером — донесение: идем по пояс в снегу, достигли такого-то пункта.

За разведкой втягиваются в лес подразделения. Уже и в лесах снег теперь с каждым днем тает. Сплошной черной сеткой лежат на нем древесные ветки, кусочки коры, желтые дубовые листья. В глубине

снег зернист и сыпуч, как песок; он теперь лишен вязкости, и нога тонет до земли, до воды.

Битая тропа идет то просекой, а то и прямо так, чащобой. Люди несут личное оружие, пулеметы, минометы, боеприпасы. Людьми доставляется к колонне и пища. Связисты тянут телефонный провод.

Когда тропа уже широко протоптана, направляется в лес санный обоз, причем через чащобы дорога прокладывается топором. Однако полозья то и дело захватывают оттаивающий материк; обессилевшие лошади встают или падают в оврагах, уже наполнившихся водой. Ездовые бросают сани и везут грузы вьюками, а когда лошадь все-таки выбивается из сил, берут груз на свои плечи.

Но идут и идут десантники битой лесной тропой, идут, запустив вперед щупальцы разведки, выставляя скрытые засады с обеих сторон перед вражескими гарнизонами. А эти гарнизоны есть и слева и справа.

Сжует боец на ходу сухарь, запьет талой водицей и идет и идет по сыпучему снегу, по воде. Во время привала выжмет портянки — и дальше.

Но вот объявлен ночной отдых. Где-нибудь под навесом разлапой ели разгребается снег для костра, и бойцы садятся вокруг огонька, греют мокрые ноги, сушат сапоги и портянки, дремлют, склонившись друг к другу на плечо.

Кое-кто читает письма. Пятнадцать писем подряд: их привез с Большой земли самолет. Потом берет карандаш и пишет матери, пишет своей любимой. О чем? Воюем, бьем ненавистного немца; наши дети не будут невольниками этого гада. Ни слова о том, как трудно итти битой тропой через лес, на опушках которого сидят немцы. Таков уж русский человек. Может быть, и расскажет он все о пережитом, но только после войны. Впрочем, ведь там, на Большой земле, всё знают. И что же? Вот улыбнулся счастливец, получивший пачку писем. Любимая жалеет, что ее не взяли в десантный отряд. И все у костра растроганно улыбнулись, как будто каждому легла на плечо теплая, ободряющая рука.

Проходит ночь. Команда. Десантники поднимаются и идут дальше битой тропой по лесу.

Но вот разведчики видят просвет меж деревьями. Это населенный пункт, занятый врагом. Камень, под которым укрылись змеи, приползшие с чужбины. Разведчики — на опушке. Фрицы безмятежно гуляют по улице. Разведчик умеет ценить время, но он умеет также терпеливо выслеживать врага.

Час, другой, третий сидят разведчики на опушке. Теперь, наконец, они взяли на учет всех часовых вражеского гарнизона. И они вброд через речушку, по огородам входят в населенный пункт, входят в дом и спрашивают у изумленной, остолбеневшей от радости русской женщины о вражеском гарнизоне.

И затем возвращаются в подразделение. Теперь они дорожат каждой минутой. И каждой минутой дорожит командир Ануфриев, которому разведчики докладывают об обстановке.

Итак, немцы не подозревают о том, что над ними занесена железная рука. Ануфриев решает атаковать врага с ходу.

Подразделения развертываются в лесу. Онуфриев сам ведет десантников в атаку.

...Комиссар Щербина быстро пробирается через лес. Он идет напролом, не успевая раздвигать руками ветки кустарников на опушке. Стараюсь и я не отставать. Вот болото. Ноги вязнут, вода набирается за голенища сапог. Впереди уличный бой. Перебегая от дома к дому, входим на окраину села.

Немцы еще держатся в центре. На водонапорной башне — их пулемет; все прогалы между домами простреливаются.

Атакующие обтекают улицу с обеих сторон.

Тяжело ранен, упал и не может подняться боец, выдвинувшийся с ручным пулеметом на проталину за угол дома. Проталина простреливается с башни и из домов в центре села. А бойца надо вынести. И ручной пулемет нужен в бою. И вот, пригнувшись, во весь дух бежит через проталину боец. Подхватив пулемет, он благополучно скрывается в сарае и открывает огонь по башне.

Инициатива его понята. Прячась за плетеными заборами, из-за сараев десантники открывают ружейный огонь по дому, где засели немцы. Огонь противника редеет. Группы, обтекающие село с флангов, быстрей устремляются вперед. То в одном месте, то в другом слышится извечное русское могучее «ура». Немцы выскакивают на улицу и падают мертвые. Но иные немецкие огневые точки вновь оживают. Опять меж домами летят-ноют пули.

Уже захвачен хозяйственный двор немецкого гарнизона. Освобождены пленные красноармейцы. Изможденные люди сбрасывают свое отрепье, надевают полушубки, оставленные немцами в одном доме, и бегут на хозяйственный двор. Зная, где стоят у немцев телеги и сани, где сложена сбруя, они быстро запрягают лошадей и под обстрелом увозят в лес раненых десантников. С радостью покрикивают они на лошадей. Не замечая воды и грязи, бредут рядом с телегами. Потом они скачут назад и нагружают телеги продовольствием из немецкого склада. Они хотят приготовить своим освободителям добрый трофейный ужин.

А уличный бой продолжается. Умолкла наконец водонапорная башня. Один за другим затихают занятые немцами дома. Крики «ура» время от времени раздаются уже только на дальней окраине. Потом то, что осталось от немецкого гарнизона, катится в лес. В сумеречном воздухе видны летящие оттуда трассирующие пули. Но потом и в лесу настигает немца русское «ура».

Гарнизон разгромлен.

Десантники идут по домам, вытаскивают из-под нар наиболее трусливых фрицев. Жители указывают, где надо искать. Десантник входит, направляет под нары луч своего фонарика и сразу видит подошвы немецкого сапога с белыми металлическими шипами.

Десантник торжественно восклицает:

Группа сержанта Скоробогатова пробирается через лес.

— Эй, фриц, гоняешь мокриц? Навоевался, вылезай.

Ночью в шалаше командиры подводят итоги атаки.

Ануфриев говорит:

— Торжествовать мы будем после, когда вернемся к назначенному месту, благополучно завершив операцию. Завтра нам придется выдержать большой бой.

7. НА РОГАТИНУ!

Ожидания Ануфриева оправдались. С утра началась немецкая контратака. Прежде всего налетели самолеты. Посыпались бомбы на склады, которые все равно надо было уничтожать. С различных направлений открыла огонь артиллерия.

Все это входит в расчеты десанта: привлекать на себя силы противника, облегчая операции наших армий с фронта. Но, однако, положение создалось трудное. Немцы били осколочными снарядами по передовым позициям десантников и шрапнелью по лесу над дорогами. Случайно на одной из точек обстрела оказался командный пункт Курышева. Снаряды разрывались в воздухе так часто, что не успевало растаять одно черное облачко, как уже распускалось другое. Шрапнель срубала ветки. Людям пришлось прятаться за деревья. Сдержанный,

уравновешенный командир Курышев перенес КП в более безопасное место и продолжал руководить своим отрядом.

Теперь пошла в атаку пехота противника. Наступил тот критический момент боя, в который обычно десантники показывают свое превосходство над врагом. И на этот раз огнем пулеметов и автоматов они прижали противника к земле. Немцы наступали в двух направлениях. Они попытались обойти фланги, но всюду их встречал губительный огонь.

Часа в три пополудни прибежал запыхавшийся разведчик. Колонна в триста немцев со стороны К. в глубине леса выходила в тыл десанту.

Узнав об обходном движении немецкой колонны, командование решило усилить засаду, которая давно уже оседлала заброшенную дорогу.

В засаде были двадцать три человека. Они провели сутки в снежных окопах. Было солнечно, некоторые дремали, сидя или лежа на поваленных деревьях. По команде все заняли замаскированные места. Приближалась вражеская разведка. Пели жаворонки, было тепло; немцы шли, сняв пилотки и полурасстегнув шинели. Их уже сосчитали — тринадцать человек — и потом уничтожили одним коротким огневым ударом. Особенно успешно действовал пулеметный расчет Катюхина.

Немецкая колонна поспешила к месту боя и тоже попала под губительный огонь. Колонна все же развернулась и пошла в наступление на горстку десантников. Тут десантникам помогли преимущества избранного рубежа. Впереди был овраг, полный воды. Левый фланг немецкой цепи не сумел преодолеть под огнем водную преграду и залег в снег. Видя это, и на правом фланге немцы остановились. Тем временем засада, получив подкрепление, усилила огонь. Немцы заняли оборону. Так прошел день.

Ночью десантники, оставив на месте боя лишь небольшой заслон, вышли из этого района и под утро расположились на отдых на полпути к советскому району. Здесь было получено много хороших новостей.

Бойцы узнали, что на имя командира Казанкина и комиссара Оленина пришла телеграмма с Большой земли от генерала армии Жукова. Командующий Западным фронтом писал:

«Сегодня опубликован приказ Президиума Верховного Совета, которым Вы награждены орденом Красного Знамени. Горячо поздравляем Вас с высокой правительственной наградой и желаем новых боевых успехов в героических делах десантников».

Орденами были также награждены многие десантники в отрядах. Другие с полным основанием надеялись получить награды за только что законченную операцию, во время которой было убито четыреста немцев.

Уже подводились итоги двухдневных боев.

Одно только тревожило десантников — судьба заслона. Но вскоре и эта тревога рассеялась.

На командный пункт явился боец Парфенов и доложил:

— Привел одного фрица и одну черную кобылу.

После боя. Вручение орденов. Комсомолец радист Кушнарев получает орден Красной Звезды.

Оказывается, немцы просидели в обороне до утра. Когда они снова двинулись в наступление, перед ними был безлюдный лес. Застава укрылась, так как ее действия были уже не нужны. Немцы расположились в лесу. Так как все припасы в населенном пункте были уничтожены, то ефрейтор был направлен в дальнюю экспедицию за горячим обедом для обер-лейтенанта. Однако обер-лейтенанту пришлось пообедать всухомятку, так как ефрейтора вместе с горячими кушаньями захватили в плен бойцы засады. Его имя — Вилли Юнгеблуд, он из 1-го батальона 14-го полка. Это потрепанный фриц; он провел в России зиму и теперь считал прожитые дни, ожидая смерти. У него унылый вид и рваное обмундирование.

Десантники, участники похода, возвращаются в свой район.

Тяжело раненного товарища бойцы, уложив на самодельные носилки, несут на плечах. Они идут день и ночь, по колено в снегу, иногда проваливаются по пояс, иногда падают в воду, но не роняют носилок. Двенадцать человек, по четыре в смену, несут одного раненого. Наконец, они добираются до деревни, входят ночью в незапертый дом. Жители не закрывают дверей, чтобы усталый, промокший или раненый боец мог войти, выбрать себе место в избе и отдохнуть.

Приходит врач. Бойцы возвращаются в часть. Утром боец скажет:

— Пи-ить...

И хозяйка подаст ему воды. Потом она предложит молока, если только у нее сохранилась корова. Может быть, раненый так и останется лежать в этом доме. Тогда ребятишки будут по утрам следить за курицей, и как только она снесется, схватят яйцо и с радостным визгом побегут к матери:

— Мама, вари для парашютиста!

Здоровые готовятся к новым победным схваткам.

Снова далеко отогнан немец, не долетают до деревни его снаряды.

Бойцы говорят:

— Мы гоняли немца зимой, не давали ему покою. И еще как погоним летом! А когда он, разъяренный, кинется в атаки, мы будем подставлять рогатину крепкой обороны, как наши деды подставляли рогатину, когда шел на них раненый разъяренный медведь.

...Лечу на восток. Снизу медленно ползут к самолету разноцветные искры трассирующих пуль. Но вот линия фронта позади. Летчик с деловитой решительностью ведет самолет на посадку. Быстро вырисовываются во тьме очертания лесов. Вот они уже курчавятся, вот уже поляна летит снизу под колеса самолета.

Теперь еще виднее, сколь огромен подвиг людей, ежедневно борющихся в тылу врага. Хочется сказать первому же человеку, которого встретишь на Большой земле: помни всю жизнь о наших славных парашютистах, которые громят врага в его логове. Их подвиги — бессмертны.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. И. КАЛИНИН 7

Н. МИХАЙЛОВ. Лиза Чайкина 11

И. КУЗИН. Записки партизана 27

ЕЛЕНА КОНОНЕНКО. Талалихин 47

И. ПОПОВ. Летопись подвига 66

Л. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ. Моя Зоя 78

П. ЛИДОВ. Таня 93

БЕРДЫ КЕРБАБАЕВ. Сын туркменского народа. 99

С. КРУШИНСКИЙ. Курсанты 107

Н. БОГДАНОВ. Тимур Фрунзе 121

А. ШМАНКЕВИЧ. Штурм Белого Раста 125

В. ИВАНОВ. Молодежь непобедимого Ленинграда 133

В. САЯНОВ. Лейтенант Петр Харитонов . . . 170

ЕВГ. ФЕДОРОВ. Пчелинцев 175

К. ФИЛАТОВА. Чижик 179

М. ЗИМЯНИН. За родную Белоруссию 183

В. СТАВСКИЙ. Пламенный боец 211

В. СТАВСКИЙ. Командир танка 214

АРК. ГАЙДАР. Мост 222

В. КОЖЕВНИКОВ. Лука Муравицкий 227

В. КОЖЕВНИКОВ. Заведующий переправой . . . 231

В. КОЖЕВНИКОВ. Танкист Виктор Григорьев . 253

Стр.

М. ЛАРИОНОВ. Молодые защитники Тулы . . . 236

Н. ЧЕКАЛИНА. Мой сын 260

Ю. НЕЙМАН. Калининцы 269

Н. БОГДАНОВ. Лейтенант Александр Носов . . 288

А. ПИСЬМЕННЫЙ. Во имя жизни 292

Л. ЛОМАЗОВ. Облик героя 304

В. ОРЛОВ. Один против ста 309

А. ПЕТРОВ. Сын моря 316

В. РУДНЫЙ. В секретном окопе 324

В. РУДНЫЙ. Балтийский орленок 335

А. ХАМАДАН. Судьба Нины Окиловой 343

С. КРУШИНСКИЙ. В лагере бесстрашных . . . 350

Гарбенчарка

Редактор В. А. САФОНОВ.

Литературная редакция В. САФОНОВА и Н. АТАРОВА.

Рисунки Г. БАЛАШОВА и С. РАСТОРГУЕВА.

Форзац Н. БОРИСОВОЙ.

23,5 печ. листа. 27,8 уч.- изд. л. 49900 знаков в печ. л. Л75144. Подписано в печать 17/VII 1942 г. Зак. 669.
Тираж 25—50 000.
Цена 15 руб.

Набрано и отпечатано фабрикой юношеской книги издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Вклейки на меццо-тинто изготовлены и отпечатаны типографией «Искра революции».

1-50